

Райнхард Зидер

**СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЕМЬИ
в Западной и Центральной Европе
(конец XVIII — XX вв.)**

248214

НАЦІОНАЛЬНА
ПАРЛАМЕНТСЬКА
БІБЛІОТЕКА
УКРАЇНИ

Москва
«Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС»
1997

УДК 301.185.1

ББК 60.55

З-59

Перевод книги осуществлён при финансовой поддержке ЕС в рамках программы TEMPUS (TACIS) JEP-T-853594 — “История” (Universität Bielefeld, University of Exeter, Frederiksberg Seminarium, Ярославский государственный педагогический университет)

Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII — XX вв.) / Пер. с нем. Л.А. Овчинцевой; науч. ред. М.Ю. Брандт. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. — 302 с.

ISBN 5-691-00016-0

В центре книги — ключевые проблемы социальной истории семьи Западной и Центральной Европы двух последних столетий. С равной основательностью и глубиной исследованы важнейшие тенденции исторического развития семьи (отделение в пространстве и времени семейной жизни и производственного труда, крушение патриархальной традиции “всего дома” и расширение автономии семьи, занявшей место в частной сфере общественного бытия, эволюция системы отношений семьи и общества) и представляющие бесспорный интерес аспекты семейной жизни (выбор супруга, брачное поведение, воспитание детей, отношение к старости, сексуальность до брака и в браке). Дана типология исторических видов семьи. Специально исследован вопрос о перспективах развития семьи в условиях “постиндустриального” общества. Райнхард Зидер, известный специалист по истории семьи, сотрудник Института экономической и социальной истории в Вене, с яркостью и глубиной представляет итоги многолетней работы в области “исторического исследования семьи” — одной из отраслей социальной истории.

Рекомендуется историкам, социологам, демографам, культурологам, этнографам, студентам и преподавателям, а также всем, кто интересуется историей семьи и проблемами социальной истории в целом.

03Q20220000-2

З ----- Без объявл.

ББК 60.55

14 К (03) — 97

Reinhard Sieder. SOZIALGESCHICHTE DER FAMILIE

© Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main, 1996

© «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 1997

ISBN 5-691-00016-0

СЕМЬЯ: “МАЛЕНЬКОЕ ЗЕРКАЛО БОЛЬШОГО ОБЩЕСТВА”

Читателю, открывающему эту книгу, предстоит трудное, но, бесспорно, полезное, интересное, иногда и захватывающее (при том, что автор далёк от намерений “облегчить” восприятие исследуемых проблем и принципиально осторожен в отношении всего, что может показаться легковесным, необдуманым, интригующим) чтение. Интересна сама проблема, исследуемая Райнхардом Зидером всесторонне, взвешенно, многоаспектно. Интересна методика анализа материала. Интересен, наконец, воплощённый в книге подход к проблеме, определяемый уже сложившимися традициями “исторического исследования семьи”.

Начнём с последнего. Давно уже было отмечено, что “именно историческая демография помогла истории стать подлинно социальной”, “подвела нас к сути истории”¹. В этом смысле история семьи, брака, семейных и родственных отношений, детства и старости оказалась существеннейшим аспектом историко-демографических исследований и социальной истории в целом отнюдь не случайно. С одной стороны, она позволяет приблизиться к пониманию объективных, малоподвижных, чуждых стремительным изменениям, базисным структурам человеческого и общественного бытия. Она даёт возможность увидеть преемственность и постоянство там, где политические перевороты и общественные сдвиги, казалось бы, не оставили места непрерывности и взорвали все ведущие в прошлое мосты. Всегда сопровождающее времена особых тягот и катаклизмов (войн, экономических кризисов, послевоенной борьбы за существование) возрождение давно ушедших из реальности настоящего семейных структур и типов отношений, подмеченное Райнхардом Зидером, в этом смысле представляется чрезвычайно важным.

Но социальная история семьи — в том её понимании, которое отстаивает автор книги, — не может ограничиться статикой структур. Динамика изменений и сдвигов, происходящих постепенно и исподволь, живое многообразие действительных форм отношений, свойственных одному и тому же типу семьи, взаимодействие социокультурных стереотипов, семейных идеологий, образов социальной жизни важны не менее, если не более.

¹ Высказывания Пьера Губера и Пьера Шоню цит. по известному специалисту сборнику: Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной историографии. М., 1985. С. 22.

Райнхард Зидер считает вполне уместным ставить вопрос о взаимосвязи фашизма 30-х годов XX в. и тех перемен, которые произошли в семейном сознании послевоенной Европы, пережившей череду драм и потрясений, начиная с войны и революций и кончая трагедией мирового экономического кризиса конца 20-х — начала 30-х годов.

Здесь уже не обойтись исследованием объективных социально-экономических структур (им автор придаёт первостепенное значение в генезисе определённых типов семьи и их дальнейшей эволюции)¹; нужен “прорыв” к субъективным намерениям, чувствам, расчётам, к “дискурсу”, способу восприятия и переработки импульсов, исходящих от объективных структур. Сами структуры подчас могут оставаться неизменными (фашизм, по мнению автора, не породил нового типа семьи, он причудливым, “циничным и человеконенавистническим” образом, даже не сняв очевидных противоречий, “породил” семейную идеологию “всего дома” с буржуазной мечтой о достатке и с присущей рабочей семейной модели вовлечённости женщины в труд на производстве).

По этим же причинам столь интересен содержащийся в книге анализ становления “буржуазной модели семьи”. Исторически значимый процесс отделения семейной жизни и домохозяйства от приносящего доходы труда, определяя генезис этого семейного типа, субъективно отразился в своих порождениях — “бидермейерском” способе восприятия мира, идеологии врождённых различий мужских и женских характеров, в жёстко закреплённой системе разделения сфер общественной жизни на те, что предназначены мужчине-“добытчику”, и те, которые должна исполнять мать, жена, домохозяйка, в эмоционализации отношений родителей и детей, в изоляции последних от влияния “улицы” и пр.

Свойственное социальной истории стремление, выражаясь словами Ю.Л. Бессмертного, за структурами видеть “исполненное внутреннею драматизма борение интенций живых людей”² в книге Р. Зидера реализовано и интересно, и достойно. Ему удалось показать историческую эволюцию социального облика семьи на протяжении двух столетий как процесс взаимодействия объективно данных (для семьи) социальных структур, производства, общества, разделённого на классы, слои, группы, иные общности людей, и всего того, что происходило в самой семье и субъективно (для общества) предопределяло вид, форму, способы, результаты, которые потенциально должны состояться. Действенность этого обратного воздействия могла оказываться чрезвычайно высокой. Семейная модель “всего дома” с его нерасторжимой

¹ Критику односторонности подхода к анализу историко-демографических проблем с позиций признания познавательного значения лишь “объективных” социально-экономических процессов и структур см.: *Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции.* С., 1991. С. 9–10.

² См.: *Бессмертный Ю.Л. Указ. соч.* С. 222.

целостностью производства, дома и семьи, парадоксальным образом преображённая сознанием её исследователей и бытописателей, превратилась в миф, вполне пригодившийся национал-социалистам в Германии. Идею “немецкого народного единства” Р. Зидер связывает с этим мифом. С другой стороны, начавшийся с рождением “буржуазной модели семьи” процесс перехода семейной жизни в сферу частного бытия общества, изолированную от непосредственного выполнения потребных обществу функций, к 60–70-м годам нашего века привёл к превращению семьи в одну из важнейших структур сформировавшегося “постиндустриального” общества с его развитыми ценностями потребления.

Р. Зидер изучает социальную историю семьи в традициях “социальной истории”. Исследовательская методология, воплощённая в книге, характеризуется многими её чертами.

Во-первых, она принципиально привержена полидисциплинарному подходу к анализу проблемы. Методы и достижения экономической истории (в узком смысле этого термина), этнографии, культурологии, социальной психологии, демографии, медицины, права, социологии, антропологии, географии использованы в книге в том неразрывном единстве, которое с начальных моментов развития “новой исторической науки”, социальной истории стало её “визитной карточкой” и абсолютным требованием. Как призывал полвека назад Л. Февр: “Историки, будьте географами! Будьте правоведами, социологами, психологами...”¹

Во-вторых, исследование Р. Зидера в самом точном смысле этого слова системно. Оно исходит из представления о семье как “о социальном микрокосме, в котором живут и работают люди, социализированные данным обществом и сами социализирующие приходящие на смену поколения”. Семья сама по себе предстаёт в качестве достаточно сложной системы, результирующей воздействия макросистемы общества и функционально реализующей задачи по репродукции рабочей силы, общественных структур, формированию стереотипов поведения полов, норм отношений родителей и детей, взрослых и стариков, регулированию сексуального поведения в добрачный и брачный периоды. “Несущими конструкциями” семейного микрокосма, бесспорно, являются сферы воспроизводства и социализации: Р. Зидер анализирует их эволюцию с особым вниманием и основательностью.

В-третьих, эта книга претендует — и не без оснований — на целостность восприятия исследуемого в ней феномена. Автор не просто стремится представить каждый исторический тип семьи во взаимосвязи различных его аспектов: экономического базиса, состава домохозяйства, репродуктивного поведения, полового разделения функций, позиции отца и матери, отношения к детям, судьбы, уготованной старикам, и т.п. Целостность исследовательского подхода заключается в

¹ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 37.

сознательном и жёстко соблюдаемом расстоянии между субъектом познания и предметом исследования, в “той рефлексии, которая позволяет сохранить критическую дистанцию”¹, утрата которой для социальной истории чревата катастрофой.

После прочтения книги Р. Зидера складывается впечатление, что некоторые часто бросаемые “новой исторической науке” и “историческому исследованию семьи” упрёки указывают на пусть и тяжёлые, но всё-таки не смертельные для них болезни. Во всяком случае, взгляд на социальную историю семьи сквозь призму структур не помешал ему увидеть многообразие семейных форм, даже если они могут быть типологически объединены в пределах одной структурной категории. Он не только не пренебрегает “эмпирикой” и “событийностью”, но считает их важнейшими средствами, позволяющими избежать “первородного (для социальной истории) греха” статичности исследования. Автор, наконец, признаёт обоснованность критики социальной истории как аполитичной. Очерк истории семьи во времена господства национал-социализма в Германии показывает, что методология социальной истории позволяет исследовать эволюцию социальных явлений, которые не отражают структурных сдвигов, надломов или перемен.

Семья и впрямь оказывается “маленьким зеркалом большого общества”. Она отражает его преломлённо и порой искажённо, своеобразно, но сохраняя хорошо узнаваемые черты. Оно “смотрится” в это зеркало, пытаясь разобраться в самом себе. Последняя глава книги Р. Зидера о современной европейской семье показывает, сколь непросто обществу увидеть в зеркале семьи собственное отражение и сколь это ему необходимо.

М.Ю. Брандт

¹ См.: Барг М.А. Книга, ставшая классикой // Земон Дэвис Н. Возвращение Мартена Герра.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пятнадцать лет, прошедших после возобновления интенсивных исследований истории семьи в странах Западной и Центральной Европы, позволяют предпринять обзор результатов, представленных в часто труднодоступной специальной литературе, — обзор, содержащий не только изложение фактов, но и их исторический синтез. Даже если попытка такого синтеза не может достичь ни оригинальности в деталях, ни “глубины резкости” монографического исследования, она должна привести к новому пониманию истории семьи или по крайней мере дать общий взгляд на главные тенденции её развития.

Начальным моментом исследования выбран конец XVIII в. Многие указывает на то, что в этот период в истории Западной и Центральной Европы произошёл решающий поворот. Начала разрушаться корпоративность “старого ремесла”. Распространение домашней промышленности в деревне привело к возникновению семьи, переходной от мелкокрестьянской к пролетарской. Развитие торговли, денежного обращения, промышленности в городах, а также численный рост прежде всего академической интеллигенции способствовали формированию “буржуазной семьи”. Это определяет структуру книги. Историческое развитие способов производства сказывалось на специфике семейной жизни общественных классов. Последовательно описываются крестьянская семья, семья сельского рабочего-надомника, затем семьи представителей “старого ремесла”, буржуазии; краткий обзор истории становления семьи городского пролетария завершается анализом тенденций развития семьи наёмного работника вплоть до настоящего времени.

Нынешнее состояние исследований не позволяет в равной мере обстоятельно представить все названные формы семьи. В центре внимания предшествующих исследований находились семьи крестьянские, protoиндустриальные и промышленного пролетариата, тогда как детальных исследований “буржуазной семьи” нет. Неравномерность изложения обусловлена и тем, что предшествующие исторические работы сконцентрированы на изучении XVIII и XIX вв. Поэтому период после Первой мировой войны может быть представлен лишь сравнительно кратко. Из множества вопросов, возникающих в связи с исследованием истории семьи, центральными должны стать следующие. Как в принципе связаны экономика и семья? Как происходил переход от доиндустриальной к индустриальной

семье? Какие механизмы регуляции и контроля заменили существовавшие в рамках организованного внутри дома производства, когда “производительный” труд “перекочёвывает” в отделённые от семьи мастерские, фабрики, конторы и канцелярии? Освободилась ли тем самым семья, как часто утверждают, от экономического принуждения, что было метко названо “функциональным освобождением”, переходом её в исключительно “частную”, личную сферу? Не было ли скорее так, что разделение в пространстве и времени приносящего доход труда и семейной жизни заставило пережившую этот переход семью создать условия для обобществления труда? Какую роль при этом играли возникновение государства, государственного и коммунального “попечения о семье”, педагогика и правосудие? Как, наконец, реагировала современная семья XX в. на экономические кризисы и катастрофы обеих мировых войн? Как происходило формирование “гражданской личности” в связи с давлением семьи? Как преобразилась патриархальность “всего дома” (“ganze Haus”), когда его экономическая основа исчезла, а члены семьи, приносящие доход, превратились в работающих вне дома получателей заработной платы?

Ответ на эти и подобные им вопросы требует как можно более детализированного фактического знания. Попытка с максимальной полнотой учесть региональные особенности могла бы позволить сосредоточиться на существенных связях. Поэтому необходимо предварительное систематическое ознакомление с имеющимися региональными и локальными исследованиями. Соответственно выбраны примеры, делавшие основные связи особенно отчётливыми. При проведении типизации следовало избегать чуждой истории статистики — ошибки, которую легко допустить. Процессы изменений должны исследоваться с тем же вниманием, что и синхронность различий между социальными классами и слоями и между культурными пространствами Западной и Центральной Европы. Семья не должна рассматриваться вне своего социально-политического и экономического контекста. Это делает необходимыми сжатые экскурсии в историю форм производства. Семья понимается не как “мир в себе”, а как социальный микрокосм, в котором отражаются общественные отношения, живут и работают люди, социализированные данным обществом и сами социализирующие приходящие на смену поколения. История семьи становится поэтому темой, которая даёт читателю представление об основных процессах развития общества.

Как уже было сказано, будет представлен лишь обзор: историки, демографы, социологи, этнологи, антропологи проделали кропотливую исследовательскую работу. Я попытался учесть это обстоятельство в примечаниях. И всё-таки здесь невозможно дать исчерпывающий список специальной литературы. Я не ссылаюсь на не-

которых авторов, так как использовал их материалы в незначительной степени, поэтому прошу не судить меня слишком строго.

Отдельные главы прочли и высказали критические замечания Петер Фельдбауер, Йозеф Эмер, Христиан Гербель, Алекс Майстрик и Вольфганг Тишлер. Михаэль Миттерауер дал критические комментарии по всей рукописи. Флориан и Маркус Фройнд помогли мне в техническом оформлении рукописи. Всех их я хотел бы сердечно поблагодарить.

Райнхард Зидер

Вена, июнь 1986 г.

I. КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ

Крестьянская семья давно уже стала объектом изучения, которому отдают предпочтение различные науки, особенно основывающаяся преимущественно на материалах исследования деревни фольклористика, аграрная социология и аграрная история, а также бóльшая часть начавшихся в 60-х гг. исследований по социальной истории эволюции семьи. К крестьянской семье чаще, пожалуй, чем к какому-либо другому типу семьи, обращается ретроспективная критика общества. Распространённые представления о “крестьянской семье” не лишены романтики и идеализации. Начиная с “индустриального шока” XIX в., к крестьянской семье постоянно обращаются в дискуссиях о цивилизации. Очевидно, она привлекает авторов с различными идеологическими пристрастиями своей особой “цельностью”: ведь на протяжении своей долгой истории она объединяла работу и праздник, хозяйственную и культурную жизнь. Она предстаёт, таким образом, обозримым микрокосмом, который не в последнюю очередь вследствие этого может привлекать стремления современных специализированных отчуждённых трудящихся к целостному образу работы и жизни. Разумеется, возникшее вокруг крестьянской семьи в последнее столетие множество стереотипов и клише имело не всегда безобидные последствия. Привычный тезис о сельской крестьянской жизни, якобы не знавшей, как утверждалось, классовых конфликтов, служило национал-социалистам уменьшенной моделью “немецкой народной общности”. Вследствие отсутствия историко-социологических знаний о реальностях крестьянской и сельской жизни стереотипное представление о сельском обществе превосходно подходило для того, чтобы с помощью “германских” мифов и “крестьянского” фольклора последнее было превращено пропагандой в колыбель “немецкой расы и немецкой крови” (это, в свою очередь, породило живучий послевоенный миф о немецких и австрийских крестьянах как о массовой опоре национал-социализма в деревне)¹.

¹ Ср.: *Kaschuba W. und Lipp C. Klein Volk steht auf, klein Sturm bricht los. Stationen dörflichen Lebens auf dem Weg in den Faschismus // Terror und Hoffnung in Deutschland 1933–1945 / Hg. J. Beck u.a. Reinbek, 1980. S. 111; Kaschuba W. Peasants and Others. The Historical Contours of Village Class Society // The German Peasantry. Conflict and Community in Rural Society from 18th to the 20th Centuries / Ed. by R.J. Evans, W.R. Lee. London, 1986. P. 235.*

Ниже я попытаюсь представить очерк развития крестьянской семьи с конца XVIII в. Лежащие в его основе исторические и этнографические исследования представляют два ясно различимых полюса. С одной стороны, они концентрируются на социальной структуре крестьянских домохозяйств (сюда относится большинство работ по истории семьи), с другой — на качественных аспектах крестьянского труда и жизни с очевидным центром внимания на “материальной культуре” мира крестьянского труда (прежде всего это работы по этнографии, культурологии и краеведению). На предлагаемом обзоре, естественно, сказывается полярность областей исследования, так же, как и региональная и местная ограниченность многих работ, которые удаётся связать воедино только с большим трудом.

Изложение начинается с краткого теоретического очерка крестьянского домашнего хозяйства и его социально-экономических особенностей. При этом интересно прежде всего выяснить, какой была сила влияния крестьянской экономики на образование форм семьи, что возможно только в сравнении с условиями жизни “сельских низов”. Встаёт вопрос и о стратегиях обеспечения средств существования, вытекающих из условий труда в земледелии и животноводстве. Брачное поведение, обычаи наследования, специфика полового разделения труда и т.п. рассматриваются в качестве исторически изменявшихся, определявшихся отчасти господской властью, а отчасти как коллективные “ответы” людей, занятых в земледелии и животноводстве, на те возможности крестьянской жизни, в которых они оказались. Интересно, кроме того, изучить, какие установки формировались крестьянским образом жизни и как они отражались на обычных формах¹ специфически крестьянской супружеской и семейной жизни. Общество Западной и Центральной Европы XVIII–XIX вв. было в подавляющей массе крестьянским или обществом с доминировавшим крестьянским образом жизни. Лишь меньшинство населения относилось к второму и третьему секторам экономики. Поэтому данная глава создаёт необходимый для чтения последующих разделов фон. Явления эволюции и дифференциации семейной жизни, которые будут описаны в контексте урбанизации и индустриализации, являются в основном феноменом трансформации и последовательного “преодоления” крестьянских семейных форм и семейного мышления.

¹ К понятию “обычного” ср.: Bourdieu P. Entwurf einer Theorie der Praxis // Bourdieu P. Entwurf einer Theorie der Praxis auf der ethnologischen Grundlage der Kabyllischen Gesellschaft. Frankfurt, 1979. Bd. 2. S. 137.

1.1. О расслоении сельских обществ

В периоды быстрого демографического роста (прежде всего в эпоху зрелого средневековья, в XVI и XVIII вв.) развитие хозяйства отставало от темпов увеличения населения. В результате, после исчерпания фонда “хороших земель” пришлось пустить под плуг также и “неудобья”. В областях со свободным разделом крестьянского имущества между наследующими детьми происходило дробление владений; в местностях, где только один из крестьянских детей наследовал землю¹, образовывался обширный слой “сельских низов”, т.е. безземельного населения. Скачкообразный рост низших слоёв деревенского населения вёл к усилению внутренней дифференциации сельских земельных обществ. В первую очередь в тех западно- и центральноевропейских регионах, где дифференциация размеров крестьянских владений была существенной и где это привело к формированию различных категорий низов деревенского населения (Häusler, Inwohner, Heimarbeiter), группы, выделяемые по размеру имущества, образовывали одновременно и чётко обозначенные брачные круги. Дети крестьян, обладавшие правом наследования, чаще всего заключали браки между собой (социальная эндогамия)². В условиях, когда ненаследовавшие крестьянские дети (*уступительные наследники*) постоянно опускались в низшие слои деревни и при случае, большей частью путём заключения соответствующего брака, снова могли подняться до среднего крестьянского уровня, экономическое расслоение сельского общества представлялось довольно статичным и стабильным. Его социальное разделение выглядело, однако, сравнительно проницаемым. В деревне оно было тем более “проницаемым”, чем значительнее земельная собственность, как первичный критерий принадлежности к определённому слою, дополнялась или заменялась другими источниками доходов. Если в период внедрения домашних побочных промыслов мелких крестьян причисляли к слою “собственников”, поскольку недостаток дохода от сельского хозяйства они могли компенсировать прибылями от промыслов, то в фазе реаграризации многих сельских регионов они опускались в слой деревенской бедноты (см. гл. 2). Наконец, родственные связи, которые вполне могли иметь социальное и материальное значение (при наборе прислуги, обслуживающей больных, стариков и т.п.) шли вразрез с линиями социального расслоения, определявшегося социально-экономическими критериями. Осо-

¹ Ср. как обзор: *Berkner L.K. Rural Family Organisation in Europe // Peasant Studies Newsletter. 1972. I. P. 49ff.*

² Ср. среди проч.: *Segalen M. Nuptialité et alliance: le choix du conjoint dans une commune de l'Eure. P., 1972. P. 77.*

бенно это относилось к районам единонаследия, где дети одной крестьянской семьи получали очень неравное наследство. Эта динамика¹, исследованная до сих пор недостаточно, не в последнюю очередь формировалась под значительнейшим влиянием крестьянской семейной жизни как руководящей концепции, на которую ориентировались также и низшие группы сельского населения.

Уже это указывает на то, что сельское общество XVIII–XIX вв. ни в коей мере не может считаться “закрытым крестьянским обществом” (“closed peasant society”). Его социальные структуры были подвержены всё более ускорявшимся историческим переменам. Так как внутренняя колонизация, например, придунайских и альпийских земель в XVIII в. едва ли вела к образованию новых крестьянских владений, прирост населения при остававшемся почти неизменным числе дворов означал в первую очередь увеличение деревенских низов². Вопреки распространённым представлениям о крестьянском обществе, *сельская беднота и безземельные крестьяне* во многих западно- и центральноевропейских регионах составляли уже в первой половине XVIII в. значительную часть населения деревни³.

¹ К моделям расслоения сельских обществ ср.: *Kaschuba W.* Historische Dorfgesellschaft — ein sozialökonomisches Schichtungsmodell // *Kaschuba W., Lipp C.* Dorflishes Überleben. Tübingen, 1982. S. 87. О сложностях перенесения ориентированной на статус модели слоёв на сельское население предшествовавших столетий ср.: *Husung H.-G.* Zur ländlichen Socialschichtung im norddeutschen Vormärz // *Vom Elend der Handarbeit. Probleme historischer Unterschichtenforschung* /Hg. H. Mommsen, W. Schulze. Stuttgart, 1981. S. 259; *Mooser J.* Gleichheit und Ungleichheit in der ländlichen Gemeinde. Socialstruktur u. Kommunakverfassung in östlichen Westfalen vom späten 18. bis in die Mitte des 19. Jahrhunderts // *Archiv für Sozialgeschichte* N 19. S. 231; *Mitterauer M.* Lebensformen u. Lebensverhältnisse ländlichen Unterschichten. Von der Glückseligkeit des Staates. Staat, Wirtschaft u. Gessellschaft in Österreich im Zeitalter des aufgeklärten Absolutismus /Hg. H. Matis. Berlin, 1981. S. 315, особ. 316–323. К динамике хода семейной жизни (“Family Life Course”) и хода индивидуальной жизни (“Individual Life Course”), охватывающей слои сельских обществ, ср.: *Sieder R., Mitterauer M.* The Reconstruction of the Family Life Cours: Theoretical Problems and Empirical Results / Ed. by R. Wall a.a. *Family Forms in Historic Europe.* Cambridge, 1983. P. 309.

² Ср.: *Klein K.* Die Bevölkerung Österreich vom Beginn des 16. bis zur Mitte des 18. Jahrhunderts // Hg. H. Helczmanovszki. Beiträge zur Bevölkerungs- und Socialgeschichte Österreich. Wien, 1973. Tabelle 1. S. 105.

³ Ср. для Германии: *Schremer E.* Standortausweitung der Warenproduction im langfristigen Wirtschaftswachstum. Zur Stadt-Land-Arbeitsteilung im Gewerbe des 18. Jahrhunderts // *VSWG.* 1972. № 59. S. 1 ff.; *Franz G.* Geschichte des deutschen Bauerstandes. Stuttgart, 1970. Особ. S. 214; для Франции: *Labrousse E.* e.a. Histoire économique et sociale de la France. V. 2: Des derniers temps de l’âge seigneurial aux préludes de l’âge industriel 1660–1789. P., 1970. P. 473–497; как обзор для Цент-

Так называемое “освобождение крестьян” также способствовало количественному росту сельских низов. В Пруссии, например, население деревни к 1800 г. состояло из трёх примерно равных слоёв — “полнонадельных крестьян”, мелких крестьян и “сельских низов”; численность последнего в первой половине XIX в. существенным образом возросла. К середине века доля безземельных составила уже треть всего населения Пруссии¹. Для Австрии можно принять аналогичное количественное соотношение².

Рядом с мелкими крестьянами (региональные названия — “hari-cotiers”, Söldner, Kötter, Gärtner и др.), которые в ограниченном объёме вели полевое и животноводческое хозяйство, жили “хэуслеры” (Häusler, cottagers, “manouvriers”, Hüttler, Keuschler, Brinksitzer, Büdner), имевшие маленький дом и маленький участок земли, позволявший содержать корову, пару коз, овец и другой мелкий скот. Ниже крестьян с земельными наделами и крестьянской бедноты находились безземельные “инвонеры” (Inwohner, Heuerlinge, Herbersleute, Ingehäusen, Anlieger, Instleute), обладавшие значительно более низким, чем крестьяне и даже хэуслеры, социальным статусом, они жили в подчинённом положении на подворьях (часто во флигеле) или в лачугах хэуслеров, обеспечивая пропитание ремеслом или подённой работой. В лучшем случае они могли обрабатывать полоску пашни, чтобы вырастить картофель или лён. Подобно тому, как население деревни в период нового времени разделилось на крестьян и сельские низы, из самого крестьянства выросли группы зажиточных “гроссбауэров”, которые по способу ведения хозяйства и образу жизни отличались от середняков и бедноты. “Крестьянская жизнь” была отмечена поэтому чрезвычайным региональным и местным многообразием. Земледелие или животноводство, разделы земель при вступлении в наследство или единонаследие, хутора или сёла, крупные, средние или мелкие крестьянские хозяйства, семейное хозяйство с привлечением наёмной рабочей силы или крестьянская семья без батраков — таковы лишь важнейшие критерии, по которым различалась “крестьянская семейная жизнь”.

Мелкие и мельчайшие хозяйства находились в районах свободного раздела наследуемой земли (были и исключения). Сильное

ральной Европы: *Henning F.-W.* Die Betriebsgrößenstruktur der mitteleuropäischen Landwirtschaft im 18. Jahrhundert u. ihr Einfluss auf die ländlichen Einkommensverhältnisse // *Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie*. 1969. № 17. S. 171–193.

¹ *Kosellek R.* Die agrarische Grundverfassung Europas zu Beginn der Industrialisierung // *Das Zeitalter der europäischen Revolution 1780–1848*. Frankfurt, 1969. S. 230.

² *Mitterauer M.* Lebensformen... S. 322.

дробление земельных наделов могло здесь привести к быстрому исчезновению “полнонадельных крестьян”¹. Средние и крупные крестьянские хозяйства встречались прежде всего в районах единого наследия. В регионах распространения крупных помещичьих хозяйств (например, к востоку от Эльбы и в Силезии) типичны были такие, в которых под обработкой находилось более 200 гектар земли. Крупные поместья вотчинного типа существовали преимущественно в Южной Германии (вотчинные и помещичьи хозяйства в дальнейшем рассматриваться не будут: в историко-социологическом смысле они не могут относиться к категории “крестьянской семьи”). Крестьянские хозяйства площадью от 20 до 200 гектаров имелись в Ганновере, Вестфалии, Ольденбурге, Шлезвиг-Гольштейне, Брауншвейге, Южной и Восточной Баварии, Шварцвальде, частично в Гессене и Тюрингии, в Австрии, прежде всего в Восточных Альпах (близ Лицена, Брука, Леобена), а также в Зальцбургском Пинцгау. Средние и мелкие крестьянские хозяйства площадью менее 20 гектаров преобладали в остальной части Южной и Западной Германии, в Австрии — Вайнфиртеле, верхнеавстрийском Мюльфиртеле и Форарльберге. Примечательно, что размер владений вовсе не всегда прямо зависел от качества земли или климата. Так, например, на плодородных долинах Майна и Рейна с их интенсивным земледелием (овощеводство и виноградарство) или в климатически благоприятных местностях Зюдстайермарка и Бургенланда (также виноградарство и овощеводство) вследствие значительного дробления земель существовали лишь хозяйства незначительных размеров².

2. Об экономике крестьянского домашнего хозяйства

Крестьянское хозяйство характеризуется прежде всего единством производства, потребления и семейной жизни. Муж, жена и дети, а также родственники, главным образом братья, сёстры и родители крестьянской супружеской пары, жили и работали в хо-

¹ Как, например, в расположенных в Западном Тироле и Форарльберге хозяйствах со свободным разделом, ср. *Wopfner H.* Bergbauernbuch. I/2. 1954; *Fitz A.* Die Frühindustrialisierung Vorarlbergs u. ihre Auswirkungen auf die Familienstruktur. Wien, 1981/Dornbirn, 1985 (диссертация).

² Ср.: *Abel W.* Geschichte der deutschen Landwirtschaft vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1967 (2); *Rosenbaum H.* Formen der Familie. Frankfurt, 1982. S. 49; *Berckner L.K.* Land Tenure and Peasant Family Structure // Ed. by J. Goody a.o. Family and Inheritance. Rural Society in Western Europe 1200–1800 / Cambridge, 1977. P. 71; *Henning F.-W.* Die Betriebsgroßenstruktur... S. 171 ff; *Mitterauer M.* Formen ländlicher Familienwirtschaft. Historische Ökotypen u. familiale Arbeitsorganisation im österreichischen Raum // Familienstruktur u. Arbeitsorganisation in ländlichen Gesellschaften / Hg. J. Ehmer u. M. Mitterauer. Wien, 1986. S. 185 u. ff.

зайстве. Едва ли какая-либо другая форма производства требовала в такой высокой степени “семейственной”, т.е. основанной на взаимодополняющих и соответствующих полу ролях мужа, жены и детей организации труда. Крестьянские хозяйства в Европе, однако, на протяжении своей долгой истории не могли добывать средства к жизни только с помощью рабочей силы родителей и детей. Теоретически можно выделить три типа дополнения рабочих сил семьи извне: образование очень сложных форм семьи, которые охватывали несколько групп родителей с детьми и тем самым увеличивали число рабочих рук (в первую очередь в районах центральной России и юго-восточной Европы); привлечение неженатых батраков, которые социально и по условиям домашнего права интегрировались в крестьянское хозяйство и потому в дальнейшем включались в состав крестьянской семьи (типично для большей части Германии, Австрии, Швейцарии и Франции); найм подёнщиков, живших вне крестьянской семьи, ведших самостоятельное хозяйство и поэтому не причисляемых к крестьянской семье (типично для северогерманского, остэльбского, венгерского, североитальянского и французского регионов)¹. В разделе будет говориться о центральноевропейской семье, которая дополнительно привлекала как батраков, так и подёнщиков.

Итак, крестьянскую семью формировало сообщество всех лиц, участвовавших в крестьянском хозяйстве. В определении принадлежности к крестьянской семье вопрос о том, кто состоял в кровном родстве с супружеской парой и кто нет, имел второстепенное значение. Родственные отношения только тогда становились существенными, когда они были наполнены социальным и функциональным содержанием². При этом социальная и функциональная роль определённого человека в доме крестьянина часто доминировала над его родственным статусом. Это соответствовало староевропейской традиции “всего дома”³, которая до начала нового времени не знала понятия парной супружеской семьи и описывала её формулой: такой-то “с женой и детьми”⁴. Семейная группа, состоявшая из родителей с детьми, образовывала ядро крестьянского домового сообщества⁵;

¹ Ср.: Mitterauer M. Formen landlicher Familienwirtschaft... S. 198.

² Ср.: Meillassoux C. The Social Organisation of the Peasantry // Journal for Peasant Studies. 1973. № 1. P. 86.

³ Brunner O. Das “ganze Haus” und die alteuropäische “Ökonomik” // Brunner O. Neue Wege der Verfassungs- u. Sozialgeschichte. Göttingen, 1968. (2). S. 103.

⁴ Mitterauer M. Die Familie als historische Sozialform // Mitterauer M. u. Sieder R. Vom Patriarchat zur Partnerschaft. Zum Strukturwandel der Familie. München, 1984(3). S. 19.

⁵ Ср.: Fortes M. Introduction // The Developmental Cycle in Domestic Groups / Ed. by J. Goody, Cambridge, 1971. P. 8; Майер Фортес говорит о группе, со-

оно, главным образом, определяло характер воспроизводства рабочей силы, ведения домашнего хозяйства, а также привлечение дополнительной рабочей силы¹. Расширение генеалогического ядра достигалось, наряду с привлечением дополнительных работников, родственников или неродственников, и приёмом тех или иных лиц на попечение.

Вплоть до XIX в. большинство крестьянских семей вело производство преимущественно для собственного потребления. Обменивался или продавался на рынке лишь небольшой излишек произведенных продуктов. В свободное от сельскохозяйственных работ время крестьянская семья сама изготавливала необходимые инструменты, материалы и одежду. Осенью подготавливали пеньку, лён и шерсть, прядением которых женщины были заняты в зимние месяцы. Мужчины ткали холсты, шили из шкур овец и других животных обувь, плели корзины из тростника и ивы, делали деревянные вилы и грабли, мастерили необходимую глиняную посуду. "Крестьянский дом был, таким образом, настоящей мастерской, где практиковались разные виды ремёсел"². Крестьянское хозяйство до XIX в. имело целью не получение прибыли, а обеспечение собственного существования. Труд должен был кормить семью. Вопрос о соотношении затрат труда и дохода, "рентабельности" хозяйства не имел никакого значения. Крестьянская семья на обширных пространствах Центральной и Западной Европы образовывала сектор докапиталистической, основанной на самообеспечении экономики. В отдалённых местностях и до XX в. сохранялась почти полная автаркия крестьянских хозяйств, которые лишь небольшую часть продуктов выменивали у соседей или покупали на местном рынке. Так, крестьяне-горцы Тироля уже после Второй мировой войны жили в условиях полного самообеспечения. Докупалось немного, прежде всего соль, металлические и гончарные изделия. Соседи обменивались изделиями, на изготовлении которых они специализировались (коробами, санями, деревянной обувью), не используя денег. Для обеспечения производственных нужд на подворьях строили мельницы, пекарни, сушилки и другие сооружения.

С конца XVIII столетия крестьянское хозяйство достигло столь значительных улучшений, что из производства высвобождалась всё

стоящей из родителей с детьми, как о "ядре (центре) домашней сферы" (nucleus of domestic domain).

¹ Ср.: *Mitterauer M.* Formen landlicher Familienwirtschaft... S. 185.

² *Schwidland E.* Kleingewerbe u. Hausindustrie in Österreich. I. Leipzig, 1894. S. 13. Ср. также: *Vierthaler F.* Meine Wanderungen durch Salzburg. Salzburg, 1816. В зальцбургском приходе Абтенау каждый крестьянин сам обрабатывает кожу, "сам себе строит дом и мелет на мельнице зерно". Ibid. S. 96.

увеличивавшаяся часть населения, приобретавшего необходимое на рынке. Отказ от *пара вёл* к интенсификации производства, разведение корнеплодов (прежде всего картофеля), переход к стойловому содержанию скота, а также начавшаяся позже механизация повысили производительность сельского хозяйства. Этот процесс, часто называемый *аграрной революцией*¹, создал предпосылки для совершивших переворот в общественной жизни последующих двух столетий процессов урбанизации и индустриализации. С началом громадного подъёма сельскохозяйственного производства и ростом его производительности доля крестьянского населения сократилась драматически. Если в период от зрелого средневековья до конца XVIII в. доля населения Западной и Центральной Европы, занятого в сельском хозяйстве, оставалась примерно на одном уровне — около 80%, то около 1900 г. она опустилась до 40%. В 1970 г. в западно- и центральноевропейских странах в сельском хозяйстве было занято только 10% населения².

К концу XIX в. батраки в крестьянских домах всё больше стали вытесняться членами семьи. Крестьянская семья сократилась до своего генеалогического ядра и приблизилась, по крайней мере по составу, к “буржуазной модели семьи”. Место домово́й общины, состоявшей также из работников и батраков, всё чаще занимала группа из связанных кровнородственными или брачными узами родителей и детей. С ростом продолжительности жизни она всё чаще включала в себя родителей супругов, в том числе вдовых. Эта тенденция сохранилась в XX в. Крестьянская семья переживала процесс перехода в частную сферу общественной жизни.

Семейную жизнь крестьянского населения, специфику крестьянских супружеских и семейных отношений можно понять на основе знания крестьянских форм производства и их составных частей. Основные типы крестьянских хозяйств в их связи с природными условиями должны быть поэтому исследованы с целью выявления влияния на жизнь семьи.

2.1. Земледелие

Земледелие и животноводство — две различные, но тесно связанные формы хозяйства. До открытия и широкого распространения искусственных удобрений разделить земледелие и животноводство было невозможно: навоз использовался для повышения плодородия почв. В дальнейшем изложении о земледельческих и живот-

¹ Sandgruber R. Die Agrarrevolution in Österreich // Österreich-Ungarn als Agrarstaat / Hg. A. Hoffman. Wien, 1978. S. 240.

² Die Landwirtschaft in der volks- u. weltwirtschaftlichen Entwicklung / Hg. H.-G. Schlöter. 1968. S. 42.

новодческих районах будет говориться только в смысле преобладания в них того или иного вида деятельности.

Для земледелия как формы хозяйства, чрезвычайно сильно зависевшей от природных условий, было характерно взаимное переплетение работы и праздников в ритме годового цикла. Следствием были сезонные колебания интенсивности труда и неодинаковый по временам года уровень потребности в рабочей силе. В условиях чисто *семейного хозяйства* (крестьянская семья без наёмной рабочей силы) колебания этой потребности компенсировались в “мёртвые” для сельского хозяйства сезоны переключением труда на второстепенные работы (починка и изготовление орудий труда, подготовка исходных материалов и предметов потребления в рамках экономически замкнутого домашнего хозяйства)¹. С развитием товарно-денежных отношений всё чаще возникали явления сезонной безработицы подёнщиков и сезонного отхода части крестьянского населения от сельского хозяйства к промыслам, а также сезонного оттока “излишка” населения (часто и детей крестьян)² из местностей с невысоким уровнем дохода в процветавшие сельскохозяйственные регионы.

Обойтись без дополнительной рабочей силы нельзя было в первую очередь, по крайней мере, в крупных хозяйствах, во время молотбы, уборки зерновых. Жнецов и молотильщиков было поэтому особенно много среди наёмных сельскохозяйственных работников. Введение новой техники земледелия, новых севооборотов и полевых культур, таких как картофель, приводило к сезонным производственным пикам (например, при сборе картофеля), которые в обязательном порядке требовали привлечения дополнительной рабочей силы. В областях распространения крупных крестьянских хозяйств потребность в рабочей силе во время страды вела к обширным сезонным миграциям. Например, жнецы и молотильщики из Богемии, Моравии и Силезии добирались в жатву до равнинных областей Нижней Австрии³. Но в большинстве земледельческих районов приходилось ограничиваться использованием регионального потенциала рабочей силы. Здесь на период страды подёнщиками нанимали представителей местных сельских низов. Если в зем-

¹ *Čajanov A.V.* Die Lehre von der Bäuerlichen Wirtschaft, Versuch einer Theorie der Familienwirtschaft im Landbau. Berlin, 1923. S. 28 f.

² Ср.: *Uhlig O.* Die Schwabenkinder aus Tirol u. Vorarlberg. Innsbruck, 1978; *Ulmer F.* Die Schwabenkinder. Praga, 1943; Erhebung über Kinderarbeit in Österreich 1908. k.k. Arbeitstatistisches Amt im Handelsministerium. Wien, 1911; *Muther J.* Die Wanderung der Schwabenkinder in Tirol und Vorarlberg // *Zeitschrift für Kinderschutz u. Jugendfürsorge.* Wien, 1912.

³ *Rauscher H.* Geschichte des bäuerlichen Wirtschaftslebens // *Das Waldwirts* / Hg. Stepan E. 7. 1937.

ледельческих регионах с деревенской структурой поселения сельские низы имели, как правило, собственные маленькие дома (хэуслеры), то в районах преобладания отдельно стоявших усадеб и хуторов они жили в домах крестьян или во флигелях на подворье (инвонеры). За предоставленное жильё крестьянин требовал с них работу в период жатвы, а часто и в другое время года. Нередко несколько семей инвонеров жили в пристройках на подворье и поэтому назывались “инхэузерами” (“подворниками”), “бакхаузерами” (“пекарниками”, Верхняя Австрия), “бадштубенами” (“банниками”, Каринтия). Если родители супругов или один из них (в случае вдовства) жили не в доме, то инвонеры размещались и в комнатах, предназначенных для стариков, или, в богатых местностях, рядом с усадьбой на стариковском выделе (см. гл. 1.8).

Во многих областях семьи сельской бедноты (хэуслеров и инвонеров) находились в отношениях взаимозависимости. В пик работ потребности в рабочих руках зачастую превышали то их количество, которое можно было на длительный срок собрать в крестьянском доме. Часто поэтому внутри деревни возникал определённый порядок сосуществования семей крестьян с семьями сельских низов, который придавал местным обществам чёткую социальную полярность и имел вместе с тем черты патернализма, выходявшего за пределы крестьянского двора и его обитателей.

В последние десятилетия XIX в. многие крестьяне Центральной Европы испытывали конкурентное давление со стороны крупных хозяйств, например в районах к востоку от Эльбы и в Венгрии. Последние имели возможности форсировать механизацию сельского хозяйства на основе крупных капиталовложений для приобретения уборочных машин, транспортных средств и обрабатывать большие земельные площади несравненно быстрее, чем семейные крестьянские хозяйства. Улучшение возможностей транспортировки массовых товаров в результате развития морского судоходства и железных дорог поставили крестьян Центральной Европы в условия мощной конкуренции со стороны американских, канадских и австралийских зерновых ферм. Следствием этого стало углубление специализации крестьянских хозяйств. Мировой зерновой рынок, охвативший большую часть света, изменил условия производства и сбыта для производителей. Государственная аграрная политика (покровительственные таможенные пошлины, ценовая поддержка, регулирование посевных площадей) вторгалась всё сильнее в крестьянское хозяйство. Крестьянские кооперативы были призваны облегчить проведение механизации и организацию сбыта продукции, чтобы выстоять в конкурентной борьбе с “индустриализованным” сельским хозяйством. Идеология “свободного крестьянства” вступала во всё большее противоречие с экономической реальностью. В то же время традиции самостоятельного крестьянского

хозяйства препятствовали созданию кооперативных товариществ. Развитие рыночной структуры происходило при совершенно несхожих естественно-географических предпосылках. Это вело к дальнейшему росту многообразия крестьянских хозяйств и жизни. Материальные, культурные и социальные различия между крестьянскими семьями с различным имущественным положением и находящимися в различных экологических условиях, обострились.

2.2. Животноводство

Ещё в эпоху зрелого средневековья крестьяне определённых регионов Центральной Европы специализировались на животноводстве и переработке животноводческой продукции. В хозяйствах альпийских пастухов интенсификация животноводства сопровождалась развитием сыроделия. Рабочая нагрузка в животноводстве, в отличие от земледелия, распределялась относительно равномерно в течение года. Поэтому в районах преобладания животноводства существовала высокая потребность в постоянных работниках. Если в преимущественно земледельческих районах спрос на дополнительную рабочую силу удовлетворялся за счёт сезонных миграций, то здесь требовалось большее количество постоянно занятых батраков. В тесной связи с особенностями ухода за скотом находилась специализация работников (см. гл. 1.5). Чем большим было поголовье скота, тем больше работоспособных лиц включалось в крестьянскую домовую общину¹. С увеличением поголовья скота и интенсификацией его содержания к началу XIX в. в первой фазе так называемой аграрной революции возрос спрос на рабочую силу, занятую в хозяйстве весь год. У зажиточных крестьян прежде всего увеличились как число работников, интегрированных в домовую общину, так и размеры хозяйства. Напротив, до середины столетия хозяйства менее обеспеченных крестьян мельчали; особенно это относится к хозяйствам хэуслеров в тех регионах, где конкуренция возникающей «крупной промышленности»² вела к исчезновению побочных доходов от надомных промыслов (*деиндустриализация*).

Уход за скотом определял циклический ритм жизни (кормление, доение, смена подстилки), не знавшей различий между буднями и выходными. Он позволял использовать производственные паузы для занятия земледелием или кустарными промыслами. И в районах высокогорья не отказывались от необходимого минимума зем-

¹ Ср.: Mitterauer M. Formen landlicher Familienwirtschaft... S. 202.

² Mitterauer M. Auswirkungen der Agrarrevolution auf die bäuerliche Familienstruktur in Österreich // Historische Familienforschung / Hg. M. Mitterauer u. R. Sieder. Frankfurt, 1982. S. 242 ff.

ледельческих работ: именно здесь крестьяне должны были заботиться о хозяйственной независимости. Только в связи с удорожанием рабочей силы и снижением цен на зерно в конце XIX в. крестьяне, занимавшиеся преимущественно животноводством, перешли на закупки зерна. Поля поэтому были превращены в луга, а поголовье скота ещё больше возросло¹.

В районах преобладания животноводства слой малоимущих был намного тоньше, чем в земледельческих регионах. В крестьянских домах инвонеры жили редко. Сельские низы (хэуслеры) большей частью размещались в центре населённого пункта. В посёлках деревенского типа животноводство обычно было организовано коллективно. Крестьяне сообща нанимали пастуха, который отвечал за выпас скота². В районах с хуторским поселением коллективной организации не было. Здесь каждый крестьянин должен был либо выделять одного из членов семьи для ухода за скотом, либо нанимать работника.

2.3. Лесозаготовки

Лесозаготовки во многих районах Центральной Европы были неотъемлемой частью крестьянского способа хозяйствования. Это особенно характерно для альпийских районов, где даже возник специализировавшийся на работах в лесу слой крестьян — вальдбаузэров. Самые крупные леса находились, однако, в помещичьей собственности. Здесь, как и в принадлежавших крестьянам лесах, работы имели сезонный характер. Собственно заготовка и транспортировка стволов происходили преимущественно зимой. В Баварии и альпийских районах Австрии лесозаготовки обеспечивали работой в зимнее время не только многих подёнщиков. Часто и сыновья крестьян нанимались зимой на подённую работу в господские леса. Жившие на крестьянских дворах инвонеры, как и другие категории низов сельского населения, занятые летом на подённой работе в крестьянских хозяйствах, в зимнее время нанимались на лесозаготовки.

В процессе связанной с политикой меркантилизма внутренней колонизацией XVIII в. в лесных районах были заложены целые деревни, состоявшие только из домов и хижин лесорубов, в целях самообеспечения³ отдававших часть времени небольшому приусадебному хозяйству. Горнодобывающим и горноплавильным предприятиям, солеварням и т.п. в большом количестве нужны были дерево и

¹ Там же. S. 204.

² *Rauscher H. Geschichte...* S. 166.

³ *Mitterauer M. Lebensformen...* S. 317.

древесный уголь как строительный и горючий материал. В их окрестностях поселялись также дровосеки и углежогы. Они жили в собственных домах и вели на своём участке небольшое подсобное хозяйство. Альпийские районы, где добывались руды ценных металлов, часто поэтому были плотно заселены. Основным типом поселений являлись “местечки”, где жили горняки, угольщики, лесорубы, возчики. Сельское хозяйство велось здесь на мелких участках земли, при небольшом количестве скота; без доходов от побочного труда оно было нежизнеспособным. Дополнение хозяйства рабочих, живших в сельской местности, подсобной работой на земле — вполне типичное явление. Его можно найти и у верхнеавстрийских рабочих солеварен Эбензее и у многих горняков западно- и центральноевропейских угольных бассейнов (см. гл. 5). С упадком горного дела в Восточных Альпах в начале нового времени множество хэуслеров и мелких крестьян потеряло возможности сезонных приработков на лесозаготовках. В районе Зальцбурга и около Абтенау, например, в 1630–1790 гг. было брошено большое число домов, а примыкавшие к ним земельные участки заняты на правах “крестьянского лена” крестьянами. Это вело к дальнейшему увеличению поголовья скота и числа работников. Для других регионов также доказывается аналогичная связь между процессом деиндустриализации сельских районов и переходом от лесозаготовок к крестьянскому животноводству¹. Местностям, в которых прирост населения в XVIII в. был связан с активным строительством и обретением оседлости бывшим до того бездомным населением (инвонерами, батраками), в это же время противостояли регионы стагнирующего жилищного строительства и, соответственно, ограничительной демографической и переселенческой политикой властей княжеств и государств².

2.4. Виноградарство

Виноградарство представляет собой во многих отношениях особую форму крестьянского хозяйства. Здесь раньше, чем в других отраслях довольно высокого уровня достигли товарно-денежные отношения. Среди феодальных общественных и хозяйственных структур виноградарство занимало особое правовое положение. В эпоху европейского аграрного кризиса позднего средневековья, приведшего к снижению цен на зерно и падению земельной ренты, виноградарство быстро распространилось повсюду, где это позволяли

¹ Mitterauer M. Formen landlicher Familienwirtschaft... S. 208.

² Ср. для Тироля и Форарльберга: Stolz O. Rechtsgeschichte des Bauernstandes u. der Landwirtschaft in Tirol u. Forarlberg. 1959. S. 438.

климат и почвы, например, на лёссовых землях долин Рейна и Мозеля и в Вахау. Возделывание винограда обещало более высокий уровень рентабельности, чем хлебопашество¹. В отличие от большей части крестьян, занимавшихся земледелием и животноводством, виноградари должны были продавать свою продукцию и из выручки покрывать хозяйственные расходы. Виноградарство с давних пор было связано с рынком и экспортом. Так, к примеру, уже в эпоху позднего средневековья и начала нового времени австрийское вино в больших количествах экспортировалось водным путём по Дунаю в Южную Германию, Богемию и Моравию². Покупка и продажа земли (участков на склонах холмов), наследование и получение приданого в виноградарском хозяйстве рано приняли характер финансовых сделок. Способ производства в виноградарстве благоприятствовал разделу земель и имущества между детьми. Следствием этого стало раздробление виноградников. Ему, однако, противостояло создание крупных виноградарских хозяйств обладавшими капиталом горожанами, а также светскими и духовными господами.

В отличие от средних и крупных животноводческих и земледельческих хозяйств в виноградарстве в основном было немного батраков. Из-за отсутствия специфических зимних работ не имело смысла нанимать работников на целый год. Поэтому виноградари рано перешли к подённому труду, что было возможно благодаря включению их хозяйств в денежные отношения. Множество инвонеров жило в виноградарских районах. Спрос на рабочую силу в течение года был очень неравномерен. Пик работ приходился на сбор винограда. Со времён позднего средневековья всё большее число странствующих работников (преимущественно неженатых сыновей нищих групп населения) стекалось на сбор урожая в виноградарские районы³. Часто эти работники приходили также из перенаселённых земледельческих районов. Так, подённые работники из Баварии и Западной Австрии шли в нижнеавстрийские виноградарские районы для сбора урожая крестьян-виноградарей и горожан, владевших виноградниками. Многие оседали здесь и образовывали растущий слой сельских низов — хэуслеров и инвонеров. Большинство виноградарских районов было поэтому очень плотно заселено, многие дома предназначались только для семей инвонеров. Жилищные отношения при этом были такими же, что и в городских доходных домах. “Патриархальное” домовое сообщество в узком смысле здесь возникнуть не могло: владелец дома, как прави-

¹ Ср.: *Abel W.* Agrarkrisen u. Agrarkonjunktur. Hamburg, 1966. S. 73.

² *Mayer T.* Der auswärtige Handel des Herzogtums Österreich im Mittelalter. Innsbruck, 1909. S. 41.

³ Ср.: *Feldbauer P.* Lohnarbeiter im österreichischen Weinbau // *Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte.* 1975. № 38. S. 226 ff.

ло, крестьянин, в нём вовсе не жил. Говорить обо “всём доме” уже невозможно.

Часть бездомных подёнщиков владела маленьким участком виноградника. Интенсивное возделывание винограда, очевидно, приносило столь высокий доход, что даже одного виноградника было достаточно для содержания дома. Виноградари, которые владели только земельным участком и не имели дома, были весьма распространены. Разумеется, виноградари-“недомовладельцы” в большинстве своём имели слишком маленькие участки, чтобы не работать дополнительно подёнщиками в чужих виноградниках¹. В виноградарстве, таким образом, гораздо раньше, чем в других отраслях сельского хозяйства, произошло разъединение домовладения и “способности к обзаведению семьёй”.

Виноградники, как правило, могли свободно продаваться, передаваться по наследству, в дар или обмениваться. До освобождения земли (от лежавших на ней повинностей — прим. пер.) нужно было лишь отдать помещику определённое количество сула, молодого вина и денег. Вследствие особого правового положения и глубокого включения в товарно-денежные отношения, означавшего гораздо более высокую, чем в земледельческих и животноводческих районах, частоту сделок купли-продажи домов и земельных участков (виноградников), виноградарство ускоряло процесс эрозии феодальных отношений².

Виноградарство отличалось и той особенностью, что со времён средневековья кроме крестьян-виноградарей, работавших на своих собственных виноградниках, светских и духовных землевладельцев, виноградниками владели и многие зажиточные горожане³. Они вкладывали капитал в покупку виноградников в надежде получить доход от продажи вина. Так как сами они необходимых работ не выполняли, возникла, например, в виноградарских районах Австрии, система аренды из третьей доли, при которой владелец виноградника уступал виноградарю две трети полученного урожая в качестве “оплаты труда”⁴. Во многих виноградарских районах это вело к концентрации земельной собственности, с одной стороны, и к образованию широкого слоя пролетариев-подёнщиков — с другой.

¹ Landsteiner E. Wie Anm. S. 36, 215.

² Ср.: Mitterauer M. Produktionsweise, Siedlungsstruktur u. Sozialformen in österreichischen Montanwesen des Mittelalters u. der frühen Neuzeit // Österreichische Montanwesen / Hg. M. Mitterauer. Wien, 1974. S. 238 ff.; также см: Он же. Grundtypen alteuropäischer Sozialformen. Stuttgart, 1974. S. 150 ff.

³ Ср.: Landsteiner E. Bürger, Weinzierle u. Hauerknechte. Bürgertum u. Weinbau in Retz 1350–1550 // Unsere Heimat. 1985. № 3. S. 203 ff.

⁴ Ср.: Feigel H. Die niederösterreichische Grundherrschaft. 1963. S. 156; Mitterauer M. Formen landlicher Familienwirtschaft... S. 225.

Тем самым виноградарство стало первой отраслью сельского хозяйства, в которую проникли капиталистические принципы максимизации прибыли, земельной ренты и т.п. При этом, по-видимому, решающий импульс к *капитализации виноградарского хозяйства* исходил от аккумулировавших виноградники горожан-бюргеров¹. Дробление виноградарских владений (вследствие более частых разделов имущества между наследниками), с одной стороны, и их концентрация в руках духовных и светских помещиков и горожан — с другой, вели к поляризации, сохранившейся во многих местах вплоть до XX в. Крупные виноградарские хозяйства с обширной земельной собственностью и буржуазно-патрицианским образом жизни противостояли массе мелких и средних виноградарей, среди которых ещё оставалось значительным число хэуслеров и инвонеров, из которых рекрутировались подёнщики для интенсивной обработки занятых виноградниками земель².

Неравномерность трудовой занятости виноградарей обусловила возникновение во многих виноградарских районах “двойной экономики”: ремесло становилось дополнением сезонной работы в виноградниках. Так, в описях хозяйств из нижнеавстрийских виноградарских районов часто упоминаются такие домовладельцы, как “виноградарь и сапожник”, “виноградарь и кузнец”, “виноградарь и ткач” и т.п.³ Аналогично “дополнению” хозяйств мелких крестьян надомным трудом в промыслах (см. гл. 2) ремесло давало многим виноградарям возможность второго заработка. В этих условиях в больших деревнях могли возникать чисто ремесленные мастерские. Виноградники в этом случае приобретали второстепенное значение и часто обрабатывались подёнщиками.

Во второй половине XIX в. в индустриальных регионах всё больше промышленных наёмных рабочих рекрутировалось из широкого слоя занятых в виноградарстве подёнщиков. Зачастую такие рабочие чередовали сезонный подённый труд на виноградниках и наёмный труд в промышленности. Многие дети подёнщиков предпочитали наёмный труд в промышленности подённому труду в виноградарстве. Это относилось, например, к возникшей с середины века промышленной зоне Винер Бекен и расположенным к востоку от неё виноградарским районам, где накапливался резерв временных наёмных рабочих для вновь образующихся предприятий⁴.

В отличие от земледелия и скотоводства виноградарство не знало выраженного полового разделения труда. Здесь было много мел-

¹ *Feldbauer P.* Lohnarbeit... S. 234.

² *Landsteiner E.* Bürger... S. 216.

³ Ср.: *Mitterauer M.* Formen landlicher Familienwirtschaft... S. 225.

⁴ Ср.: *Matis H.* Die Manufaktur u. frühe Fabrik im Viertel unter dem Wiener Wald. Diss. Wien, 1965. MS; *Mitterauer M.* Formen landlicher Familienwirtschaft... S. 226.

ких хозяйств. Поэтому даже вдовы и вдовцы могли справляться с имевшейся работой¹. Детей в большинстве семей виноградарей использовали в качестве рабочей силы не так широко, как в семьях крестьян, занимавшихся земледелием и животноводством. Видимо, с середины XIX в. стало типичным для трудоспособных детей чередование промышленного наёмного труда с работой на виноградниках родителей во время производственного пика.

Виноградники редко создавали экономические условия для обеспечения пожилых членов семьи путём их выдела. Ориентация на товарно-денежное хозяйство нередко вела к основанию молодыми виноградарями своих, не зависящих от родителей, хозяйств. Родители и взрослые дети часто жили раздельно². И в этом отношении виноградарство с его рыночной ориентацией и монетаризацией рано преодолело староевропейскую социальную форму “всего дома”.

3. Разделение труда, рынок и супружеская власть

Супружеская крестьянская пара, как правило, возглавляла домовое сообщество. Это объясняется не в последнюю очередь повсюду чётко выраженным половым разделением труда в животноводческих и земледельческих хозяйствах. Крестьянин был высшей инстанцией для всех подчинявшихся ему работающих мужчин (сыновей, батраков, инвонеров, подёнщиков), все работницы подчинялись крестьянке. Внутри “мужской” и “женской” сфер, однако, специализация труда была незначительной. По сути дела все, кто считался “взрослыми”, должны были владеть работами, соответствующими их полу. Исключение составляли крупные, прежде всего животноводческие хозяйства, в которых установилась *функциональная* иерархия работников.

Если говорить о разделении труда между мужчиной и женщиной в общем, то мужчинам предназначались те виды деятельности, которые требовали пребывания вдали от дома, более высокого риска и большей физической силы. Сильно упрощая, можно сказать, что первой сферой внимания и работ крестьянина были пашня, луг, лес и упряжные животные. На крестьянку, напротив, в первую очередь ложились заботы о коровах, молодняке, свиньях, молочном хозяйстве, домашней птице, огороде, а также о выращивании корнеплодов (картофеля), мака и льна. К ним добавлялись приготовление пищи, выпечка хлеба, переработка молока в масло и сыр, консервирование мяса, плодов и капусты. Ежедневные варка обеда и

¹ Mitterauer M. Auswirkungen von Urbanisierung und Frühindustrialisierung auf die Familienverfassung an Beispielen des österreichischen Raums // Sozialgeschichte der Familie in der Neuzeit Europas / Hg. W. Conze. Stuttgart, 1976. S. 76.

² Mitterauer M. Auswirkungen der Agrarrevolution... S. 117.

стирка белья (основная работа в домашнем хозяйстве, не отягощённом производительным трудом) составляли в XVIII–XIX вв. лишь небольшую часть домашних забот крестьянки. Только в XX в. в Центральной Европе значительно возросла доля времени, которое она проводила на кухне¹.

Разделение труда между крестьянином и крестьянкой, работниками и работницами, подёнщиками и подёнщицами в Западной и Центральной Европе в XVIII–XIX вв. определялось прежде всего степенью связи крестьянского хозяйства с рынком и уровнем его технического развития. В тех регионах, где близость к крупным городским рынкам или важным путям сообщения способствовала ранней товаризации сельского хозяйства, важнейшие производственные процессы всё явственнее становились мужскими. Таковыми стали, например, процессы доения в районах товарного молочного хозяйства Швейцарии, Форарльберга, Зальцбургского Пинцгау или косьбы хлебов в остэльбских помещичьих имениях и крупных землевладельческих комплексах северо-запада Германии. Здесь близость к большим портовым городам и развитие ганзейского сообщения стали причинами более раннего, чем в других областях, развития крупного сельскохозяйственного производства, ориентированного на межрегиональный сбыт и широкий рынок. Напротив, в семейных хозяйствах Южной Германии и Австрии, основанных на соответствовавшем традиции самообеспечении и связанных лишь с местными рынками, дойка и жатва остались женскими занятиями. Повсюду в Европе, где на уборке зерновых пользовались серпами, среди жнецов преобладали женщины или они работали наравне с мужчинами. С переходом на косы косьба хлебов, требовавшая больших затрат сил, перешла к мужчинам. Это произошло прежде всего в северогерманских областях, где развитие помещичьих имений и крупных хозяйств сопровождалось рационализацией земледелия. В районах, где женщины вплоть до 30-х годов XX в. убирали зерновые серпами, находились исключительно семейные крестьянские хозяйства, малотоварные, ориентированные на самообеспечение или в лучшем случае на местные рынки (в альпийских деревнях Австрии, Тюрингском лесу, Шварцвальде, Зигерланде).

В обширных регионах Германии и Австрии до 30-х годов нашего столетия скот доили только женщины. Исключение составляли Остзейские провинции между Гольштейном и Восточной Пруссией, где к началу XX в. почти половина мужчин занималась доением, а также швейцарские районы молочного хозяйства, под влияни-

¹ Согласно исследованиям, в Баварии в 1953 г. крестьянка посвящала примерно 40% рабочего времени приготовлению пищи и работам на кухне. См.: Bayerische Agrargeschichte. Die Entwicklung der Land- u. Forstwirtschaft seit Beginn des XIX. Jahrhunderts / Hg. A. Schlögl. München, 1954. S. 433.

ем которых приобрело товарный характер производство молока и молочных продуктов в Форарлберге, Западном Тироле и Зальцбургском Пинцгау. В крупных хозяйствах на дойке работали только мужчины (“швейцарцы”). Аналогичные изменения происходили в кормлении крупного рогатого скота. Остававшаяся в неохваченных товарными отношениями районах чисто женской, с развитием денежного обращения и рынка эта работа становилась мужской. И в этом случае в помещичьих имениях и крупных хозяйствах Северной Германии, мужчины появились на работах в хлеву раньше, чем в более традиционной Южной Германии и Австрии. В мелких семейных хозяйствах скот кормил тот, кто был в это время свободен. В крупных же крестьянских хозяйствах Баварии, Верхней Австрии и Зальцбурга имелось чёткое разделение труда: корм задавал мужчина (и всегда именно там, где содержание скота было модернизировано и интенсифицировано) или женщина в традиционных регионах хозяйственного самообеспечения. Гюнтер Вигельманн обобщил “принципы” полового разделения труда в крестьянских хозяйствах в виде следующих пяти тенденций.

Во-первых. Чем ближе вид деятельности стоит к центру экономических интересов, чем больше он рассматривается как профессия и чем больше он связан с региональной торговлей, тем выше участие мужчин в основных работах. Чем теснее деятельность связана с работой по дому, тем более вероятно, что её будут выполнять женщины.

Во-вторых. Чем сложнее используемые для работы орудия и машины, тем значительнее участие мужчин.

В-третьих. Чем большей затраты сил требует работа, тем вероятнее она будет выполняться мужчинами.

В-четвёртых. Чем тоньше работа, чем больше ловкости она требует и чем монотоннее, тем вероятнее, что её будут делать женщины.

В-пятых. Чем больше хозяйство и чем больше рабочей силы в нём занято, тем дифференцированнее организация и половое разделение труда и вероятнее выполнение главных работ исключительно мужчинами¹.

Ни в коем случае нельзя, однако, рассматривать эти тенденции как не имевшие нарушений и исключений. Женщины постоянно участвовали в луговых и полевых работах: они размельчали комки за плугом, пололи сорняки, косили кормовые травы, сгребали сено и помогали его укрывать. Женщины нередко участвовали и в молотьбе — одной из немногих действительно “раздельных” работ в крестьянском хозяйстве. С другой стороны, в считавшейся “женской” обработке льна наиболее тяжёлую операцию по его трёпке

¹ *Wiegelmann G. Bäuerliche Arbeitsteilung in Mittel- u. Nordeuropa — Konstanz oder Wandel? // Ethnologia Scandinavica. 1975. S. 5.*

часто выполняли мужчины. В целом можно сказать, что скорее женщины осваивали типично мужские работы, чем мужчины исполняли типично женские.

Характер полового разделения труда должен объясняться в первую очередь исходя из частых беременностей крестьянок, необходимости грудного вскармливания и ухода за младенцами. Тем не менее разделение труда нельзя “механически” выводить из биологических различий между полами и социальной установки на уход за маленькими детьми. Это видно уже из того, что работы, которые в одних регионах считались типично “мужскими”, в других обычно выполнялись женщинами. Посев и пахота — мужские для Центральной Европы занятия — в некоторых скандинавских регионах выполнялись женщинами¹. Это было принято, например, в тех районах Финляндии, где земледелие оставалось экономически мало значимым и мужчины занимались преобладавшим по значению лесным хозяйством, а также рыбной ловлей и охотой. Посев зерновых по его хозяйственной роли был здесь сравним с огородничеством в Центральной Европе, которым там также занимались женщины².

Нельзя, наконец, не видеть, что женщины постоянно выполняли тяжелейшие физические работы, хотя требование большей физической силы, которой обладали мужчины, вело ко всё более широкому отстранению женщин от некоторых занятий, например, от лесозаготовок (хотя даже здесь встречаются упоминания о подёнщиках, работавших на лесоповалах, и женщинах, заменявших одного из мужчин при распилке деревьев двуручной пилой). Так, о ситуации в тирольской долине Пассайер в середине XIX в. сообщается:

“Но тяжелейшей работой всегда остаётся переноска сена. Мужчины переносят охапки весом от 120 до 150, а женщины от 50 до 80 фунтов по горным склонам, то круто поднимающимся вверх, то резко опускающимся вниз... Как правило, весь урожай переносится на спине. Этот тяжёлый труд изменяет фигуру женщин, делая её придавленной и раздавленной. И если хозяин-муж суров и не жалеет свою жену, выкидыш становится обычным явлением. Преимущественно по этой причине мёртвоорождённые дети не редкость в Пассайере...”³

Разделение труда между мужчиной и женщиной, очевидно, определялось критериями близости к дому и социально обусловленной ролью, связанной с уходом за маленькими детьми, с одной

¹ Ibid. S. 12 u.a.

² Ibid. S. 13.

³ Weber B. Das Thal Passeier u. seine Bewohner. 1852. S. 181; цит. по: Mitterauer M. Arbeitstellung im ländlichen Raum // Beiträge zur historischen Sozialkunde. 1981. № 51.

стороны, хозяйственным значением самой работы — с другой. Не в последнюю очередь оно отражало отношения власти и подчинения между мужем и женой.

Крестьянка самостоятельно вела часть хозяйства и это могло обеспечивать ей определённое властное влияние в доме. Но в положении женщин имелись значительные региональные особенности. Они вытекали из различий в характере влияния крестьянской экономики и рынка, действия норм наследственного и семейного права, а также из региональной специфики культурных традиций. Мартин Сегален, исследовавшая крестьянские семьи различных регионов Франции XIX в., обнаружила значительные различия в положении женщин центральной и северной (Бретань, Лотарингия) и южной (Прованс, Лангедок) Франции¹. Для средиземноморской культуры юга было характерно, по-видимому, более выраженное доминирование мужчин в крестьянском обществе, чем на севере. Мужское превосходство здесь не в последнюю очередь обеспечивалось также физическим насилием над женщинами. “Мужественность” была тесно связана с умением взять власть над женщиной. Так, чуть ли не единственная распространённая в Южной Франции пословица гласит: “Недостойн быть мужчиной тот, кто не является господином своей жены”². Другая пословица звучит несколько менее агрессивно, но тем не менее однозначно: “Le chapeau doit commander la cliffer” (“Шляпа должна командовать чепцом”). Эта идеология, как считает Сегален, значительно ограничивала прежде всего место крестьянок в обществе. В Бретани, напротив, пословицы и поговорки скорее указывают на необходимость участия девушек в деревенской жизни: “Девушки, покажитесь, кто себя не покажет, ничего не увидит”³. Это отражает, вновь следуя интерпретации Сегален, более сильное вовлечение крестьян в рыночные отношения на севере Франции. В Бретани и Лотарингии крестьянки принимали участие и в решении вопросов, связанных с управлением деревенским обществом, публично улаживали многие проблемы крестьянских семей⁴.

Помимо подобных региональных различий и противоположностей, Сегален замечает бросающееся в глаза противоречие между патриархальным господством в крестьянском сельском обществе и сравнительно существенной властью крестьянки внутри дома. Публичные высказывания в обществе, где доминировали мужчины и

¹ *Segalen M. Mari et femme dans la société paysanne. Paris, 1980; то же на англ. яз.: Love and Power in the Peasant Family. Rural France in the 19th Century. Chicago, 1983.*

² “L’homme est indigne de l’être si de sa femme il n’est le maître” // *Segalen M. Op. cit. P. 170.*

³ “Montrous-vous les filles, qui n’sе montère n’est vu” // *Segalen M. Op. cit. P. 171.*

⁴ *Ibid. P. 171.*

где они сами себя представляли неограниченными властителями, выполняли функцию коллективного подавления глубоко сидящего страха мужчин перед агрессивными и способными взять верх женщинами¹. Множество признаков говорит о том, что власть крестьянки в доме ни в коей мере не определялась только её рабочими возможностями. Её символизировали и сферы домашнего хозяйства, имевшие для крестьянской семьи жизненно важное значение. Так, например, во многих местностях в обязанности жены входило хранение и сбережение запасов зерна. В некоторых регионах крестьянки имели исключительное право входить в хлебные амбары. У женщин хранились ключи от сундуков и ларей с продовольственными запасами семьи².

Подобно отчётливо выраженному (за исключением виноградарства) половому разделению труда в крестьянском хозяйстве, в соответствии с полом делились и доходы. Если крестьянину полагалась выручка от зернового хозяйства и продажи скота, то крестьянка распорядилась менее значительными доходами от продажи продуктов, яиц и птицы. Птицеводство, прежде всего вблизи городов, было доходной областью крестьянского хозяйства. Крестьянки несли на городской рынок яйца, кур, уток, гусей³. Молочное хозяйство сперва было в распоряжении женщин. Только с ростом товарности крестьянских хозяйств во второй половине XIX в. значение молочного хозяйства столь усилилось, что традиционное распределение доходов всё чаще уступало место общей домашней кассе⁴. В целом, по-видимому, в преимущественную компетенцию мужчин всегда переходили те отрасли хозяйства, которые начинали приносить существенный доход. Эту тенденцию можно заметить на примере развития сыроделия в Швейцарии. В условиях замкнутого крестьянского хозяйства оно было типично женской работой. Развитие капитализма в специализированных кооперативах и переход к производству твёрдых сыров, годных для торговли, сопровождалось начавшейся в XVI в. «маскулинизацией» сыроделия⁵.

¹ *Segalen M.* Op. cit. (на англ. языке). P. 189.

² Cp.: *Moser O.* Kärntner Bauernmöbel. Handwerksgeschichte u. Früformen von Truhe u. Schrank. Klagenfurt, 1949. S. 21; *Moro O.* "Troackästn" im Nockgebiet // *Zeitschrift für Kärnten*, 1931. № 8. S. 1. Цит. по: *Sandgruber R.* Innerfamiliale Einkommens- u. Konsumaufteilung // *Borscheid P.* u. *Teuteberg H.I.* Ehe, Liebe, Tod. Zum Wandel der Familie, der Geschlechts- u. Generationsbeziehungen in der Neuzeit. Münster, 1983.

³ Cp.: *Sandgruber R.* Die Anfänge der Konsumgesellschaft, Konsumgüterverbrauch, Lebensstandart u. Alltagskultur in Österreich im 18. u. 19. Jahrhundert. Wien, 1982. S. 170.

⁴ Cp.: *Bruckmüller E.* Landwirtschaftliche Organisationen u. gesellschaftliche Modernisierung. Vereine, Genossenschaften u. politische Mobilisierung der Landwirtschaft Österreichs vom Vormärz bis 1914. Salzburg, 1977. S. 161.

⁵ Cp.: *Sandgruber R.* Innerfamiliale Einkommens- u. Konsumaufteilung. S. 139.

В традиционной крестьянской семье жена распоряжалась наличным доходом от продажи молочных продуктов, яиц и домашней птицы. Он служил для покупки необходимых предметов потребления (соли, ткани) и для удовлетворения нужд женщин и детей. Петер Розеггер вспоминает, что его мать должна была защищать от недовольства отца “исконное право крестьянки” держать кур. “Ведь яйца были практически единственным источником её доходов, из этих денег она должна была покупать часть одежды для себя и вдобавок — какие-нибудь мелочи для детей...”¹ Продажей этих продуктов женщина устанавливала регулярные контакты с рынком. Раз в неделю или в месяц она приходила с яйцами, молочными продуктами, птицей на ближайший городской еженедельный или ежемесячный рынок. Выручка от продажи была её единственным регулярным денежным доходом. Дорога на рынок выводила крестьянок вновь и вновь за пределы родного местечка. Рынок знакомил женщин с городской культурой. Вероятно, именно эти, с рынком связанные, контакты с недеревенским миром возвращались уходившим в конце XIX в. в города крестьянским дочерям доброй долей того необходимого оптимизма, который был им свойственен. Многие подбадривали их матери, знавшие, что в городах есть жизнь, не хуже их собственной².

Мужчины посещали рынки другого рода. Зерно предлагалось помещикам, мельникам или оптовым торговцам. Скот гнали на ярмарку или торговец приходил домой сам. Мужчины при этом всегда оставались среди равных себе. Здесь не было конфронтации между городом и деревней. Профессиональное общение крестьян, обсуждавших качество предлагавшегося на торгах скота, обмен знаниями об экономических связях и аграрных и технических новшествах, во многих регионах исключали женщин:

“Это был мужчина, который приходил на ярмарку не только, чтобы продать или купить животное, но также чтобы понять, что происходит. Понимание было результатом длительного наблюдения и долгого опыта, который начинался, когда сыновья помогали отцам в работе и слушали их. Помимо сведений о животных, их дефектах, болезнях, возрасте и т.п. было важно знать, где и когда можно было лучше всего продать свой скот”³.

Рынок скота был и местом, определявшим и выверявшим престиж крестьянской семьи в сельском обществе. Продажа животных влияла на престиж. На кону стояло доброе имя дома. Чтобы вы-

¹ *Rosegger P. Waldheimat, Erinnerungen aus der Jugendzeit. Wien, 1882. S. 249.*

² *Ibid. S. 151.*

³ *Mennon P.-L. et Lecotté Roger. Au village de France, la vie traditionnelle des paysans. Paris, 1945. V. 2. P. 131 (пер. автора).*

держат проверку, нужны были опыт, умение торговаться и терпение. Успех крестьянина на рынке дорогого стоил. В мире, где финансовые операции были редки, где важнейшей из торговых сделок была продажа скота, мужчина должен был решить стоявшую перед ним задачу — добиться в ней успеха. От этого зависел его общественный статус. Им подкреплялись претензии мужчины на господство и особые права. Тот факт, что женщина часто не допускалась как к участию в сделках по продаже скота, так и к общению мужчин, связанному с торгами, представляется одной из важнейших узловых характеристик экономических и культурных детерминант крестьянской патриархальности. “Кто своего коня пускает пить у каждого брода, а свою жену — на каждый праздник, коня своего превращает в клячу, жену свою — в шлюху”, — гласила известная во многих крестьянских районах Франции пословица¹. Здесь проявляется (опустим примечательное уподобление коня и жены) глубоко укоренившееся недоверие крестьянина ко всему чужому, ко всякому скрытому от его знания и контроля влиянию на его жену. Сексуальный подтекст, содержащийся в этом высказывании, в истории встречается всегда, когда мужчины вследствие общественных перемен непривычным для себя образом “теряют из виду” жён. Так, многие промышленные рабочие первого поколения называли “шлюхами” работавших в городах на фабриках девушек и женщин. Как и крестьяне, они с подозрением относились к встречам их жён с мужчинами в местах, находившихся вне их контроля. Они стремились как можно скорее вернуть женщин из сферы заводской жизни в легко контролируемую домашнюю среду.

Обобщим характерные черты отношений господства и подчинения между мужчинами и женщинами, определяемых особенностями разделения труда и форм общественной активности семьи.

Первое. Женщины всегда исполняли не связанную или мало связанную с товарным производством работу или участвовали в ней вместе с мужчинами в соответствии с критериями близости к дому и физической силы. Если работа, ранее исполнявшаяся исключительно или в том числе женщинами, принимала товарный характер (и механизировалась), приносила доход и тем самым повышала общественный статус работающего, она становилась мужской. Женщины были ограничены не связанной с рынком работой в сельском и домашнем хозяйстве. “Профессионализация” сельскохозяйственных работ часто сопровождалась их “маскулинизацией”. Тем самым возрастало преобладание мужчин в обществе.

Второе. Росту значения женщин в крестьянском домашнем хозяйстве противостоит почти повсеместная их дискриминация в общественных местах села (рынок, церковь, собрание общины). Сло-

¹ Ср.: *Segalen M. Love and Power...* P. 153.

жившееся разделение труда и поделенная между супругами власть над работниками и работницами вследствие целостности семейной жизни и хозяйства, свойственной “всему дому”, показывают, как значительно крестьянки были втянуты в производство и не ограничивались только заботами о воспроизводстве семьи. В сельской общественной жизни, однако, крестьянки во всём были позади мужчин. Кажется, что перед обществом, в котором доминировали мужчины, прямо-таки стояла задача символически (например, манерой говорить, распределением мест в процессиях, культурой крестьянских кабаков) постоянно утверждать мужское господство, как будто бы вопреки повседневному опыту домашней ответственности и нагрузки, лежавших на женщинах.

Третье. Очевидно, что оценка женщины и её труда зависела не от её объективной роли в обеспечении существования семьи; она определялась прежде всего обладавшей соответствующей властью общественностью и эту общественность крепко держали в руках мужчины. Так было не только в крестьянских регионах Западной и Центральной Европы. По-видимому, это было характерной чертой обществ, которая не зависела от среды, и которая, хотя и в усечённой форме, сохранилась и сегодня. Повсеместная патриархальность основывается на полном господстве мужчин в местной и региональной общественной жизни. Общественные функции мужчин имели решающую силу, формировавшую идеологию (церковь, определявшие местную политику сельские чиновники). Корни этого явления многообразны. В целом можно утверждать, что пути истории от политических собраний нового времени вели к средневековым судебным заседаниям и от них к народным собраниям ранних обществ¹. Связь воинского статуса с правом принятия политических решений на всех этапах исторического развития европейского общества исключала или по меньшей мере оттесняла женщин на задний план в различных формах политической общественной жизни.

Четвёртое. В ещё более общем виде можно говорить о связи между “внешней” и “внутренней” (внутри и около дома) деятельностью. Деятельность вне дома почти всегда отводилась мужчинам. Там, где вблизи от дома собирались женщины, занимавшиеся необходимой для семьи и хозяйства работой, как правило, возникали специфические женские формы общественной жизни (например, “посиделки за прялкой”, базары, где продавали яйца и птиц). Отсутствие мужчин в данном случае ни в коей мере не шло на пользу женщинам, как это всегда бывало в обратной ситуации (см. пример с ярмарками скота). Едва ли при какой-либо другой форме хозяйства, кроме крестьянского женщина была так втянута в производство. Кре-

¹ Ср.: *Mitterauer M. Geschlechtsspezifische Arbeitsteilung in vorindustrieller Zeit // Frauenarbeit in der Geschichte // Beiträge zur Historischen Sozialkunde. 1981. № 3. S. 86.*

стьянская семья всё же оставалась глубоко патриархальной, так как труд крестьянки был, собственно говоря, “необщественным”. Это объясняется, с одной стороны, недостаточным развитием местной политической общественной жизни в крестьянских обществах Центральной и Западной Европы, а с другой — тем, что крестьянка находилась в жёстко ограниченном пространстве дома, ближайших окрестностей, работ, не связанных с рынком. То же относится и к надомной промышленности (см. гл. II). Только способ производства, основанный на промышленном наёмном труде, смог допустить, пусть и значительно ограниченное и урезанное, участие работающих женщин в местной и региональной общественной жизни. Только тогда началась, и не без массового сопротивления мужчин, интеграция женщин в местные и региональные формы общественной политической жизни. Только тогда политические права женщин и их эмансипация от мужского господства стали темой публичных устных и письменных дискуссий. Только тогда начался, если будет позволено сказать коротко, долгий исход женщин из старой патриархальной Европы.

4. Дети и подростки

Мнение о том, что крестьянские дети рассматривались родителями с точки зрения потребностей домашнего хозяйства прежде всего как работники и наследники распространено широко. И напротив, высказываются самые разные оценки жертв, которые приносили в связи с этим крестьянские дети¹. По мнению Эдварда Шортера, детство крестьян (и сельских низов) в XVIII–XIX вв. было прямой противоположностью детству в современных индустриальных обществах. Крестьянские матери XVIII–XIX вв. относились к своим детям намного равнодушнее и без особой чувствительности. Об этом же свидетельствуют высокая детская смертность того времени, отчёты врачей и описания весьма небрежного отношения матерей к младенцам. Частые смерти младенцев и маленьких детей матери воспринимали по большей части апатично². Элизабет Бадинтер и другие авторы пришли к выводу, что *материнство* не является извечным и “естественным” свойством женщин, что *материнская лю-*

¹ См. сформулированный Э. Шортером тезис, согласно которому эмоциональная связь между родителями и детьми является “современным изобретением”. Schorter E. Der Wandel der Mutter-Kind-Beziehung zu Beginn der Moderne // Geschichte u. Gesellschaft. 1975. Bd. 1. S. 256; Он же. The Making of the Modern Family. N.Y., 1975; то же на нем. яз.: Die Geburt der modernen Familie. Reinbek, 1977; ср. аналогичное: Mause L. de. Hört ihr die Kinder weinen. Eine psychogenetische Geschichte der Kindheit. Frankfurt, 1977.

² Schorter E. Die Geburt... S. 195 ff.

бовь, таким образом, не вытекает из их “природного инстинкта”. Как *общественная норма* они возникли вместе с понятием “женской природы” и реально произошедшей в конце XVIII — начале XIX вв. сменой стоявших перед женщиной целей. После долгого периода безразличного и равнодушного отношения к детям, только в XIX в. материнство возвысилось в доселе неизвестной степени до идеала и теории “естественного предназначения” женщин¹. Карола Липп, напротив, считает совершенно недостаточными² предлагаемые специалистами в области исторической психологии объяснения равнодушия массы европейских матерей в XVIII–XIX вв. к страданиям и слезам своих младенцев и маленьких детей отсутствием “эмпатии” и “непосредственности”³. Ниже будут очерчены важнейшие характеристики отношений между родителями и детьми в крестьянском доме и предпринята попытка их оценки в социальном и экономическом контексте крестьянского домашнего хозяйства.

С учётом уже сказанного о крестьянстве Центральной Европы XVIII–XIX вв. едва ли покажется удивительным, что у родителей-крестьян было мало времени, чтобы посвящать себя детям в той степени, которую сегодня мы назвали бы “положенной, законной”. В любом случае, и это не следует выпускать из вида, положение крестьянских детей в XVIII–XIX вв. *в целом* отличалось от детства других социальных слоёв и других эпох. Крестьянская семья на задачах репродукции, тем более социализации, сконцентрирована ещё не была. Лица, связанные родством или браком, в ней жили и работали вместе с неродными членами домового сообщества. Тесное переплетение детской жизни с ежедневной работой в хозяйстве, тесный контакт с окружающим ландшафтом и животными создавали ситуацию, которую лишь с большой осторожностью можно сравнивать с совершенно отличными по социальной, экономической и культурной структуре обстоятельствами жизни детей в более позднее время. При этом особенно опасно считать сегодняшний стандарт социального и психического обращения с детьми “естественным” и *не* зависящим от культуры и эпохи, и по нему измерять семейные отношения в прошлом.

Без сомнения, в старом крестьянском доме не существовало защищённой, отгороженной от жестокости борьба за крестьянское существование “детской” сферы. Воспитание детей было неотъемлемой частью всех домашних хозяйственных и жизненных процес-

¹ *Badinter E. L'amour en plus. P., 1980. То же в пер. на нем. яз.: Badinter E. Die Mutterliebe. Geschichte eines Gefühls vom 17. Jahrhundert bis heute. München, 1981.*

² *Ср.: Schorter E. Der Wandel... S. 257.*

³ *Lipp C. Gerettete Gefühle? Überlegungen zur Erforschung der historischen Mutter-Kind-Beziehungen // Sozialwissenschaftliche Informationen. 1984. Bd. 13. S. 59.*

сов. Матери оставляли младенцев на кухне или на краю поля, когда им надо было работать. Там младенец зачастую надолго оставался один. Младенцы и маленькие дети нередко находились под присмотром их старших братьев и сестёр¹. Так называемое “тугое пеленание”, по всей видимости, было распространено практически повсюду в Европе XVIII — начала XIX вв.² Младенцев пеленали в длинные пелёнки так туго, что они не могли пошевелить ни руками, ни ногами. Очевидно, что это должно было прежде всего “успокоить” ребёнка. Крестьянские кормилицы из Куссета, например, спелёнутых в “столбик” детей просто вешали на гвоздь, если им нужно было отлучиться по своим делам³. Следствием, как можно предположить, было крайне медленное развитие двигательных способностей младенца. В данной практике пеленания можно увидеть и признак того, что игровое взаимодействие между младенцем и матерью (или кормилицей) не могло иметь места, да и не предусматривалось. С другой стороны, младенцев таким образом оберегали от несчастных случаев и заболеваний (открытые заслонки печей, неизбежный сквозняк в задымлённой кухне). Тугое пеленание требовало очень много времени и поэтому пелёнки, особенно в периоды пика работ, менялись очень редко. Результаты известны из сообщений врачей: были распространены воспалительные заболевания различных участков тела и инфекции. Для многих европейских регионов есть свидетельства, что периоды повышенной производственной интенсивности в деревне совпадают с периодами повышенной младенческой смертности. В окрестностях Монпелье, например, женщины в определённые сезоны года всегда занимались сбором листьев тутового дерева или гусениц тутового шелкопряда. “Когда растёт гусеница тутового шелкопряда, большинство детей отправляется в рай”, — гласит поговорка⁴. В других местностях много детей, остававшихся без присмотра матерей, занятых на поле, умирало во время сбора урожая конопли или зерновых. Кроме того, во время страды особенно велика была опасность инфекций или эпидемий⁵. В течение XIX в. сначала в Англии, затем во Франции и, наконец, с заметным опозданием, также в Германии и Австрии в народе от практики тугого пеленания постепенно отказы-

¹ *Lipp C. Gerettete Gefühle?.. S. 67.*

² Ср.: *Shorter E. Der Wandel... S. 271 ff.*, и цитируемая медицинско-топографическая литература.

³ *Ibid. S. 273.*

⁴ *Mourgeu J.A. Essai de statistique (Montpellier). Paris, 1801. P. 27: “a donné lieu a un proverbe qui dit que le temts anquel on éleve les vers a soie, est le temps auquel on peuple le plus le paradis”.* Цит. по: *Shorter E. Der Wandel... S. 260.*

⁵ *Ibidem.*

вались — примерно сто лет спустя после того, как это начали делать, учитывая советы врачей и желая дать двигательную свободу младенцам, в верхних и нижних городских слоях¹.

Распространение колыбелей и пустышек, помимо тугого пеленания, также свидетельствует о преобладавшем стремлении обеспечить в условиях жизни и работы деревенского населения необходимую неподвижность младенцев и малышей. Врачи осуждали эту практику и предупреждали о её последствиях². Другой, статистически, вероятно, более значимой причиной высокой младенческой смертности было кормление грудничков кашами, коровьим и козьим, вместо материнского, молоком. Вызванные этим заболевания желудка и кишечника часто приводили к смерти младенца. Во многих европейских странах, прежде всего во Франции, господствовал так называвшийся “французским” обычай передавать младенца “кормилице”. В то время как в середине XVIII в. среди горожан наметилась чёткая тенденция к грудному вскармливанию, как раз “простые француженки” должны были нанимать кормилиц для детей, чтобы самим иметь возможность работать³. Сообщения из Германии и Австрии, напротив, говорят о том, что крестьянские матери в основном сами вскармливали своих детей. Грудное кормление повышало шансы детей на выживание, прежде всего потому, что снижало число желудочно-кишечных заболеваний. Отсутствие овуляций во время грудного кормления, увеличивавшее интервалы между родами, также увеличивало шансы на выживание у вновь родившихся⁴.

С детьми, которых за плату брали из воспитательных домов в бедные семьи (*Kostkinder*), по-видимому, часто обращались небрежно. Пособие на воспитание этих детей для многих семей крестьян-хэуслеров было желанным пополнением скудного дохода. “Экономное” питание взятых на воспитание детей показывает, что к ним относились скорее как к “вещам”. Два примера из удалённых друг от друга регионов Европы могли бы это проиллюстрировать. Французский врач описывает, как в 1900 г. он, объезжая осенью

¹ Ibid. S. 275.

² *Pfreur C.* Über das Verhalten des Schwangeren, Gebärenden u. Wöchnerinnen auf dem Lande, u. ihre Behandlungsart des Neugeborenen u. Kinder in den ersten Lebensjahren // *Jahrbuch der Staatsarzneikunde*. 1810. 3. S. 43–74, особо 63. Цит. по: *Schorter E.* Der Wandel... S. 259; ср. также: *Faust B.C.* Gesundheits-Katechismus zum Gebrauche in den Schulen u. beim häuslichen Unterrichte. Brückeburg, 1794. S. 17. Цит. по: *Kinderstuben. Wie Kinder zu Bauern, Bürgern, Aristokraten wurden. 1700–1850* / Hg. J. Schlumbohm. München. 1983. S. 54.

³ *Schorter E.* Der Wandel... S. 264.

⁴ Ср.: *Knodel.* Breast Feeding. P. 111

Иль-де-Рё (у побережья Ля-Рошели), часто находил крестьянские хижины запертыми. Младенцев оставляли в колыбелях, “около них лишь немного фруктов или горбушка хлеба, может быть даже более или менее чистая тряпка для сосания”¹. В Штирии в 1920 г. некая служанка отдала своего внебрачного ребёнка за плату в семью хэуслеров. Однажды, не предупредив заранее, она захотела навесить ребёнка. Дом был заперт. Соседка рассказала ей, что приёмная мать работает на подёнщине и приходит домой только вечером. Когда матери, наконец, удалось проникнуть в дом, она нашла ребёнка сидящим на полу и тихо плачущим. Рядом с ним стояла посуда со сливами, на полу лежало несколько корок хлеба². Подобных примеров можно привести множество.

В целом мнение о том, что родные и приёмные матери не могли проникнуться заботой о младенцах и маленьких детях, кажется вполне обоснованным. К детям относились фаталистически: ребёнок или выживал, или умирал. Смерть маленького ребёнка как бы “восполнялась” рождением следующих детей. Незнание причин и взаимосвязей давало простор *мистизму*. В мире, где рождение ребёнка таило смертельную опасность жизни матери, обостряло проблемы пропитания семьи, угрожало потерей работы незамужней служанке, оно вызывало страх, беспокойство и даже агрессию. “Не случайно вина и наказание играли большую роль в суевериях, сопровождавших беременность и роды”³. На ребёнке отражались страхи взрослых. Карола Липп доказывает, что магическое мышление и ритуальное поведение, связанные с беременностью и родами, имели не индивидуальную природу, а коренились в особенностях их коллективного осмысления. Отдельная личность в крестьянских обществах идентифицировалась в целом через символический образ действий социальной группы, к которой она принадлежала. Человек подчинялся застывшей “позициональной” структуре деревни, домового сообщества, группы, состоявшей из родителей и детей. Здесь не было места ни для индивидуального формирования личности, ни для “интроспекции” в души других. Индивидуальные мотивы почти не имели никакого значения; что учитывалось, так это манера и способ каждого соответствовать своему месту в системе сельского общества⁴. Этот основной принцип, лежавший в основе

¹ *Drouineau A. Géographie médicale de l'île de Ré. Paris, 1909. P. 72; цит. по: Schorter E. Der Wandel... S. 269.*

² *Fochler M. Род. в 1922; цит. по: Mägde. Lebenserinnerungen an die Dienstbotenzeit bei Bauern / Hg. T. Weber. Wien u.a., 1985. S. 170.*

³ *Lipp C. Gerettete Gefühle?.. S. 63.*

⁴ К концепции “позициональной” и “персональной” систем семьи и их воздействию на развитие личности см.: *Bernstein B. Ein sozio-linguistischer Ansatz zur Sozialisation: Mit einigen Bezügen auf Erziehbarkeit // Он же. Studien zur sprachlichen. Düsseldorf, 1972. S. 200 ff., а также: Pädagogische Psychologie / Hg. C.F. Graumann u. H. Heckhausen. Frankfurt, 1973. T. I. S. 257 ff.*

принятого в деревне образа взаимной деятельности крестьян, вступал в действие в известной степени уже с рождением младенца. Это не значит, что человеческие отношения в подобных обществах не имели “эмоционального качества” или что матери не испытывали “никаких чувств” к своим детям. Они только по-другому воспринимались и выражались не интроспективно эмпатией и словом, а символами и ритуальными действиями¹. Чем иным можно было бы объяснить, что за детьми, из-за недостатка знаний и невозможности проявления чувств, плохо ухаживали, плохо кормили, они часто умирали вследствие ненадлежащего обращения, дурного присмотра и неправильного питания, что даже родители со страхом задумывались об утоплении новорождённого? И чем следовало бы объяснить то, что даже мёртворождённых детей отпевали в церкви и хоронили с надлежащими погребальными церемониями и звоном колоколов, идя на значительные затраты?² “Чувства” и “эмоции”, как следует из сказанного, ни в коей мере не являются вневременными, универсальными константами, наличие или отсутствие которых позволительно просто фиксировать; они изменяются социально и исторически. Наконец, как представляется, они зависят в какой-то мере от средств обеспечения существования как в духовном, так и в экономическом смысле. Поэтому утверждение Шортера о том, что европейские матери в эпоху, предшествовавшую современности, “равнодушно” относились к детям, которые поэтому попадали “в жуткую смертельную мельницу” традиционного воспитания³, кажется слишком поверхностным. Если историки хотят исследовать столь сложную область социальных и психических связей, им следует усовершенствовать терминологию и теорию.

Подраставших детей часто встречала чрезвычайная суровость родителей и других взрослых, в первую очередь тогда, когда начиналось их приобщение к труду. Чуть ли не с четвёртого года жизни детям поручалась работа, представлявшаяся соразмерной их физическим возможностям. Чем больше было хозяйство, тем дифференцированнее — возрастное и половое — разделение труда. С определённого возраста работа часто разделялась на выполняющуюся мальчиками и девочками. Так как многие крестьяне в дополнение к сельскохозяйственным работам занимались кустарными промыслами, то труд крестьянских детей в этой области едва ли отличался от труда детей хэуслеров и инвонеров. Последовательная градация их рабочих способностей, которая определяла престиж внутри дома, выделяемое количество пищи и символическую субординацию, перенималась детьми. Они сами ориентировались на собственную работоспособность, в соответствии с нею определяли уровень само-

¹ *Lipp C. Gerettete Gefühle?.. S. 64.*

² *Kinderstuben... / Hg. J Schlumbom. S. 70.*

³ *Schorter E. Der Wandel... S. 287.*

оценки. Критерии сельской крестьянской работоспособности осознались внутренне: “Настолько привыкали к определённой работе, что со стороны родителей не нужно было ни принуждения, ни угроз, ни брани”¹. Работа, в которую постепенно вращал ребёнок, была многообразна: от работ в поле, на лугу, в лесу, со скотом до изготовления инструментов, продуктов питания, тканей и т.п. Кроме того, происходила смена работ согласно дневному и годовому циклам.

Положение ребёнка среди братьев и сестёр зависело в значительной мере от принципа наследования (единонаследие или свободный раздел наследства), преобладавшего в данном регионе. В областях единонаследия рано или поздно в особом положении среди детей оказывался будущий наследник. По-видимому, в большей степени это было выражено в районах майората (*Primogenitur*), чем в районах минората (*Ultimogenitur*). Первенец, предназначенный быть наследником крестьянского двора, рос в своей роли, занимая более высокое положение в правах и обязанностях среди младших братьев и сестёр². В любом случае нельзя выпускать из вида, что во многих европейских регионах порядок наследования определялся не точными правилами, а комплексом семейных соображений. Учитывались многолетние наблюдения за способностями и личными качествами детей, не в последнюю очередь — интерес родителей, которые могли и далее оставаться в роли домохозяев или должны были в силу сложившихся обстоятельств передать хозяйство наследнику раньше. Что имело значение в отношениях детей к своим родителям и отношениях между детьми, судить трудно. То, что в основной массе семей они были более двойственны и в большей степени проникнуты взаимным соперничеством, чем в семьях, где выбор наследника не имел социального и экономического значения, можно считать несомненным. Пьер Бордьё на примере деревни в Пиренеях показал, что положение предположительного наследника было чрезвычайно трудным. Родители требовали от него участия во всех работах и обширных знаний. Пока он не взял власть в доме, ему зачастую предоставлялось меньше прав, чем другим возможным наследникам на том основании, что однажды он и так получит “всё”. К нему предъявлялись требования поддержки в старости, от него же, однако, исходила непосредственная угроза привилегиям родителей³.

¹ *Schad J.B. Lebensgeschichte. Bd. 1. Altenburg, 1828. S. 9; цит. по: Kinderstuben... / Hg. J. Schlumbom. S. 70.*

² Ср.: *Rosenbaum H. Formen der Familie. S. 97.*

³ *Bourdieu P. Marriage Strategies as Strategies of Social Reproduction // Family and Society / Ed. by R. Foster and O. Ranum. Baltimore, 1976. P. 131. (Франц. ориг.: Annales. 1972. T. 27. P. 1105–1125.*

Часто одну из дочерей заставляли состоять при престарелых родителях и идти с ними на стариковский выдел. Есть свидетельства из разных местностей, что для обеспечения себя родители не останавливались даже перед отказом в приданом или систематической демонстрации дочерней “глупости”, чтобы свести к нулю её шансы выйти замуж. Альберт Илиен и Утц Еггле смогли доказать, что деревенские жители в Швабии не называли девушку глупой, а говорили, что её “сделали дурочкой” или, точнее, — “держат за дурочку”. Здесь, как бывает часто¹, выдаёт язык. Бордьё также писал о Пиренеях, что одну дочь в доме часто “делали глупой”. Так экономили на её приданом и держали как прислугу в родительском доме².

В районах со свободным разделом наследства отношения между братьями и сёстрами также были не лишены напряжения. Дети рассматривали рождение каждого нового ребёнка весьма реалистично — как уменьшение собственных шансов на будущее. Каждый последующий ребёнок при неизменных продовольственных возможностях уменьшал жизненный уровень на “порядочную и точно исчисляемую величину”³. При разделе родительского имущества между имеющими право наследования детьми конкуренция, зревшая до сих пор исподволь, становилась явной. Кто что получит: какой участок пашни, какое пастбище, какой скот? Разницу в качестве едва ли можно было выровнять. Соперничество между братьями и сёстрами могло вырасти до экономической конкуренции. От братской любви часто не оставалось и следа⁴.

Дети в крестьянском доме учились “не столько говоря и слушая, сколько непосредственно участвуя”⁵. Обучение ни в коей мере не ограничивалось зачастую романтизируемыми отношениями между отцом и сыном — крестьянами. Четырёхлетний крестьянский мальчик сопровождал десятилетнего пастушка⁶, девочка училась у “старшей работницы”. В рабочей иерархии, в равной степени охватывавшей крестьянских детей работоспособного возраста и работников, младший учился у старшего; иерархическая структура крестьянской семьи, таким образом, закреплялась в сознании не столько авторитетом положения и властью, сколько уровнем работоспособности. При этом старшим по возрасту работникам нередко отводилась подчёркнуто авторитарная в отношении крестьянских де-

¹ *Ilien A., Jeggle U. Leben auf dem Dorf. Wiesbaden, 1978. S. 76.*

² *Bourdieu P. Marriage Strategies... P. 132.*

³ *Bourdieu P. Marriage Strategies... P. 75.*

⁴ *Ср.: Rosenbaum H. Formen der Familie. S. 101.*

⁵ *Kinderstuben... / Hg. J. Schlumbohm. S. 71.*

⁶ *Die Erziehung des lippischen Landsmanns // Lippisches Intelligenzblatt. 1789. S. 5 ff; цит. по: Kinderstuben... / Hg. J. Schlumbohm. S. 71.*

тей роль. Иерархия крестьянской организации труда нередко точно также отражалась и на “репродуктивной стороне” крестьянской семейной жизни: за столом, по пути в церковь, что вновь показывает, насколько неразрывно здесь были переплетены структуры производства и потребления.

Школа до конца XIX в. оставалась совершенно чуждой принципам крестьянского мира, будучи не связанной с непосредственным опытом формой обучения. Она оставалась и в дальнейшем, если прочитать автобиографические материалы с этой точки зрения, малозначащим второстепенным делом. В целом действовало правило: детей только тогда посылали в школу, когда было свободное от работы в хозяйстве время. Регулярное посещение школы обычно происходило только зимой, однако в альпийских регионах этому часто препятствовали трудности зимнего времени¹. С другой стороны, школьная администрация в сельских районах приспособлялась к условиям сельского хозяйства. На время сбора урожая школьные занятия прерывались (“каникулы на время страды”, “летние каникулы”). Подобно другим группам населения, которые использовали детей в хозяйстве, крестьяне нередко враждебно относились к школе. Только в конце XIX в. после длительного сопротивления родителей-крестьян (и родителей-надомных рабочих)² в большинстве стран Центральной Европы удалось ввести регулярное посещение школы сельскими детьми³.

С наступлением возраста полового созревания крестьянские дети присоединялись к местным молодёжным группировкам. Но если девушки долго не имели организованных форм общения, за исключением встреч типа “*посиделок за прялкой*”, то юноши во многих сельских районах Европы достигли высокой степени институционализации. Имевшие различные региональные названия⁴ компании неженатых парней-буршей данной деревни решали разные задачи, прежде всего регулирования выбора партнёра и подготовки к вступлению в брак. По пути в церковь и из церкви, на танцах во

¹ Ср.: *Titze H.* Die Politisierung der Erziehung. Frankfurt, 1973; а также цитаты из автобиографических сообщений в работе: *Rosenbaum H.* Formen der Familie. S. 96.

² В Пруссии обязательное школьное обучение введено в 1717 г. и подтверждено во Всеобщем Прусском Своде Законов 1794 г. В Австрии обязательное обучение ввела Мария-Терезия; закреплено Имперским Законом о народных школах 1869 г.

³ Ср.: *Mitterauer M.* Der Kampf um das Reichsvolksschulgesetz 1869. Wien, 1949; *Titze H.* Op. cit. 40 ff.

⁴ Ср.: *Mitterauer M.* Ländliche Jugendgruppen // *Он же.* Sozialgeschichte der Jugend. Frankfurt, 1986. S. 164 ff.

время карнавала, ярмарках, свадьбах и похоронах и т.п. компании холостых парней придумывали различные обычаи и ритуалы, посредством которых они пытались защитить свои интересы перед взрослыми и буршами других селений и приходов (конкуренция на “брачном рынке”). С их помощью они также старались подчинить членов своих компаний деревенским социальным нормам, действующим правилам общения полов. В этом отношении компании буршей участвовали в выработке норм поведения и идеологии. Примечательно, что, как правило, в эти компании входили как сыновья крестьян, так и деревенских низов. Здесь были представлены в равной степени и вероятные наследники двора, и те, кто едва ли могли ими стать, и работники, и подёнщики. Пол, возраст и “статус” (главное — половая зрелость и холостое положение) являлись критериями принадлежности к группе.

Создаётся впечатление, что в компании парней стирались противоположности социальных классов и слоёв. В своей внутренней жизни компания строилась на принципах иерархии, структурированной, в первую очередь, по возрасту. Вопреки принижённому социальному положению, ведущую роль в ней могли играть старшие по возрасту батраки. Однако, местный брачный рынок компания буршей регулировала по критериям земле- и домовладения и связанного с ними социального престижа, принятыми в дифференцированном обществе. Сообщества холостых парней с их обрядами посвящения и пивными обычаями, а также выраженной иерархией (выборы старшего как вожака) составляли сектор сельской общественной жизни. Доступ в него был возможен только молодым мужчинам. Девушки из этой части общественной жизни были исключены. Им везде отводился только статус объекта в действиях компании парней. В коллективно контролировавшихся буршами “уличных прогулках”, “лазаньях в окна”, на проходивших по определённым правилам танцах во время народных праздников к девушкам относились преимущественно как к объекту находящегося в руках мужчин регулирования выбора партнёра и подготовки к браку¹. На посиделках, к которым церковные и светские власти всегда относились с недоверием и критикой (см. гл. II), женская молодёжь деревни собиралась для совместной работы. Посещения парней, постоянно клеймившиеся церковью и светским начальством как несущие опасность “безнравственности”, проходили по тем же главным правилам, что и “влезания в окна”, “уличные прогулки” и т.п.: парни компанией и “открыто” шли по улице, девушки *ожидали* их прихода в доме².

¹ Ср.: *Wikmann K.R.V.* Die Einleitung der Ehe. Eine Vergleichend ethno-sociologische Untersuchung über die Vorstufe der Ehe in der frühen Neuzeit // *Sozialgeschichte der Freizeit. Untersuchungen zum Wandel der Alltagskultur in Deutschland* / Hg. G. Huck. Wuppertal, 1980. S. 19 ff.

² Ср.: *Medick H.* Spinnstuben auf dem Dorf. Jugendliche Sozialkultur u. Feier-

Касавшиеся только парней пивные обычаи подчёркивали мужскую привилегию устанавливать правила общественной жизни и влиять на социальный статус. Разделение парней и девушек в церкви или на свадьбах представляло собой не только пространственное обособление сельской молодёжи по полу, но одновременно отражало оформление мужских коллективов как “политической”, нормообразующей и наблюдающей за выполнением норм сферы, из которой девушки были исключены. Силу регулирующего воздействия компании парней показывали прежде всего при нарушениях действовавших обычаев, организуя проявление общественного осуждения (“кошачьи концерты” и т.п.)¹, а также в организации карнавалов, во время которых социальный порядок сельской жизни “ставился на голову” и тем самым одновременно укреплялся. Различными свадебными обычаями (“преграждение пути”)², которыми парни символически выражали отношения полов, мужская часть молодёжи интегрировалась “в” (и “наряду с” домашним давлением) близкий домашнему патриархату социальный порядок деревни, усваивала его принципы, иерархию и ценности. В этом отношении формы общения мужской и женской молодёжи готовили сегрегацию социальной и политической культуры взрослых в сельских обществах. Они вели молодёжь в общество взрослых, в котором женщины в значительной степени были исключены из нормообразующих и важных для социального статуса форм региональной и местной жизни и направлены в немногочисленные специфически “женские” сферы общения.

5. Батраки

Для крестьянских обществ Западной и Центральной Европы характерно удовлетворение потребности в рабочей силе не только за

abendbrauch in der ländischen Gesellschaft der frühen Neuzeit // Sozialgeschichte der Freizeit... / Hg. G Huck. 19 ff.

¹ По теоретическому описанию феномена см.: *Thompson E.P.* “Rough Music” oder englische Katzenmusic // *Он же.* Plebeische Kultur u. moralische Ökonomie. Frankfurt u.a., 1980. 131 ff., а также работы по фольклористике об обычаях порицания и компаниях молодёжи, ср. прочих: *Scharfe G.F.* Zum Rügebrauch // *Hessische Blätter für Volkskunde.* 1970. 61. S. 45 ff.; *Meyer G.F.* Brauchtum der Jungmannschaften in Schleswig-Holstein. Flensburg, 1941; *Wackernagel H.G.* Altes Volkstum in der Schweiz. Basel, 1956; *Jungwirth H.* Die Zeche des oberen Innviertels // *Zeitschrift für Volkskunde.* 1932. № 3. S. 31; *Fielhauer H.P.* Die “Schwarze” u. die “Weiße Braut” beim Begräbnis Lediger // *Das Waldviertel.* 1970. No. 19. S. 72 ff.; *Burgstaller E.* Burschenbrauchtum II — termingebundene Unruhenächte. Kommentar zum Österreichische Volkskundeatlas.

² Ср.: *Dünniger D.* Wegslerre u. Lösung. Berlin, 1967.

счёт привлечения лиц, связанных родством и браком, но и посторонних людей. За исключением северогерманских и остэльбских областей, где преобладали помещичьи имения и крупные хозяйства, а связанные с ними семьи подёнщиков (Heuerlinge, Insten, Dreschgärtner, Kossäten) жили в собственных домиках вблизи помещичьего двора, спрос на рабочую силу в крестьянских районах Центральной и Западной Европы удовлетворялся за счёт интегрированных в крестьянское домовое сообщество и зависимых с точки зрения домашнего права батраков¹. Восточно- и южноевропейская крестьянская семья, напротив, при низком брачном возрасте и очень *сложных семейных формах* могла обеспечить достаточное количество работников из парной супружеской семьи и включенных в состав домашнего сообщества родственников. Большинство состоявших из нескольких поколений и нескольких групп родителей с детьми крестьянских хозяйств (*joint families*)² в Центральной России и Балканах (*задруга*) батраков не имели³.

Если для детей инвонеров, хэуслеров, а также многих мелких крестьян “идти батрачить” на крестьянина было привычно, то дети крестьян, которые должны были стать наследниками, как правило, оставались в родительском доме. Часть не имевших наследственных прав крестьянских детей (они покидали родительский дом после того, как он переходил к основному наследнику) также нанимались батраками в чужие дома. Таким образом, слой крестьянских батраков формировался преимущественно из детей сельских низов и мелких

¹ См. как обзор: *Tenfelde K.* Ländliches Gesinde in Preussen // Archiv für Sozialgeschichte. 1979. № 19. S. 189; *Hartinger W.* Bayrisches Dienstbotenleben auf dem Land vom 16. bis 18. Jahrhundert // Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte (ZBLG). 1975. № 38; *Schulte R.* Bauernmägde in Bayern am Ende des 19. Jahrhunderts // Frauen suchen ihre Geschichte / Hg. K. Hausen. München, 1983; *Otrmayr N.* Ländliches Gesinde in Oberösterreich 1918–1938 // Familienstruktur u. Arbeitsorganisation... / Hg. J. Ehmer u. M. Mitterauer, *Mitterauer M.* Gesindedienst u. Jugendphase im europäischen Vergleich // Geschichte u. Gesellschaft. 1985. Bd. II. S. 177; *Scharfe M.* Bäuerliches Gesinde im Württemberg des 19. Jahrhunderts // Arbeiteralltag in Stadt u. Land. Neue Wege der Geschichtsschreibung / Hg. H. Haumann. Berlin, 1982. S. 40; *Walleitner J.* Der Knecht. Lebens- u. Volkskunde eines Berufsstandes im Oberpinzgau. Salzburg, 1947; *Grissmeir J.* Knecht u. Magd in Südtirol, dargestellt am Beispiel der bäuerlichen Dienstboten im Pustertal. Innsbruck, 1970.

² По терминологии форм домохозяйств см.: *Laslett P.* Introduction // Он же., *Wall R.* Household and Family in Past Time. Cambridge. 1972. P. 28.

³ Ср.: *Czap P.* “Eine zahlreiche Familie — des Bauern größter Reichtum”. Leibeigenhaushalte in Misino, Russland. 1814–1858 // Historische Familienforschung / Hg. M. Mitterauer, R. Sieder. S. 192; *Mitterauer M., Kagan A.* Russian and Central European Family Structures: A Comparative View // Journal of Family History. 1982. № 7. P. 103.

крестьян, но частично и из не вступавших в наследство детей крестьян.

В центральноевропейских регионах холостые батраки принимались в крестьянский дом чаще всего на время. Из того факта, что они включались в состав крестьянского дома, следует, что батрак был по большей части неженатым¹. Отсюда также ясно, что батраками или батрачками были преимущественно люди на втором-третьем десятке лет, в целом это состояние не являлось пожизненным. С заключением брака, если он был возможен, оно прекращалось. Дети крестьян могли при случае, вступив в брак, войти во владение хозяйством или, получив долю в наследстве, стать хозяином небольшого дома. Статус остальных работников не был одинаков: это были батраки (*Gesinde*), инвонеры, жившие на подворье как работники, или хэуслеры, нанимавшиеся крестьянами для работы лишь на определённое время. Социальная неоднородность (основанная на происхождении), временный характер работы, разница перспектив батраков и батрачек на период после окончания срока их найма, позволяют рассматривать крестьянских работников Западной и Центральной Европы не как самостоятельный социальный класс сельского общества, а как особую социокультурную возрастную группу. Только после вступления в брак, следующего за периодом батрачества, индивидуум на более или менее длительный срок занимал место в одном из социальных слоёв сельского общества (большей частью среди деревенских низов).

Разные исследования показали, что развитие крестьянской семьи проходило ряд обособленных фаз². Особенно изменчивый элемент крестьянской семейной структуры составляла подгруппа батраков. Численность батраков в значительной степени определялась применительно к имевшейся в каждом случае потребности в дополнительной рабочей силе. Приглашение батраков зависело, как от одного из важнейших факторов, от количества трудоспособных крестьянских детей. Если дети крестьянской пары были ещё малы и негодны к работе, то батраков в хозяйстве требовалось

¹ Примечательное исключение описал М. Миттерауер для одного прихода в Каринтии: *Mitterauer M. Gesindeehen in ländlichen Gebieten Kärntens — Ein Sonderfall historischer Familienbildung // Beiträge zur Handels- und Verkehrsgeschichte. Graz, 1978. S. 227.* Женатых батраков можно также найти в районах Прибалтики (см.: *Kahk J. u. Uibu H. Familiengeschichtliche Aspekte der Entwicklung des Bauernhofes und Dorfgemeinde in Estland in der Ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Familienstruktur und Arbeitsorganisation... / Hg. J. Ehmer, M. Mitterauer. S. 31–101.*)

² Ср.: *Mitterauer M., Sieder R. The Developmental Process of Domestic Groups: Problems of Reconstruction and Possibilities of Interpretation // Journal of Family History. 1979. № 4. P. 257; они же. Reconstruction. P. 309 ff.*

больше. Подраставшие и обретавшие всё бóльшую трудоспособность дети часто постепенно заменяли батраков или батрачек либо по крайней мере сокращали их количество. Сказанное относится прежде всего к средним по величине крестьянским дворам¹. Большие хозяйства, особенно животноводческие, независимо от числа детей испытывали постоянную потребность в батраках. Здесь возникла чёткая функциональная иерархия работников и работниц. Так, к примеру, некий крестьянин из Зальцбургского Пинцгау, имевший в собственности более 150 югеров земли (примерно 82,5 га — прим. пер.), в 1798 г. нанимал 43 работника обоёго пола². Насколько тесной была связь между наймом батраков и требованиями крестьянского хозяйства, видно из того, что названия батрацких должностей в дворовой иерархии работников соответствовали поручавшимся им работам. На примере уже упомянутого Зальцбургского Пинцгау нам известны различные категории батраков.

Во главе иерархии работников здесь стоял старший батрак. Он представлял крестьянина перед остальными работниками. При необходимости он обсуждал с крестьянином работу на день и распределял подчинённых ему батраков на работу. Важное место в иерархии батраков занимал и дояр, особенно искусный в доении, выработке сыров и уходе за больными животными. Ему помогали женщины-дойрки и мужчина, убиривший навоз. Вслед за старшим батраком и дояром стоял “айнверфер”; его название, вероятно, происходит от наименования одной из операций при заготовке сена (от *einwerfen* — “кидать”, “забрасывать” — прим. пер.). Третий уровень в иерархии занимал старший конюх, которому помогали младшие конюхи. За ним шли батраки, работавшие на скирдовании, сушке и хранении сена (они назывались по работам во время сенокоса). Скотник зимой ухаживал за молодняком и производителями, пастух присматривал за козами, специальный работник — за быками на пастбище. На нижних ступеньках иерархической лестницы стояли садовник и посыльный — юный работник с малоопределёнными задачами. Корчёвщик был поставлен на расчистку пашни; как и пастуха, его нанимали только летом. Среди женщин-работниц часто различали коровницу и свиарку. В крупных хозяйствах имелись также специальные девушки для ухода за курами и гусями. За мелким скотом присматривали как мальчики, так и девочки³. Аналогичными, хотя и не всегда дифференцированными именно таким

¹ Для XVIII и XIX столетий см.: *Mitterauer M, Sieder R. Reconstruction. S. 309 ff; Sieder R. Strukturprobleme der ländlichen Familie im 19. Jahrhundert // ZBLG. 1978. Bd. 41. S. 173.*

² *Walleitner J. Knecht... S. 25. Цит. по: Mitterauer M. Formen landlicher Familienwirtschaft... S. 193.*

³ *Mitterauer M. Formen landliche Familienwirtschaft... S. 201.*

образом, были категории у батраков и в других животноводческих регионах¹. В большинстве средних крестьянских хозяйств батраков было меньше и большинство работ, специализированных в крупных хозяйствах, исполнялось одним батраком или батрачкой. В одном из хозяйств Нижней Австрии, имевшем 40 га земли, в 20-х годах XX в. было занято 8 работников. Старший работник был одновременно конюхом. Ему подчинялись второй и третий работник, а также водонос. Здесь нанимали также доярку, свинарку и кухарку². При значительно меньшем числе батраков функциональная дифференциация, а значит и определённая иерархия рабочего персонала сохранялась.

Работницы-женщины находились под присмотром крестьянки. В целом их престиж значительно уступал престижу мужчин. Это видно уже из порядка поведения за крестьянским столом. По некоторым центральноевропейским регионам, например, по сельскохозяйственным областям Дании, есть сведения, что мужчины за столом сидели, а женщины — стояли³. Порядок за столом *всегда* отражал рабочий порядок⁴. Столь заметное умаление за столом женщины-работницы позволяет говорить об относительной недооценке её труда. Но и тогда, когда женщины за столом сидели, они символически подчинялись мужчинам-батракам, что особенно ясно проявлялось в очередности раздачи пищи и размере порций, неодинаковых по полам. Об отношениях в семьях мелких крестьян Вестмайермарка перед Первой мировой войной сообщается следующее: “Был также обычай, что лучшие куски мяса получали лишь мужчины, а женщины довольствовались кусками худшего качества”⁵. В целом батраки оценивали крестьянские семьи преимущественно по качеству подававшейся пищи. Общественное мнение всегда было в курсе, кто кормил батраков плохо и грубо с ними обращался, а у кого питание было хорошим и сытным. Не в последнюю очередь этим определялось, к каким крестьянам работники, слывшие особенно “прилежными”, нанимались, а какие крестьянские дома они избегали⁶.

¹ Cp.: *Plaul H.* Die Struktur der bäuerlichen Familiengemeinschaft im Gebiete der Magdeburger Börde unter den Bedingungen des agrarrischen Fortschritts in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts // *Familienstruktur und Arbeitsorganisations...* / Hg. J. Ehmer u. M. Mitterauer. S. 417–447.

² *Mägde...* / Hg. T. Weber.

³ Cp.: *Wiegelmann G.* Arbeitsteilung... S. 15.

⁴ Cp.: *Baumgarten.* Die Tischordnung im flten mecklenburgischen Bauernhaus // *Deutsches Jahrbuch für Volkskunde.* 1965. Bd. II. S. 5.

⁵ *Mägde...* / Hg. T. Weber. S. 164.

⁶ Cp.: *Ortmayr N.* Gesinde Ländliches...

Батрачить начинали с раннего возраста. До конца XVIII в. мальчики и девочки могли наниматься в батраки к крестьянину с 10 лет. В XIX в. возраст найма повысился до 12–14 лет, во многом в связи с повсеместным распространением обязательного обучения. Дети инвонеров и хэуслеров часто, однако, были вынуждены идти к крестьянам на лёгкие работы (присматривать за детьми, пасти скот), так и не закончив учёбу в школе¹. Нередко переход к работе происходил постепенно: сначала ребёнок хэуслеров присматривал за малышами жившего по соседству крестьянина только в послеобеденное время, а уж потом его принимали в крестьянский дом. Первую работу обычно находили у родственников или в хозяйствах, с которыми, например, старшими братьями и сёстрами уже были установлены отношения *патроната и клиентелы*. Часто первым хозяином выбирали крёстного отца. Имевшие хозяйственную основу рабочие отношения приобретали при этом дополнительную патерналистскую окраску. Для детей, оставлявших родительский дом, начало работы в крестьянском хозяйстве являлось эмоционально важным рубежом их биографии. По всей вероятности, оно переживалось как порождённая разлукой травма, даже если воздерживаться от обратного переноса “современных”, эмоционально “нагруженных” отношений между родителями и детьми. Имеется множество свидетельств начала XX в. о том, какую боль разлуки, какие трудности испытывали дети, привыкая к жизни на крестьянском дворе². Начало работы на хозяина символически обставлялось как приём ребёнка в домовое сообщество. Мать обычно приходила вместе с ребёнком и представляла его крестьянской семье. Затем все вместе ели (совместный приём пищи как интегрирующий ритуал), и, осмотрев хозяйство, мать оставляла ребёнка на попечение крестьянской семьи³.

Крестьяне набирали батраков из низших слоёв деревенского населения, не имевших наследственных прав членов крестьянских семей или из остававшихся дома ненаследовавших детей крестьян. Поэтому часть батраков состояла в родстве с крестьянской парой⁴. В большинстве центральноевропейских регионов работники у хозяина постоянно менялись, по крайней мере два раза в год⁵. От-

¹ Ср.: *Weber T. Häuslerkindheit. S. 33.*

² *Ibid; Ortmayr N. Gesinde Ländliches...*

³ См. точное описание “поступления на службу” работника в Верхней Австрии у Ортмайра (*Ortmayr, Dienstboten*). “Представлял” ребёнка по большей части один из родителей, но мог также какой-нибудь родственник, или брат, или сестра.

⁴ Ср.: *Sieder R., Mitterauer M. Reconstruction. S. 331.*

⁵ Ср.: *Mitterauer M. Familiengröße — Familientypen — Familienzyklus. Probleme quantitativer Auswertung von österreichischen Quellenmaterial // Geschichte u. Gesellschaft. 1975. Bd. 1. S. 226.*

дельные примеры указывают на то, что батраки из родственников часто дольше оставались в одном и том же доме, чаще возвращались в него же, чем работники, не связанные родством. Близко к истине предположение, что молодые батраки или их родители предпочитали дома крестьян-родственников: их жизнь была схожа с жизнью хозяйских детей. Это имело особое значение для юных девушек-работниц, ибо крестьянин и крестьянка несли как бы родительскую ответственность за них. Возникает, однако, вопрос, насколько по-домашнему чувствовали себя те работники, которые два раза в год меняли крестьянские дома? Исторические исследования семьи, основанные преимущественно на скудных данных о размере и составе крестьянских домовых сообществ, едва ли могут дать на него убедительный ответ.

Даже если точны утверждения о включении в состав семьи (как домового сообщества) не состоявших в родстве работников¹, можно всё-таки предположить существование значительных различий социального опыта батраков и батрачек из родственников и чужих. Конечно (рассмотрим очевидную противоположность), положение брата или сестры хозяина, нанявшихся к нему на время и сохранявших перспективу вступления в брак и возвращения в социальный слой крестьянства, сильнее всего отличалось от положения сына бедного инвонера, вынужденного десятилетиями батрачить, имея лишь слабые надежды на заключение брака, и вынужденного даже в случае удачи всё равно оставаться подчинённым крестьянину подёнщиком. Вопрос о степени влияния совместной жизни имевших разные перспективы батраков и батрачек, на возникновение в их среде социальной напряжённости, группового самосознания и даже примитивной “классовой борьбы” не выяснен, как не решён и вопрос о возможности возникновения молодёжной солидарности, способной ослабить субъективное восприятие межклассовых и межрегиональных конфликтов, как результата действия “группового” эффекта у батраков внутри крестьянского двора или деревенского общества. Старая литература, подчёркивавшая “воспитательное единство” крестьянского дома, в этом отношении оказывается под особым подозрением в идеологической заданности: намерение гармонизировать социальные различия в ней вполне могло возникнуть².

¹ Ср.: *Mitterauer M. Vorindustrielle Familienformen. Zur Funktionsentlastung des “ganzen Hauses” im 17. u. 18. Jahrhundert // Fürst, Bürger, Mensch / Hg. F. Engel-Inosi u.a. Wien. 1975. S. 123.*

² Ср. среди других: *Ditz J.F. Das Dorf als Erziehungsgemeinde. Weimar, 1947; Das Dorf als soziales Gebilde / Hg. L. v. Wiese. München, 1928.* “Историческое исследование семьи”, которое может подобным качественным интерпретациям противопоставить только “поверхностные” структурные данные, склонно к

Если в зонах преобладания мелких крестьянских хозяйств батраков сажали за один стол вместе с крестьянской семьёй, то в более зажиточных крестьянских семьях, например, в Зальцбургском Пинцгау, для батраков был специально предназначен отдельный стол¹. Качество еды на столах крестьян и батраков также различалось. Вот как описывает Лауренц Хюбнер зажиточного зальцбургского крестьянина: “Состоятельный крестьянин со своей женой и ещё не способными к работе детьми держит здесь большей частью для себя отдельный стол и лучшую кухню, чем для работников... В мелких хозяйствах крестьянин и крестьянка завтракают и обедают с батраками, но в крупных этого нет”². Интересно, что “ещё не способные к работе дети” сидят по этим данным за одним столом с крестьянами. Другие источники констатируют, что уже “приставленные к работе” дети крестьян ели вместе с батраками. “Взрослые и работающие сыновья и дочери обедают вместе с батраками”, — говорится в описании крестьянской жизни в Верхней Австрии 60-х годов XIX в.³ Это вновь подтверждает, что порядок за столом в крестьянском доме всегда отражал порядок в работе⁴. Отсюда очевидно и то, что крестьянские дети работоспособного возраста рассматривались в первую очередь в соответствии с их рабочей ролью в хозяйстве. Достижения в работе определяли их домашний статус. Однако в начале XIX в. возникла отчётливая тенденция к пространственному и социальному отделению крестьян от батраков. В крупных хозяйствах строились специальные помещения для батраков. В первой фазе “аграрной революции” этому разделению способствовал быстрый количественный рост батраков⁵. Сходным образом, по-видимому, всё более дифференцировалось расположение спальных мест внутри дома. Если, по данным источников, в районах мелких крестьянских хозяйств, имевших стеснённые жилищные условия, дети крестьян и батраки спали вместе в одном помещении⁶,

переоценке правового и “структурного” сходства детей крестьян и батраков вопреки их “эмпирическому” различию (см.: *Mitterauer M. Familiengröße; Rosenbaum H. Formen der Familie. S. 103; Sieder R. Strukturprobleme*).

¹ Ср.: *Sandgruber R. Einkommens- u. Konsumaufleitung. S. 140 f.*

² *Hübner L. Beschreibung des Erzstiftes u. Reichfürstenthums Salzburg. Salzburg, 1796. S. 416; цит. по: Sandgruber R. Einkommens- u. Konsumaufleitung. S. 141.*

³ *Foltz C. Die Grundlagen der Bodenproduktion von Oberösterreich. Wien, 1878. S. 17. Цит. по: Sandgruber R. Einkommens- u. Konsumaufleitung. S. 141.*

⁴ *Wiegelmann G. Bäuerliche Arbeitsteilung... S. 15.*

⁵ См. рассказ Марии Фохлер о зажиточном крестьянском хозяйстве в Вестстайермарке с разделением труда и отдельным помещением в хозяйственном строении, в котором работники обедали; цит. по: *Mädle... / Hg. T. Weber. S. 166.*

⁶ Ср.: *Berkner L.K. Steam Family. P. 417; Беркнер соылается на мелкокрестьянский район нижнеавстрийского Вальдфиртеля.*

то в средних и зажиточных дворах они занимали разные спальни¹. Работникам и работницам, как правило, предназначались отдельные спальные помещения. Часто помещения для работниц находились в крестьянском доме, а для работников — во флигеле. Подчас батраки спали в конюшне (хлеву), что обосновывалось необходимостью ухода за скотом, особенно за лошадьми². Рост дифференциации крестьянского населения на протяжении XIX столетия способствовал внутреннему расслоению крестьянского домового общества. Опыт социального неравенства, приобретённый батраками, не следует при этом недооценивать, даже если он и приглушался, с одной стороны, патриархальностью (подчинением детей и батраков, властью крестьян-хозяев), и молодёжным эгалитаризмом (например, в деревенских компаниях холостых парней), — с другой.

Труд батраков оплачивался по смешанной системе в натуральном и денежном виде. Нанимая батрака, крестьянин согласовывал с ним размер денежной платы. Дополнительно работнику обещались рубашка или выходные брюки, а работницам — отрез на платье, передник, чулки или башмаки к Рождеству. Продавая быка, работникам вручали небольшое вознаграждение³. Продовольственное содержание рассматривалось как часть платы. В этом отношении крестьянская кухня была не частью “личного воспроизводства”, как в домашнем хозяйстве семьи наёмного рабочего, а составным элементом хозяйства.

Продолжительность рабочего времени батраков не могла устанавливаться единообразно по часам, а зависела от различной сезонной длительности дня и хозяйственной необходимости, также различной по временам года и соответствующим им видам работы. Неписанные правила, традиции и обычаи регулировали ежедневное, еженедельное и годовое рабочее время. Норберт Ортмайр говорит о *нравственном рабочем времени*; оно регулировалось не часами, а исключительно необходимостью крестьянского хозяйства и глубоко осознавалось⁴. Многочисленные крестьянские праздники вопреки усилиям властей, направленным на их отмену, строго соблюдались. Только работы в хлеву не прекращались в выходные и праздничные дни⁵.

За завтраком крестьянин отдавал распоряжения батракам относительно дневных работ; в крупных хозяйствах он говорил с глав-

¹ Ibid. S. 169.

² Ср.: Mädle... / Hg. T. Weber. S. 108.

³ Ibidem.

⁴ *Ortmayr N. Ländliches Gesinde...*

⁵ В XX в. упразднённые крестьянские праздники в законодательных положениях о порядке сельскохозяйственных работ часто заменялись отпуском (см. там же).

ным работником, который потом передавал остальным батракам его указания. Перерывы, обед и конец рабочего дня большей частью строго регламентировались, но зависели, вследствие связи работ с природными процессами, от сезонной продолжительности дня. Если летом свободного времени не оставалось, то зимние вечера были длинными: “Зимой работники сидели вместе, шутили и пели песни. Во время карнавала они шли на танцы”¹. На Сретенье (2 февраля) батраки часто в течение 8 дней не работали. Это время многие из них использовали для поиска нового места работы. Почти половина батраков Нижней Австрии в XIX в. ежегодно меняла хозяйство, другая половина оставалась на одном месте в среднем от 2-х до 4-х лет; очень редко батрак не менял двор более долгое время. Причины такой “непоседливости” батраков, вероятно, с одной стороны, состояли в том, что молодёжь, переживавшая период батрачества, хотела набраться опыта, познакомиться с регионом, возможно, “обойти” его брачный рынок. Здесь напрашивается отдалённая параллель со странствиями ремесленных подмастерьев. С другой стороны, эту мобильность, по-видимому, обуславливала и внутренняя динамика крестьянского домового сообщества: уже говорилось о замене батраков подростками детьми крестьян. Смена двора была связана также с возможностью подняться вверх в иерархии работников. И, наконец, смена хозяев соответствовала стратегии батраков, направленной на удержание рынка рабочих мест в движении и постоянное принуждение крестьян к переговорам о найме, во время которых вновь и вновь обсуждались условия и критерии “нравственной экономики”, условия признания хозяина и хозяйки “справедливыми”. Значительную роль при обсуждении играл вопрос пищи, которая предлагалась работнику². По-видимому, как заметила Эстер Гуди, он выходил за рамки своего основного значения и обретал символический смысл: допускалась критика того, что по принципам патриархального господства критиковать было нельзя³. Крестьянина кроме того могли публично “упрекнуть” в несоблюдении предусмотренных нерабочих дней; как следствие, такого крестьянина избегали именно те батраки, спрос на которых был высок из-за их усердия в работе. Значение авторитета, “репутации” или, выражаясь языком социальной антропологии, “символического капитала чести”, видно, например, из того, что

¹ Mägde... / Hg. T. Weber. S. 109.

² Ср.: Innerhofer F. *Schöne Tage*. Frankfurt, 1977. S. 27. “На Сретенье работники меняли крестьян. Большинство делало это из-за харчей, потому что они надоедали больше всего... Если работник или работница уходили, то подальше, чтобы порвать все связи с прежним хозяином, что, конечно, не удавалось, так как прошедший год уже остался в памяти”.

³ Goody E. *Context of Kinship*. Cambridge, 1973. P. 128.

крестьяне в условиях найма батраков называли “затрагивающие честь сплетни” причиной для увольнения¹.

Время батрачества было временем учёбы. Старший работник “наставлял мальчика-водоноса”², крестьянка учила девочку-няньку работам по кухне и дому. В поле батраки учились делу, в основном наблюдая и повторяя. Опытный работник объяснял молодому, как следует выполнять данную работу, только в случае, если без этого обойтись было нельзя. Обучение, как и у крестьянских детей, шло преимущественно эмпирически. Конечно, неверно недооценивать значение познавательной социализации: долгие зимние вечера, застолье или работа сопровождалась рассказами о происшедшем. Мир крестьянской жизни располагал богатым запасом передававшихся из поколения в поколение примеров и “поучительных” историй. Хотя они и содержали преимущественно не явное, а скрытое знание, но по производимому впечатлению имели большее значение, ориентируя человека в деревенском мире, объясняя социальные различия, растолковывая существующие нормы сельского общества.

Для юных, взятых большей частью ещё детьми батраков, крестьянское домовое сообщество становилось “продолжением родительского дома”. Крестьянину и крестьянке подобало исполнять квазиродительские роли. Часто молодые работники и обращались к крестьянину и крестьянке со словами “отец” и “мать”. Обращения “девочка” и “парень” к самым юным батракам также указывало на их подобное детскому положение в крестьянской семье. Если между семьями крестьян и семьёй, из которой пришли молодые работники, существовали отношения *патроната и клиента*, то авторитарность статуса крестьянина и крестьянки усиливалась: “Тогда ничего не осмеливались сказать, потому что в следующее же воскресенье об этом знали бы мать и отец”, — вспоминает бывшая работница. “Если у девушки совесть была нечиста, то, идя домой в воскресенье, она опять-таки боялась, что они (крестьянин или крестьянка — Р.З.) уже поговорили с матерью и отцом”³.

Старшие по возрасту работники также оказывали на молодых некоторое влияние. Вероятно, отношения между батраками чаще становились отношениями господства и подчинения, нежели равенства или “сговора”⁴. Иерархия работников проявлялась и за столом: старшему предоставлялось право первому начать еду. Если

¹ Ср.: *Ortmayr N. Ländliches Gesinde...*

² *Mägde...* / Hg. T. Weber. S. 109.

³ Интервью с г-жой Р. 1907 г.р. Цит. по: Gruber u. Ortmaur. *Familie*. S. 75 (речь адаптирована к письменной автором).

⁴ См. богатые для возможных выводов отрывки из интервью в предыдущем источнике (с. 76 и сл.).

молодой работник проявлял неуважение к этому праву, то его тут же ставили на место¹. Дети крестьян испытывали уважение к старшему работнику и работнице. Если они уже были трудоспособны и работали на дворе, то они, будучи родными детьми хозяев, все же подчинялись вышестоящим в домашней иерархии работникам. Дочь крестьянина из Нижней Австрии (А. Раммель, 1925 г.р.) с 14 лет работала на родительском дворе батрачкой: “Когда мне исполнилось 14 лет, я должна была заменить одну работницу... Если мы (при сборе урожая пшеницы — Р.З.) не особенно старались и были невнимательны, старший работник нас тотчас же ругал или давал оплеуху, и тогда мы его слушались”². Для старших по возрасту время, которое они проводили в батраках, было и “временем ожидания” свадьбы и связанного с нею окончания батрачества. Большинство работников экономило, чтобы завести в будущем своё собственное хозяйство; работницы собирали главным образом постельное бельё, полотенца и тому подобные вещи, которые они делали сами или получали в качестве натуральной оплаты от крестьянки. Карл Реннер пишет о своей сестре, которая за пять лет работы у некоего моравского крестьянина (она была его племянницей) выросла до старшей работницы. Он рассказывает, как перед свадьбой с сыном хэуслера сестра собирала своё “приданое”. “... Льяное полотно она получала от крестьянки, а шить и вышивать его должна была сама. Перо для перин она собирала сама, сама сшила нужное количество платьев и платков, принятое в этой местности, и детское бельё”³. Это подчёркивает как преходящий характер батрацкой службы, так и “материнское” отношение крестьянки к девушке-работнице.

В товарных и подвергшихся рационализации крестьянских хозяйствах статус работников постепенно изменялся: их интеграция в крестьянскую семью всё больше сменялась дистанцированными отношениями по типу “предприниматель — рабочий”. Одновременно намечались первые тенденции процесса перехода крестьянской семьи в сферу частной жизни; она начала обособляться от работавших на неё батраков, всё более считавшихся “чужими семье”⁴. Чем

¹ См. там же. S. 76.

² Цит. по: Mägde... / Hg. T. Weber. S. 107.

³ Renner K. An der Wende zwei Zeiten. Lebenserinnerungen I. Wien, 1946 (2). S. 116.

⁴ У зажиточных крестьян на Севере Германии эти тенденции можно было наблюдать уже в XVIII в., в альпийских горных районах интеграция работников часто сохранялась вплоть до XX в. Для процесса перехода крестьянской семьи в сферу частной жизни в смысле отделения “семьи” от “персонала” следует допустить чрезвычайно большие расхождения во времени, прежде всего между регионами Северной Германии и регионами Центральной и Южной Германии, а также Австрии и Швейцарии. См.: Abel W. Agrarkrisen u. Agrarkonjunkturen. Hamburg, 1966 (2). S. 201.

больше выраженной была социальная дифференциация между крестьянами, мелкими крестьянами и сельскими низами в каком-либо регионе, тем раньше батраки отделялись от крестьянской семьи. С одной стороны, их отдельное проживание и питание, а также постепенное высвобождение от домашнего права означали, что они уже не включаются в состав крестьянской семьи. Всё больше работников уходило в региональные городские центры и города, где регулярная заработная плата во втором и третьем секторах экономики сулила лучшие условия существования, в особенности возможности для более раннего вступления в брак. С другой стороны, в отдалённых от путей сообщения и городов местностях (как, к примеру, в долинах Тирольских гор) до середины XX в. сохранились “старые” формы зависимости, соответствовавшие домашнему праву. Но и здесь работники также испытали на себе процессы перехода семейных отношений, более открытых эмоциям и чувствам, в сферу личной жизни. В этом смысле, воспоминания о последних “верных работниках” в крестьянском доме не должны просто проецироваться на ранние времена.

6. Сексуальность, выбор партнёра и брак

Для крестьян вступление в брак было необходимым условием, чтобы стать владельцем крестьянского двора или унаследовать от родителей хозяйство. Необходимость вместе с супругом вести крестьянское хозяйство определяла, словно главная социально-экономическая детерминанта, поведение в отношении потенциального супруга, взгляды на половую жизнь. В этом смысле было бы заблуждением отделять сексуальность крестьян от их “домохозяйственного” предназначения и рассматривать её как “взятую саму по себе”. Распространённое в литературе мнение, что любовь и сексуальность в крестьянском обществе были полностью подчинены хозяйственному расчёту и целям имущественной стабильности представляется столь же поверхностным, как и утверждение о “равнодушии” женщин к своим младенцам и маленьким детям. Крестьянская пара была тем элементом, который лежал в основе формировавшегося пространства разновидностей отношений между полами в браке и до брака.

Место крестьянина и крестьянки, не считая кризисных периодов и редких компромиссных решений, должно было быть занято всегда. Сельская семья без хозяина и хозяйки, как правило, не мыслилась. Высокая женская смертность, связанная с опасностями родов, низкий уровень средней продолжительности жизни делали постоянным явлением повторные браки крестьян. В новый брак вступали всегда, когда наследник хозяйства был мал или в доме оставалось слишком много детей, которых нельзя было обеспечить на стариковском выделе, не переобременяя при этом хозяйство. Часто воз-

никавшие в связи с этим проблемы отчимов и мачех, соперничества между детьми от первого, второго и третьего браков исследовались неоднократно¹. Для женской сексуальности особенно важной представляется значительная разница в возрасте между супругами, которая могла порождаться этим явлением. Вторые и третьи браки обычно заключались между существенно более старшими мужчинами и молодыми женщинами. Обратные случаи встречались реже, главным образом когда сын крестьянина или хэуслера вступал в дом, т.е. когда вдова использовала своё право вести хозяйство и вновь выходила замуж, чтобы его осуществить². Крестьянки во многих регионах, однако, отказывались от самостоятельного ведения хозяйства и после смерти мужа передавали двор наследнику; вторые и третьи браки у мужчин в целом встречались поэтому чаще, чем у женщин³.

В экономике, основанной преимущественно на владении землёй и надлежащем её возделывании, брачные шансы мужчин и женщин определялись подлежащей наследованию земельной собственностью родителей, личной работоспособностью (физической силой и здоровьем), размерами родительского приданого. Эти качества ценились выше, чем физическая привлекательность или личное обаяние, которые, конечно, нередко играли роль в выборе, но решающего значения не имели. Этот чисто утилитарный подход к выбору супруга также мог вести к значительной разнице в возрасте мужа и жены. Выбор супруга у крестьян не был “личным” делом, касавшимся только обоих партнёров. Он затрагивал судьбу домашнего сообщества, родителей, братьев и сестёр, а также наёмных работников. Насколько это было возможно, выбор супруга учитывал интересы дома. Подготовка к супружеству регулировалась и контролировалась сельской молодёжью, имевшей сведения об экономическом положении супругов. В подготовке к заключению брака участвовали родственники. Крайней формой проявления этого принципа было заключение брака через посредников (свах). Зная “подходящих” в силу хозяйственных интересов кандидатов и домашние расчёты, они за соответствующую “мзду” устраивали нужный брак. Этот тезис можно сформулировать “от противного”:

¹ Ср.: *Mitterauer M. Familiengröße...*; *Sieder R., Mitterauer M. Reconstruction; Sieder R. Strukturprobleme. S. 180; Rosenbaum H. Formen de Familie. S. 70; Hajnal J. European Marriage Patterns // Population in History / Ed. by D.V. Glass, D.E.C. Ever- sley. London, 1965. P. 101–143.*

² Ср.: *Sieder R. Strukturprobleme. S. 181; Troger E. Bevölkerungsgeographie des Zillertales (=SCHlern-Schriften 123). Innsbruck, 1954. S. 71; Winkler G. Bevölkerungsgeographische Untersuchungen im Martelltal. Innsbruck, 1973. S. 27.*

³ Ср.: *Mitterauer M. Familienstruktur. S. 186; он же. Auswirkungen der Agrarre- volution... S. 53.*

“персонифицированный”, соответствующий индивидуальному вкусу, свободный от экономических расчётов выбор супруга привёл бы большинство крестьянских семей, как минимум, к личной и экономической катастрофе. Это должно нас предостеречь от переноса “современных” требований к браку на отношения крестьян XVIII–XIX вв.¹

Добавим к сказанному, что брак, если не учитывать наследования как такового, был чуть ли не единственной возможностью получить в собственность землю. В сравнении с ним покупка земли в XVIII–XIX вв. имела второстепенное значение (за исключением покупки и продажи маленьких домов и земельных участков на склонах гор под виноградники). Этими обстоятельствами порождена привязанность субъекта к совместному производству, владению и передаче собственности из поколения в поколение, что зависело от экономически “разумного” выбора супруга. Если отдельный человек вёл себя вопреки логике системы, то ему указывали на это прямо и грубо: сопротивлением родителей, вынесением санкций деревенским обществом, осуждавшим его недопустимое поведение.

Господствующие правила наследования, размеры владения и способы хозяйствования порождали разные формы “системного принуждения”, которые применялись к человеку и без того уже, как правило, не сопротивлявшемуся судьбой предначертанному течению жизни. В районах свободного раздела земли между наследниками вступление в брак допускалось только при условии, что наследуемые доли *обоих* брачных партнёров соответствовали норме. В районах единого наследия обычно имело значение наследство мужа, а не жены. Можно предположить, что это влияло и на отношения господства и подчинения в браке. “Особым случаем”, позволяющим наглядно показать связь между выбором супруга и стратегией сохранения собственности, являются районы свободного раздела земли между наследниками, где было необходимо не допустить мельчания хозяйств (вплоть до размеров, недостаточных для жизни). Здесь практиковалось заключение браков между представителями двух семейств — с тем, чтобы потеря собственности при одном браке компенсировалась её приобретением при другом².

¹ Это имеет место, например, у Шортера, который крестьянским отношениям противопоставляет “чистый идеал” браков по любви как вершину человеческого бытия (см.: *Schorter. Geburt. S. 29*). Это несправедливо ни в отношении крестьянских браков XVIII–XIX вв., ни современных отношений, в которых при выборе партнёра имеется тонкое переплетение “личностных”, культурных и экономических мотивов, и которые показывают, что речь о “чистых браках по любви” наивна, идеологична и не критична (См.: *Winch R.F. Mate Selection. A Study of Complementary Needs, New York. 1960; Safilios-Rothschild C. Love, Sex and Sex Roles. Englewood Cliffs, 1977; Held T. Soziologie der ehelichen Machtverhältnisse. Darmstadt. 1978*).

² Ср.: *Khera S. Kin Ties and Social Interaction in an Austrian Peasant Village with Divided Land Inheritance // Behaviour Science Notes. 1972. № 7. P. 349.*

Коллективный интерес семьи обеспечивать потребности двора в работниках по возможности за счёт собственных детей объясняет причину, по которой не имевшие право на наследство при распределении брачных шансов также подчинялись логике семейного хозяйства. В домашнем хозяйстве часто имелась и традиция выдавать дочерей замуж “по очереди” (сначала старших, затем младших). Назначение *приданого* определялось крестьянской парой. В детских воспоминаниях крестьян вновь и вновь говорится: “было *позволено* жениться” или, соответственно, “они (родители / домашнее сообщество) мне (ещё) жениться не позволяли”¹.

7. Подёнщик (инвонер и хэуслер)

Если в течение года потребность в работниках удовлетворялась за счёт членов крестьянского домового сообщества (включая батраков), то в периоды её наивысшего пика возникала необходимость “брать на службу” дополнительных лиц. Как правило, им платили подённо. Особой формой являлась натуральная оплата, вроде предоставления права возделывания небольшого участка пашни для себя. Поэтому с крестьянскими семьями было связано большинство семей сельских низов, которые поставляли на крестьянские дворы временных работников. Занятые всего лишь непродолжительное время, подёнщики были вынуждены добывать средства к жизни разными способами. В предшествовавший индустриальному период частым было сочетание подённой работы на крестьянских дворах с надомным трудом (см. гл. II). Это относится и к подённым работам в горной промышленности, на лесоповалах. Сезонная занятость в сельском хозяйстве легко сочеталась с наёмным трудом в других отраслях. С другой стороны, положение подёнщиков в деревне и регионе оказывало обратное влияние на внутреннюю структуру крестьянского дома. Если подёнщиков было достаточно, то число постоянных батраков у крестьян могло сокращаться.

Часто хэуслеры наряду с подённой работой в сельском хозяйстве занимались ремёслами. Так, в подворных описях из Зальцбурга и Тироля XVII–XVIII вв. упоминаются торговец, “но теперь также портной и музыкант”, “кузнец и торговец”, “каменщик и ткач” и т.п.² Сообщается и о совмещении общинных служб с домашним ремеслом: “ткач и пономарь”, “портной и ночной сторож”³. Очевидно, одно только ремесло не могло обеспечить существование этих семей. Приведённые примеры характеризуют часто

¹ Ср.: Bourdieu P. Marriage Strategies... P. 130.

² Mitterauer M. Lebensformen... S. 331.

³ Ibid. S. 332.

возникавшую необходимость “смешанного источника доходов в низших слоях деревни”¹. Отчасти сочетавшиеся с сельским хозяйством ремёсла были сезонными: ткач зимой — каменщик летом. Хэуслеры, которые занимались сапожным или портновским ремёслами, большей частью ходили работать “по домам”, от дома к дому, от двора к двору, набирая заказы и выполняя их на месте. Ткачи часто переносили по дворам складные ткацкие станки и ткали полотно из спрядённого крестьянами льна. Хэуслеры, имевшие собственную пашню, обычно зависели от крестьян-соседей, если им нужны были лошадь или бык для пахоты. Крестьянин давал им животное на один рабочий день и требовал в “уплату” нескольких дней работы в своём хозяйстве. Многие хэуслеры “арендовали” пашню у соседних крестьян. “Арендная плата” чаще всего измерялась количеством дней, которые затем нужно отработать на крестьянском дворе. Дочь одного верхнеавстрийского хэуслера вспоминала:

“Мать должна была работать за пашню. За ней посылали всегда, когда было много работы, а так было почти всегда кроме дождливых дней. Так продолжалось всё лето вплоть до машинной молотбы осенью. Она не успевала управиться с собственной работой. Но работа у крестьян была просто важнее, иначе мы не получили бы пашни”².

Дети хэуслеров шли большей частью на работу к соседним крестьянам. Составлявшие в течение многих десятилетий ежегодные подворные описи позволяют заключить, что крестьяне постоянно обращались к одним и тем же семьям хэуслеров, когда им надо было нанять детей и подростков в работники или подёнщиков для сбора урожая³. Между крестьянами, инвонерами и хэуслерами существовала взаимная зависимость. Крестьянские семьи с их внутренней структурой были бы невозможны, если бы их не дополняли семьи сельских низов. С одной стороны, слой инвонеров и хэуслеров пополнялся за счёт не получивших земельного наследства детей крестьян. С другой стороны, он был для крестьянских семей источником нанимаемой на короткий срок рабочей силы, постоянное пополнение которого происходило вне крестьянского хозяйства. Дети хэуслеров и инвонеров большей частью шли на работы в соседние крестьянские дворы. Наконец, деревенские низы занимались промыслами и ремёслами, от которых, по мере углубления специализации на земледелии, животноводстве или виноградарстве бывшее ранее самообеспечивающимся крестьянское хозяйство отказыва-

¹ *Mitterauer M. Formen landlichen Familienwirtschaft... S. 249.*

² Х. Душер, 1924 г.р., дочь из семьи хэуслеров из Верхней Австрии. Цит. по: *Häuslerkindheit / Hg. T. Weber.*

³ Ср.: *Sieder R., Mitterauer M. Reconstruction... S. 327 ff.*

лось. Они исполняли и функции низших сельских должностных лиц. Взаимная связь между семьями крестьян и семьями хэуслеров и инвонеров тем более примечательна, что между крестьянскими дворами одного региона, то есть на одном и том же социальном уровне разделение труда едва ли имело место. Этот факт и роль крестьян как работодателей говорят о том, что в отношениях между крестьянами и проживавшими вблизи хэуслерами и инвонерами следует видеть отношения патроната и клиентелы со взаимными, но асимметричными обязанностями¹.

8. Старики на выделе

Во многих отношениях замкнутое крестьянское хозяйство не располагало возможностями включённого в товарно-денежный обмен хозяйства обеспечивать состарившихся и ставших неработоспособными членов семьи². Устройство *стариковского выдела* (региональные названия: Ausgedinde, Auszug, Austrag, Ausnahm, Leibzucht, Leibgedinge, Virtel, Nahrung и т.д.) должно было гарантировать обеспечение пожилых людей в рамках крестьянского хозяйства. Пожилой крестьянин и/или крестьянка, а с ними также ещё не устроенные дети, оставались в домовом сообществе. Они занимали отдельное помещение на крестьянском дворе (комнату в доме и т.п.) или отдельный маленький дом на выделе, который сооружали на подворье рядом с основной жилой постройкой (в Австрии он назывался Auszugshäusl, Ausnahmshäusl, Stökl, в Бернском Оберланде — Stökli, в Баварии и Зальцбурге — Nachrungshäusl и т.п.)³. Отдельные домики для стариков строились прежде всего на хуторах. В деревнях старикам обычно выделяли комнату. В малодеходных с острой жилищной нуждой местностях пожилая крестьянская пара жила в том же помещении, что и остальные домочадцы.

¹ Ср.: *Ortmayr N.* Gesinde Ländliches...; *Khera S.* Social Stratification and Land Inheritance among Austrian Peasants // *American Anthropologist*. 1973. № 75. P. 814.

² Как этнологическое сравнение ситуации с пожилыми людьми см.: *Simmons L.W.* The role of the Aged in Primitive Society. New Haven, 1945; *Goody J.* Erbschaft, Eigentum u. Frauen // *Historische*

³ “Ausnahmshaus” (дом на выделе) восходит к “Ausnahm” / “sich ausnehmen” (выдел, выделяться), [что означает sich ausbedingen (выговорить себе долю при разделе)], а “Nachrungshäusl” — к “Nachrunslente” (“alimentarii”) — выделившиеся старики, которых кормили крестьяне (см.: *Schmidt K.* Gutsübergabe u. Ausgedinge. Eine Agrarpolitische Untersuchung mit bes. Berücksichtigung der Alpen- u. Sudetenländer. Wien, 1920; *Gaunt D.* Formen der Altersversorgung in Bauernfamilien Nord- u. Mitteleuropas // *Historische Familienforschung* / Hg. M. Mitterauer, R. Sieder. S. 156; *Platzer J.* Geschichte der ländlichen Arbeitsverhältnisse in Bayern. München, 1904).

В распространённых в Северной, Западной и Центральной Европе способах *стариковского выдела* речь шла не только о хозяйственном обеспечении стариков. Договор представителей двух поколений семьи, заключающийся сначала в устной, а потом и в письменной форме, фиксировал *inter vivos* (прижизненный) отказ от имущественных претензий и передачу собственности (со всеми действовавшими в период феодальной зависимости ограничениями крестьянской “собственности” как “одолженного имущества”). Регулирование отношений между поколениями в крестьянском доме могло принимать очень разные формы: в зависимости от региона, размера крестьянских дворов, экономической конъюнктуры, момента *передачи хозяйства*. Есть местности, в которых состарившиеся крестьянин и крестьянка не передавали хозяйство следующему поколению, а оставались во главе него до конца жизни (например, в некоторых долинах Тироля и Зальцбурга). В других местностях обычной была прижизненная передача крестьянами двора наследникам. Как правило, передача хозяйства совпадала по времени с женитьбой наследника крестьянского двора. Количество официальных договоров о передаче в XIX в. значительно увеличилось по сравнению с XVIII в.¹

Договорное регулирование передачи хозяйств получило развитие в начале нового времени; но его зачатки восходят к началу средневековья и родовому праву². История возникновения стариковского выдела уходит корнями во времена сильного влияния сеньоров на крестьянское хозяйство в период зрелого и позднего средневековья. Сеньор был заинтересован в том, чтобы “освободить” крестьян, которые по возрасту, болезни и т.п. не были вполне трудоспособны. Вдовство крестьян также служило поводом к “освобождению”, ибо хозяйство требовало полного участия мужа и жены. “Освобождение” крестьянина, его жены и детей, однако, не означало их выселения; за ними и впредь оставалось право жить при дворе и с него кормиться. В результате старики-крестьяне и их семьи жили вместе с новым хозяином двора, которым мог быть родной сын стариков, а мог и не состоять с ними в родстве. Последнее, по-видимому, часто встречалось ещё в XVII столетии³. С дру-

¹ Ср.: *Held T.* Rural retirement arrangements in 17th- to 19th-century Austria: A Cross-Community Analysis // *Journal of Family History*. 1982. P. 227.

² Ср.: *Schultze A.* Die Rechtslage des alternden Bauern nach den altnordischen Rechten // *Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte. Germ. Abt.* 51. 1931. S. 258 ff; *Runde C.L.* Die Rechtslehre von der Leibzucht oder dem Altenheile auf deutschen Bauerngütern nach gemeinen u. besonderen Rechten. Oldenburg, 1805; *Schmidt K.* Gutsübergabe...

³ Ср.: *Mitterauer M.* Familienwirtschaft u. Altenversorgung // *Mitterauer M., Sieder R.* Patriarchat. S. 186, 196.

гой стороны, для хозяйства было бы в убыток кормить и крестьянина, и стариков слишком долго. Со временем в процессе реализации в разных регионах практики “освобождения” или “установления новой зависимости” дворов от землевладельцев возникло крестьянское обычное право, которому следовали и при предоставлении крестьянам наследственных прав.

Стариковский выдел приобрёл значение с развитием специализации и интенсификации крестьянских хозяйств. В XVIII в. устройство стариковских выделов стимулировало появление новых правил воинской повинности. Чтобы освободить своих сыновей от воинской службы, многие крестьяне передавали хозяйство по наследству раньше. Кое-где возникли даже двойные выделы: ещё при жизни крестьянина-старика его сын уже передавал хозяйство внуку.

Нажим на крестьян — чтобы они ещё при жизни передавали хозяйство своим преемникам — особенно усилился в XIX в. в связи с быстрым ростом продолжительности жизни. Вероятный наследник настаивал на том, чтобы принять хозяйство и тем самым получить возможность жениться. В течение нескольких лет во многих местах число стариковских выделов удвоилось¹. Только тогда *семьи, состоящие из трёх поколений*, стали типичными для крестьян Центральной Европы. Находившиеся под влиянием порождённого индустриализацией шока, консервативно настроенные исследователи семьи XIX в. видели в крестьянской семье, состоящей из трёх поколений, образец для решения проблемы обеспечения в старости². Их труды сформировали неверное, но распространённое мнение о том, что крестьянская семья “во все времена” была семьёй из трёх поколений или, что ещё ошибочнее, что она была “родовой семьёй”. Под нею понималась семья, состоявшая из трёх поколений, руководимая *pater familias* (отцом семейства — *прим. пер.*). В большинстве европейских крестьянских обществ передача хозяйства, однако, сопровождалась передачей наследнику всех полномочий отца семейства. Семьи, состоящие из трёх поколений, возникли к тому же в большинстве своём только в XIX в. и потому, как правило, не были “родовыми семьями” в классическом смысле этого слова. Передача хозяйства *inter vivos*, нарушавшая принцип сеньората, скорее была альтернативой “родовой семье”³. Насколько существенна эта часто незамечаемая разница между семьями из трёх поколений, в одной из которых центральное положение занимал отец, в другой — сын, можно видеть хотя бы на примере типичного для многих местностей характера распределения жилья. Уступивший свою власть отца

¹ Ibid. S. 198.

² Ср.: Riehl W.H. Die Familie. Leipzig, 1935.

³ См.: Held T. Retirement. P. 229.

семейства крестьянин покидал дом и переселялся в часто отстоявшую на значительное расстояние маленькую избышку на выделе. В обществе, где социальный статус человека обычно решающим образом определялся владением дома (вплоть до того, что имя человек мог получить по названию дома), это было, так сказать, “наиболее очевидным” понижением его статуса. “Родовые семьи” могли возникнуть в цикле семейного существования, большей частью на короткое время, если наследнику позволяли жениться ещё до передачи хозяйства. До сих пор свидетельства о значительном количестве таких случаев в Европе имеются только для регионов южной и центральной Франции — районов Пиренеев, Лангедока, Прованса и частично Оверни¹. Но и здесь “родовые семьи” являлись лишь преходящей, переходной фазой. То обстоятельство, что власть отца семейства в каждом случае на короткое или продолжительное время переходила к “молодому хозяину”, порождало особую конфликтность крестьянской семьи из трёх поколений. Не понимая этого обстоятельства, консервативно настроенные исследователи рассматривали возникшую в результате неверного обобщения “родовую семью” как признак “стабильных” общественных отношений². Этнографы, социологи и историки восприняли позже этот несущий идеологическую нагрузку стереотип³.

Складывается впечатление, что стариковский выдел в XVII–XVIII вв. всё более становился экономической проблемой. Во всяком случае, возрастало закреплённое в различных “положениях о собственности” желание землевладельцев воспрепятствовать обременявшему крестьянское хозяйство выделу стариков введением чересчур продолжительных и слишком высоких повинностей за выдел⁴. В это время урегулирование вопроса о стариковском выделе между живущими на одном дворе поколениями, по-видимому, всё более становилось почвой для конфликтов. Если уже сам момент передачи двора часто вызывал споры между крестьянином и его преемником,

¹ См.: *Goubert P.* Family and Province: A Contribution to the Knowledge of Family History. P. 179; *Flandrin J.-L.* Familien. Soziologie — Ökonomie — Sexualität. Frankfurt, 1978. S. 91.

² См. причинную связь между “родовой семьёй” и “стабильным обществом” у Ф.Лё Пле: *Play F.Le* L’organisation de la famille. Paris, 1871.

³ Ср.: *Ibidem*; *Riehl W.H.* Die Familie; *Litt T.* Das Verhältnis der Generation ehemals u. heute. Wiesbaden, 1947; *Schelsky H.* Wandlungen der deutschen Familie in der Gegenwart. Stuttgart, 1967 (5); *Weber-Kellermann I.* Die Familie auf dem Lande in der Zeit zwischen “Bauernbefreiung” u. Industrialisierung // *Zeitschrift für Agrargeschichte u. Agrarsoziologie*, 1978. № 26. S. 66 и мн. др.

⁴ Ср.: *Gaunt D.* Formen der Altersversorgung in Bauernfamilien... S. 162; *Rebel H.* Peasant Steam Families in Early Modern Austria: Life Plans, Status Tacits, and the Grid of Inheritance // *Social Science History*. 1978. V. 2. P. 255.

то повседневное совместное проживание крестьянина и выделившегося старика являлось источником постоянного раздражения. В поле напряжения домашней экономики, призванной минимизировать хозяйственное бремя, связанное с обеспечением неактивных престарелых крестьян, отношения между поколениями оказывались в высшей степени конфликтными. Сохранившиеся поговорки типа “Передать и уж больше не жить”, “На стариковской лавке жёстко сидеть” могут служить индикатором этого. Но можно было бы поговорить и о выражениях, которыми крестьяне обычно оправдывали перед семьёй и сельской общественностью затягивание передачи хозяйства.

Ещё одним источником сведений о проблемах отношений между поколениями в крестьянском доме является содержание договоров о выделе стариков, которые с конца XVIII в. стали заключать главным образом в письменной и нотариально заверенной форме¹. Детальное регулирование порядка совместного проживания старых и молодых, вплоть до вопросов, может ли старик входить в дом с парадного или чёрного входа, о количестве пищи, которая должна ему предоставляться, и т.п., хотя и является лишь “мерой предосторожности” передающего хозяйство крестьянина, позволяет вместе с тем заключить, что в деревне, очевидно, были хорошо известны случаи жестокого и “несправедливого” обращения со многими незащищёнными стариками. С другой стороны, сообщения современников дают понять, что в некоторых случаях причиной напряжённых отношений поколений были требования стариков, наносившие хозяйству экономический ущерб². Такое положение дел порождало конфликты, доходившие до отцеубийства. Вне зависимости от того, являлось ли их причиной поведение молодого или старого поколений, они никак не соответствовали интересам землевладельцев. Вероятно, этим объясняется, например, временный запрет выделов стариков в Саксонии, Гессене и Бадене. В 1798 г. анонимный автор публикации в газете “*Westfälische Anzeiger*” предлагал создать суды совести для разрешения спорных случаев между детьми крестьян и их родителями³. Напряжённость в отношениях между поколениями представляется скорее правилом, чем исключением: “Она овладела семейной жизнью крестьян от Литвы до Финляндии, от Финляндии до Южной Германии”⁴.

Момент передачи и возраст передававших крестьян варьировались весьма значительно. Жизнь стариков на выделе могла про-

¹ Ср.: Schmidt K. Gutsübergabe...; Gaunt D. Formen der Altersversorgung in Bauernfamilien... S. 162.

² См.: Gaunt D. Formen der Altersversorgung in Bauernfamilien... S. 163.

³ Runde. Leibzucht. VII; цит. по: Gaunt D. Formen der Altersversorgung in Bauernfamilien... S. 164.

⁴ Ibid. S. 166.

должаться и короткое время, и тянуться десятилетиями. Проведенное в 1899 г. в Богемии анкетирование показало, что пожилые крестьяне жили на выделе от 15 до 25 лет¹. На южном побережье Швеции среднее время жизни стариков на выделе составляло 26 лет². В Верхней Баварии старики переходили на выдел в возрасте от 45 до 50 лет³. Аналогичные данные есть для Шварцвальда и Оденвальда в Южной Германии⁴. И в австрийских коронных землях продолжительность жизни стариков на выделе редко составляла меньше 15–20 лет⁵.

В зажиточных хозяйствах крестьяне часто раньше шли на стариковский выдел, так как такой двор легче мог вынести связанное с этим экономическое бремя. Время передачи хозяйства ни в коей мере не зависело только от физической трудоспособности крестьян. Роль играло большое число взаимодействующих факторов. Систематизируя, можно выделить причины для передачи двора, бывшие скорее всего у передававшего, и соображения, определявшие намерения преемника двора. Если крестьянин или крестьянка вдовели, то во многих местностях хозяйство передавалось наследнику максимально быстро. Это соответствовало особенностям ведения крестьянского хозяйства, которое, за исключением виноградарства, характеризовалось половым разделением труда. Но иногда проходило ещё несколько лет, прежде чем один из детей достигал возраста, в котором мог принять хозяйство. На крупных дворах на это время функции матери семейства передавались родственницам (например, сестре крестьянина)⁶.

Но вдовство крестьянина или крестьянки вовсе не всегда сопровождалось передачей двора. В некоторых центральноевропейских регионах существовала правовая норма *раздела супружеского имущества*, согласно которой вдовец или вдова могли вести хозяйство и дальше. Прежде всего в тех регионах, где помещичье влияние на ведение хозяйства крестьянами издавна было незначительным и рано возникало крестьянское право наследования, стремление крестьянина или крестьянки сохранять как можно дольше привилегированное положение в доме могло привести к заключению повтор-

¹ Horacek C. Das Ausgedinge. Eine Agrarpolitische Studie mit bes. Berücksichtigung der böhmischen Länder. Wien, 1904. S. 29; цит. по: Gaunt D. Formen der Altersversorgung in Bauernfamilien... S. 170.

² Gaunt D. Formen der Altersversorgung in Bauernfamilien... S. 171.

³ Fick L. Die bauerliche Erbfolge im rechtsrheinischen Bayern. Stuttgart, 1895. S. 63.

⁴ Miaskowski A. v. Das Erbrecht u. die Grundeigentumsvertheilung im Deutschen Reiche. Bd. II: Das Familienfideicommiss, das landwirtschaftliche Erbgut u. das An-erbenrecht. Leipzig, 1884.

⁵ Schmidt K. Gutsübergabe... S. 75.

⁶ Ср.: Sieder R. Strukturprobleme... S. 193; Sieder R., Mitterauer M. The Reconstruction... P. 318.

ного брака. В таких местностях стариковский выдел получил лишь незначительное распространение¹. В XVIII–XIX вв. в районах единого наследия возобновилась практика более ранней передачи двора одному из детей. Жизнь на стариковском выделе всё чаще предпочитали повторному браку. Вероятно, это можно рассматривать как выражение возрастания роли чувств и эмоций в отношениях между мужем и женой; оно затрудняло незамедлительную замену по экономическим соображениям (или по желанию землевладельца) супруга². Но это было связано и с повышением доходности крестьянских хозяйств в ходе “аграрной революции”; образование же семей из трёх поколений создавало для них экономические трудности.

Доход от промыслов или ремёсел наряду с доходом от “выделенного” земельного владения давал некоторым отделившимся старикам относительную независимость. Они оставляли за собой корову, свинью или участок пашни для собственного пользования. В отдельных случаях стариковский выдел был материально настолько обеспечен, что овдовевший пожилой крестьянин мог ещё раз жениться³. Несовершеннолетние дети стариков часто шли с родителями на выдел. В некоторых районах стариковский выдел имел ещё одну важную “побочную функцию” — временно обеспечивал средствами к существованию незамужних дочерей крестьянина, которые из-за рождения внебрачного ребёнка возвращались в родительский дом. Дочь через какое-то время вновь покидала родительский дом, а внук зачастую оставался на выделе⁴. Это подчёркивает значение стариковского выдела как формы защиты ненаследовавших или лишившихся наследства членов семьи, что было шире, чем просто “обеспечение стариков”.

Ранняя передача двора часто отвечала желанию преемника войти во владение хозяйством и иметь возможность жениться. Как правило, женитьба наследника крестьянского двора с моментом вступления в права хозяина. Крестьянин-молодожён мог жить с отцом, остававшимся во главе дома, лишь минимально короткое время⁵. Если на практике передача власти могла затягиваться, то крестьянство в районах единого наследия предусматривало связь между женитьбой и передачу власти над домом наследнику. Вероятно, это объяснялось не в последнюю очередь соотношением власти внутри семьи: между властью мужчины в доме и обеспечением его власти в браке была тесная связь.

¹ Sieder R. Strukturprobleme... S. 190.

² См.: Held T. Retirement. P. 250.

³ Sieder R. Strukturprobleme... S. 193.

⁴ Ibid. S. 190.

⁵ Ср.: Sieder R., Mitterauer M. The Reconstruction... P. 316; Rauscher H. Volkskunde des Waldviertels // Das Waldviertel / Hg. E. Stepan. Wien, 1926. Bd. 3. S. 51.

Расчёты специалистов по питанию показали, что выговоренное стариками на выделе количество пищевых продуктов вовсе не могло быть потреблено¹. Очевидно, на случай конфликта устанавливалось возможно большее количество зерна, яиц, мяса, а в XIX в. — и картофеля. Это подтверждает и распространённая поговорка: “Лучше слишком много выговорить, чем потом спорить”. Имеются свидетельства того, что в отдельных случаях излишки продуктов старики на выделе продавали². На полном соблюдении условий договора о выделе стариков настаивали, с одной стороны, в случае острых конфликтов, с другой — если передача двора происходила не между родственниками и “деловой” характер сделки занимал место требований семейной солидарности³.

Договор передачи обычно регулировал притязания сонаследников (в первую очередь братьев и сестёр преемника хозяйства). Концепция “общей” семейной собственности держала в рамках претензии сонаследников. Стоимость имущества двора оценивалась по минимальному счёту, чтобы доли наследства сонаследников сделать возможно малыми. Это было несовместимо с римским правом, которое в XIX в. в правовых представлениях крестьянских обществ постепенно приобретало действительную силу. Согласно римскому праву, каждый имевший право наследования ребёнок должен получить равные доли от действительной стоимости имущества двора. При этом всё большее число детей выживало и количество имевших право на наследство увеличивалось. С увеличением продолжительности жизни возрастало и время житья стариков на выделе. Эти ножницы “новой законности” и роста экономического бремени, которое складывалось из расходов на содержание стариков на выделе и притязаний не получивших наследство членов семьи, “споры о наследстве” стали характеристикой крестьянской семейной жизни, многократно отражённой в литературе.

Росла задолженность дворов, связанная с тяготами содержания стариков на выделе и удовлетворением притязаний сонаследников. Всё больше молодых крестьян было вынуждено прибегать к кредитам финансовых учреждений, чтобы иметь возможность “удовлетворить” братьев и сестёр⁴. В некоторых частях Европы с начала столетия отказались от практики передачи имущества посредством соответствующего договора. Вместо этого двор продавался наследнику. Выделившиеся старики клали вырученную сумму в банк и

¹ Gaunt D. Formen der Altersversorgung in Bauernfamilien... S. 171.

² Так у датских крестьян. См.: Gaunt D. Formen der Altersversorgung in Bauernfamilien... S. 172.

³ Ibid. S. 173.

⁴ См. для Германии: Miaskowski A. v. Op. cit. S. 196.

жили на проценты. Разумеется, это имело место только в некоторых высокотоварных и доходных сельскохозяйственных областях Европы, например, в отдельных частях Дании и Швеции. По некоторым гроссбауерским регионам Западной Пруссии 80–90-х годов XIX в. имелись сообщения о том, что пожилые крестьяне покидали дворы и переселялись в ближайший город, чтобы там провести остаток жизни, материальную основу которой составляла ежегодная рента, выплачиваемая им их детьми¹. В Австрии в начале XX в. ориентированные на рынок крестьянские хозяйства также больше не “передавались”, а продавались. В отдалённых же от городов районах вплоть до наших дней, как правило, придерживались практики заключения договоров передачи имущества. Введение пенсий крестьянам, предложенное ещё в конце XIX в.², но реализованное в большинстве европейских стран только после Второй мировой войны, переложило часть непосредственного бремени с наследников крестьянского двора на всю совокупность крестьян (и налогоплательщиков)³. Это значительно ослабило порождённую экономическими причинами напряжённость в отношениях между поколениями в крестьянском доме⁴. Но не устранило её полностью.

¹ Gaunt D. Formen der Altersversorgung in Bauernfamilien... S. 179.

² Ср.: Habermann G. Das bäuerliche Ausgedinge u. sein Ersatz // Zeitschr. für Volkswirtschaft, sozialpolitik u. Verwaltung. 1908. 17. S. 617; Richter S. Das bäuerliche Ausgedinge. Prag, 1891.

³ См. для Австрии: Talos E. Staatliche Sozialpolitik in Österreich. Rekonstruktion u. Analyse. Wien, 1981. S. 349.

⁴ Ср.: Rosenmayr L. Arbeit u. Familie in der ländlichen Region. Wien, 1964; Wurzbacher G. Leitbilder gegenwärtiger deutschen Familienlebens. Methoden, Ergebnisse u. sozialpädagogische Forderungen einer soziologischen Analyse von 164 Familienmonographien (Mit einem einführenden Vergleich über die bundedeutsche Familie 1950–1968). Stuttgart, 1969 (4); Schelsky H. Wandlungen der deutschen Familie der Gegenwart. Darstellung u. Deutung einer empirisch-soziologischen Tatbestandsaufnahme. Stuttgart, 1967 (5); ообщ. S. 373.

II. СЕМЬИ СЕЛЬСКИХ РАБОЧИХ-НАДОМНИКОВ

Семьи надомных работников являются переходной формой от семей крестьян и ремесленников к семьям наёмных рабочих и служащих промышленной эпохи. Ещё одна разновидность “всего дома”¹ — семьи сельских надомных рабочих — характеризовались вместе с тем некоторыми качествами, которые позднее были свойственны семьям промышленных рабочих. Развитие, ход и кризис домашней промышленности, как переходной протоиндустриальной фазы — предындустриализации² — сегодня широко обсуждается.

Что касается семей наёмных рабочих, то здесь интересен вопрос, насколько рабочие-надомники отошли от крестьянского образа мыслей и поведения, которые больше не соответствовали их социальному и экономическому положению. Насколько они развили полупролетарскую форму семейной жизни и тем самым способствовали постепенной трансформации староевропейской патриархальности, основанной на способе хозяйствования, присущего “всему дому”?

1. Об экономике домашней промышленности

Домашняя промышленность следовала присущей ей логике производства, которая едва ли может быть понята в системе понятий классической политической экономии³. Как и не включённая в товарно-денежные отношения крестьянская семья, семья надомного рабочего ориентировалась не на капиталистический принцип максимизации прибыли, а на “предельную продукцию” и “степень самоэксплуатации” (см. у А.В. Чаянова)⁴. Хотя домашняя промышленность по мере своего развития во всё возрастающей степени определялась рыночными и товарно-денежными отношениями и капиталистической организацией торговли и сбыта, в среде надомных рабочих капиталистический тип поведения и представления о прибыли развивались с опозданием и не в полной мере. С другой

¹ Brunner O. Das “ganze Haus” und die alteuropäische “Ökonomik”. S. 103–127.

² Kriedte P u. a. Industrialisierung vor der Industrialisierung. Göttingen, 1977.

³ Ebd. S. 95.

⁴ Čajanov A. Lehre (См.: Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. С. 232 и след. — прим. пер.).

стороны — и это находится в противоречии с жизненной культурой и экономической логикой доиндустриальных промыслов — сельские надомные рабочие объективно выходили за пределы традиционного крестьянского способа хозяйствования. В отличие от форм внутридеревенского обмена между крестьянами и ремесленниками, промышленный надомный труд был основан уже на товарно-денежных принципах. При этом удовлетворялись не только потребности местного рынка, но и возникал прототип межрегиональных экспортных промыслов¹.

Термином “домашняя промышленность” обозначается такая организация производства, при которой изготовление товаров происходит в жилищах надомников. Часто вместе работали все члены семьи или большинство из них. Типичным поэтому было участие детей в работе. В отличие от ремесла, изготовленные товары сбывались не самим производителем. Надомник обрабатывал сырьё, которое производил не сам в собственном хозяйстве (коноплю, лён), торговец или скупщик ссужал ему деньги для покупки сырья или снабжал им непосредственно. Часто торговцу, который в этом случае “вкладывал” капитал (выдавал деньги скупщику–раздатчику), принадлежали и орудия труда, например ткацкий станок. Городское цеховое ткацкое ремесло с его ограничениями числа работников, и, как например, в городе Сен-Галлене, количества ткацких станков на каждого мастера, уже в XVIII–XIX вв. всё меньше поспевало за возрастающим спросом. Владельцы городских ткацких мастерских начинали выступать в качестве мелких торговцев-скупщиков и посредников². Распространению домашней промышленности способствовало то обстоятельство, что сельская местность была свободна от цехового принуждения и не был запрещён женский и детский труд (хотя так называемые сельские ткачи в некоторых регионах уже с начала нового времени были организованы в цехи)³. Политика меркантилизма XVIII в. поддержала эти попытки индустриализации села выдачей *привилегий* (в первую очередь, отменявших и ослаблявших цеховые ограничения). Стало увеличиваться число мануфактур и первых фабрик, которые раздавали заказы надомникам — прядильщикам и ткачам. Например, текстильная фабрика в Швехате с 80-х годов XVIII в. имела густую сеть свя-

¹ Ср.: *Kaschuba W., Lipp C. Dörfliches Überleben...* S. 25.

² Как, например, в районе вокруг Сен-Галлена. См.: *Tanner A. Arbeit, Haushalt und Familie in Appenzell Außerrhoden. Veränderungen in einem ländlichen Industriegebiet im 18. und 19. Jahrhundert // Mitterauer M. Formen landlichen Familienwirtschaft...* S. 232.

³ Ср.: *Prinz H.O. Zöchmeister J.A. Müller und seine Zunft, Heimatkundliche Schriftenreihe des oberen Waldviertels 1, 1954. S. 48. Цит. по: Mitterauer M. Formen landlichen Familienwirtschaft...* S. 232.

занных с нею прядильщиков. Фабричные посредники, которых называли шпинфакторами — “агентами по связи с прядильщиками”, — занимались раздачей сырья¹. Поскольку часть надомников наряду с промышленным трудом имела небольшое подсобное хозяйство, обеспечивавшее их продуктами питания, предприниматели давали им более низкую, по сравнению с городскими рабочим, почасную плату.

Домашняя промышленность могла развиваться в первую очередь в тех сельских районах, где был избыток рабочей силы, вследствие этого избытка дешёвой. Такое положение сложилось там, где начавшийся в XVI в. и затем вновь усилившийся в XVIII в. прирост населения и раздробление крестьянских хозяйств между наследниками (регионы свободного раздела наследства) привели к быстрому увеличению низших деревенских слоёв. Всё больше людей в таких местностях искали заработка дополнительно к занятиям сельским хозяйством или вне его. Доход от надомной промышленности мог во многих европейских регионах заменить доходы, которые получал от земли полнонадельный крестьянин, или, по крайней мере, дополнить их до этого уровня. Это позволяло не в последнюю очередь выполнить брачные предписания, которые ограничивали выдачу разрешений на заключение брака кругом лиц, имевших положение полнонадельных крестьян, с целью предотвратить увеличение сельского пролетариата. Наиболее развитые в количественном отношении отрасли надомной промышленности, прежде всего текстильной, были связаны с работами, присущими замкнутому крестьянскому хозяйству, например, с прядением льна и конопли, в некоторых регионах также с производством нити. Но и изготовление изделий из дерева, глиняной посуды и т.п., было неотъемлемой составной частью крестьянского хозяйства². Сельское население поэтому обладало значительными эмпирическими знаниями, благоприятствовавшими развитию кустарной домашней промышленности. Надомный труд девушек и женщин имел большое значение в промыслах. Чтобы, например, обеспечить пряжей одного ткача, требовалось от десяти до двенадцати прядильщиц. Хотя в период преиндустриализации мужчины тоже начали прядь (это означало преодоление традиционной оценки прядения как “женской” работы), оно оставалось всё же отраслью надомного производства, в которой были заняты преимущественно женщины и девушки. Например, в 1770 г. 28% девушек и женщин Нижней Австрии занимались надомным производством текстильных изделий, а большинство из

¹ Ср.: *Hoffmann V.* Die Anfänge der österreichischen Baumwollindustrie in der österreichischen Alpenländern im 18. Jahrhundert. Wien, 1926 Bd. III.

² Ср.: *Swiedland.* Die Entstehung der Hausindustrie // Он же. Kleingewerbe und Hausindustrie in Österreich. Leipzig, 1894. S. 3 ff.

них — прядением¹. Именно доход от доиндустриального труда в промыслах позволял многим женщинам выйти замуж и завести собственное хозяйство. Преиндустриализация существенно расширяла сельским низам возможности заработка. Одной из её важных отличительных черт было то, что не в последнюю очередь благодаря стремлению купцов-раздатчиков к максимально низким издержкам на заработную плату, она проникла не только в районы, имевшие хорошие пути сообщения, но и в отдалённые горные долины².

Решающим для распространения промыслов в предшествовавший индустриальному период была, среди прочего, возможность их сочетания с преобладавшими занятиями мелких крестьян. Насколько тесной могла быть связь между крестьянским хозяйством и сельскими кустарными промыслами, показывает пример “крестьян-ткачей” из нижнеавстрийского Вальдфиртеля. В первой половине XIX в. здесь жило много крестьян, которые одновременно являлись ткачами и даже нанимали подмастерьев. Хотя ремеслу эти подмастерья, в отличие от городских ремесленников, по большей части учились у собственного отца, но традиционные странствия подмастерьев вынуждали их оставлять родительский дом и наниматься к другим крестьянам-ткачам³. Другой пример дают вязальщицы из Брегенцер Вальда, чьи мужья часто занимались животноводством⁴. Сводилась ли со временем под влиянием торгового капитала подобная ремесленно-крестьянская “двойная экономика” к чисто домашнему труду с полным отходом от сельского хозяйства, или за собственность на землю и работу на ней держались крепко — зависело от региональных особенностей, в частности от возможности сочетать крестьянский элемент производства с домашней промышленностью⁵. Представляется, имеет смысл придерживаться различий

¹ Ср.: *Berkner L.K. Steam Family*. P. 160. В 1782 г. только число прядильщиков и прядильщиц на шести привилегированных нижнеавстрийских хлопчатобумажных мануфактурах оценивались в 100 000. Ср.: *Schünemann K. Österreich Bevölkerungspolitik unter Maria Theresia*. Wien, 1935. S. 45.

² Так, на основанной в 1747 году в Тирольском Имсте фабрике льняных и хлопчатобумажных изделий было занято примерно 8000 прядильщиков и ткачей из более чем 4000 семей из горных долин Западного Тироля. Сезонный отход “детей швабов” на сбор урожая в швабские крестьянские районы стал здесь ненужным в условиях преиндустриализации. Ср.: *Uhlig, Schwabenkinder*, *H. Wopfner, Bergbauernbuch 1/2*. S. 368; *Mitterauer M. Lebensformen...* S. 328.

³ *Ibidem*.

⁴ *Frühindustrialisierung*.

⁵ Кридте и другие, напротив, исходили из принципиальной несовместимости аграрных и раннепромышленных производственных отношений. К критике этого предположения см.: *Linde Y. Proto-industrialisierung: Zur Justierung eines neuen Leitbegriffes der Socialgeschichtlichen Forschung // Geschichte u. Gesellschaft*, 1980. № 6. S. 103; *Schremmer E. Industrialisierung vor der Industrialisierung*. An-

в терминах “домашняя промышленность” (*Hausindustrie* — со смешанным сельскохозяйственно-ремесленным доходом) и “надомная промышленность” (*Heimindustrie* — полностью зависящая от капитала купца-раздатчика)¹.

Наконец, преиндустриализация нуждалась в определённых природных условиях. Многие ткачи-надомники производили сырьё сами (находясь как бы на крестьянской стороне “двойной экономики”). Поэтому существенным было наличие природных предпосылок, например, для возделывания льна (особенно большое количество осадков). Для его дальнейшей обработки, вымачивания и беления холстов, была нужна мягкая, содержащая мало извести вода².

*Территория распространения промыслов*³ с присущей им динамикой охватила обширные сельскохозяйственные районы Западной и Центральной Европы. В центральной части горного хребта Центральной и Восточной Германии, цюрихском Оберланде, кантоне Аппенцель, Брегенцер Вальде, на высотах Бодензее, в холмистых районах Шварцвальда, деревнях Богемии, Силезии и Галиции, нижнеавстрийском Вальдфиртеле и верхнеавстрийском Мюльфиртеле, в деревнях Краины вдоль торгового пути из Италии во внутренние части Австрии и т.д. возникали центры домашней и надомной промышленности. Семьи мелких крестьян и имевших дома подёнщиков начинали заниматься ориентированными на рынок промыслами, опираясь на ремесленные традиции замкнутого крестьянского хозяйства, учитывая возможности местных запасов сырья или реагируя на снижение производительности своих небольших хозяйств.

Хотя положение надомников имело много общего с положением промышленных наёмных рабочих, имелись и некоторые важные отличия. Надомники не покидали своего дома, чтобы идти на работу; они не были вовлечены в существовавшее на фабрике разделение труда. Поэтому они не находились под непосредственным и постоянным контролем капиталистов. Капиталистические отношения купца-раздатчика и рабочего сочетались здесь с докапиталисти-

merkungen zu einem Konzept der Proto-Industrialisierung // *Geschichte u. Gesellschaft*, 1980. № 6. S. 420.

¹ Ср.: *Marx K.* Das Kapital. Berlin, 1969. Bd. 1. S. 485; *Sombart W.* Die deutsche Volkswirtschaft in 19. Jahrhundert. Berlin, 1921. S. 289; *Schmoller G.* Die Entstehung der Volkswirtschaft. Tübingen, 1922. S. 234.

² Ср.: *Marks A.* Die Leinengewerbe und der Leinwandhandel im Lande ob der Enns von den Anfängen bis in die Zeit Maria Theresias // *Jahrbuch des oberösterreichischen Musealvereins*, 1950. Bd. 95. S. 175; *Vonwiller R.E.* Die industrielle Entwicklung der Weberei im Mühlviertel // *Webereimuseum Haslach. Oberösterreich*. Linz, 1970. S. 37; *Mitterauer M.* Formen landlichen Familienwirtschaft...

³ *Schremmer E.* Standartausweitung. S. 6.

ческой организацией труда в семьях производителей. Это делало возможным извлечение предпринимательской прибыли за счёт низких затрат на воспроизводство надомника и доходов от вновь открытых городских и заокеанских рынков сбыта.

2. О материальном положении надомных рабочих

При условии регулярного обеспечения работой со стороны купца-раздатчика, как это было в XVIII в. при высоком, хотя и с конъюнктурными колебаниями, спросе на продукцию домашней промышленности, рабочие-надомники могли значительно увеличить свои доходы сравнительно с исходными доходами мелкого крестьянина¹. Разумеется, для этого им нужно было полностью отказаться от занятий сельским хозяйством (прежде всего, в текстильных промыслах) и отдавать двенадцать и более часов в день монотонному труду дома. В некоторых регионах семьям надомников приходилось нанимать подёнщиков для ведения небольшого хозяйства: надомным трудом они зарабатывали больше, чем платили подёнщикам за то же время работы на земле². С удлинением рабочего дня и переходом от сезонного труда в промыслах к работе в течение всего года двойная экономика, сочетавшая надомный труд и мелкокрестьянское производство, становилась всё менее возможной. Сельское общество дифференцировалось в связи с этим по формам производства и социокультурным структурам. Оно подвергалось возрастающей поляризации по признаку размеров земельной собственности; вырастали групповое самосознание и социальные конфликты. При этом способ хозяйствования имущих крестьян оказался более сильным и с точки зрения культуры; многие семьи надомных рабочих пополнили группу сельской бедноты (пауперизация).

С конца XVIII до конца XIX вв. семьи, занимавшиеся надомным трудом, в большинстве западно- и центральноевропейских стран пережили в целом усиливавшееся обнищание. Потеря заокеанских рынков, последствия континентальной блокады, рост протекционистских пошлин и т.п. привели к падению цен на продукцию прединдустриального сектора экономики. Снизилась и заработная плата, которую надомные рабочие получали от купцов-раздатчиков. В результате надомникам пришлось увеличить продолжительность рабочего дня и довести до максимума количество

¹ Ср.: *Schneider L.* Der Arbeiterhaushalt im 18. und 19. Jahrhundert. Berlin, 1967. S. 22; *Familie u. Gesellschaftsstruktur* // Hg. H. Rosenbaum. Frankfurt, 1947. S. 229.

² Ср.: *Play F.Le.* Les Ouvriers européens. Tours, 1877. V. 4. S. III. Дё Пле изучал экономику надомного труда мастеров, изготавливавших музыкальные инструменты в Рудных горах в 1847 г. и нанимавших подёнщиков для полевой работы.

“аккордно” производимых продуктов. И всё-таки во многих регионах их доходы достигли предельно низкого уровня. Стратегия купцов-раздатчиков заключалась в том, чтобы полностью переложить растущий экономический риск, связанный с надомным производством, на рабочих.

Пока надомные рабочие производили часть продуктов питания в собственных небольших хозяйствах, они ещё не видели в падении цен и кризисе сбыта угрозу своему существованию. Собственный участок земли, часто не превышающий гектара, и смешанный доход от сельского хозяйства и домашних промыслов не давали некоторым семьям опуститься до уровня сельской бедноты. Так, например, многие крестьяне-ткачи пользовались исключительным авторитетом в деревне, могли занимать важные позиции в сельской общине¹. В других регионах всё большее число надомников оставляло сельское хозяйство. Многие именно низкую доходность земли считали причиной перехода к надомному труду. Время наибольшей интенсивности работы в некоторых отраслях надомной промышленности, например, в льняном ткачестве, совпадало с периодом высшего трудового напряжения в сельском хозяйстве. Лето и осень, время расчётов, наибольшей активности заморской торговли, наилучших цен на текстильную продукцию, было и временем деревенской страды². В некоторых деревнях сельское хозяйство, случалось, постепенно вытеснялось надомным трудом. Эмиль Сакс описывает этот процесс в Тюрингии:

“Как только промышленность проникнет в деревню, она распространяется сначала незаметно. Но, используя доверие населения и благоприятную конъюнктуру, она обретает всё более твёрдую почву и в конце концов всегда становится основным занятием в местечке, пока, наконец, не исчезает крестьянская деревня и не возникает промышленное поселение”³.

Стоило надомникам отказаться от сельского хозяйства как основы существования, они уже стремились к наибольшим доходам от промыслов и тем самым попадали в полную зависимость от скупщика. Теперь колебания конъюнктуры на межрегиональных и заморских рынках и следовавшие за ними снижения оплаты зачастую означали для семей-надомников голод и нужду. Купец-раздатчик не давал заказов, поэтому в кризисные времена он не нёс ника-

¹ Ср.: *Kaschuba W. Ländliche “Industrie”: Die Kiebinge Leineweber // Kaschuba W u. Lipp C. Überleben... S. 31.*

² Ср.: *Schlumbohm J. Der saisonale Rhythmus der Leinenproduktion im Osnabrücker Lande während des späten 18. u. der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts: Erscheinungsbild. Zusammenhänge und interregionaler Vergleich // Archiv für Sozialgeschichte. 1979. Bd. 19. S. 263.*

³ *Sax E. Die Hausindustrie in Thüringen. Jena, 1884. Bd. I. S. 50.*

ких расходов на заработную плату; весь риск лежал на надомном рабочем. Надомники, казавшиеся полностью самостоятельными и “разобщённые” в своих домах, не создавали никаких коллективных организаций для защиты своих интересов. Сложилась сильная вертикальная зависимость, в то время как горизонтального объединения практически не происходило¹. Купец-раздатчик с особой лёгкостью перекаладывал риск капиталистического производства на надомного рабочего. Чтобы защитить самого себя, надомнику оставалось одно средство: обман. “Рабочие утаивали сырьё, пряжу или ткань, продавали или закладывали выданные им товары, обманным путём завышали количество выполненной ими работы и т.п.”² — пишет Рудольф Браун о ручных ткачах из кантона Цюриха. Фабриканты знали об этом и держали заработную плату на низком уровне. Правда, в 1717 г. здесь была создана комиссия по охране труда, в которой надомники могли обжаловать допущенную в их отношении несправедливость. Но никто не мог принудить фабриканта снабжать работой надомника, если он на него жаловался. “И как легко обвиняемый мог отомстить... Фабрикант держал осмелевшего ткача в строгой узде: даст ему плохие орудия труда или вовремя не пришлёт к нему мастера для необходимого ремонта, и тот несёт большие потери в заработке”³.

Отказ от ведения или отсутствие небольшого подсобного хозяйства делали надомников беззащитными и перед аграрными кризисами. Неурожай и удорожание продуктов питания могли вести к горькой нужде и даже к смерти от голода. В конце XIX в. в одной деревне в Рудных горах, имевшей 320 дворов, за два голодных года умерли от голода 700 человек⁴.

Многие надомники прежде были сельскохозяйственными подёнщиками или батраками. Решение стать надомными рабочими часто диктовалось намерением завести семью. Для этого они приобретали небольшой домик, как правило, залезая в большие долги⁵. Сыновья мелких крестьян, также занимавшиеся промыслами и не желавшие терять землю как основу существования, в попытках избежать дальнейшего дробления владений в результате наследственных разделов, начинали “доплачивать” своим братьям и сёстрам.

¹ Ср.: *Tanner A. Arbeit... S. 449.*

² *Braun R. Industrialisierung und Volksleben. Veränderung der Lebensvornen unter Einwirkung der verlagsindustriellen Heimarbeit in einem ländlichen Industriegebiet (Züricher Oberland) vor 1800. Göttingen, 1979. S. 200.*

³ *Ibid. S. 200 u.a.*

⁴ *Beckmann J. Beyträge zur Ökonomie, Technologie, Polizey und Cameralwissenschaft. I. Göttingen, 1779. S. 110. Цит. по: Rosenbaum H. Formen der Familie. S. 199.*

⁵ Ср.: *Troelsch. S. 278.*

Это также способствовало росту задолженности семей надомников¹. Семейное хозяйство было тесно связано с домом; место жилья и работы, он являлся тем самым “жизненным условием бытия семьи”². Задолженность многих надомников, которые решались обзавестись домом, не сделав предварительных накоплений, “стремление” приобрести дом или его часть, чтобы иметь постоянное место для работы и семейной жизни,³ указывают на переход от аграрного способа производства к первоначальной семейно-хозяйственной форме промышленного труда. Попытка надомного рабочего сохранить самостоятельность семейного хозяйства в условиях капиталистической организации рынка и сбыта приводила к его обнищанию и задолженности. По мере того, как “весь дом” надомного работника всё больше отделялся от аграрного базиса, семья попадала в зависимость от скупщиков, которые могли принудить её к неоплачиваемому прибавочному труду.

Если надомники ещё при относительно хорошем положении с заказами производили товары по низким ценам, то в ухудшившейся ситуации они конкурировали друг с другом, сбивая цены, в борьбе за получение заказов. Удлинение рабочего времени до поздней ночи и расширившаяся практика привлечения детей к работе в моменты производственного пика были результатом неравномерной выдачи заказов. Периоды напряжённого труда и сверхурочной работы чередовались с временами вынужденного бездействия, нужды и лишений, связанных с отсутствием заказов. Существенной характеристикой семейного хозяйства надомников было то, что оно оценивалось не соотношением индивидуального дохода и индивидуальной производительности труда, а коллективным семейным доходом в течение продолжительного отрезка времени. Не затраты труда и их соотношение с ценой единицы изделия, и не почасовая оплата труда составляли рациональное содержание домашней экономики, а интерес к совокупному доходу, который мог гарантировать средства к существованию семьи даже при колебании цен или отсутствии заказов⁴. При этом продажная цена всегда понижалась с ростом издержек на содержание семьи. Наоборот, семья надомника и при очень хорошем положении с заказами производила немногим больше того, что ей нужно было для своего содержания. Накопление сверх жизненно необходимого и приобретение собственности было для надомников невозможно и экономически, и с точки зрения их рабочей морали⁵. “Все изменения в производстве, с которы-

¹ Ср.: *Tannen A.* Arbeit... S. 451.

² *Marx K.* Kapital. Bd. III. Kap. 47. Sekt. V. S. 819.

³ *Troelsch.* S. 246..

⁴ *Kriedte P.* u.a. Industrialisierung vor der Industrialisierung. S. 101.

⁵ Ср.: *Schneider L.* Der Arbeiterhaushalt... S. 230.

ми приходилось мириться, служили исключительно целям стабилизации крестьянских отношений воспроизводства, поддержанию традиционной географической, экономической, социальной и культурной среды их местного существования”¹. Семьи надомных рабочих оставались большей частью в плену крестьянской экономики самообеспечения, подвергаясь в то же время эксплуатации со стороны скупщиков, основанной на неэквивалентности сдаточных и рыночных цен на изготовленные изделия².

Когда домашние промыслы в конце концов попали под давление фабричной конкуренции, новым фабрикантам, часть из которых начинала купцами-раздатчиками, удалось, централизовав и механизировав производство, ещё более снизить цены. Домашняя промышленность во многих отраслях и регионах окончательно пришла в упадок. Решающим рубежом стала механизация хлопкопрядения. Вслед за упадком прединдустриальных текстильных промыслов последовали механизация и централизация других отраслей надомной промышленности. Деревенские низы обширных районов Западной и Центральной Европы лишились возможности промышленного заработка (деиндустриализация). Семьи, сохранившие двойную структуру извлечения доходов из мелкокрестьянского хозяйства и домашней промышленности, с упадком промыслов вернулись к оставшимся сельскохозяйственным занятиям. В любом случае, в сезонных строительных работах они нашли замену утраченному дополнительному доходу от промыслов. Кроме того, параллельно деиндустриализации села нарастал процесс изменений, которые часто называют “аграрной революцией” (см. гл. I)³. Сельское хозяйство, повышавшее свою производительность, всё больше нуждалось во включённых на долгий срок в крестьянское домовое сообщество работниках. Доля сельского населения, подчинённого домашнему праву, вновь увеличилась. Численность инвонеров и хэуслеров не росла и в некоторых местах даже сократилась. Строительство небольших домов и распространение новых поселений сократилось. Прирост населения происходил поэтому не столько в низших слоях деревни, сколько в возрастающей степени в крестьянских хозяйствах⁴.

¹ Так пишет В. Кашуба о “крестьянах-ткачах” из Кибингена, деревни вблизи Тюбингена. См.: *Kaschuba W., Lipp C. Dörfliches Überleben...* S. 28.

² Ср.: *Rosenbaum H. Formen der Familie.* S. 540, прим. 55.

³ Ср. *Sandgruber R. Die Agrarrevolution in Österreich // Österreich-Ungarn als Agrarstaat / Hg. A. Hoffman. Wien, 1978. S. 195.*

⁴ Ср.: *Mitterauer M. Auswirkungen der Agrarrevolution...* S. 241.

3. Выбор партнёра, вступление в брак и супружеская жизнь

Для семей надомных рабочих было характерно единство места проживания и труда. В большинстве семей надомников мужчина и женщина жили и работали вместе. Холостой надомник редко вёл своё собственное хозяйство¹, особенно в регионах, где жили семьи ткачей. Ткал обычно мужчина, тогда как женщины и дети пряли и наматывали нити. Подобное разделение труда между полами практиковалось и в семьях, где вдовы жили вместе с сыновьями — взрослыми или подростками. Такие отношения часто встречаются в нижнеавстрийском Вальдфиртеле².

Многочисленные исследования показывают, что возраст вступления в брак у надомных рабочих часто был ниже, чем у крестьян и ремесленников того же региона. Надомники не были связаны условиями получения двора или формального завершения ученичества и получения звания мастера в ремесле. В регионах, где распространялся надомный труд, большей частью понижался и возраст вступления в брак³, особенно там, где мужчина и женщина были в равной степени вовлечены в надомный труд, а влияние помещиков или крестьянские имущественные соображения значения не имели. Это соответствовало росту спроса на рабочую силу и развитию сельских надомных промыслов, но вело к обнищанию большей части населения по мере того, как скупщики начинали максимизировать прибыль за счёт надомников и фабричное производство обрекало на кризис домашние промыслы.

Снижение брачного возраста объясняется и условиями жизни в родных семьях. Как правило, они сильно подавляли сексуальную жизнь молодёжи, вызывая у неё желание как можно раньше вступить в брак и завести своё хозяйство⁴. Этот мотив, по-видимому, присутствовал как у молодых надомников, так и у детей промышленных рабочих в более поздние десятилетия⁵. Добавим также экономические и связанные с семейным циклом причины. Семейно-хозяйственный способ производства делал раннее вступление в брак и создание семьи, вне зависимости от материального положения,

¹ *Levin D. Family Formation in an Age of Nascent Capitalism. New York, 1977. P. 50.*

² Ср.: *Berkner L.K. Family. Social Structure and Rural Industry: A Comparative Study of the Waldviertel and the Pays de Caux in the 18th Century. Harvard University, 1973 (рукопись).*

³ Ср.: *Segalen M. Nuptialité. S. 60; ср. также Rosenbaum H. Formen der Familie. S. 217; Levin D. Family Formation...; Kriedte P. u.a. Industrialisierung vor der Industrialisierung. S. 178.*

⁴ *Rosenbaum H. Formen der Familie. S. 218.*

⁵ Ср.: Гл. 5.

“элементарной предпосылкой достижения относительно оптимального дохода обоих супругов”. Это позволяло семье пережить критические фазы рождений детей и связанные с ними перерывы в работе у женщин¹.

Ранние браки надомников вели и к росту рождаемости². Однако, многие дети умирали от недостаточного питания и ухода. Младенческая и детская смертность у надомников была выше, чем в преимущественно крестьянских районах³.

В большинстве районов с надомной промышленностью, по данным источников, изменились и обычаи наследования. В отличие от крестьянских районов единонаследия, забота о сохранении целостности передаваемого наследнику хозяйства не была центральной. Заработки от надомных промыслов позволяли разделить между детьми имевшееся земельное владение. В цюрихском Оберланде Й.Х. Хирцель в 1792 г. наблюдал, что возможность труда в промыслах изменяла “расчёты” людей.

“У меня три–четыре сына, каждый получит небольшой участок луга, минимум для одной коровы, немного пашни и т.п. Это даст кое-что, чтобы основать своё хозяйство, а кроме работы в этом небольшом хозяйстве остаётся достаточно времени, чтобы остальное приобрести от промысла. В конце концов считают ведь достаточным, когда в доме есть место, чтобы поставить прялку или ткацкий станок, и место для огорода, чтобы посадить овощи”⁴.

Возможность надомного труда “ускоряла вступление в брак и умножала их число, тем самым учащая разделы имущества и увеличивая его стоимость”⁵. Возможность заработать в надомном промысле показывала, что нет нужды сохранять в максимальной целостности земельный участок. Так началось постепенное изменение крестьянской модели поведения при вступлении в брак и наследство⁶. Семья по большей части состояла только из родителей и детей, а когда последние вырастали, то только из супружеской пары; три поколения в одном доме были редкостью.

Крестьянский расчёт на приобретение или сохранение земли посредством брака терял своё значение, всё большее значение прида-

¹ Ср.: *Kriedte P.* u.a. *Industrialisierung vor der Industrialisierung*. S. 184.

² Ср.: *Mackenroth G.* *Bevölkerungslehre*. Berlin, 1954. S. 66.

³ Ср.: *Kriedte P.* u.a. *Industrialisierung vor der Industrialisierung*. S. 184.

⁴ *Hirzel J.C.* *Beantwortung der Frage: Ist die Handelsschaft, wie solche bey uns beschaffen, unserem Lande schädlich, oder nützlich in Absicht auf den Feldbau und die Sitten des Volkes?* Zürich, S. 129. Цит. по: *Braun R.* *Industrialisierung und Volksleben...* S. 62.

⁵ *Meiners C.* *Briefe über Schweiz*. Tübingen, 1791. Teil 3. S. 42. Цит. по: *Braun R.* *Industrialisierung und Volksleben...* S. 62.

⁶ Ср.: *Mackenroth G.* *Bevölkerungslehre*. S. 363.

валось рабочим качествам партнёров по браку. Для ткачества, например, была важна сноровка жениха или невесты в работе. Владение ткацким станком также увеличивало шансы на вступление в брак¹. Однако, многие надомники всё же заключали брак, не имея необходимых орудий труда. Они находились в особой зависимости от купцов-раздатчиков, предоставлявших им необходимые орудия в пользование за плату или в счёт заработка. У некоторых, хотя и были необходимые орудия труда, но отсутствовали предметы быта. “Ранние браки между людьми, которые хотя и приносят с собой по прялке, но не имеют кровати, довольно часто встречаются у этих людей”, — писал пастор фон Вильдберг из цюрихского кантона. Такие свадьбы обычно называли “нищенскими”, в чём отразились как изменившийся характер брачных отношений, свободных от собственности на крестьянское хозяйство, так и скептическое дистанцирование имущих слоёв от неимущих надомников. Церковные и государственные власти старались предотвратить подобные “нищенские свадьбы”, ставя условием для выдачи разрешения на брак наличие определённой суммы денег или владение недвижимостью².

Многое указывает на то, что личные мотивы жениха и невесты приобретали большее значение, чем коллективные интересы семьи. Благодаря новому источнику доходов от надомного труда, вступление в брак не могло теперь нанести ущерб основам существования родителей или братьев и сестёр. Брак переставал быть тем соглашением, которое определяло судьбу семей жениха и невесты. Он становился договором между женихом и невестой, и их личные интересы приобретали всё большее значение при выборе партнёра. Но эта персонализация выбора партнёра натолкнулась на недоверие и неодобрение церковных и светских властей, потому что с традиционной точки зрения она часто вела к экономически “неблагоразумным” бракам. Возмущённый пастор из цюрихского Оберланда описывает, как одна бедная девушка из семьи надомных рабочих вступила в брак:

“Выросшая у прялки или ткацкого станка, без каких-либо представлений о других работах по дому или на земле, ежедневно до

¹ Ср.: *Schöne B. Kultur und Lebensweise der Lausitzer Bandweber*. Berlin, 1977. S. 50; *Segalen M. Nuptialité*. S. 102.

² См. указ феодальных епископов “касательно необходимого имущества и выдачи имущественных свидетельств при вступлении в брак подданных: “Таким образом, Мы изменяем установленные в старом законе от 15 июля 1715 г. суммы имущества на селе в 200 флоринов и в городах в 300 флоринов так, что они должны составлять в будущем в нашей резиденции... 350 фл. ...а на селе — 250 фл.” Цит. по: *Möller H. Die kleinbürgerliche Familie im 18. Jahrhundert*. Göttingen, 1969. S. 78.

глубокой ночи в компании озорников, а по окончании дел тратящая дневной заработок или часть его на лакомства или водку, радующаяся всякой похоти, ради которой не гнушается любых паскудств, вроде воровства сырья или вещей из родительского дома, и затем из нужды вступающая в брак, связывающая себя нередко с таким же легкомысленным и бедным юнцом, во всём имуществе которой нет ни кровати, ни домашней утвари ...что выйдет из такого нищенского брака, если даже та одежонка, что они имеют, взята в долг у лавочника?"¹

Судя по этим жалобам пастора, надомный труд делал возможными небольшие радости, которых были ещё лишены мелкие крестьяне, не имевшие наличных денег. Потребность в развлечениях и модной одежде, возникшая сперва в городских низах, проникла и в сёла надомных рабочих. Здесь получила развитие и готовность вступать в брак с теми, кого любили, с кем связывали симпатия и сексуальное влечение. Концепция супружеской любви², воспринятая от придворной знати и приспособленная к отношениям горожан, распространялась, вероятно, в сельской местности сначала в немущих слоях надомных рабочих³.

Однако эта персонализация выбора партнёров ни в коей мере не означала, что будущая совместная надомная работа супругов не играла роли в выборе брачного партнёра. Напротив, Мартин Сегален смогла констатировать, что в исследованной ею французской области Вревиль в XVIII–XIX вв. ткачи стремились найти себе супругу из семьи ткачей, подобно и крестьянам, и подёнщикам, останавливая свой выбор преимущественно на себе подобных (социальная эндогамия)⁴. Маловероятно, чтобы дочь ткача выходила замуж за крестьянского сына или дочь крестьянина — за сына ткача⁵. Надомный труд в промыслах во многих случаях требовал совместного участия супругов, поэтому брачного партнёра выбирали из своей среды, явно придавая этому большое значение. Помимо того, что будущий супруг должен был владеть секретами надомной работы, здесь, вероятно, сказывалось и моральное воздействие родителей, которые считали предпочтительным выбор партнёра из своей среды выходцам из других социальных групп⁶. Наконец, следует по-

¹ *Schinz S.* Das höhre Gebirge des Kanton Zürich u. der ökonomisch-moralische Zustand der Bewohber, vit Vorschlag der Hülfe u. Auskunft für die bey mangelnder Fabrikarbeit brotlose Übervölkering, Synodalrede. Zürich. 1818. Bd. II. Цит. по: *Braun R.* Industrialisierung und Volksleben... S. 65.

² Ср. к этому в целом: *Luhmann N.* Liebe als Passion. Frankfurt, 1982.

³ *Braun R.* Industrialisierung und Volksleben... S. 68.

⁴ *Segalen M.* Nuptialité. S. 79.

⁵ *Ibidem.*

⁶ Ср.: *Tanner A.* Arbeit... S. 482.

мнить, что круг владевших землёй крестьян был закрыт для надомников. Выбор супруга персонифицировался только в пределах своей социальной группы. И для надомников брак прежде всего оставался продолжением рабочих отношений. Это всегда учитывалось при выборе супруга.

4. Взаимоотношения полов и сельская молодёжная культура

Что отличало положение детей рабочих-надомников от положения вступавших в наследство и остававшихся на родительском дворе крестьянских детей — это их относительная независимость от влияния родителей на выбор брачных партнёров и профессии. Переход от крестьянских форм производства к надомным промыслам сопровождался уменьшением родительской власти и возможности контроля над детьми. Владение землёй играло всё меньшую роль. Ни время вступления в брак, ни выбор супруга не находились в сфере коллективных экономических интересов семьи. Ожидание семейного наследства теперь не подчиняло наследника воле родителей. И родители не располагали возможностями угрозой лишения наследства или затягиванием передачи дома поставить детей в подчинённое положение. Наконец, молодые пары, получавшие доходы от промыслов, могли раньше вступать в брак и заводить собственное хозяйство.

Произошли перемены и в форме подготовки к браку. В крестьянском обществе с его строгим наследственным правом сельская молодёжь не смогла бы принудить парня жениться на забеременевшей от него девушке, если этот брак представлялся экономически неблагоприятным, то есть не соответствовал расчётам крестьянского семейного хозяйства. В сфере надомников, напротив, постепенно изменялись представления об обычаях и морали. Забеременевшая девушка теперь могла пожаловаться на попрание чести, не оглядываясь на высшие хозяйственные интересы крестьянской семьи. В деревне, где все были на виду, забеременевшая девушка могла “привлечь к браку” не желавшего нести ответственность любовника. Регулярная половая жизнь начиналась теперь с помолвки (в смысле взаимного обещания брака); за соблюдением этого обещания следили деревенское общество и особенно сельская молодёжь.

Добрачные половые отношения, приводившие к беременности, часто завершались заключением брака, даже когда материальные предпосылки, согласно крестьянским и церковным представлениям, отсутствовали. Иоганн Шультесс их кантона Цюриха сообщает, что некоторые дочери надомных рабочих и мелких хэуслеров рассчитывали именно на то, чтобы забеременеть и затем выйти замуж:

“Дочери, зная, что они ни при каком другом условии не заполучат когда-либо мужа, открывают спальни ночным гулякам и теряют свою честь в осознанной или неосознанной надежде в случае беременности не быть преданными посрамлению... Так называемое “зайти на огонёк” рассматривается как право и свобода, а не считается чем-то грешным. Свадьба — всегда лишь следствие беременности”¹.

Хотя вечерние посещения девушек (в окрестностях Цюриха это называлось “залезть в окно” или “зайти на огонёк”; в австрийских или баварских землях — “лазить в окно” или “прогуливаться”) происходили в сущности из принятых среди мелких крестьян отношений доиндустриальной эпохи², эта практика подготовки к браку в районах распространения надомного труда ощутимо продвинулась вперёд. Надомные рабочие, становившиеся благодаря новому источнику доходов раньше и чаще “способными к браку”, пользовались, таким образом, традиционной моделью, чтобы устанавливать ведущие к браку отношения на новой материальной основе.

Ограничение родительского права планировать жизнь детей обусловило в регионах распространения надомного труда усиление сельской молодёжной культуры. Место патриархальных и связанных с домом правил регулирования брачных отношений заняли товарищеские нормы, принятые в среде сельской молодёжи. Наряду с “лазаньем в окна”, находившемся под контролем сельской общности, “посиделки за прялкой” стали важным местом, где устанавливались нормы культуры молодёжи.

Посиделки были широко распространены в Центральной Европе и за её пределами³. Происходившие из вечерних домашних сборов, на которые приглашались родственники и соседи, они во многих европейских регионах всё более превращались в места общения сельской молодёжи. Для “старинных вечеров после рабочего дня” было типично, что по обычаю на них собирались в первую очередь незамужние деревенские девушки, когда “дневная работа” была окончена. Возникнув в рамках крестьянского общества, посиделки проходили сперва лишь зимой, когда у крестьян было меньше работы и больше времени для общения и развлечений. Здесь девушки и женщины вместе пряли и вязали, подробно обсуждая события сельской жизни. В комментариях духовных и светских властей всё время говорится о “бесполезной болтовне”, “безнравственных ре-

¹ *Schulthess J.* Beherzigung des vor der Zürcher Synode gehaltenen Vortrags. Zürich, 1818. S. 54. Цит. по: *Braun R.* Industrialisierung und Volksleben... S. 68.

² Ср.: *Wikman; Petrei B.* Die Burschenschaften in Burgenland. Eisenstadt, 1974; *Mitterauer M.* Ländliche Jugendgruppen // Он же. Sozialgeschichte der Jugend. S. 164.

³ Ср.: *Medick H.* Spinnstuben. S. 19–49; *Mitterauer M.* Sozialgeschichte, S. 187 ff.

чах” и “всевозможных сплетнях”¹. Многочисленные запреты предписывали молодым парням не посещать девушек, собиравшихся на посиделки². Запреты распространялись и на их встречи с девушками по пути на посиделки. Что вызывало подозрение властей, так это неподконтрольные взрослым встречи парней и девушек, на которых обсуждались и таким образом подвергались коллективному контролю жизнь взрослых, проделки и отношения молодых.

“Всё, что ни произойдёт в общине предосудительного, выносится на посиделки. Здесь поют распутные, неприличные песни, ведут бесстыдные речи, шатаются туда-сюда, развязно танцуют, рассказывают бесстыдные истории о женатых людях (sic!); они готовят, едят и пьют то, что стащат в доме”³, — говорится в одной алеманской книжечке молитв и нравоучений XVII или XVIII вв.

По-видимому, в промысловых деревнях домашние встречи сельских девушек, всегда тесно связанные с надомной работой и дававшие местным парням желанную возможность контактов, были широко распространены вплоть до конца XIX в. Об одном моравском селении с надомным ткачеством сообщается: “Зимой вечером к нам ежедневно приходили подружки моей сестры, восемь соседских девушек, чтобы плести соломенные шнуры. Всегда было очень весело, пели песни, делали глупости, что-то рассказывали. Конечно, приходили и парни, которые затем провожали девушек по домам”⁴.

Снижение брачного возраста и снятие барьеров на пути к браку для детей, родившихся после наследника, ставшее возможным благодаря заработкам в надомных промыслах, повысило значение сексуальной сферы в повседневной жизни. Перемещение из мелкокрестьянского хозяйства в надомную промышленность устранило неравенство между наследниками. Молодёжь в сёлах надомников по своему социальному статусу была однороднее, чем молодёжь в крестьянских районах единонаследия. Одновременно формировалась модель эротико-сексуального поведения полов. Постоянные жалобы пасторов и чиновников на “безнравственность” надомных рабочих указывают на отличие сексуального поведения надомников от принятого в крестьянской среде. Снова и снова звучащие утверждения о “бесстыдной нескромности полов” были в первую очередь критикой изменившегося поведения девушек и женщин⁵.

¹ Württembergische Ländliche Rechtsquellen // Hg. F. Wintterlin. Bd. 3. S. 36; Bd. 1. S. 444; Bd. 3. S. 303. Цит. по: *Medick H. Spinnstuben*. S. 27.

² *Ibid.* S. 26.

³ Цит. по: *Medick H. Spinnstuben*. S. 28.

⁴ *Schuster L.* “...Und immer wieder müßten wir einschreiten!” Ein Leben “im Dienste der Ordnung”. Wien, 1986. S. 27.

⁵ *Kriedte P.* u.a. *Industrialisierung vor der Industrialisierung*. S. 137.

“...Простая девушка разбирается в искусстве кокетства на свой манер так же совершенно, как и дама, и столь же бесстыдно — наполовину — обнажает груди и другие известные прелести: так лучше действует, чем если бы открыть всё. Если молодой человек не поддаётся, она водкой разжигает его помыслы, и когда он не появится в ответ на её приглашение в её постели, то она сама придёт к нему”¹.

Здесь ясно видно, если понять эти строки вопреки намерениям автора, определённая эмансипация женщин и девушек в сексуальной сфере. Судя по всему, добрачные половые отношения по-другому воспринимаются, большей частью из-за следующего за ними брака. Встречающийся местами высокий процент добрачных и внебрачных детей позволяет заключить, что при колебаниях конъюнктуры и кризисах сбыта запланированные браки откладывались. Так как признаваемые сельской общиной отношения начинались с вступления в половую близость, добрачные беременности были очень часты. В большинстве исследованных районов надомной промышленности в XVIII–XIX вв. возросло число так называемых “беременностей невест”². Столь же часты были добрачные роды в некоторых районах надомных промыслов. Однако они должны рассматриваться скорее как отражение экономических кризисов и снижения способности к заключению брака, чем проявление общей “безнравственности”.

5. Роли полов и разделение труда

В отличие от семей крестьян и ремесленников, в семьях рабочих-надомников не знали строгого разделения труда между мужчиной и женщиной. В крестьянских домах прядение как работа женщин и девушек имело долгую традицию в домашнем хозяйстве; перейдя в надомную промышленность, оно всё равно продолжало выполняться преимущественно женщинами. В прединдустриальных текстильных промыслах мужчины впервые вступили в сферы производства, считавшиеся в крестьянских кругах женскими. Распространение надомного труда обусловило во многих местностях тенденцию к исчезновению различий между рабочими задачами мужа и жены. В некоторых регионах можно встретить женщин ножёвщиц и игольщиц³, мужчин — изготовителей кружев⁴ или ручных прядильщи-

¹ Schwager J.M. Über den Ravensberger Bauer // Westfälisches Magazin zur Geographie, Historie u. Statistik. 2. 1786/V. S 56.

² Ср.: Levin D. Family Formation... P. 139.

³ Ср.: Pinchbeck. Women, Workers and the Industrial Revolution 1750–1850. London, 1962. P. 270.

⁴ Ср.: Ziegler C. Nachricht von der Verfertigung der Spitzen im Erzgebirge // Beck-

ков¹. В 1838 г. из Краины сообщали: “Имеются целые деревни, где в каждом доме есть ткацкий станок. Мужчины и женщины прядут на ручных прядках зимой до полночи и также хорошо обучены изготовлению обычного полотна”². Когда труд в промыслах не оставлял женщинам времени для домашней работы, то случалось, что всё выполняли их мужья³. Мы знаем, что в вестфальских семьях прядильщиков и ткачей “мужчины... готовили еду, подметали и доили коров, дабы хорошей прилежной жене не мешать в её работе”⁴.

Современники, наблюдавшие жизнь народа, видели в таких формах разделения труда нарушение “естественных” отношений. В результате, доказывали они, дочери надомников будут недостаточно подготовлены к своим будущим обязанностям домохозяйки и матери. Пастор из деревни ткачей в кантоне Цюриха в 1857 г. сообщал: “Эта непрекращающаяся работа за ткацким станком связана с другим недостатком, который заметен только когда ткачиха занимается собственным хозяйством: она не умеет ни готовить, ни штопать, не привыкла содержать в чистоте комнату, короче — она не умеет ничего, кроме как зарабатывать за ткацким станком”⁵.

В семьях ткачей типичное разделение труда выглядело так: мужчина пряд, женщина чистила основу, а дети наматывали нити. О разделении труда в семьях тюрингских игрушечников Сакс сообщает: “...Внутри семей образуется детальное разделение труда, и всё так и спорится в руках. Отец, например, лакирует и раскрашивает голову, мать кроит костюмчик, дочери его сшивают и натягивают на торс, мальчик раскрашивает ножки, а самый маленький прибавляет чинелли и кукла готова”⁶. Когда надомная промышленность ещё была связана с сельским хозяйством, могло быть и так,

mann J. Beiträge zur Ökonomie, Technologie, Polizey und Cameralwissenschaft. Göttingen, 1799. Bd. 1. S. 108.

¹ Ср.: *Sußmilch*. Die göttliche Ordnung in der Veränderungen des menschlichen Geschlechts, aus der Geburt, dem Tode u. der Fortpflanzung derselben erwiesen. Berlin, 1765. Bd. 2. S. 47; см. также: *Kriedte P.* u.a. Industrialisierung vor der Industrialisierung. S. 135.

² Bericht über sämtliche Erzeugnisse, welche für die erste zu Klagenfurt im Jahre 1838 veranstaltete... Industrie-Ausstellung... eingeschickt worden sind. Graz, 1839. S. 31. Цит. по: Schwiedland. Kleingewerbe. S. 34.

³ Ср.: *Tanner A.* Arbeit... S. 484.

⁴ *Schwerz H.N.v.* Beschreibung der Landwirtschaft in Westfalen u. Rheinpreußen (1816). Stuttgart, 1836. Bd. 1. S. III. Цит. по: *Kriedte P.* u.a. Industrialisierung vor der Industrialisierung. S. 135.

⁵ Stadtarchiv Zürich. Berichte der Pfarrer und Armenpfleger über “den Einfluß der Fabrikverhältnisse auf das Armenwesen und über die soziale Stellung der Fabrikarbeiter”. 1857, sub Männedorf. Цит. по: *Braun R.* Industrialisierung und Volksleben... S. 194.

⁶ *Sax E.* Die Hausindustrie in Thüringen. Bd. I. S. 55.

что женщины сидели за прялкой, мужчины и работоспособные сыновья работали в поле или готовили пищу. “Нередко можно увидеть, что бабушка, мать и внучата заняты прядением, а отец и подросток работают на поле или исполняют другую работу по дому, готовят пищу, чистят свеклу или картофель”¹.

Ослабление традиционных представлений о мужской и женской работе, доходившее до перевёртывания их соотношения, соответствовало необходимости приспособить организацию труда к материальным условиям жизни. Жёсткие условия, в которых надомники должны были жить и работать, требовали высокой степени развития “семейной кооперации”². Это вынуждало людей, занятых надомным трудом, в зависимости от специфических условий отрасли и конъюнктуры отказываться от традиционных форм разделения труда и кардинальным образом перераспределять основные роли мужчины и женщины.

6. Отношения потребления

Если в семьях крестьян и ремесленников супруг и отец находился в положении привилегированного потребителя — в еде, питье и одежде — и использовал свои преимущества для повышения авторитета внутри и вне семьи, то, судя по многим признакам, в семьях рабочих-надомников была принята более “равноправная” форма потребления. Современники сообщали, что муж и жена здесь большей частью вместе пили и курили³. Поскольку и дети в семьях надомников зарабатывали деньги наравне с мужчинами, то заметной разницы между полами в потреблении спиртного не было. Форальбергские вышивальщицы, собиравшиеся в доме одной из них для работы и общения, в складчину посылали в трактир за вином и кофе. В трактирах надомницы тоже часто заказывали спиртное⁴. Если позволял доход, надомники — мужчины и женщины — покупали такие деликатесы, как кофе, чай, вино, шнапс, конфеты, шоколад⁵.

¹ *Bitter C.H.* Bericht über Notschstand in der Senne zwischen Bielefeld und Paderborn, Regierungsbezirk Minden, und Vorschläge zur Beseitigung derselben, aufgrund örtlicher Untersuchungen dargestellt (1835) // Jahresbericht des Historischen Vereins für die Grafschaft Ravensberg. 1965. Bd. 64. S. 22. Цит. по: *Kriedte P.* u.a. Industrialisierung vor der Industrialisierung. S. 134. Anm. 148.

² *Hausen K.* Familie als Gegenstand historischer Sozialwissenschaft. Bemerkungen zu einer Forschungsstrategie // Geschichte und Gesellschaft. 1975. № 1. S. 200.

³ Ср.: *Kriedte P.* u.a. Industrialisierung vor der Industrialisierung. S. 136.

⁴ *Nägele H.* Das Textilland Vorarlberg. Dornbirn, 1949. S. 188. Цит. по: *Sandgruber R.* Innerfamiliäre Einkommens- u. Konsumaufteilung. S. 146.

⁵ Ср.: *Wiegelmann G.* Volkskundliche Studien zum Wandel der Speisen u. Mahlzeiten // *Teuteberg H.J.* u. ders. Der Wandel der Nahrungsgewohnheiten unter dem Einfluß der Industrialisierung. Göttingen, 1972. S. 249.

Создаётся впечатление, что курение табака в XVIII в. стало обычным делом во многих семьях рабочих-надомников: подобно употреблению вина, наряду с мужчинами курили, по-видимому, женщины и даже дети¹. Кажется, именно потребительский статус отчётливо обнаружил тенденцию к равноправию полов². Многие наблюдатели называли это “бессмысленным потреблением предметов роскоши или сверхпотреблением”: “...Нет недостатка в примерах, когда девушка весь свой заработок растрчивает на наряды, а парень... отдаёт сэкономленный пфенниг на покупку карманных часов, серебряных пряжек, инкрустированных серебром курительных пенковых трубок — всё, что умеют им всучить евреи, а остальное пускает на пиво и водку”³.

О потреблении надомных рабочих в цюрихском Оберланде сообщается, что нравы народа в надомных промыслах “ухудшились”. Большие суммы селяне тратят на вино и “огненную воду”, употребление кофе также стало повсеместным⁴. Ц. Майнерс замечает в своих письмах о Швейцарии:

“Большинство фабричных рабочих (имеются в виду рабочие-надомники. — *Прим. Р. Зидера*) не довольствуются питательными и легко усваиваемыми, но дешёвыми и простыми блюдами; их тянет к городским лакомствам, о которых они имели возможность узнать. Кофе с жирнейшими сливками — таков ежедневный напиток всех фабричных рабочих, мясо — ежедневное блюдо, как и очень часто самое изысканное и дорогое, что только можно купить”⁵.

Таким образом, рабочие-надомники ориентировались на рынок и не ограничивались более местной пищей и тем, что давал местный урожай. В период экономических кризисов многие надомники, привыкшие к деликатесам с рынка, не могли вернуться к традиционным блюдам сельского населения (в первую очередь — пюре и каше). Падение покупательной способности в кризисные времена часто не удавалось компенсировать возвращением к самообеспечению. Есть сведения о переходе только на хлеб, вино, “огненную воду”⁶. Ханссен в 1830 г. пишет о кружевницах Северной Фрисландии: “Они питались почти только одним кофе и хлебом; но некоторые, к

¹ Ср.: *Sandgruber R.* Innerfamiliale Einkommens- u. Konsumaufteilung. S: 147.

² *Kriedte P.* u.a. Industrialisierung vor der Industrialisierung. S. 136.

³ *Schwerz H.N.* Op. cit. Bd. I. S. 103. Цит. по: *Kriedte P.* u.a. Industrialisierung vor der Industrialisierung. S. 148.

⁴ *Hirzel J.C.* Beantwortung der Frage... S. 78. Цит. по: *Braun R.* Industrialisierung und Volksleben... S. 95.

⁵ *Meiners C.* Briefe über die Schweiz. Teil 3. S. 59. Цит. по: *Braun R.* Industrialisierung und Volksleben... S. 59.

⁶ Там же. S. 96.

сожалению, привыкли к пуншу, чтобы бодрствовать поздними вечерами”¹.

Это казавшееся городским современникам в глубочайшей степени “неблагоразумным” поведение являлось реакцией рабочих-надомников на непривычный для них денежный доход. Долгосрочное планирование домашнего бюджета стало невозможным вследствие колебаний конъюнктуры и неравномерного обеспечения заказами. Кофе, чай, алкоголь соответствовали уровню рабочей нагрузки: их потребляли тем больше, чем дольше приходилось работать по ночам. Ханс Медик в этом “потреблении предметов роскоши” видит также форму демонстративного социального выражения. Восстановление рабочих сил в выходные и праздничные дни, на гуляниях, играх и соревнованиях происходило не “частным образом”, а в обществе. Еда и питье были составным элементом “плебейской культуры”² надомных рабочих. Публичное потребление для живущих в деревне и занимавшихся промыслами людей стало формой “соревнования” как внутри собственной социальной группы, так и с представителями других слоёв и групп. В среде надомников “потребление роскоши” поддерживало их новое общественное самосознание; во внешних отношениях оно способствовало дистанцированию надомников от крестьянского или бюргерского окружения. “В качестве статусного или престижного потребления оно служило символически-демонстративным самовыражением социального слоя, который не располагал больше традиционными средствами крестьянской самопрезентации, через имущество и собственность, и не приобщился ещё к буржуазному культурному достоянию...”³

Домашнее хозяйство и семья надомников были интегральной составной частью этой “плебейской общественной жизни”. Монотонный характер работы делал потребность надомников в общении особенно большой. Поэтому работа, не связанная со стационарно действующими машинами, типа ткацкого станка, летом часто совершалась на свежем воздухе. Прядением и плетением кружев часто занимались перед дверями дома или в тенистом месте. Зимними вечерами незамужние девушки деревни собирались на посиделки. О ткачах-ленточниках из Лаузитца сообщается, что после работы с

¹ *Hanssen G.* Statistische Forschungen über das Herzogtum Schleswig mit besonderer Rücksicht auf nationallt Eigenthümlichkeiten, Gemeindewesen, Steuerverhältnisse und den gegenwärtigen Zustand der Bauernwirtschaften. Heft I. Heidelberg, 1832. S. 50. Цит. по: *Kuczynski J.* Geschichte des Alltags des deutschen Volkes. Studien 3: 1810–1890. Berlin, 1981. S. 316.

² Ср.: *Thompson E.P.* Patrizische Gesellschaft, plebeische Kultur // Он же. Plebeische Kultur. S. 169.

³ *Kriedte P.* u.a. Industrialisierung vor der Industrialisierung. S. 149.

наступлением сумерек они шли к соседям¹. Семья ещё не стала средоточием частной активности и личной жизни. Как не было ещё чёткой границы между производительным трудом и семьёй, так и не существовало ясного обособления между частной и общественной жизнью.

7. Дети надомных рабочих

Дети надомных рабочих обычно жили до вступления в брак, а иногда и дольше, в родительском доме. В качестве работников подростки и ставшие взрослыми дети вносили существенный вклад в доходы семьи. “Именно для семей мелких крестьян и рабочих-надомников это был один из немногих периодов, когда происходило накопление имущества и можно было позаботиться о старости”². В отличие от семей подёнщиков, которые быстро выпускали детей из дома, поскольку не могли их прокормить, многие надомники нуждались в детях как в работниках. Высокий уровень рождаемости в некоторых областях с развитой кустарной промышленностью имел причиной в первую очередь более низкий брачный возраст, ставший возможным благодаря надомному труду³. Дети были для своих родителей “живым капиталом”: как работники и для обеспечения в старости. Однако в первые годы жизни они приносили больше тягот, чем хозяйственной пользы. Лишь позднее экономическая выгода начинала превышать затраты на их воспроизводство. У ткачей-надомников XVIII в. подростки могли удвоить семейный доход, так как они не только наматывали нити, но и сами ткали⁴. Примерно то же самое имело место у ткачей-надомников в кантоне Аппенцель, когда ребёнку исполнялось 10 лет⁵. Уже после непродолжительного обучения ребёнок зарабатывал больше, чем родители тратили на его содержание⁶.

Дети надомников учились приёмам ремесла у родителей. Но были и такие родители, которые посылали ребёнка в обучение к ткачу за плату. В любом случае, необходимые навыки приобрета-

¹ *Schöne B.* Kultur und Lebensweise... S. 71.

² *Tanner A.* Arbeit... S. 469.

³ См. для Саксонии XIX в.: “Саксонские семьи довольно плодовиты, обычно насчитывают четыре–пять детей в хозяйстве, не редкость увидеть и семь или восемь” (*Play F.Le.* Les Ouvriers européens. V. 4. P. 108).

⁴ Ср.: *Schmidt F.* Untersuchungen über Bevölkerung, Arbeitslohn u. Pauperismus in ihrem gegenseitigen Zusammenhange. Leipzig, 1836. S. 297.

⁵ Сначала они были ещё слишком слабы и не были в состоянии сделать несколько шагов под ткацким станом, чтобы передвинуть рукоятки; см. *Tanner A.* Arbeit... S. 478.

⁶ *Ibid.* S. 479.

лись эмпирически, обучение ограничивалось примерами и опытом работы ребёнка. В целом, производительный труд и воспитание детей не были разделены. Работа, с малолетства наблюдаемая и затем совместно осуществляемая, формировала не только навыки труда, но и специфические для среды представления и поведение. “Едва лишь дети начинали ходить, они должны были работать, чтобы выучиться профессии своих родителей; (они) мало-помалу следовали их обычаям и привычкам”¹, — говорил молодой Лаурец Целльвегер в 1723 г. о воспитании детей в семье рабочих-надомников кантона Аппенцель.

Высокая детская смертность заставляла рожать больше детей, прежде чем они, наконец, достигали трудоспособного возраста. Для собственного выживания семья надомного рабочего должна была сохранить тот источник силы, который ещё оставался у неё после утраты сельскохозяйственного базиса существования: работников. Высокий уровень рождаемости в краткосрочной перспективе обеспечивал выживание, в долгосрочной перспективе репродуктивное поведение производящих надомников вело к “мальтузианской” модели развития рынка рабочей силы. Оно лишь отчасти совпадало с колебаниями спроса на рабочую силу и способствовало обнищанию рабочих-надомников. В конце XIX в., когда прибыльность надомного ткацкого промысла особенно упала, даже несколько работавших детей едва ли могли повысить доходы семьи.

С учётом амбивалентности экономического значения детей для семей рабочих-надомников, не кажется удивительным обнаружение Рудольфом Брауном в документах об образе жизни рабочих надомников цюрихского Оберланда подтверждения весьма различного отношения к детям. Оно зависело от того, сохранили ли надомники небольшое подсобное земельное хозяйство или нет. Обращает на себя внимание то, что владение землёй влияет на характер семейных связей именно в кругах рабочих-надомников. “Где крестьяне-горцы опираются на доходы от промыслов, там ребёнок обязан “внести свой вклад” в общее хозяйство. Он не может избежать обязанности отрабатывать свою долю в общем хозяйстве прядением и ткачеством”². И наоборот, безземельные надомники не стремились к тому, чтобы из соображений экономической пользы иметь много детей. Многие родители считали желательным, когда один из детей уходил к чужим людям. Подчас в смерти ребёнка родители видели освобождение от материальных проблем, связанных с его обеспечением. Маленький ребёнок отрывал мать от работы. Другая причи-

¹ Zellweger L. Ueber der Auferziehung der Kinder im Appenzellerland // Schweizerisches Museum. 1784. Bd. 4. S. 899. Цит. по: Tanner A. Arbeit... S. 479.

² Braun R. Industrialisierung und Volksleben... S. 81.

на — часто исключительно стеснённые жилищные условия. Значительный прирост населения при действовавших запретах на новые постройки сделал бы жилищную ситуацию катастрофической¹.

Были ли дети желанными работниками или ими скорее тяготились как дополнительной обузой, требовавшей лишних затрат, — супружеские пары всё равно едва ли могли планировать их количество. Надёжных средств контроля за рождаемостью не было. Поэтому Хайди Розенбаум полагает, что в средней семье рабочих-надомников желательным считали иметь одного–двух детей. Многие говорят за то, что последующие дети воспринимались как большое бремя “именно из-за плохих жилищных условий и больших затрат труда на их выращивание”².

Об уходе за младенцами и маленькими детьми в семьях рабочих-надомников сведений немного. Сакс сообщает, что в семьях тюрингских рабочих-надомников младенцев кормили грудью недолго, так как это отнимало слишком много времени у матери³. Однако, краткость грудного кормления способствовала последующим зачатиям и попытка на этом высвободить время приближала новые роды.

Подросших детей ждала душная атмосфера повседневной рутины надомной работы. Если мать освобождалась от присмотра за детьми, чтобы работать в промыслах, то о младших заботились старшие братья и сёстры. О каком-либо особом “воспитании” детей не было и мысли. Их социализация в некотором смысле происходила между делом. Первостепенной и жизненно необходимой задачей было “приучить их к работе”. Формировавшие личность влияния ни в коей мере не ограничивались семьёй. Формы общения деревенских низов, охарактеризованные понятием “плебейской культуры”⁴ деревни, накладывали на детей рабочих-надомников неизгладимый отпечаток. Кое-что можно увидеть в воспоминаниях сына моравского ткача, которые относятся к 90-м годам предыдущего столетия. Наряду с ткачеством по субботам и воскресеньям отец работал цирюльником:

“За стрижку волос он получал пять крейцеров, за бритьё три. По субботам комната до четырёх часов была полна людьми, приходившими побриться или подстричься. Но они оставались и после того, как их уже давно обслужили, и рассказывали истории. Комната была наполнена людьми, все лавки заняты, и мы, дети, не могли лечь спать. Но нам нравилось слушать их рассказы”⁵.

¹ Там же. S. 82.

² *Rosenbaum H.* Formen der Familie S. 240.

³ *Sax E.* Die Hausindustrie in Thüringen. Bd. I. S. 47.

⁴ Ср.: *Kriedte P.* u.a. Industrialisierung vor der Industrialisierung.

⁵ *Schuster L.* “... Und immer wieder müßten wir einschreiten!” S. 26.

В зависимости от вида надомного промысла дети начинали помогать в работе с трёх, четырёх или пяти лет¹, — и это в тесных, плохо проветриваемых и недостаточно освещённых помещениях². Психические и физические нагрузки определялись прежде всего длительностью рабочего времени³. Например, в хозяйствах ткачей дети должны были выполнять монотонную вспомогательную работу — наматывать нити на деревянные веретёна. Воспоминания детей из семей надомных рабочих подтверждают, что именно от монотонности порученной им работы они страдали больше всего:

“Наматывание ниток было для нас, детей, ужасным мучением. Час за часом сидели мы на низких стульчиках около мотального колеса за ужасно однообразной и утомительной работой и только мотали, мотали, мотали. Спина болела, правая рука, которой надо было вращать колесо, немела, пальцы левой руки, которыми для равномерного распределения нитей нужно было направлять катушку, были до крови порезаны туго натянутыми нитями”⁴. Работа детей надомников часто наносила ущерб их здоровью, нарушала физическое развитие⁵. Кроме того, она мешала школьному образованию. Для детей, которые до и после школы были вынуждены работать, часы, проведённые в школе, часто давали единственную возможность отдохнуть⁶. Учитель из одного тюрингского местечка, где жили рабочие-надомники, заметил, что его ученики во время занятий всегда дремлют: ведь они работали до ночи⁷. Как и многие фабричные рабочие, рабочие-надомники часто выступали против посещения школы их детьми. Ещё в 1842 г. кибингский ткач Якоб Тома активно сопротивлялся предписанию местного церковного совета, по которому оба его сына хотя бы в зимние месяцы регулярно ходили в школу⁸. Пожалуй, можно согласиться с мнением Хайди Розенбаум, которая считает, что правительственное предписание об обязательном посещении школы должно было казаться многим ра-

¹ Ср.: *Rosenbaum R.* Formen der Familien. S. 548, прим. 202: Наматывание и плетение кружев было обычным с пяти лет, упаковка спичек — с шести, а вышивка уже с трёх лет, плетение корзин — с трёх-четырёх лет.

² Там же. S. 241.

³ *Schnapper-Arndt G.* Fünf Dorfgemeinden auf dem Hohen Taunus. Eine Sozialstatistische Untersuchung über Kleinbauerntum, Hausindustrie u. Volksleben. Leipzig, 1883. S. 89.

⁴ *Zitz L.* Aus meinem Leben // Die Kämpferin. Beilage. I. 1919. Nr 2. Цит. по: *Rosenbaum R.* Formen der Familien. S. 242.

⁵ Ср.: *Ludvig K.H.* Die Fabrikarbeit von Kindern im 19. Jahrhundert // Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1965. 52. S. 84.

⁶ Ср.: Schriften des Vereins für Sozialpolitik. Bd. 42. S. 84; Bd. 40. S. 61.

⁷ *Bierer W.* Die hausindustrielle Kinderarbeit im Kreise Sonneberg. Tübingen, 1913. S. 80.

⁸ *Kaschuba W., Lipp C.* Dörfliches Überleben... S. 33.

бочим-надомникам, нуждавшимся в участии своих детей в работе, “непосильным требованием и особой каверзой властей”¹.

Когда дети надомных рабочих вырастали и начинали думать о браке и собственном хозяйстве, часто возникал конфликт между стремлением родителей “использовать” рабочую силу детей и желанием последних обрести социальную и экономическую самостоятельность. Для родителей подростки и повзрослевшие дети приносили большую хозяйственную пользу: их заработок шёл в семейную кассу, а им полагались лишь карманные деньги. В первую очередь дочери, как правило, без сопротивления отдавали заработок родителям. Этот образец поведения можно было наблюдать до XX в. у дочерей крестьян и рабочих-надомников, ушедших в города². Рудольф Браун делает из этого заключение об отношениях преданности между родителями и детьми. С другой стороны, источники показывают, что выросшие дети как раз с получением возможности самим зарабатывать деньги вопреки интересам родителей уходили из их хозяйства. Иоханнес Мерц, сын ткача из Аппенцелля, в 18 лет покинул родительский дом, где за свою работу он получал лишь подачки: “Когда я вдруг задумался о мачехином обращении и увидел, что должен пожертвовать даже физическим развитием и образованием, я потерял своё неизменное добродушие. Упаковав свои сокровища, я направился в деревню Вальд”³.

Таким образом, денежные средства, зарабатываемые подростками детьми надомников, очевидно, ослабляли экономическую зависимость от дома и делали возможной более раннюю эмансипацию от родной семьи. Это относилось прежде всего к семьям надомников, не имевшим собственного дома. В этом случае “железная цепь воспроизводства и наследства” (Л. Тилли) практически отсутствовала. Следствием было снижение возраста вступления в брак, на что сетовали современники-буржуа⁴. Возможность самостоятельного заработка уменьшала действенность принуждения к коллективному воспроизводству в родительском доме и способствовала формированию личностной жизненной концепции.

8. Жилищные условия

Данные исторических источников о жилищных условиях рабочих-надомников, в сравнении со сведениями о жилищных условиях

¹ *Rosenbaum R. Formen der Familien. S. 243.*

² Ср. также: *Tilly L.A., Scott J.W. Women, Work, and Family. New York, 1978.*

³ *Merz J. Erlebnisse u. Erfahrungen eines Appenzeller Webers / Hg. J. Lorenz. Zürich, 1909. Цит. по: Tanner A. Arbeit... S. 480.*

⁴ Ср.: *Tanner A. Arbeit... S. 481.*

деревенского населения в целом, особенно скудны. Вплоть до XX в. систематический сбор сведений, за исключением больших городов, отсутствовал¹. Очевидно, что распространение надомной промышленности в конце XVII в. привело к волнообразному росту строительства в сельской местности. Множеству подёнщиков и надомников было разрешено строить небольшие дома. Если в XVIII в. многочисленные запреты препятствовали строительству новых домов, то политика меркантилизма, поощрявшая демографический рост, сопровождалась отменой всех запретов, которые препятствовали росту населения и промышленности. Раздел общинных и не имевших сельскохозяйственного значения господских земель способствовал этой политике заселения². В нижнеавстрийском Вальдфиртеле, например, в 1786–1803 гг. было сооружено 3468 новых домов, причём половина из них за четыре года, с 1786 по 1790, после отмены императором Иосифом II обязательных работ на помещиков³. Крупные землевладельцы, лишившись бесплатной рабочей силы, потеряли интерес к малопродуктивным отраслям хозяйства. С другой стороны, они были теперь заинтересованы в поселении у них малоземельной бедноты, чтобы гарантировать обеспечение сельскохозяйственными рабочими оставшихся у них имений⁴.

Строительство, развернувшееся прежде всего в смешанных поселениях, особенно улучшило положение многочисленных инвонеров, которые только теперь смогли выйти из крестьянских домовых сообществ. В сельских обществах, где двумя главными критериями социального статуса были домо- и землевладение, строительство дома существенно повышало социальный престиж. Инвонеры на-

¹ Ср.: *Sandgruber R.* Gesindestuben, Kleinhäuser u. Arbeiterkasernen. Ländliche Wohnverhältnisse im 18. u. 19. Jahrhundert in Österreich // *Wohnen im Wandel. Beiträge zur Geschichte des Alltags in der bürgerlichen Gesellschaft* / Hg. L. Niethammer. Wuppertal, 1979. S. 107–131.

² В Форальберге раздел общинных земель начался уже около 1600 г. Они были небольшими участками переданы в частное владение. На этих участках земли были построены небольшие дома. При этом началась борьба между безземельным и малоземельным населением, с одной стороны, и зажиточными крестьянами — с другой, за использование альменд (общинных земель). Ср.: *Wolti L.* Vom karolingischen Königschof zur größten österreichischen Markgemeinde // *Lustenauer Heimatbuch*. Lustenau, 1965. S. 427; *Bilgeri B.* Die Geschichte Voralbergs. Wien, 1977. P. 278.

³ Ср.: *Lütge F.* Die Robot-Abolition unter Keiser Josef II // *Wege u. Forschungen der Agrargeschichte* / Hg. H. Haushofer u. W. Boelcke. 1967; *Berkber L.K.* Social Structure. S. 176.

⁴ Ср.: *Mitterauer M.* Lebensformen... S. 326 (но он указывает на то, что постройка новых домов для безземельного населения отчасти началась раньше отмены барщины).

ходились в зависимости от домашнего права, а хэуслеры, напротив, по меньшей мере в отношении жилья были самостоятельны. Расселение семей рабочих-надомников в небольших домах повлекло за собой тенденцию к доминированию мелкокрестьянских хозяйств. При этом, конечно, нельзя забывать, что покупка земли, строительство дома и связанная с ними плата налогов были в определённой мере обременительны для семей хэуслеров, от чего семьи инвонеров были свободны¹.

Одновременно с новыми поселениями продолжало расти число инвонеров во многих регионах развития промыслов. Сооружение новых домов часто не успевало за приростом населения². Значительная часть ткачей в текстильном районе Вальдфиртеля продолжала жить в качестве инвонеров у крестьян, которые часто сами, наряду с ведением небольшого хозяйства, пряли и ткали. В 1840 г. в приходе Гмюнд только 60% семей ткачей жило в своих домах, около 40% оставались инвонерами в домах крестьян и ткачей³.

В областях, где столетиями происходили наследственные разделы, раздробление владений благоприятствовало приобретению жилищ сельскими низами. В высшей фазе преиндустриализации во второй половине XVIII в., в районе Бодензее, к примеру, число домов значительно выросло. Поэтому здесь существенно меньшее число надомников было вынуждено жить в качестве инвонеров. Сооружение собственных небольших домов (в районе надомной промышленности вокруг Сен-Галлена возник даже особый тип низеньких домов ткачей — “Weberhökli”⁴), очевидно вело к повышению культуры жилья в сравнении с жилищными условиями инвонеров. Разумеется, принцип единства жизни и работы решающим образом определял обстановку жилого помещения, которое одновременно было и мастерской. Выходец из моравской семьи ткачей вспоминает о своём родительском доме в 80-х годах XIX в.:

“Комната была размером примерно пять на пять метров. В ней находилась изразцовая печь, как это было принято во всех домах, лежанка, кровать, на которой спали только родители, стол и ткацкий станок, занимавший четверть комнаты. Пол был глиняный. Мы, дети, спали на обычной печи, которая имела в каждом доме, а также на лежанке или на полу. Вместо матраца в кровати родителей была положена ничем не покрытая солома, без наматрасника, а мы, дети, довольствовались мешками из-под картофеля, набитыми

¹ Ibid. S. 327.

² Ср.: Mitterauer M. Formen ländlicher Familienwirtschaft... S. 233.

³ Sieder R. Strukturprobleme ländlicher Familien im 19. Jahrhundert // Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte. 1978. 41. S. 176. Tab. 1.

⁴ Ср.: Tanner A. Arbeit... S. 455.

соломой, днём лежавшими в сарае, а перед сном вносимыми в дом. Зимой они были холодными, как лёд. Накрывались мы старой одеждой, ночные рубашки или что-нибудь вроде этого были неизвестны... Если ночью нам надо было выйти, то зимой мы шли босиком в одной рубашке на улицу в отхожее место”¹.

Вплоть до конца XVIII в. большая часть домов в сельской местности строилась из дерева. Каменные дома говорили о зажиточности. Сначала из камня сооружались только церкви и трактиры, а также мельницы, а после Тридцатилетней войны всё чаще и дома богатых крестьян. Судя по всему, раньше других районов каменные постройки распространились в виноградарских областях, включённых в отношения рыночного и денежного хозяйства. Маленькие дома, среди них и дома рабочих-надомников, были почти сплошь деревянными или глиняными.

Очевидно, что в большинстве домов, кроме кухни, была одна-единственная комната². Зачастую отапливалась только кухня. Всегда имелся чулан. Дома были населены очень плотно и часто давали приют нескольким семьям. Из домовых описей видно, что жильцы часто менялись. Несколько семей, вдовы со своими детьми, одинокие люди жили вместе. Учитывая ограниченный размер жилых домов, типичным нужно признать совместное проживание в условиях сильной тесноты двух или больше семей и “неполных” семей (вдов и вдовцов с детьми)³. Возникала ли в таких условиях взаимопомощь или правилом были трения и конфликты между жильцами, нам ничего не известно. Из некоторых мест имеются сведения, что семьи предоставленные им углы помещений очерчивали полосками мела или краски на полу, а печью пользовались по очереди⁴. Такие условия в деревне возникали, однако, ещё перед преиндустриализацией, к примеру, в районах наследственных разделов в Тироле. Современник писал в 1806 г., что в Оберинтале даже самые маленькие домишки часто занимались несколькими семьями⁵. По-видимому, из-за отсутствия помещений и кроватей родители часто были вынуждены брать детей к себе в постель, что порой с негодованием отмечали миссионеры и пасторы XVIII в.⁶ Вновь и вновь правительственные чиновники в Форарльберге высказывали недовольство по поводу того, что совместное проживание нескольких семей

¹ *Schuster L.* “...Und immer wieder müßten wir einschteiten”. S. 23.

² Ср.: *Häuslerkindheit, Autobiographische Erzählungen* / Hg. T. Weber. Wien, 1984. S. 20.

³ *Sieder R.* Strukturprobleme... Abb. 9–11. S. 205.

⁴ Ср.: *Wolti L.* Siedlungs- und Sozialgeschichte von Vorarlberg. Innsbruck, 1973. S. 163.

⁵ Цит. по: *Sandgruber R.* Gesindestuben... S. 123.

⁶ *Ibid.* S. 121.

в одном помещении вело к безнравственности. Особенно возмущались они тем, что взрослые и ещё маленькие дети обоих полов спали вместе. Поэтому они ратовали за поощрение жилищного строительства или, как минимум, за увеличение числа отапливаемых комнат¹.

В целом вполне можно считать, что протоиндустриализация привела к уменьшению промыслового отхода мужчин и детей из сельской местности. “Кочевые работники” доиндустриального общества благодаря распространению надомного труда обрели осёдлость. Новые возможности заработка дали дома сеской бедноте и безземельным и способствовали увеличению тех слоёв деревенского населения, которые ранее не могли вступить в брак и обзавестись семьёй. Тем самым, однако, была подготовлена самая большая миграция, из всех доселе известных в Центральной и Западной Европе, — уход в переживавшие промышленный рост города. После упадка многих районов надомных промыслов и их реаграризации миграция охватила бесчисленное множество рабочих-надомников, которые были вынуждены идти вслед за концентрировавшимся на фабриках наёмным трудом. Группы населения, побеждённые деиндустриализацией села, сопровождавшейся увеличением размеров и производительности крестьянских хозяйств, их механизацией и рационализацией, пошли той же дорогой в города, где заработки на фабриках обещали им сравнительно более высокий уровень жизни.

¹ *Welti L. Siedlungs- und Sozialgeschichte von Vorarlberg. S. 164.*

III. СЕМЬИ РЕМЕСЛЕННИКОВ

В семьях ремесленников, как и крестьян, определяющим было тесное переплетение способа хозяйствования и семейной жизни. Конечно, семьи ремесленников в общем нельзя, как крестьянские семьи, охарактеризовать социальной формой “всего дома”. Здесь часто отсутствовали домовладение и стратегии, связанные с его наследованием. С другой стороны, в хозяйстве ремесленника разделение “домашнего хозяйства” и хозяйственного предприятия также ещё не произошло полностью (что видно даже явственнее, чем в крестьянском доме). Ученики и подмастерья, которых брали в дом мастера, так же, как и крестьянские батраки, зависели от домашнего права и входили в состав домашнего хозяйства мастера. Однако так кажется только на первый, поверхностный взгляд. Существенные отличия от крестьянского хозяйства определялись прежде всего разницей отношений в производстве. Последние будут представлены для характеристики типа семьи ремесленника в том виде, в каком они были присущи городскому цеховому ремеслу в XVIII — начале XIX вв.

1. Об экономике цехового ремесла

Уже в начале исследуемого нами периода “старое ремесло” попало под давление экономической динамики, вошедшей в противоречие с инерционными тенденциями цеха¹. Во второй половине XVIII в. развитие ремесла натолкнулось на цеховой строй, препятствовавший конкуренции и производственному росту. Так как реакцией цехового ремесла стало его “закрытие”, началось бегство неорганизованных в цеха промыслов, прежде всего в сельскую местность. В результате вопреки городскому характеру ремесла периода позднего средневековья и начала нового времени, число ремесленников, живших в деревне, к 1800 г. в Германии достигло числа городских ремесленников и отчасти даже превысило его².

¹ Для обзора ср.: *Kaufhold K.-H. Handwerk und Industrie 1800–1850 // Handbuch der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte / Hg. H. Aubin u. W. Zorn. Stuttgart, 1976. Bd. 2.*

² Ср.: *Zorn W. Gewerbe und Handel 1648–1800. 1971. Bd. 1. S. 536.*

Но и в городах цеховое ремесло постепенно проигрывало соревнование нецеховым ремеслам, мануфактурам и фабрикам. Самые значительные изменения произошли, однако, только во второй половине XIX в. *Свобода ремёсел*, т.е. освобождение от обязательной принадлежности к цеху, в большинстве западно- и центрально-европейских стран была законодательно признана уже в начале XIX в. (в Австрии только в 1859 г.). Но “цеховые структуры”, когда они законодательно уже были отменены, ещё продолжали действовать¹. Создаётся впечатление, что в ходе столетий они стали как бы “социальной природой” городских ремесленников. Пока сохранялся ремесленный тип производства (из-за отсутствия капитала, вследствие недостатка места в плотно застроенных центрах городов, проблем с транспортом и сырьём и пр.), его социальное устройство не менялось². Поэтому, по крайней мере до 1815–1848 гг. можно говорить о “старом ремесле”.

Употребление подобных типологических понятий не должно вводить в заблуждение относительно того, насколько расплывчатыми были границы с другими социальными типами. Особенно в маленьких городах подавляющее число ремесленников вело также небольшое подсобное хозяйство для обеспечения себя продуктами питания³. Сельское хозяйство и ремесло в равной мере формировали социальный облик многих небольших городков (“полуаграрные города”). Так как деревенское ремесло ещё теснее было связано с сельским хозяйством, а из-за повсеместного отсутствия цеховой организации не сумело выработать самостоятельных социальных черт, то далее оно рассматриваться не будет (тем более, что о нём говорилось в разделе о семьях сельских низов).

Ремесло понимается чаще всего как форма *простого товарного производства*. Однако это ещё ничего не говорит об образе жизни ремесленников. В отличие от крестьянского способа хозяйствования, цеховое ремесло детально регулировало профессиональное образование. Обучение ремеслу, завершавшееся экзаменом для подмастерьев и годами работы последних, проходившими, как правило, в требовавшихся цехами странствиях, представляло собой ступенчатую систему образования. Оно сравнимо со службой в батрачестве в

¹ Ср.: *Fischer W.* Das deutsche Handwerk in den Frühphasen der Industrialisierung // Он же. *Wirtschaft u. Gesellschaft im Zeitalter der Industrialisierung*. Göttingen, 1972. S. 328.

² *Kulischer J.* Allg. Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters u. Neuzeit. München, 1965. S. 470 ff.

³ Для примера ср.: *Kaufhold K.-H.* Das Handwerk der Stadt Hildesheim im 18. Jahrhundert. Göttingen, 1968.

крестьянском доме в том смысле, что служило не только обучению как таковому, но и реализации комплексной цели, общественной по сути. Эта система вводила проходившего обучение в дом мастера и тем самым подчиняла его отеческой власти, удлиняла “время ожидания” звания мастера и отодвигала связанное с этим право на вступление в брак, и таким образом регулировала конкуренцию производителей.

Если в крестьянском производстве всё зависело от владения и, соответственно, от распоряжения пригодной для обработки землёй, то обзавестись средствами производства ремесленнику было несравнимо легче. Во всяком случае место землевладения как регулятора заняла ремесленная квалификация. Крестьянское сообщество производителей гарантировало доходы путём контроля над домо- и землевладением; ремесло регулировало своё “дававшее прокорм пространство”, установив контроль цеха за приёмом в мастера. “Способность к обзаведению семьёй”, обусловленная у крестьян, согласно типичному идеалу, достижением положения “полнонадельного хозяина”, в ремесле определялась получением звания “мастера”.

Экономической целью “старого ремесла” было не извлечение прибыли, а, подобно принципу “пропитания” у крестьян, обеспечение соответствовавшего общепринятому уровня жизни. Долгий, но малоинтенсивный рабочий день, множество праздников, дней, когда не работали по религиозным и иным причинам, частые перерывы в работе в целях ли обеспечивающего продуктами питания возделывания земли или ради непосредственного общения отражали эту особенность¹. Стремление цехов воспрепятствовать любой “губительной конкуренции” вело к ограничению производства: одному мастеру часто разрешалось иметь максимум двух подмастерьев и одного ученика. В мелких городах мастера часто работали без учеников и подмастерьев². Размеры производства колебались в зависимости от положения с заказами.

Способ производства в “старом ремесле”, вопреки растущей специализации отдельных промыслов даже в XVIII в. сохранял ещё своего рода *целостность*. Уровень разделения труда был незначительным. Зачастую изделие изготавливалось в соответствии с желанием и требованиями заказчика. Жильё и мастерская находились большей частью в одном и том же доме (исключение составляли “странствующие подмастерья”, которые искали клиентов преимущественно среди крестьян в малонаселённых местностях). У бедных

¹ Ср.: *Wissell R. Des Alten Handwerks Recht und Gewohnheit. Berlin, 1971. Bd. II.*

² Ср. данные Кауфхольда для Хильдесхайма: *Kaufhold K.-H. Handwerk und Industrie... S. 293.*

ремесленников жильё и мастерская совмещались, как и у рабочих-надомников и сельских ремесленников. Поэтому очевидно, что рабочие процессы и формы общения производителей решительно определяли семейную жизнь.

Помещики и сельское сообщество боролись за “присоединение и огораживание”, регулирование альменд, коллективный контроль за порядком наследования и вступления в брак, “справедливое” отношение крестьян к батракам и прочее, имевшее отношение к крестьянскому домашнему хозяйству. Семьи городских ремесленников были целиком подчинены детально разработанным цехами социальным нормам, призванным регулировать “частные, общественные, правовые условия жизни и обычаи их членов”¹. Экономические цели цехов — исключить конкуренцию и обеспечить “справедливый доход” своим членам — определял принадлежность к корпорации мастеров, способность к обзаведению семьёй, характер брачного рынка. Отдавая явное предпочтение сыновьям мастеров (при приёме на учёбу, сокращая время и снижая плату за обучение), они вносили “династический” компонент в мир ремесла. Дети “более низкого” происхождения, особенно дети родителей с “подлыми” профессиями² или внебрачные, как правило не допускались в ремесленные цеха. Преимущества, предоставляемые сыновьям мастеров, должны были облегчить не преемственность семейных предприятий между поколениями, а начало практики молодых мастеров в новых местах. Так могли возникнуть “династии ремесленников”, которые не следует смешивать с непрерывностью крестьянского хозяйства (т.е. неразрывностью домашнего единства поколений, ведущих хозяйство, следующих за ними и находящихся на стариковском выделе³). Частая перемена места поддерживалась прежде всего высокой мобильностью ремесленных подмастерьев, следовавших принятой в цехах традиции обязательного странствования.

Другой задачей цехов было обеспечение прав вдовы мастера. Вдовы могли продолжить ремесло умершего супруга, если в течение определённого времени сочетались браком с подмастерьем этого же цеха. Тем самым, возможно, достигалось сохранение оставленных умершим мастером приёмов ремесла. Такого рода браки вдов поощрялись широко распространённым уже в средние века правовым институтом общности имущества супругов⁴. Повторные браки вдов

¹ *Wissell R.* Des Alten Handwerks... Bd. I. S. 145.

² К ним причислялись среди прочих палачи, комедианты, музыканты, “живодёры”, могильщики, “циркачи” и т.п. Ср. также: *Möller.* Kleinbürgerliche Familie. S. 91.

³ Ср. к этому: *Mitterauer M.* Zur familienbetrieblichen Struktur im zünftischen Handwerk // Wirtschafts- u. Sozialhistorische Beiträge. Festschrift A. Hoffmann / Hg. H. Knittler. Wien, 1979. S. 190.

⁴ *Brauneder W.* Die Entwicklung des Ehegüterrechts in Österreich. Wien, 1973. S. 243.

давали подмастерьям возможность стать полноправными мастерами. Цехи заботились и о том, чтобы дочери мастера выходили замуж за подмастерьев. В большинстве случаев это вело не к последующей передаче мастерской дочери, а к обустройству зятя на новом месте. Если отец невесты умирал до свадьбы, то и жениху, и невесте был обеспечен соответствующий положению брак¹. Таким образом, цехи, регулируя брачный рынок, упорядочивали в то же время количество ремесленных мастерских, и наоборот. Социальное регулирование брачных отношений и выбора партнёра в старом ремесле было неразрывно связано с принципом “прожиточного минимума”.

Династический характер брачной и экономической политики цехов ясно виден из требования подтверждения “законности рождения” мастера и его супруги. Хильдесхаймский цех кузнецов требовал, например, в XVIII в. “доказательств происхождения”, относившихся к нескольким предшествующим поколениям². Следовательно, допуск к званию мастера был осложнён и одновременно резервирован за выходцами из ремесленного сословия. Цеховые предписания находились поэтому в причинной связи с “нравственным поведением” своих членов. Связанные с принадлежностью к сословию привилегии не имели бы силы, если бы цехи не попытались разработать систему норм, позволявшую отделить принадлежащих к ремеслу от людей “низкого” происхождения (принцип социального различия³). Нарушение супружеской верности обычно каралось исключением виновного из цеха⁴. Поведение учеников и подмастерьев контролировалось столь же строго. Их интеграция в дом мастера и связанное с нею подчинение его отеческому авторитету облегчало социальный контроль. Подобно крестьянину и крестьянке в отношении юных батраков, мастер и его жена претендовали на квазиродительский воспитательный авторитет в отношении ученика. На это указывает употребляемое в некоторых местностях название “дитя на обучении”. Аналогично тому, как родители батрака вверяли своего ребёнка “родительскому” попечению крестьянской пары, ритуалу приёма в ученичество предшествовало заключение договора между родителями ученика и его будущим наставником. Он определял размер платы за обучение, условия питания ученика в доме мастера, длительность предусмотренного “испытательного срока” и пр. Как и крестьянский дом, се-

¹ Mitterauer M. Zur familienbetrieblichen Struktur... S. 211.

² Kaufhold K.-H. Handwerk und Industrie...

³ Ср. к этому: Bourdeiu B. Die feinen Unterschiede. Kritik der gesellschaftlichen Urteilskraft. Frankfurt, 1982.

⁴ Wissell R. Des Alten Handwerks... Bd. I. S. 272.

мья ремесленника образовывала группу с исключительно жёсткими социальными позициями и иерархическими формами отношений. Рабочие отношения воспроизводились в символических формах общения, например, за столом. Несмотря на то, что были установлены определённые правила процесса обучения, они приписывали отдельным лицам качества, связанные не столько с способностями и особенностями личности, сколько predeterminedены их положением. Формы общения были в высшей степени ритуализованы, например, устанавливались твёрдо установленные формы приветствия.

Хозяйство отдельного мастера, само по себе организованное на началах жёсткой иерархии, было включено в менее иерархизированное городское общество, многостороннему социальному контролю которого оно подлежало. Репутация дома имела социальное и экономическое значение и весьма зависела от того, что было публично известно о его внутренних отношениях. Густое сплетение семей отдельных ремесленников в социальную ткань цеха, соседских сообществ, местных и региональных рыночных отношений, церковного прихода и т.п. едва ли допускало их выделение. Хотя домохозяйство ремесленника формировало особую правовую и социальную сферу, оно ещё не было “частным”.

В отличие от крестьян, почёт в обществе и достоинство которых покоились на размерах земельной собственности, стада и т.п., престиж ремесленника основывался на его квалификации, качестве его изделий, наконец, на его вошедшей в поговорку “мастерской работе”. Наряду с *достойным происхождением и честным образом жизни*, третьим элементом цехового ремесла была *профессиональная гордость*, которая отличала мастера, а вместе с ним и членов его дома, от остальных групп населения¹.

Насколько сильно экономика цехового ремесла была связана с принципом “прожиточного минимума”, видно из того обстоятельства, что мастер не был в состоянии точно подсчитать издержки производства и цену. Не были возможны ни отделение ремесла от того, что давало подсобное хозяйство, ни выраженное в цифрах отделение издержек на заработную плату от издержек на семейное воспроизводство. Супруга мастера готовила, шила и стирала бельё для принятых в дом учеников и подмастерьев так же, как и для своего мужа, себя и детей. И наоборот, ученики так же привлекались к работам по “семейному” воспроизводству (уборка дома, присмотр за маленькими детьми и т.п.). Цена, которую мастер получал от продажи изделия, могла быть ниже издержек производства, причём во все не потому, что подсчёты мастера были “ошибочными”. Эконо-

¹ Ср.: *Rosenbaum M. Formen der Familie. S. 132.*

мическая логика цехового ремесла отличалась от капиталистической рациональности¹.

Пока власть цеха защищала от конкуренции, а “прожиточный минимум” оставался гарантированным, мастер не видел проблем в недостаточной точности “вычислений”. Только с разрушением цеха под воздействием индустриализации и развития капитализма, отсутствие коммерческого образования мастера стало восприниматься как недостаток, который мог иметь серьёзные экономические последствия. Попытки во второй половине XIX в. сохранить “цеховые отношения” от промышленной конкуренции путём поддержки мелких промыслов принадлежит к той же традиции, если смотреть в исторической перспективе, что и попытки отвести угрозу пролетаризации средних слоёв и обострение классовой борьбы в 30-х годах XX в. на основе создания “сословного общества” (ср. “сословное государство” в Австрии 1934–1938 гг.²). Рост цен на сельскохозяйственную продукцию во второй половине XVIII в. и отставание от неё заработной платы привели ремесло во многих местах к драматическому кризису: покупательная способность населения, а с нею и спрос на ремесленную продукцию резко упали. Одновременно с быстрым приростом населения все большее число людей уходило в нецеховое ремесло и надомную промышленность (см. гл. II). Многие отрасли ремесла в конце этого столетия быстро пришли в упадок³.

В районах крестьянского единонаследия привязанность к основному средству производства — дому и земле и слабое развитие товарно-денежных отношений часто вели к образованию семей, состоявших из трёх поколений. В ремесле сложилось другое положение. Ремесленный мастер не нуждался столь безусловно в определении порядка наследования своих средств производства. В отличие от крестьянина, он не должен был передавать их наследнику при жизни. Это верно и в отношении его сыновей. Вопреки гипотезе старой литературы по истории ремесла⁴, они, как правило, не ждали получения мастерской от отца, а по окончании срока ученичества, которое обычно проходило не в отцовской мастерской, отправля-

¹ Ср.: *Roller O.K.* Die Einwohnerschaft der Stadt Durlach in ihren wirtschaftlichen und kulturgeschichtlichen Verhältnissen, dargestellt aus ihren Stammtafeln. Karlsruhe, 1907. S. 300.

² “Austrofaschismus” — Beiträge über Politik, Ökonomie u. Kultur 1934–1938 // Hg. W. Neugebauer u. E. Talos. Wien, 1986.

³ Ср.: *Kaufhold K.-H.* Umfang und Gliederung des deutschen Handwerks um 1800 // Handwerkgeschichte in neuerer Schicht / Hg. W. Abel. Göttingen, 1970. S. 63.

⁴ Ср.: *Vitgau H.* Berufserwerbung und Berufswechsel im Handwerk. Untersuchungen über das Henerationschicksal im Gesellschaftsaufbau, Friedewalder Beiträge zur sozialen Frage. 1952. Bd. 4. S. 19.

лись в странствие, чтобы завести собственную мастерскую или вступить в брак с вдовой мастера или дочерью ремесленника. Только в редких случаях, по-видимому, сын возвращался к родителям¹. Преимущественно небольшого дохода от ремесленной мастерской не хватило бы для содержания двух поколений. Устройство стариковского выдела было излишним, так как мастер, как правило, работал до самой смерти. Поэтому, в отличие от крестьянских семей, семьи ремесленников только в редких случаях состояли из трёх поколений.

После смерти мастера его вдова обеспечивалась согласно цеховым правилам. Она или выходила замуж за подмастерье, который таким образом получал права мастера, или ей выплачивали вдовью пенсию из цеховой кассы. Для Зальцбурга нам известно из точных подворных описей 1647 и 1794 гг., что вдовы ремесленников или могли вернуться к наличному имуществу, или жили на цеховое пособие и доходами от надомной работы (шитьё, вязание). Изредка они имели дело с ремесленной мастерской своего покойного мужа². Создаётся впечатление, что совместного проживания трёх поколений по возможности избегали. Ремесленникам, вероятно, были знакомы описанные в разделе о крестьянском выделе конфликты, связанные с обеспечением стариков в условиях общего хозяйства. В отличие от большинства крестьян, по крайней мере часть городских ремесленников имела достаточно средств, чтобы решить проблему обеспечения в старости, получая денежную ренту.

Передача отцовской мастерской сыну чаще происходила только в тех ремёслах, которые требовали сложного технического оснащения: например, у верхнеавстрийских кузнецов, специализировавшихся на выделке кос³, некоторые семьи которых пережили кризис XVII в. и господствовали в XVIII в. в своей отрасли как «кузнечные династии». Другой пример — стеклодельни и пивоварни. Михаэль Миттерауер вычислил на основании австрийских бюджетных списков и домовых книг, что наследование ремесленных мастерских увеличилось только в XVIII — начале XIX вв. Как в Зальцбурге, так и в Вене возросло число взрослых сыновей, которые работали подмастерьями у своих отцов и, очевидно, ожидали получения отцовской мастерской. Миттерауер объясняет это прежде всего отменой принудительных странствий подмастерьев в конце XVIII в.⁴ В

¹ Ср.: *Mitterauer M. Zur Familienbetrieblichen Struktur...* S. 213.

² *Seelenbeschreibung ser Stadt Salzburg 1647 und 1794. LA Salzburg, Gegeimes Archiv XXVII.*

³ *Mitterauer M. Zur Familienbetrieblichen Struktur...* S. 205.

⁴ *Ibid.* S. 190 и.а. Обязательные странствия были отменены в Австрии в 1780 г. во всех торговых и регистрируемых ремёслах. Ср.: *Zatschek H. Handwerk und Ge-*

целом, вероятно, можно считать, что в ремесле наследование от отца к сыну не было правилом. Оно чаще встречается в тех случаях, когда ремесленник владел домом и когда средства производства представляли собой дорогостоящее имущество, которое было накладно купить или взять в аренду¹. Только с превращением дома в средство ремесленного производства появились стимулы к более частым передачам наследства от отца к сыну. После утверждения принципа свободы ремесла в XIX в. владение домом или его частью, вероятно, способствовало конкурентоспособности ремесленника, который мог принять нескольких учеников “с жильём и питанием”. С другой стороны, с ростом городов возросла и доля ремесленников, внимавших квартиры. В таких городах, как Вена, уже в XVI и XVII вв. они составляли подавляющее большинство. В таких случаях передача наследства от отца к сыну была особенно редкой. В небольших полугородках многие ремесленники также жили в наёмных квартирах. Распространённое представление о том, что “дом ремесленника”, подобно крестьянскому, был “всем домом”, типичной и преобладавшей формой ремесленной жизни, нужно поэтому пересмотреть.

2. Выбор партнёра, брак и супружеская власть

Как и крестьянское хозяйство, ремесло в целом также было формой производства, требовавшей, чтобы дом возглавляла супружеская пара. Ремесленные цехи предусматривали для мастера статус супруга и отца семейства. С получением звания мастера часто было связано и гражданское полноправие горожанина. Таким образом, здесь были увязаны три важнейшие критерия социальной зрелости. Ещё в середине XIX в. достижение хозяйственной самостоятельности, основание собственного домохозяйства и вступление в брак по времени в жизни ремесленника совпадали². Уже в цеховых уставах средних веков и начала нового времени часто ясно утверждалось, что мастер должен “обладать” собственным домом, мастерской и женой. Это не должно вести к признанию нормотворческих актов первопричиной такого положения. Устав лишь фиксировал практику производства. Тесная связь семейного воспроизводства и мелкого товарного производства (часто на содержании мастера были

werbe in Wien. Von den Anfängen bis zur Erteilung der Gewerbefreiheit im Jahre 1859. Wien, 1949. S. 51.

¹ *Mitterauer M.* Zur Familienbetrieblichen Struktur... S. 209.

² *Ehmer J.* Familie und Arbeitsorganisation im frühindustriellen Wien. Wien, 1980. S. 109.

ученики и подмастерья), значение семьи мастера в воспитании учеников, квазиродительская роль мастера и его жены по отношению к ним, не в последнюю очередь, также и необходимость ведения земельного хозяйства требовали, чтобы ремесленник имел семью. Не следует забывать при этом, что содержание дома предполагало создание обширных припасов, что сельскохозяйственная и ремесленная работы часто осуществлялись мужем и женой раздельно, что продажа ремесленных изделий на еженедельных и ежегодных ярмарках также требовала разделения труда между мужем и женой¹.

Связь между хозяйственной самостоятельностью мастера и его способностью к вступлению в брак указывает на то, что он обычно женился только по достижении 25 лет. Брачный возраст женщин (имеется в виду первый брак) был в среднем на два года меньше². Уже говорилось, что выбор супруга как у мужчин, так и у женщин ограничивался кругом лиц, соответствовавших критериям законнорожденности и “достойного происхождения”³. Цехи не раз перепроверяли невесту на предмет “соответствия званию”, чтобы подтвердить таким образом: невесте, принятой в цех как супруге мастера, будут обеспечены почёт и защита. До настоящего времени нет данных, что мастера-ремесленники выбирали себе жён преимущественно из семей мастеров, занимавшихся тем же ремеслом. Подобные браки, однако, имели место, когда подмастерья женились на дочерях мастеров или их вдовах и, благодаря различным цеховым льготам, легче добивались звания мастера. Роллер сделал из этого вывод об относительном сходстве работ жены ремесленника “в доме, в саду и в поле”⁴. Однако следует иметь в виду, что за исключением немногих больших городов, брачный круг в пределах данного ремесла был слишком узок, чтобы практиковать цеховую эндогамию. Профессиональная эндогамия, когда она была возможна, в ремесленных кругах приветствовалась. Об этом говорит пример бременских оловянщиков, которые в любом случае считали удачей, если жених “(получал) жену, выросшую при ремесле и способную помогать ему во многих делах”⁵.

Нельзя сомневаться в том, что в выборе супруга, как главными, руководствовались критериями хозяйственной и соответствующей цеху пригодности. Экономический расчёт определял, вероятно, каждый брак в ремесленной среде, шла ли речь о примерно равных партнёрах или, в случае повторного брака вдовы мастера, имела

¹ *Roller O.K. Op.cit. S. 236; ср. также: Rosenbaum H. Formen der Familie. S. 147.*

² *Ср.: Roller O.K. Op.cit. S. 166.*

³ *Wissell R.I. Des Alten Handwerks... Bd. I. S. 254.*

⁴ *Roller O.K. Op.cit. S. 174.*

⁵ *Цит. по: Rosenbaum H. Formen der Familie... S. 151.*

место значительная разница между женихом и невестой. Такое поведение было разумным не только для подмастерьев, которые браком с вдовой добивались положения мастера, а браком с дочерью мастера быстрее допускались в цех; оно было разумным и для женщин. Пока городское общество не знало других форм социальной поддержки и обеспечения в старости женщин, разница в возрасте имела второстепенное значение. Многие авторы обоснованно предостерегали от того, чтобы переносить современные представления о любви на эти браки. С другой стороны, это не означает, как заметила Хайди Розенбаум¹, что симпатия между женихом и невестой не играла никакой роли. В неразделимом комплексе чувств, эротики и расчёта в зависимости от конкретного сочетания могли преобладать разные составляющие. Однако нарушить хозяйственную целесообразность нельзя было ни при каком условии: этому препятствовали социальные нормы цеха. Как и при изучении крестьянского мира, следует помнить, что люди вращались в производственные отношения (а брачные и семейные были их частью) и выбор свой они делали в соответствии с духом ремесленной экономики. То, что современники говорили по этому поводу, скорее может объяснить, чем защитить принятые тогда отношения. Большинству людей и без того было очевидно, что “слабая, хилая болезненная женщина не подходит никакому горожанину: она не может работать...”² Примечательно, что этот — столь часто высказываемый — устанавливающий норму тезис мужчины о женщине позволяет без труда определить, кто в цехах и в городском обществе имел власть определять, что должно быть.

Элементом ремесленного производства, который решающим образом определял доступ к власти дома и в цехе, было не владение землёй, как у крестьян, а квалификация. Патриархальные настроения городских цехов именно поэтому не допускали обучение ремеслу девушек и, соответственно, получение звание мастера — женщиной. Сегрегация по полу основывалась не на владении средствами производства, а на исключении женщин из процесса обучения ремеслу. Кажется обоснованным приписывать вытекавшему из этого преимуществу в квалификации мужчин далеко идущее значение для утверждения патриархата в ремесле. Это преимущество в квалификации ни в коей мере не ограничивалось сноровкой и узким специальным знанием. Оно включало в себя “знание света”, приобретаемое в ходе странствий подмастерьев. Девушки и женщины оста-

¹ Ibid. S. 139.

² *Rumpf J.D.* Der Haus-, Brot- und Lehrherr in seinen ehelichen, vaterlichen und übrigen hausherrlichen Verhältnissen gegenüber Gesinde, Gesellen und Lehrlingen. Berlin, 1823. S. 8. Цит. по: *Rosenbaum H.* Formen der Familie... S. 152.

вались дома, их среда ограничивалась работой по дому и в саду и, возможно, продажей изготовленных изделий. “Делам домашним” девушка училась у матери. Если находился подходящий партнёр для брака, то она покидала родительский дом, чтобы перебраться в аналогично устроенное хозяйство ремесленника. Женщина, став женой мастера, оставалась зависимой с социальной, правовой и политической точек зрения. Хотя она обладала в полной мере правом собственности в соответствии с часто применявшейся нормой общности имущества супругов и правом вдовы продолжать ремесленную деятельность с подмастерьем, господству мужчин не угрожало ничего. Опираясь на порядок получения квалификации и сложившуюся символику в высшей степени мужского общества городских цехов, они распоряжались важнейшими хозяйственными операциями и располагали властью определять и нормировать социальные отношения.

В доме ремесленника по сравнению с домом крестьянина, сферы домашнего хозяйства и производства различались несравнимо более чётко. Участие женщин в цеховом ремесле варьировало в зависимости от отрасли и этапа исторического развития. Различные запреты и санкции цехов против занятий ремеслом женщин доказывают, что работа в ремесленном производстве и домашнем хозяйстве явно различалась. Цеховое право XVII–XVIII вв. относилось к участию женщин в ремесле чрезвычайно враждебно. Подмастерья, работавшие вместе с женщинами в мастерской, рисковали быть оштрафованными цехом, их даже могли признать “бесчестными”¹. Только с политикой меркантилизма второй половины XVIII в. началось сопротивление ограничительным уставам цехов, женский труд был разрешён во многих ремёслах, прежде всего в сукноделии².

Таким образом, городское общество и цехи устанавливали, что жёны ремесленников должны работать в домашнем хозяйстве, в саду и на земле и, в случае необходимости, продавать ремесленные изделия. Всё, связанное с планированием, переговорами с клиентами, руководством и наблюдением за учениками и подмастерьями в мастерской, было делом мастера. Имеющиеся данные о нарушениях этого правила относятся в большинстве случаев к бедным мастерам, у которых не было подмастерьев и учеников и которые, что сопоставимо с рабочими-надомниками, обычно работали вместе с жёнами. Не случайно, что подобное встречалось в малоодоходных ремёслах, к примеру, у пекарей чёрного хлеба и мясников низшего разряда в Бремене³.

¹ Ср.: *Wissell R.* Das Alten Handwerks... Bd. I. S. 399.

² *Zatschek H.* Handwerk und Gewerbe in Wien... S. 47.

³ *Rosenbaum H.* Formen der Familie... S. 155.

Власть ремесленника в супружестве и семье имела три переплетённых друг с другом корня: “мастерство”, отеческие права, обязанности и политические полномочия как члена цеха и гражданина города. Членство женщины в цехе, а также её общественное положение в городе в значительной степени определялось положением её супруга. Какой-либо правовой и политической самостоятельности женщина не имела. Превосходство мужчины в семье поддерживалось, наконец, и его обязанностями “отца семейства”: он отвечал за “нравственный и религиозный климат” в доме, на его ответственности находилось нравственно-религиозное воспитание учеников. Вновь обращают на себя внимание внутренне присущие логике системы требования цеха к “почтенности” происхождения и образа жизни мастера.

Подчинённое положение женщины ни в коей мере нельзя “механически” выводить из характера разделения труда в ремесле. Скорее, оно определялось уже в процессе цехового общественного нормирования и регулирования, который монополизировал за мужчинами квалификацию и профессию. Как и крестьяне, ремесленники-мужчины обеспечивали себе господствующее положение, овладев нормотворческими институтами местной общественной жизни. Характер ремесленного производства делал более вероятным, чем требовавшее тяжёлого физического труда вдали от дома и маленьких детей крестьянское хозяйство, участие женщин в мелком товарном производстве. Именно поэтому всё сильнее защищали мужчины свою монополию на связанную с рынком и оплачиваемую ремесленную работу, приняв особые нормы, исключившие девушек и женщин из процесса обучения профессии. Таким способом узаконенное разделение труда между полами вело, в свою очередь, к специфицированным по полам типам социализации: девочки “склонялись” к домашней и сельскохозяйственной работе в процессе домашнего производства, мальчики с детства интересовались предметами и приёмами работы в мастерской. Тем самым ремесло способствовало, выходя за собственные социальные рамки, формированию кажущихся “естественными” половых ролей¹.

3. Дети

Если семья ремесленника не считала первостепенной целью обеспечение непрерывности мастерской, передаваемой одному из сыновей-наследнику, если, кроме того, цеховые предписания регу-

¹ Ср. к этому: *Hausen K.* Die Polarisierung der “Geschlechtscharaktere” — eine Spiegelung der Dissoziation von Erwerbs- und Familienleben // *Sozialgeschichte der Familie* / Hg. W. Conze. S. 363.

лировали размер производства, то уже из этого можно заключить: ребёнку в семье ремесленника отводилось совсем другое место, чем в крестьянском доме. Фактический анализ бюджетных описей показывает, что во многих местах жёны ремесленников имели меньше детей, чем крестьянские женщины в соседних сельскохозяйственных районах¹. В Гёттингене, например, в 1760–1860 гг. среднее число детей в семье равнялось двум–трём².

Сыновья ремесленников часто рано покидали родительский дом, поступая в ученичество к другому мастеру. Те, кто проходил обучение у отца, покидали родительский дом по его завершении и отправлялись в странствие. Дочери, напротив, большей частью долго оставались в отчем доме³. Так как для них возможности профессионального образования, сравнимого с обучением ремеслу, были закрыты, то они оставались в родительском доме, пока не представлялся случай вступить в соответствующий их положению брак.

Профессиональное будущее юношей и мужчин влияло на социализацию мальчиков в доме ремесленника. Хотя они большей частью недолго оставались в родительском доме и шли по стопам отца не в буквальном смысле, в них видели всё же будущих ремесленников. Обучение на примерах и опыте вводило их в духовный и предметный мир ремесла. Покидая родительский кров, чтобы начать обучение в “чужом доме”, они уже обладали первичной профессиональной социализацией. Цехи учитывали это, сокращая сыновьям мастеров срок обучения. Венские ткачи шёлковых материй чётко обосновывали его сокращение для сына мастера тем, что “он с детства наблюдал за работой отца, и, следовательно, имел возможность усвоить некоторые понятия и знания”⁴. Этот аргумент действовал, по-видимому, даже тогда, когда сын изучал не ту же профессию, что его отец, а родственную.

Следует задаться вопросом, почему цехи не одобряли, а во многих местах запрещали обучение у отца? Хотя в некоторых местах разрешалось учиться ремеслу у отца, к примеру, в Гёттингене в первой половине XIX в. это было скорее исключением⁵. Кроме того, что при цеховом ограничении числа учеников максимум один или

¹ Ср.: *Mitterauer M. Vorindustrielle Familienformen*. S. 178; Он же. *Familiengröße*. S. 226 ff; он же. *Zur familien betrieblichen Struktur...* S. 214 и прим. 66.

² *Rosenbaum H. Formen der Familie...* S. 162.

³ Ср.: *Mitterauer M. Vorindustrielle Familienformen*. S. 178.

⁴ *Bucek M. Geschichte der Seidenfabrikanten Wiens im 18. Jahrhundert (1710–1792)* (диссертация). Wien, 1974. S. 36. См. также *Mitterauer M. Zur familien betrieblichen Struktur...* S. 208.

⁵ См.: *Schlumbom J. Straße und Familie // Zeitschrift für Pädagogie*, 1979. № 25. S. 705; *Rosenbaum H. Formen der Familie...* S. 531, прим. S. 176; *Mitterauer M. Zur familien betrieblichen Struktur...* S. 208.

два сына могли учиться в родительском доме, прохождение учёбы в “чужом доме” соответствовало также той особой цели форсирования региональной мобильности, которая была характерна для дальнейшего профессионального роста подмастерьев. Возможно, стремились избегать слишком тесной связи между сыновьями и их родителями, чтобы не вызвать сопротивление необходимости принудительных странствий. Требование покинуть не только родительский дом, но и, по завершении ученичества, также и место получения образования, приучало ремесленников к тому, чтобы ориентировать свои профессиональные и семейные решения не на территориальные связи и связанные с домом традиции (как у крестьян), а на комплексную брачную и сословную политику цехов, поощрявшую высокую мобильность.

Нельзя, однако, упускать из виду, что ребёнок ремесленника жил в условиях домашней экономики, которая включала не только ремесленные занятия, но и разнообразную работу по созданию запасов и в сельском хозяйстве. Поэтому детям доставались места приложения сил, сходные с тем, как это было в крестьянском доме: помощь в саду и при полевых работах, уход за скотом и т.п. Сын одного ремесленника рассказывает в своих воспоминаниях:

“Я рос, как растут дети ремесленников в маленьких городках. Насколько позволяло регулярное посещение школы, на чём решительно настаивали (примечательное отличие от крестьянской семьи. — Р.З.), я участвовал во всех работах в саду и в поле; и должен был также временами немного помогать кое-чему в ремесле, где я сортировал старую одежду, которую должны были использовать...”¹

Иначе, чем у крестьянских детей, которые, помогая в работе, начинали долгий, длиною в жизнь, путь работника в крестьянском доме, помощь детей ремесленников имела лишь только побочное значение в домашнем хозяйстве. Тем не менее ученики и подмастерья постоянно привлекались к сельскохозяйственным и домашним работам и в чужом доме.

Таким образом, ни сыновьям, ни дочерям в доме ремесленника сначала не придавалось первостепенное хозяйственное значение как работникам, в отличие от крестьянского дома или в семье рабочих-надомников. Семья ремесленников воспитывала своих детей в первую очередь не для домашнего хозяйства и не для собственного ремесленного производства, а для жизни, которая в значительной степени должна была пройти *вне* родной семьи. С этой точки зрения, в семьях ремесленников социализация детей происходила не столько

¹ *Harnisch W.* Mein Lebensmorgen. Berlin, 1865. S. 23. Цит. по: *Rosenbaum H.* Formen der Familie... S. 167.

в интересах семьи, сколько сословия ремесленников и городского общества в целом. Поэтому правилам и стилю воспитания придавалось большое общественное значение. Воспитательное влияние на развитие и формирование “мировоззрения” детей оказывали в первую очередь родители, а затем уж все остальные члены домашнего хозяйства, включая служанок, учеников и подмастерьев. Повседневная жизнь и работа не позволяли создать особые условия для детей, их мир сызмальства был миром ремесленного труда¹.

За младенцами и маленькими детьми, в основном, по-видимому, ухаживали так же, как в крестьянских семьях. Грудью кормили долго, возможно, с целью уменьшить число беременностей, часто применяли соски, чтобы дети оставались спокойными, сообщается даже о подмешивании опиума, макового отвара или водки². Современники сообщают также о практике сексуальной стимуляции для усыпления детей³. Как и в крестьянском доме, ремесленники пеленали младенцев в тесные и мешавшие свободе телодвижений пелёнки. Лишь изредка сообщается о специальных детских комнатах. Часто детей клали в одну постель с родителями, днём они находились в том же помещении, где шли работы. Поэтому первой заботой было, как успокоить младенца, чтобы он не мешал работающим. В последующие годы жизни мир детей был неотделим от мира труда, что позволяло “педагогировать” обращение с детьми, но и делало невозможной проблему отчуждения и страхов, которые описаны для детей буржуазии или дворян. Юрген Шлюмбом замечает по этому поводу:

“В противоположность этому совместный сон взрослых и детей в одной постели мог повредить жизни младенцев, но детям также предлагались тепло и физический контакт. Пожалуй, слово “любовь” заставляет представить слишком активное, осознанное и необычное обращение, вообще, оно является слишком сильным для того типа отношений, которые, возникнув большей частью по необходимости, поддерживались как квазиестественные и само собой разумеющиеся”⁴.

Мы увидим, что о детских впечатлениях в семьях рабочих в XIX — начале XX в. можно задать подобные вопросы.

С подростками детьми, которые, освободившись от своих пелёнок, вероятно, постоянно вертелись у взрослых под ногами, обращались повсеместно грубо, вплоть до побоев. Во всяком случае, ав-

¹ Ср.: *Möller H.* Die kleinbürgerliche Familie... S. 122.

² *Ibid.* S. 39 u.a.

³ См.: *Salzman C.G.* Ueber die heimlichen Sünden der Jugend. Leipzig, 1819. S. 63, 116; *Rosenbaum H.* Formen der Familie... S. 167.

⁴ *Schlumbom J.* Straße und Familie. S. 703.

тобиографии детей ремесленников часто рассказывают об этом¹. Преследовалась цель, соответствовавшая косной позиционной структуре семьи, в которой ребёнок и в родительском доме, и в ученичестве должен был подчиняться, — сызмальства приучить к послушанию и субординации. Положение отца было неотделимо от его положения мастера. В определённой степени от отца ребёнок узнавал, как в одном человеке соединяются отцовский и профессиональный авторитет. Отсюда следовало, что телесная и душевная близость между отцом и сыном находилась в узких границах и, соответственно, приобретала “поучающие” и “карающие” черты. Об отце Людвига Тика, например, пишут, что к детям он был “краток, строг и непреклонен, никогда не хвалил; у него спрашивали позволения, а своё одобрение он чаще всего выражал молчанием”. Отец особенно любил старшего сына, но был совершенно неспособен выразить свою симпатию в нежной форме: “О таких привилегиях он (сын) под воспитующей рукой отца не имел представления, и был немало удивлён, когда позднее, отец *сознался*, что он был его любимчиком”².

Ещё не произошедшее разделение “частной” семейной жизни и производства обусловило то, что отношение родителей к детям (как и отношение супругов друг к другу) не отличалось от общепринятой социальной логики ремесленников. Ошибки “карались”. Успехи признавались, но не слишком, чтобы “не избаловать” ученика или ребёнка. Нежность и чувства, как правило, выражались чрезвычайно сдержанно, на что не в последнюю очередь указывает выбор выражения: “в них *сознались*”, когда уже ничего другого и не оставалось или когда ребёнок уже покинул дом. Дом, в котором должны были производить, учить, хвалить и наказывать, не был тем местом, где можно было бы беззаботно и свободно проявлять свои чувства.

Значение семьи как места первичной социализации, конечно, в дальнейшем не было таким абсолютным, как, например, в буржуазной или дворянской среде. Юрген Шлюмбом показывает, что дети могли убежать из тесной квартиры, душной мастерской и от раздражённых членов семьи. Улица ещё не была опасной или просто запрещённой территорией. Чем меньше родители могли заботиться о детях, тем чаще они поручали их группе игравших сверстников. Ребёнок ремесленников, превращавший в своё жизненное простран-

¹ Ср. среди прочих: *Bronner F.X.* Leben, von ihm selbst geschrieben. Zürich, 1975. Bd. I; *Fischer K.* Denkwürdigkeiten und Erinnerungen eines Arbeiters. 2 Bde. Leipzig, 1903; *Köpke.* Ludwig Tieck. Erinnerungen aus dem Leben des Dichters. 2 Teile. Leipzig, 1855; см. цит. у: *Rosenbaum H.* Formen der Familie. S. 168.

² *Köpke.* Op. cit. S. 19 f. Цит. по: *Rosenbaum H.* Formen der Familie... S. 169.

ство улицы, переулки и площади города, находил новые социальные впечатления, опыт групповых игр и поучительные социальные ситуации, которые он не мог получить дома¹. Следует уступить буржуазным педагогам XIX–XX вв. открытие “опасностей улицы” и развязывание кампании за “домашнее воспитание” детей.

4. Взаимоотношения полов в среде ремесленников

Принцип социального различия требовал, чтобы круг общения ремесленников подвергался тщательному контролю, а их социальные отношения в городском обществе подчинялись строгим правилам поведения. Этому принципу различия подчинялись и взаимоотношения полов. Цехи упорствовали не только в вопросе о законнорожденности и “почтенном происхождении” своих членов. Они регулировали также и сексуальные отношения. Нарушение супружеской верности или добрачная беременность вели к потере “честного имени”². Репрессивный характер сексуальных цеховых норм был также результатом и ограниченных возможностей семей ремесленников обеспечить рождённых вне брака детей. В отличие от крестьянского домашнего сообщества использование внебрачных детей как рабочей силы было затруднительным. Кроме того, незаконность рождения подрывала принцип “добраго имени”, на котором, как мы видели, в значительной степени были основаны цеховые привилегии. Суровость последствий, угрожавших признанному “безнравственным” поведению, ни в коей мере не исключала известной свободы выбора и чувственности в сексуальной жизни ремесленников. Странствующие подмастерья вели себя сравнительно свободно, что не в последнюю очередь, по-видимому, объяснялось специфической мобильностью и общественно признанным их статусом как лиц, которые ещё только “искали” прочное место в обществе. В больших городах странствующих подмастерьев причисляли к лучшим клиентам публичных домов³. Это, с другой стороны, соответствовало характеру эротической связи между старшей по возрасту вдовой мастера и подмастерьем. Здесь сексуально-эротическое влечение, пожалуй не ожидалось и не испытывалось. На-

¹ *Schlumbom J.* Straße und Familie. S. 707. Об историческом продолжении этой формы компенсации пространственной тесноты улицей можно сравнить для детей рабочих начала XX в.: *Sieder R.* Straßenkinder // *Aufrisse Zeitschrift für politische Bildung.* 5/4. 1984. S. 8.

² Во всяком случае это следует из уставов многих цехов. Ср.: *Wissell R.* Des Alten Handwerks... Bd. I. S. 262. Но насколько такие формы фактически применялись, нам известно немного.

³ *Möller H.* Die kleinbürgerliche Familie... S. 295.

сколько его отсутствие в браке компенсировалось запрещёнными цехами внебрачными отношениями подмастерьев и мастеров, мы не знаем. Отдельные сведения всё же встречаются. О браках ремесленников, в которых жена была значительно старше мужа, Нольде пишет: “Молодые подмастерья хорошо знали, чем вознаградить себя за возраст жены”¹.

5. Тенденции развития в XIX столетии

С “закрытием цехов” и отменой, наконец, их привилегий в результате введения принципа всеобщей свободы ремесла, увеличилось число ремесленников, а тем самым в традициях цехового ремесла и сословие холостых подмастерьев в целом. Это объясняется главным образом отменой цеховых ограничений на количество учеников и подмастерьев у одного мастера. Но за этим скрывалась и усиливавшаяся дифференциация ремесла на крупные мастерские с растущим числом работников и на традиционные предприятия с одним–двумя подмастерьями или одиночно работавшим мастером². Мелкие мастера-ремесленники отличались, как пишет Густав Шмоллер, “известной обывательской приверженностью старинным традициям и обычаям”³. Переход к магазинной торговле требовал большого оборотного капитала (содержание склада). У большинства воспитанных в старом духе мастеров-ремесленников отсутствовал необходимый навык ведения дел, чтобы успешно участвовать в капиталистической трансформации отрасли. Они испытывали страх перед угрозой пролетаризации, и именно поэтому прочно держались за символы старого ремесленного господства.

В крупных ремесленных мастерских, которые, самое позднее с появлением закона о свободе ремесла, начали нанимать большое число учеников и подмастерьев, появились проблемы, связанные с дальнейшей интеграцией персонала в домохозяйство мастера. Он сохранил заинтересованность в том, чтобы холостые подмастерья жили в доме, а затраты на содержание и квартиру входили в их заработную плату. Это позволяло использовать текучесть рабочей силы как социально-дисциплинирующее средство и осуществлять действенный социальный контроль в традициях домашнего господства мастера. С другой стороны, подмастерья, жившие в хозяйстве мастера, довольствовались более низкой заработной платой. Образ жизни холостых подмастерьев благоприятствовал созданию това-

¹ Цит. по: *Rosenbaum H. Formen der Familie...* S. 161.

² *Schmoller G. Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19. Jh. Halle, 1870.* S. 667.

³ Там же.

риществ (*братства подмастерьев*). Высокая мобильность подмастерьев оставляла возможность избавиться от “несправедливого” мастера, просто уходя от него. В целом, большинство подмастерьев, по-видимому, не только мирилось с отсутствием семьи, но и видело в этом существенный элемент своего социального статуса. Конечно, это не предотвращало конфликтов отдельных подмастерьев со сложившейся системой, страдавших от присущих ей ограничений¹. Интеграция подмастерьев в хозяйство мастера сохранялась во всех центральноевропейских регионах до конца XIX в. Ни в одном из городов Центральной Европы, согласно имевшимся исследованиям, не было больших групп женатых подмастерьев, занятых в мелком товарном производстве. Однако уже в XVIII в. постоянно встречаются женатые подмастерья, в ремёслах, которые не были “связаны с домом”, а, скорее, стояли ближе к доиндустриальным формам наёмного труда: каменщики, плотники и т.п.²

В 1815–1848 гг. отсутствие семьи у подмастерьев вновь было подтверждено законодательно. Брачные ограничения, наложенные на них, вошли в новые законы, а в некоторых городах, таких как Лейпциг, Франкфурт, Бремен, в 20-х и 30-х годах XIX в. вводилось правило обязательного проживания подмастерьев у мастера. Как это бывает очень часто, в данном случае принятие косных норм указывает на начавшуюся ломку старой практики: все большее число подмастерьев уходило в эти годы из домов мастеров. Как правило, это не сопровождалось вступлением в брак и основанием мастерской. Многие подмастерья жили теперь в ночлежках, снимали койки или углы у основного квартиросъёмщика. Движущей силой такого развития было втягивание ремесла в капиталистический товарный рынок, которое влекло за собой перспективу превращения зависящих от домашнего права подмастерьев в свободных наёмных рабочих. Этот процесс происходил крайне неравномерно в различных регионах и ремёслах. Последние следы зависимости от домашнего права были устранены в Центральной Европе только около 1900 г., часто в результате забастовок подмастерьев, например, пекарей в Праге и Франкфурте, сапожников в Бремене, кузнецов и каретников в Берне³. Иначе развивались ремёсла, которые попали под влияние *купцов-раздатчиков*. Здесь традиционное доминирование мужчин было устранено, к труду во всё большей степени привлекались женщины, например, в портновском деле и других текстильных профессиях. Феминизация бывших ранее цеховыми текстиль-

¹ Об этом см. также: *Ehmer J. Familienlosigkeit und Familienbildung von Handwerksgesellen im 19. Jh. — Mitteleuropa und England im Vergleich. MS. 1985. S. 6.*

² *Mitterauer M. Zur familien betrieblichen Struktur...*

³ См.: *Ehmer J. Familienlosigkeit... S. 8.*

ных отраслей привела к образованию семей, которые вследствие частых браков с наёмными рабочими следует уже причислить к типу семей наёмного труда.

Однако у большей части подмастерьев пока сохранялась *связь между хозяйственной самостоятельностью и созданием семьи*, в течение столетий устанавливавшаяся сословной политикой цехов: многие подмастерья женились только тогда, когда становились самостоятельными. Шансы на открытие собственной мастерской в первой половине XIX в., судя по всему, ухудшились. Прежде всего в массовых ремёслах возросло число самостоятельных мастеров, даже если они часто не могли более принадлежать к цеху. Чтобы не стать пролетариями, многие ремесленники предпочитали работать самостоятельно; при этом их материальное положение не отличалось вообще или отличалось лишь незначительно от положения наёмных рабочих.

Эмансипация подмастерьев имела последствия и для “оставленных” ими семей мастеров. Она благоприятствовала ориентации последних на буржуазный “семейный идеал”, который на рубеже XVIII–XIX вв. всё с большей силой пропагандировался публицистикой. В результате отношения между супругами и между родителями и детьми становились более эмоциональными, началось обособление сферы частной жизни, впервые стало возможным предъявить к обращению взрослых с детьми требование систематической рефлексии (*педагогизации*). В то время как ремесленные подмастерья, живя в ночлежках и снимая углы, только вставали на путь к обретению семьи, в семьях мастеров появлялись признаки их “обуржуазивания”¹. Верным показателем этих изменений является повышение в XVIII в. требований к жилищу: распространялась “мелкобуржуазная” жилая обстановка. “Производная” от буржуазного стандарта, она позднее покорила вкусы возникавшего промышленного пролетариата.

¹ Ср.: *Abraham K.* Der Strukturwandel im Handwerk in der ersten Hälfte des XIX. Jahrhundert. Köln, 1955.

IV. БУРЖУАЗНАЯ СЕМЬЯ

“Квинтэссенцией мира был для буржуа его дом: потому что здесь и только здесь забывались или искусственно устранялись проблемы и противоречия буржуазного общества. Здесь и только здесь буржуазные и в ещё большей степени мелкобуржуазные семьи могли взлелеивать мечту о гармоничном иерархическом счастье в окружении материальных символов, которые выражали это счастье и, вместе с тем, только и делали его возможным”¹. Так описывает учёный сын буржуазного дома Эрик Хобсбаум сущность семьи буржуа в эпоху расцвета капитала во второй половине XIX в. Ей предшествовало как минимум столетие — столетие развития нового типа семьи.

Во второй половине XVIII в. впервые возникла социальная и экономическая структура, в которой могли развиваться надежды и идея буржуазной семейной жизни. Банкиры, купцы, первые капиталистические предприниматели, высшие чиновники, гимназические учителя, судьи и пасторы, лица свободных интеллектуальных профессий, т.е. люди с исключительно разнообразными формами дохода и работы имели одно общее: они всё сильнее отделяли свою бытовую жизнь от места, где получают заработанные деньги, постепенно формируя сферу частной жизни. Немногим богатым противостояла масса тех, кто своим благополучием был обязан повседневной экономии и трудовой дисциплине. Общим для всех было желание держать своих жён и детей по возможности в стороне от труда на производстве. Во всяком случае в первое время на женщинах, в отличие от семей, составлявших тонкий высший слой торгового капитала и дворянства, лежали заботы и ответственность за ведение домашнего хозяйства, создание припасов и работу в саду.

Конец XVIII в. стал временем становления буржуазии как социального класса². Мы имеем основания считать, что люди, из которых формировалась буржуазия, несли в себе представления и ценности различного социального и культурного происхождения: кре-

¹ Hobsbawm E.J. Die Blütezeit des Kapitals. Eine Kulturgeschichte der Jahre 1848–1875. München, 1977. S. 284 f.

² Ср. в целом: Gerth H. Bürgerliche Intelligenz um 1800 (1935) / Hg. U. Germann. Göttingen, 1976; “Die bildung des Bürgers”. Die Formierung der bürgerlichen Gesellschaft und die Gebildeten im 18. Jahrhundert / Hg. U. Germann. Weinheim, 1982.

стьянского семейного мышления, как и ремесленной среды и обычаев. Но и дворянская жизнь со свойственными ей воззрениями, хотя и критиковалась новой буржуазией за расточительность и разврат, присущие придворной и городской знати, не могла не оказывать своего влияния. Стиль бидермейера впервые дал относительно законченное выражение нового буржуазного образа жизни, для которого семейная идиллия стала его вошедшим в поговорку воплощением. Позже, во второй половине XIX в. буржуазия подняла свою самостилизацию на такую высоту, что мелкое бюргерство уже не могло нивелировать возникшее материальное отличие самой тщательной бутафорией и никакими суррогатами буржуазного искусства жить. Мы начнём, однако, с конца XVIII в., с возникновения “буржуазного образа жизни”.

1. Об экономике буржуазной семьи конца XVIII столетия

Вследствие неравномерности экономического развития буржуазные классы образовались в Англии и Франции раньше, чем в Германии и Австрии. Принадлежащие к ним лица обычно происходили из схожих семей: городской интеллигенции, предпринимательской и финансовой буржуазии, часто характеризующихся расплывчатым понятием *имущих и образованных классов*. Большей частью общее происхождение из семей купцов, банкиров и первых промышленных предпринимателей придавало буржуазии характерные черты вплоть до конца XVIII в. Многие крупные учёные и деятели искусства были строптивыми или с сочувствием поддерживаемыми сыновьями буржуазии: “Лучшее, что может случиться с философом, это явиться на свет сыном банкира, как это произошло с Георгом Лукачем”¹. Понятие “буржуа” в XVIII в. не совсем точно, по крайней мере для Германии и Австрии. “Бюргерами” в XVIII в. сначала были жители городов — все, кто уплачивал налоги и имел определённые политические права в городских корпорациях. После кодификации *Всеобщего прусского земского права* 1784 г. к “высшему городскому сословию” причислялись уже все “гражданские чиновники, ... учёные, художники, купцы, предприниматели — владельцы значительных мануфактур и те, кто пользовался равным с ними уважением в городском обществе”². Таким образом, изначально социальный конгломерат имущих и образованных лиц определялся понятием буржуазии. Примечательно подчёркнутое указание на “уважение” как критерий принадлежности. Впервые формировался социальный класс не по признакам родства или рождения (как дво-

¹ *Hobsbawm E.J. Die Blütezeit des Kapitals... S. 287.*

² *Riedel M. “Bürger” // Geschichtliche Grundbegriffe. Stuttgart, 1971. S. 714. Bd. I.*

рянство), не в связи с владением и возделыванием земли (как крестьянство), не монопольного обладания профессией (как цеховые ремесленники), а в связи с широко понимавшимся “социальным престижем”, который мог иметь различные материальные и духовные основы. Не следует забывать и о влиянии философии Просвещения XVIII в. Ремесленные мастера и мелкие ремесленники образовали низший слой бюргерства в нормах *Всеобщего прусского земского права*.

Собственность и образование, таким образом, определяли в XVIII в. принадлежность к буржуазии, а самостоятельность хозяйства при незначительной собственности — к мелкому бюргерству. Разумеется, ни немецкое, ни австрийское общество не породило такой буржуазии, которая могла бы перенести традиции староевропейского патернализма в исторически значимое политическое движение. Напротив, многое говорит о том, что именно монополизация политической власти абсолютистским дворянским государством способствовала формированию особой буржуазной “приватности” и буржуазной семейной жизни. Консервативный бюргер, специалист по государственному праву Клеменс Т. Пертес с необыкновенной проницательностью охарактеризовал это развитие следующими словами: “Немецкое семейное сознание было достаточно сильным, чтобы в обстоятельствах одичания, наступившего после Тридцатилетней войны, возродить достойную и чистую семейную жизнь”. Однако “мужчины прошлого столетия (XVIII — P.3.) ...предоставили государство самому себе, так как семьи, главами которых они, были, в гордом эгоизме отгородились от общественной жизни или погрузились в одни лишь мелкие привычки повседневности”¹.

Традиция “всего дома” имела значение теперь только для части общества. Соответственно раздвоились попытки просвещённо-абсолютистского законодательства определить законодательным путём состав и сущность семьи. Всеобщее прусское земское право, например, говорило о “взрослых и детях”, как “собственно домовом сообществе”, но добавляло, что прислугу следует также причислять к нему. Наметилось разделение “домового сообщества” на “семью” и “чужих семье лиц”. Причисление батраков к “домовому сообществу” не было теперь само собой разумеющимся. Поскольку вследствие этого термин “домашний очаг”, правовая конструкция для обозначения социальной формы “всего дома”, не употреблялся

¹ *Perthes C.T.* Das Deutsche Staatsleben vor der Revolution. Eine Vorarbeit zum deutschen Staatsrecht. Hamburg, 1845. S. 200. Цит. по: *Gerhard U.* Verhältnisse und Verhinderungen. Frauenarbeit, Familie u. Rechte der Frauen im 19. Jahrhundert. Frankfurt, 1978. S. 84.

больше как систематизирующее правовое понятие, на первый план выдвинулось супружеское и семейное право¹. “Деполитизация домашнего очага” освободила индивидуума от силы домашнего господства. Её поддержали отмена правоспособности цехов (свобода ремёсел), освобождение крестьян и новые формы налогового законодательства².

В Центральной Европе XVIII в. ещё долго отсутствовал тот слой предпринимателей, который образовался в Англии на основе фабричной промышленности. Правда, отдельные скупщики поднялись до уровня предпринимателей, и в больших торговых центрах семьи некоторых купцов путём накопления торгового капитала могли приобрести характерные для крупной буржуазии черты. Большая часть буржуазных семей, однако, и в дальнейшем относилась к среднему слою торговцев и ремесленников. Тем, кто вследствие стратегии, направленной против раздробления собственности, был вытеснен из имущего среднего слоя, представилась возможность получить университетское образование и также достичь буржуазного статуса. Им благоприятствовала политика абсолютистских государств, проводивших административные реформы и предлагавших всё увеличивавшееся число “респектабельных” чиновничьих должностей. Функции получивших университетскую подготовку чиновников, литераторов и учёных открывали для формирующегося сословия “образованных граждан” достаточно реальную возможность воздействовать на важные общественные процессы³.

То обстоятельство, что привилегии буржуазии опирались не на преимущества рождения и наследуемой собственности, а на хозяйственные и интеллектуальные достижения, вскоре привело к сознательному отграничению её от остальных “сословий”. На этом основывалась как буржуазная концепция индивидуализма, так и специфически новая семейная идеология. Если быстро разбогатевший прежде всего на торговле городской патрициат демонстрировал зримую склонность копировать аристократический стиль жизни, то слои средней буржуазии явственно отстранились от него и создавали идеологически поддерживаемый аскетически-религиозными движениями образ существования, центральное место в котором занимала частная личная жизнь семьи. Экономный образ жизни, формировавшийся и из необходимости накопления капиталов, и из сознательно определённых принципов деятельности, культ духов-

¹ Ср. там же. S. 85.

² Ср. к этому: *Kosellek R. Staat u. Gesellschaft in Preußen 1815–1848 // Moderne deutsche Sozialgeschichte / Hg. H.-U. Wehler. Düsseldorf, 1981. S. 55 ff., особ. S. 69 f.*

³ Ср. к этому в целом: *Henning H. Das Westdeutsche Bürgertum in der Epoche der Hochindustrialisierung, 1860–1914. Wiesbaden, 1973. Bd. I.*

ных ценностей, поддержание обычаев и “развитие” личности представляли существенные элементы, отличавшие эти слои буржуазии от аристократии с её отчасти гедоническими устремлениями, от мелкого бюргерства и нарождавшегося промышленного пролетариата, сохранивших следы плебейской культуры¹. Буржуазный стиль жизни в той же степени отражал поиск возможностей общественного подъёма, как и желание отгородиться от низших слоёв.

“Ворота дороги, ведущей вниз, должны были быть закрытыми. Ворота пути наверх должны были быть распахнуты... Всё движение было движением наверх: прадед Гёте — кузнец, его дед — портной, затем хозяин гостиницы с изысканной клиентурой и благородными формами обхождения, собственник, отец — советник императора, богатый бюргер-рантье с титулом, мать происходила из франкфуртской семьи патрициев”².

Вряд ли можно найти более показательный пример.

Несравнимо больше, чем в Англии или Франции, образование для немецкой и австрийской буржуазии стало компенсацией за отсутствие политической власти, которую ей не давали и которой она не требовала. В этом отношении было вполне логичным, что её семейная жизнь рассматривалась как “аполитичная” и далёкая от экономических и политических интриг. Но это, конечно, не должно вводить в заблуждение относительно влияния семейных жизненных процессов на политику. Адвокаты, чиновники, врачи, учителя, пасторы, честные мастера-ремесленники и предприниматели средней руки воплощали новую концепцию личной семейной жизни. Из разделения производства и семьи, “публичной” и “частной” сфер образовалось семейное жизненное пространство, которое должно было быть заполнено *сентиментализацией* отношений. Это имело следствием новый взгляд на соответствующие полам роли мужчины и женщины и новое, в духе педагогической науки, обращение с детьми (тем самым и появление нового типа детства — *буржуазного*).

2. Буржуазный идеал любви и брака

Если “книги отцам семейств” XVI–XVII вв. давали советы и наставления по хозяйству и обеспечению “всего дома”, то новые, возникшие в Центральной Европе по образцу английских еженедельников, семейные журналы (“*Moralischen Wochenschriften*” и т.п.)³ сосредоточивались больше на проблемах общения и воспитания. Во-

¹ Ср.: *Elias N. Über den Prozeß der Zivilization. Soziogenetische und psychogenetische Unterstüzungen. Bd. I: Wandlungen des Verhaltens in den weltlichen Oberschichten des Abendlandes*, Frankfurt, 1976. S. 22.

² *Ibid.* S. 23.

³ Ср.: *Martens W. Die Botschaft der Tugend*. Stuttgart, 1986.

просы семейного хозяйства и доходов членов семьи, напротив, практически не поднимались. Таким образом, стиль прессы отразил, как установила Хайди Розенбаум, обособление буржуазной семьи от экономики и политики¹.

До середины XVIII в. в Центральной Европе у ремесленников и крестьян, да и у дворянства доминировала, скорее, деловая установка на брак. Необходимость вычисления его экономической целесообразности была объяснена в главах о крестьянах и ремесленниках. Любовь (слово, которое в отношении широких слоёв должно быть само по себе взято в кавычки) был неотделимо от стратегий и факторов жизнеобеспечения. Безрассудная любовь, мягко говоря, не была правилом, экономические и социальные интересы “вписывались” в мысли и чувства людей. Теперь буржуазия оказалась в изменившихся экономических и социальных условиях. “Само собой разумеющаяся” связь между хозяйственным расчётом и выбором партнёра была разорвана. В соответствии с новыми ценностями аскетизма и успеха, новой внутренней жизнью и верой в “возможность развития” личности прежние предписания устарели. Место сословного статуса (дочь крестьянина, сын мастера) заняли “личные качества”. Почувствовать и полюбить стало задачей пары. Сначала мы ещё имеем дело не с *романтической*, но с *разумной любовью*. Речь идёт о любви, которая распознала добродетели любимого, а не о той, когда увлекаются глазами или волосами². Пылкая и стремительная любовь отвергалась. При этом мы находимся на том уровне дискурса, который, по-видимому, как и любой публично-нормативный дискурс, находился на большем или меньшем расстоянии от житейской практики. Но всё-таки письма, мемуары и т.п. документы буржуа показывают, что новые формы супружеской любви оказывали широкое воздействие и формировали идейные ориентиры. Но столь же очевидно, что эта концепция супружеской любви часто входила в противоречие с намерением родителей-буржуа сочетать браком своих детей, даже против их симпатий и желаний, в соответствии со стремлением повысить или по меньшей мере сохранить достигнутый экономический и социальный статус. Мотивы детей, сопротивлявшихся этому, нельзя объяснить без нового кодекса “супружеской любви”.

Сексуальность и эротика были составными частями буржуазной модели брака по любви. Для многих крестьянских и ремесленных

¹ *Rosenbaum H.* Formen der Familie. S. 262.

²Ср.: *Gaus M.* Das Idealbild der Familie in den moralischen Wochenschriften und seine Auswirkungen auf die deutsche Literatur des 18. Jahrhunderts. Rostok, 1936. S. 32 ff. Цит. по: *Rosenbaum H.* Formen der Familie. S. 265.

браков было само собой очевидным, что от супружества не ожидали больших сексуальных радостей. Но теперь сексуальная привлекательность служила не только совращению мужчины вне брака. Она стала мотивом любви, а любовь впервые оказалась предварительным условием брака или, по меньшей мере, его ожидаемым результатом¹. Супружеская любовь эротизировалась, а страстность стала её частью, хотя всё ещё стыдливо скрываемой. “Общими радостями супружеской жизни” называл в 1786 г. журнал *Hannöwische Magazin* “взаимное уважение, умение себя вести, интерес друг к другу, участие, терпение, самообладание,... постоянное взаимное и совместное желание облагородить и усовершенствовать друг друга”². Тут названо ещё одно новшество буржуазного кодекса чести (мы находимся всё ещё на нормативном уровне дискурса): требование духовной общности супругов и их интерес друг к другу. Это представление, объяснимое с учётом охарактеризованного выше значение образования для политически бессильной буржуазии, ставит в центр внимания *обмен опытом* между супругами. Он был немислим и ненужен для брака в условиях “всего дома”: работавшие бок о бок муж и жена и без того большую часть времени проводили вместе. Потребность супружеской пары в культивируемом общении была выражением её *раздвоения* во время рабочего дня, который мужчина проводил в конторе, на службе, на фирме, а женщина — в делах по дому. Буржуазная жизнь требовала (мы возвращаемся на уровень социально-психологических процессов) индивидуализации личности. Когда вечерний обмен впечатлениями супругов заступил место скупого на слова совместного бытия в производственных семьях крестьян, надомников и ремесленников, то не рутинное рабочее действие составило содержание супружеского товарищества, а его интерпретация, его обсуждение и его символическое представление: оно стало содержанием *супружеского общения*. Тем самым духовные и душевные качества личности вышли на передний план, отодвинув её практические действия. Если на крестьянском дворе рано умершая от родов жена через короткое время заменялась следующей, то в отношении жены буржуа так быть уже не могло. С ростом значения общения было связано значение способностей замечать и ценить “незаменимость” (индивидуальность) в супруге.

Дом на глазах обретал значение убежища, в котором буржуа мог укрыться от суровой конкурентной борьбы в профессиональной и хозяйственной жизни. Его облик был теснейшим образом связан со сформулированным тогда понятием “характера, присущего полу”³.

¹ Ср. к этому в целом: *Luchmann N. Liebe als Passion.*

² Цит. по: *Rosenbaum H. Formen der Familie... S. 265.*

³ Ср.: *Haussen K. Die Polarisierung...*

Грудно сказать, какое влияние было сильнее: идеи ли буржуазного “очага” на признание за женщиной роли его “хранительницы” или идеи представления об “идеальной жене” на характер дома. В любом случае женщина была заключена в частной сфере дома, о чём уже достаточно говорилось, а мужчине достался внешний мир. Реальное разделение общества на частную, домашнюю сферу жизни (причём слово “домашняя” приобрело совсем другое значение), с одной стороны, и на профессиональный мир, с другой — имело далеко идущие идеологические последствия. Женщине были приписаны черты характера, будто бы предопределявшие её для семьи и домашнего очага. Одновременно был создан тип мужчины, который не боится никаких усилий и риска в работе. Именно тогда появилась уверенность в абсолютной точности знаний о том, что считать типично “мужским” и что — типично “женским”. В словаре Брокгауза за 1815 г. по этому поводу говорится:

“Мужчина должен добывать, а женщина старается сохранить; мужчина — силой, а женщина — добротой или хитростью. Этот принадлежит шумной общественной жизни, а та — тихому домашнему кругу. Мужчина трудится в поте лица своего и, устав, нуждается в глубоком покое; женщина вечно в хлопотах, в никогда не затихающих стараниях. Мужчина сопротивляется судьбе и даже будучи повержен, всё равно не сдаётся; покорно склоняет женщина голову и только в слезах находит она помощь и утешение”¹.

Хотя эти напряжённые старания описать некую драматургию отношений полов слишком гротескны и неестественны, чтобы принять их за реально сложившиеся в то время, при всех их преувеличениях они показывают тенденции общественного развития: сентиментализацию сферы отношений жены и мужа, приписывания им свойств, которые, по выражению Карин Хаузен, выводились не из жизни женщин и мужчин, а из несущих идеологическую нагрузку идеальных представлений о характере полов². Эти усилия оказались особо удачны, поскольку такое абстрактное, не учитывающее фактов изображение характеров полов сумело, сохранив целостность, пережить все социальные перемены. И в XX в. масса людей верит в действенность и убедительность стереотипных мнений о мужском и женском характерах.

Было бы ошибкой, увлечшись сентиментальным спектаклем, не заметить жёсткие рациональные расчёты, всё ещё лежащие в основе буржуазных браков. Для горожанок брак и семья остались единственным общественным предназначением (если мы отвлечёмся от таких мест призрения, как монастыри). Оставшиеся незамужними

¹ Brockhaus 1815. S. 211.

² Haussen K. Die Polarisierung...

женщины были в тягость и родной семье, и замужней сестре, их мало уважали: достаточно вспомнить пренебрежительные прозвища вроде “старой девы” и пр. С другой стороны, и мужчина-буржуа был настроен на заключение брака, если хотел “положенным образом” продолжить свой род и иметь “защищённые тылы” в борьбе за существование в своём деле. Материальные аспекты имели значение для обеих сторон: в конце концов, вождённый домашний очаг не в последнюю очередь был вопросом денег и хозяйственной обеспеченности.

Необходимость получить профессиональное образование, работать в первые годы в качестве юного подручного обуславливала сравнительно поздний брачный возраст у мужчин. Чиновникам нужна была определённая выслуга лет и разрешение на брак от вышестоящих начальников¹. Поэтому они вступали в брак чаще после тридцати лет. Торговцы оканчивали школу, накапливали опыт работы на различных предприятиях и должны были, в традициях признанной в ремесле связи между хозяйственной самостоятельностью и готовностью к браку, добиться первых успехов в деле, прежде чем думать о супружестве и семье. Это относится и к предпринимателям. Получившие образование проводили свою молодость в университетах и после окончания учёбы часто зависели от домашнего права (как гувернёры, домашние учителя), прежде чем могли завести семью. И напротив, их невесты были значительно моложе. Во второй половине XVIII в. в Нижней Саксонии разница в возрасте супругов в семьях образованных граждан составляла в среднем десять лет. Примерно такой же она была у крупных купцов и предпринимателей². Уже одно только превосходство в возрасте мужчин позволяет предположить существенное неравенство в авторитете. Иногда возрастная разница между мужем и женой может соответствовать разнице в поколениях. Модель отношений отца и дочери напрашивается сама собой. Мужчина был “умудрён жизненным опытом”, получил образование, уже “поглядел свет”, тогда как девушка только вышла “из-под подола”. Мужчина поэтому представлял семью в обществе, а женщина “представительствовала” дома. И мастер-ремесленник также занимал похожее положение отца семейства. И он также “оседал” после нескольких лет странствий. Но — и это было внове — мужчина-буржуа поддерживал свой авторитет работой не дома, а вне него: в конторе, бюро, на пред-

¹ *Megner K.* Beamte. Wirtschafts- u. Sozialgeschichtliche Aspekte des k.k. Beamtentums, Wien, 1985, особ. S. 161 ff.

² *Nell A.* Die Entwicklung der generative Strukturen bürgerlicher und bäuerlicher Familien von 1750 bis zur gegenwart. Bochum, 1973. S. 69 ff (диссертация). Цит. по: *Rosenbaum H.* Formen der Familie... S. 288.

приятни — в местах, которые, согласно всем правилам, были закрыты для женщин и находились “за пределом её понимания”. В итоге экономические, политические и социальные отношения, или, выражаясь метафорически, “мир” стал вотчиной мужа, а “домашний очаг” — делом женщины. Это имело далеко идущие последствия как для реальных жизненных и профессиональных перспектив полов, так и для их идеологической типологии.

Претензии мужчины на власть объективно основывались на его труде вне дома, приносящем доход, профессиональной квалификации — предпосылке его успеха. Работа по дому, впервые ставшая чисто женской, утрачивала свой производительный характер и всё больше становилась работой по воспроизводству. Она всё меньше ценилась в обществе, признаками которого в возраставшей степени становились расчёт и максимизация прибыли. Тем самым сохранялось традиционное подчинение женщины мужчине. Но мужчина стал вдобавок единственным “кормильцем семьи”: только он приносил денежный доход, теперь получивший главное значение. Женщина оказалась в роли прислуги, а в возвышавшихся социальных слоях и в роли “аксессуара” мужской власти. Своей фигурой, красотой и элегантностью, не в последнюю очередь — своим умением поддержать беседу она представляла в первую очередь не саму себя, а профессиональный успех мужа.

Повышение уровня образования девушек в домах буржуа не противодействовало этому, напротив, оно соответствовало концепции характеров полов и углубляло социальную дифференциацию между мужчиной и женщиной. Консервативный учёный Вильгельм Хайнрих Рилье точно сформулировал: “Женщина трудится в семье, для семьи; она жертвует ей всем лучшим, она воспитывает детей, она живёт жизнью мужчины”¹.

3. Дети

Индивидуализация личности, более интимный характер отношений в семье и браке значительно изменили и отношение к детям. Традиционное соблюдение дистанции между родителями и детьми и частые физические наказания последних часто становились теперь проблемой. Одновременно началось и просветительское движение против баловства детей, которое, также как и равнодушие, коренилось в нежелании допускать к себе детей. Движение было связано и с пропагандой грудного вскармливания младенцев. Подобно тому, как в супружеской связи стали видеть союз двух индивидов, любящих и уважающих друг друга за свойственные им качества, дети,

¹ *Riehl W.H. Die Familie. Stuttgart, 1861. S. 115. (выделено автором).*

плод любви супругов, во всё возрастающей степени рассматривались как личности. Вместо того, чтобы регулировать внешнее поведение, родители старались понять мотивы поступков детей и влиять именно на эти мотивы. В высших слоях развернулась пропаганда, направленная на привлечение родителей к воспитанию детей, вместо нянек, гувернанток и учителей, часто заменявших родителей. Буржуазия в своём отношении к детям не в последнюю очередь видела способ политической борьбы с дворянством, наследственным привилегиям которого она хотела противопоставить способности детей. В представлениях общественности, основанных на убеждении в возможности “формирования” личности, малыш выглядел “чистым листом бумаги”, на который следовало тщательно и упорно наносить следы воспитания. Впервые ребёнка стали считать “воспитуемым” существом. *Эмил* и воспитание из Софи “идеальной жены” и спутницы мужа в изображении Руссо стали символом веры европейского буржуазного воспитания¹. Однако то обстоятельство, что многие горожане обсуждали это и другие сочинения, что возникло явление детского театра, который нёс новые воспитательные принципы в дома буржуа в самом прямом смысле этого слова², заставляет признать, что новые подходы к воспитанию детей хотя и были широко признаны, но поначалу ни в коей мере не были “употребительны”³.

Целью всех воспитательных усилий, по-видимому, был законопослушный, благоразумный человек. Это предполагало восприятие буржуазных ценностей. “Ибо я имел *внутреннюю опору* в настоящем в лице невидимого Господа, в *заученном* смысле молитв и в *воспоминаниях* о любимой матери и строгом отце”, — подтверждает Вильгельм Харниш успех такого домашнего воспитания, которым он наслаждался⁴. В отличие от человека, защищённого плебейской или крестьянской компанией, буржуа принимал решения не под контролем группы, а в соответствии с представлениями отдельного индивида, наедине с собой и самостоятельно. Поэтому центром воспитания становились абстрактные цели, такие, как воспитание правдолюбия и стойкости. Отец оставался непоколебимым авторитетом, однако по крайней мере в теории буржуазного воспитания ему следовало быть ребёнку другом, дающим отеческие советы. Неоднократно подтверждалось, что многие отцы скорее соответство-

¹ Ср.: Flitner A., Hornstein W. *Kinderheit und Jugendalter in Geschichtlicher Betrachtung* // Zeitschrift Pädagogik. 1964. № 10. S. 323.

² Ср.: Mairbairl G. *Die Familie als Werkstatt der Erziehung*. Wien, 1983.

³ Ibid. S. 166.

⁴ *Harnisch W. Mein Lebensmorgen*. S. 48. Харниш был сыном зажиточного владельца пошивочной мастерской (из предисловия автора).

вали типу отца, которого боялись и любили, что дети, видя, как мать подчиняется воле отца, учились склоняться перед отцовской властью¹. Ремесленник подчинялся нормам цеха, крестьяне — требованиям сельской общины и нравственной экономики; новая буржуазия, особенно образованная, таких определявших институтов не имела. Тем сильнее ориентировался буржуа на собственный “внутренний порядок” и социальную дисциплину, которые создавались воспитанием, самоуважением и пожизненным следованием программе развития личности.

Воспитание детей лишь частично, прежде всего в первые годы жизни, осуществлялось родителями². Многие буржуазные семьи приглашали домашних учителей. Примечательно, что сформировалась система платной опеки, призванной не допустить каких-либо “неконтролируемых ситуаций”. Как правило, детям буржуа не позволяли выходить на улицы и площади, где играли их сверстники из других социальных слоёв³. Тогда как дети народа, со слов современного наблюдателя, “обычно весь день проводили на улице, причём, как казалось, чувствовали себя вполне прилично”, имущие и образованные буржуа заключили своих детей в недавно возникший частный мир своих домов и квартир. В 1840 г. журнал “Königsberger Wochenschrift” описывал, как старалась образованная жена буржуа не допустить контактов своих детей с “уличными детьми” из низших слоёв и одновременно использовать их в качестве дурного примера: “Она на всё идёт, чтобы прекратить частое общение с незнакомыми юнцами, особенно с теми, кто груб и невоспитан. Но они и нужны ей, чтобы внушить детям отвращение к таким невоспитанным существам”⁴. Разумеется, в небольших городках, где социальные слои не были чётко отделены друг от друга в пространстве, контакты между детьми буржуа, мелких бюргеров, ремесленников и рабочих были возможны⁵. Однако они никак не являлись правилом и особой формой социализации. Для буржуа семья и улица были абсолютными противоположностями. Этому вновь способствовал рост значения семейного пространства для социализации детей. Только в начале XIX в., согласно Юргену Шлюмбу, многие родители-буржуа отказались от того, чтобы всё время держать своих детей дома взаперти. Изоляция от других детей часто

¹ Ср. в целом: *Horkheimer M. Autorität und Familie* (1936) // *Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie*. Frankfurt, 1970. S. 222 ff.

² Ср.: *Goethe J.W. Aus meinem Leben*. S. 31 ff., 85 ff. 1. u. 3. Buch.

³ *Schlumbohm J. Straße und Familie*. S. 697 ff.

⁴ Цит. по: *Ibid.* S. 712.

⁵ Ср.: *Schumacher G.F. Genrebilder aus dem Leben eines siebenzigjährigen Schulmannes*. Schleswig 1841. S. 5 ff. Цит. по: *Kinderstuben* / Hg. J. Schlumbohm. S. 365.

вела к нежелательной неуверенности в общении. С этого времени родители-буржуа сравнительного высокого положения стали чаще выпускать своих детей на улицу, но влияние улицы на них было незначительным. Слишком сильное воздействие оказывала насыщенная и в педагогическом смысле инсценированная атмосфера буржуазного дома¹.

Уже в юные годы пути образования мальчиков и девочек разделялись. В дополнение к чтению и письму многих девочек учили играть на фортепьяно. “Никакую буржуазную обстановку нельзя назвать полной без этого инструмента, и не было ни одной дочери буржуа, которая не учила бы бесконечные гаммы”². Уроки танцев и закона Божьего также входили в программу обучения девочек вместе с рукоделием и иностранными языками. Напротив, естественные и точные науки в их образовании полностью отсутствовали. Правда, констатирует Хайди Розенбаум, речь ни в коей мере не шла об узкой направленности их социализации как о воспитании домашних хозяек. Нужно говорить о “домашнем воспитании”: содержание образования определялось с учётом будущих обязанностей жены представлять в обществе супруга.

Обучение мальчиков по завершении начального курса было существенно иным. Чаще всего они посещали городские школы или интернаты, иногда для дальнейшего образования приглашали частных учителей. Профессиональное образование находилось в компетенции специализированных институтов, в то время как обучение девочек проходило дома, чаще всего под надзором матери. Различный для мужчин и женщин образ жизни взрослых буржуа складывался с самого начала: мальчиков готовили к профессиональной конкуренции, говоря метафорически, к “завоеванию мира”, девочек — к кругу домашних социальных обязанностей. Не в последнюю очередь, по-видимому, строгое воспитание мальчиков, их ранняя разлука с родителями (часто в возрасте семи лет) имели целью “закалить” и “защитить” от “женской мягкости” и “домашности”. Обычная в семьях многих купцов практика отдавать сыновей после окончания школы на некоторое время в семьи своих знакомых на своего рода добровольную службу напоминает, с одной стороны, традицию странствий в ремесле, но с другой — указывает на стремление к тому, чтобы мальчики приобрели “знание света”, смогли накопить возможно более разнообразный опыт. В этой связи родителям-буржуа представлялось не в последнюю очередь полезным, как правило, обязательное пребывание за границей. Вероятно, родители подражали путешествиям аристократов (“Grand tour”).

¹ *Kinderstuben* / Hg. J. Schlumbohm. S. 314.

² *Hobsbawm E.J. Die Blütezeit des Kapitals...* S. 286.

Правда, буржуа считали непозволительным гедонизм дворянских путешествий и несравнимо больше подчёркивали образовательные и рабочие цели таких путешествий.

Очевидно, что различное для мальчиков и девочек образование было приспособлено к тому, чтобы использовать его в интересах их специализированного воспитания. Все качества, которые считались присущими характерам мужчины и женщины, последовательно и целенаправленно формировались в процессе образования и воспитания. Созданное специально сориентированным на потребности мужчины и женщины образованием быстро воспринималось как “социальная природа” полов и подтверждало идеологию. Тем самым буржуазная семья воспроизводила из поколения в поколение комплекс казавшихся естественными качеств полов, которые фактически в результате этого разобщались.

4. Буржуазное жилище

Если “старый” буржуазный дом начала XVIII в. ещё был во многом схож с домом зажиточного ремесленника, то к концу столетия его стиль изменился. Буржуазная семья всё более закрывалась от соседей по дому и прислуги. Вместо общих помещений и комнат, служивших многим целям (например, приёма пищи, жилья и музицирования), возникла *специализация помещений* (кабинет, жилая комната, столовая, детская) — архитектурное выражение растущей потребности отделиться друг от друга. Коридоры планировались так, чтобы было меньше проходных комнат и не нарушалась интимность проживания. Всё это выражало связанный с цивилизационным развитием процесс *индивидуализации*¹. Одновременно “буржуазный салон” превращался в явление общественной жизни, соединявший собственность, культуру и образование. В домах зажиточных купцов, пусть и в мужских комнатах и без дам, заключались отдельные сделки, в то время как в музыкальной комнате дочь или “эстетствующий” друг семьи играли на фортепьяно. Грани между деловой и частной жизнью семьи чётко соблюдались в самом доме². Буржуазия формировала как новую внутреннюю жизнь, которую умели прятать от глаз света, так и семейную презентабельность, которую использовали в общественных и деловых интересах. Архитектура буржуазной виллы реализовала это двойственное стремление — отделить внутренний мир семьи от внешнего мира и одновременно символизировать её общественный престиж и мощь.

¹ *Rosenbaum H.* Formen der Familie. S. 303.

² *Habermas J.* Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Neuwied, 1962. S. 60.

5. Тенденции развития в XIX столетии

С победным шествием капитализма “эта” буржуазия всё больше характеризовалась преуспевающими торговыми капиталистами, промышленниками и денежными магнатами. Часть старого среднего слоя мелких самостоятельных ремесленников по отношению к промышленной буржуазии опустилась в слой мелкого бюргерства. Этот количественный и качественный сдвиг в составе буржуазии не остался без последствий для развития семьи. С экономическим успехом выросло число тех, кто не имел больше ничего общего с аскетической моралью XVIII в. Все больше удачливых предпринимателей старалось подражать образу жизни дворянства. Эти изменения стиля поведения называют *одворяниваем буржуазии*¹.

Предпринимательская буржуазия в городах и промышленных центрах быстро сконцентрировала в своих руках доселе неизвестную экономическую власть. Однако, она не имела, после крушения революции 1848 г. никакой эквивалентной политической власти. Место умеренной деловой активности эпохи бидермейера заняла жёсткая, нервная, изматывающая конкурентная борьба промышленных магнатов, коммерсантов и банкиров. Распространился новый тип предпринимателей, разорвавших исторические семейные связи с образованным бюргерством, учёными, деятелями искусства и подменивших их покровительством выскочкам. “Буржуазную честность и порядочность” сменила идея “беспощадного промысла”². Время “расцвета капитала”, период Германской империи и эпоха императора Франца-Иосифа в Австро-Венгрии было для буржуазии с экономической точки зрения наилучшим. Она получала прибыли от индустриализации, расширения сети железных дорог, средств связи и инвестиций в частное жилищное строительство³.

“Частный предприниматель”, промышленник, “буржуа” в марксистском смысле стали образцом для бюргера, никогда в то время не имевшего столь узких, как они, понятий. Буржуазное сознание и в дальнейшем включало в себя убеждение в возможности управлять собственной судьбой, глубокое уважение к работе и усердию, специфическую рассудочность, порядок и педантизм в жизни и хозяйстве, некоторые либеральные добродетели вроде терпимости,

¹ Розенбаум доказывает, что расхожее понятие “феодализация буржуазии” исторически некорректно, так как дворянство к тому времени не имело больше феодальных прав (см.: *Rosenbaum H. Formen der Familie. S. 320*).

² *Sombart W. Der Bourgeois. München, 1913. S. 233.*

³ Ср. как пример: *Feldbauer P. Stadtwachstum und Wohnungsnot. Determinanten unzureichender Wohnungsversorgung in Wien 1848–1914. Wien, 1977.*

способности к конфликтам и компромиссам, скептического отношения к авторитетам, самостоятельности, готовности к критике, независимости суждений, уважения к праву и любовь к свободе; кроме того, ему было свойственно сильное национальное чувство”¹.

Самостоятельные ремесленники и мелкие торговцы оказались в числе тех консервативных экономических сил, которые, столкнувшись с объективной угрозой и движимые субъективным страхом перед пролетаризацией, охотно вернулись бы к докапиталистическому цеховому производству. Буржуазия олицетворяла экономический прогресс. В дальнейшем в её состав вошли управляющие в промышленности, лица доходных профессий (врачи, адвокаты, аптекари), а также министерские чиновники высших рангов. Конечно, не все, но всё же часть из них имела уровень благосостояния, позволявший приобрести все атрибуты буржуазного стиля жизни: виллу, прислугу, дом в деревне². Как и в XVIII в., университетское образование стало заменой капиталу. При этом следует помнить, что образование нельзя было получить, не имея собственности. Обучение в университете и долгое время не приносящая доходов стажировка предполагали, что студент и молодой чиновник всё это время жили на содержании родителей³. Это способствовало социальному отбору высших чиновников. Хотя жизнь высшего чиновника и не позволяла ему стать крупным собственником, он, по крайней мере, за годы карьеры обеспечивал себе приличный доход, связанный с прочным положением и “наслаждением покоем”, которые вполне могли усилить обывательские настроения у этой части буржуазии⁴.

Брачный возраст буржуа оставался неизменно высоким (примерно 30 лет) и в конце XIX в. У чиновников он был значительно выше по упомянутой причине отсутствия доходов в начале профессиональной карьеры⁵. Лица самостоятельных профессий (врачи и адвокаты) часто откладывали заключение брака до тех пор, пока не создавался достаточно широкий круг клиентов или пациентов. Предприниматели завершали образование несколькими годами путешествий, когда накапливался опыт и завязывались деловые связи⁶. По сравнению с XVIII в. средний брачный возраст жён буржуа

¹ Ritter G.A., Kochka J. Deutsche Socialgeschichte. München, 1974. Bd. II: 1870–1914. S. 63.

² Для сословия врачей, например: Fuchs A. Ein Sohn aus gutem Haus. London, 1943.

³ Ср. например: Pichler F.A. Polizeihifrat P. Ein treuer Diner seines ungetreuen Staates. Wiener Polizeidienst 1901–38. Wien, 1984.

⁴ Ср.: Rosenbaum H. Formen der Familie. S. 332.

⁵ Нелль приводит средний возраст вступления в брак высших чиновников, лиц самостоятельных академических профессий и высших офицеров в Нижней Саксонии в 1899 г. — 33 года (см.: Nell A. Eine Entwicklung... S. 69).

⁶ Rosenbaum H. Formen der Families... S. 332.

слегка повысился, разница в возрасте супругов сократилась на пять–шесть лет¹. Выбор супруга в среде предпринимательской буржуазии должен был соответствовать экономическим интересам фирмы. При этом решающую роль могло играть не только умножение собственности, но и установление связи между “ноу-хау” и собственностью, а также деловых и политических связей². Если в начале промышленной эпохи сыновья предпринимателей женились с целью накопления капитала³ главным образом на дочерях предпринимателей, то в конце столетия эта вынужденная зависимость ослабла с развитием национальных и мирового рынков капитала. На брачной политике предпринимателей всё в большей мере сказывались требования капиталистической рациональности⁴. Число многократных брачных связей между предпринимательскими династиями снизилось. Буржуазия начала борьбу за перевод своих супружеских и семейных отношений в сферу частной жизни. Это относится, однако, как выяснил Юрген Кочка, в первую очередь к сыновьям предпринимателей, а не к их невестам⁵.

Многие чиновники, если они не хотели влачить жалкое существование, несоответствующее их общественным запросам, должны были при выборе невесты учитывать её имущественное положение. В прусской провинции Рейнланд–Вестфалия по этим соображениям они вступали в брак большей частью с дочерьми предпринимателей. Другие женились на девушках своего положения или дочерях университетских профессоров⁶. Как заметила Хайди Розенбаум, значение денег и приданого при заключении браков в буржуазной среде было поддержано книгой гражданских состояний 1900 г., которая сделала для каждого доступными сведения об имущественном положении семей с помощью регистра прав владения, аналогичного поземельной описи. Это должно было препятствовать мезальянсам или сообщению ложных данных.

Бюргерский идеал супружества как союза благоразумной любви и экономического расчёта мог попасть в то противоречие между

¹ Ср.: там же. S. 565. Прим. S. 283.

² См.: *Redlich F.* Der Unternehmer. Göttingen, 1964; *Kocka J.* Familie, Unternehmer und Kapitalismus // *Zeitschrift für Unternehmensgeschichte*. 1979. № 24. S. 99 ff; он же. Familie, Unternehmer u. Kapitalismus an Beispielen aus der frühen deutschen Industrialisierung // *Familie zwischen Tradition und Moderne. Studien zur Geschichte der Familie in Deutschland und Frankreich vom 16. bis. 20 Jh.* / Hg. N. Bulst u.a. S. 221 ff.; Ср. также: *Bergeron L.* Familienstruktur und Industrieunternehmen in Frankreich (18. bis 20 Jh.) // *Familie zwischen Tradition und Moderne...* / Hg. N. Bulst u.a. S. 225 ff.

³ *Rosenbaum H.* Formen der Families... S. 333.

⁴ См.: *Kocka J.* Familie... S. 109.

⁵ *Ibid.* S. 128.

⁶ Ср.: *Henning H.* Das Westdeutsche Bürgertum... S. 270 ff.; Ср. также: *Rosenbaum H.* Formen der Families... S. 566, прим. 299.

идеологией и действительностью, которое было для буржуазии важным в некоторых других отношениях. Прославление частной жизни находилось в резком контрасте с реальностью развивавшегося промышленного капитализма. Буржуа должен был найти своё место в обезличенном мире, в котором всё определяли взаимосвязи мирового рынка (сведения о нём он узнавал за завтраком из биржевых сообщений в газете) и стремительные технологические изменения. Психологические стрессы, которые он при этом переживал, должны были сниматься в лоне семьи. В то время как в хозяйственной и деловой жизни, в науке и политике торжествовал холодный расчёт и *целесообразная рациональность* (Макс Вебер), требования к эмоциональной жизни в браке и семье повышались. При сохранении традиционных сексуальных прав мужчин для женщин это означало сублимацию любви в чрезвычайно высокие требования к себе. Женщина, как и прежде, должна была сохранять девственность до брака, тогда как мужчина хотел приобрести сексуальный опыт. Чтобы реализовать эту модель буржуазной *двойной морали* женщина на рубеже XX в. усилиями буржуазной медицины и психологии была лишена прав на связанные с сексом чувства. Вайнингер, Мёбиус, Крафт-Эбинг и другие светила науки отказали женщине в интеллекте и способности к сексуальным переживаниям. Одновременно — и это следующее противоречие буржуазной культуры — возник новый рынок эротической литературы, началась своего рода “эротизация культуры”. Это была репрессивная, поддерживающая угнетение и ограничение женщин эротизация женского тела. Таков мир *Fin de siècle* (конца века), каким его проникновенно и критически наблюдали Стриндберг и Ведекинд, Фрейд и Шнитцлер, оценивавшие его, во всяком случае, критичнее, чем обращающие сегодня в прошлое исполненный ностальгии взгляд¹. Но те перемены в обществе, в котором семья была местом бегства от мира, не остались без последствий и для неё самой. Заточение в доме всё больше отдаляло женщин от мира мужчин. О соратниках, которые сообща выполняли каждодневный свой труд, больше не было и речи. Половое разделение труда вызывало растущее отчуждение. Буржуазная семейная модель породила свой антитезис: буржуазно-феминистскую критику угнетения женщин и выступления первых борцов за женские права участвовать в общественной и политической жизни.

Падение рождаемости в буржуазных семьях на протяжении XIX в., борьба за идеал женщины и так называемая сексуальная революция позволили современникам к 1900 г. говорить о кризисе буржуазной

¹ Ср.: *Glücklich ist, wer vergißt...? Das andere Wien um 1900* / Hg. H.C. Ehalt u.a. Wien u.a., 1986; для буржуазных семей см.: *Stekl H.* “Sei es wie es wolle, es war doch so schön”. *Bürgerliche Kindheit um 1900 in Autobiographien* // *Ibid.* S. 17ff.

семьи. В то время как средние и высшие слои, располагавшие (об этом было достаточно единодушное мнение) “ценным наследством”, имели семьи с двумя детьми, политики всех направлений, озабоченные демографическими проблемами, предрекали грозный закат Европы вследствие перенаселения и негативного отбора. Консервативные мыслители, размышлявшие о будущем, старались возвысить роль жены как домохозяйки и матери. Вполне возможно, уверяли они, реализовать себя в семье. Знание было призвано поднять престиж домашнего хозяйства и материнства: возникшие в США “домашняя экономика” (“home economics”) и “наука о доме” (“domestic science”) были импортированы в Европу¹. Прогрессивная критика была направлена против монополии на сексуальность в браке. Жена в просвещённых кругах получила новую задачу: ей следовало быть не только защищающей, ухаживающей, рожающей детей, поддерживающей общение женой и хозяйкой дома, но также и “сведущей в любви подругой” своего мужа.

Буржуазная семья XVIII–XIX вв., как позволяет заключить наш краткий экскурс в её историю, породила новый тип человека: не требующего внешнего руководства, отвечающего за самого себя, дисциплинированного, — полную противоположность аристократическому бездельнику, фланёру и гуляке, описанному Вальтером Бенжаменом парижанину, “гражданину столицы XIX в.” Буржуазная семья, изначально наделённая двойным зрением образования и капитала, “загадочнейший институт эпохи”², произвела дисциплинированного накопителя, который рано привык к отречению от страстей, чтобы наслаждаться высшим, который “снаружи” самым серьёзным образом сражался на работе, чтобы в семье припасть к лону своей ставшей частью дома супруги. Но она дала также — Томасу Манну принадлежит известнейшая литературная интерпретация темы — деятелей искусства и интеллектуалов, которые поставили под сомнение этот мир имущих буржуа.

¹ Ср.: Bock G., Duden B. Arbeit aus Liebe — Liebe als Arbeit. Zur Entstehung der Hausarbeit im Kapitalismus // Frauen und Wissenschaft. Beiträge zur Berliner Sommeruniversität für Frauen. Juli 1976. Berlin, 1977. S. 118 ff.; Kittler. Hausarbeit.

² Hobsbawm E.J. Die Blüherzeit des Kapitals... S. 293.

V. СЕМЬИ ПРОМЫШЛЕННЫХ НАЁМНЫХ РАБОЧИХ

1. Возникновение промышленного наёмного труда

Семья промышленного наёмного рабочего типологически отличается от семей крестьян, рабочих-надомников и ремесленников в первую очередь тем, что она не является более местом производства. Наёмный труд и семейная жизнь здесь разделены в пространстве, что характерно и для буржуазной семьи. Однако определяют структуру семейной жизни наёмного рабочего форма труда, его организация во времени, способ оплаты, характер физической и психической нагрузки. Его семья представляет собою элемент пролетарских взаимоотношений¹.

Под промышленными наёмными рабочими следует понимать рабочих, которых капиталистические предприниматели используют в оснащённых машинами мастерских, на фабриках, предприятиях добывающей и перерабатывающей промышленности (шахтах, металлургических заводах). Под *индустриализацией* понимается переход от ручного труда к машинному². Промышленный наёмный труд в целом характеризуется иерархической организацией производства и более или менее высокой степенью разделения труда. Капиталисты, управляющие и менеджеры, с одной стороны, противостоят работникам физического труда — с другой. Отделение планирования и управления от производительного труда, а также разделение последнего на промежуточные операции обуславливают подчинённое положение рабочих на производстве и их дисциплину, организованную первоначально по военному образцу. Иерархизация рабочих служила целям внедрения промышленной дисциплины труда и вытеснения доиндустриальных отношений. Предприниматели тем более стремились к этому, что промышленные рабочие в своей значительной части состояли из бывших сельских батраков или ремесленных подмастерьев. Они привыкли к интенсивному, характеризующемуся постоянным общением и многочисленными перерывами, доиндустриальному типу труда³.

¹ Negt O., Kluge A. Öffentlichkeit und Erfahrung. Zur Organisationsanalyse von bürgerlicher u. proletarischer Öffentlichkeit. Frankfurt, 1974.

² Ср.: Kuczynski J. Vier Revolutionen der Produktivkräfte. Berlin. S. 51.

³ Ср.: Lüdtke A. Arbeitsbeginn, Arbeitspausen, Arbeitsende // Hg. Huck. S. 95 ff.

Как массовое явление, промышленный наёмный труд распространился в Англии со второй половины XVII в.¹, в континентальной Западной и Центральной Европе примерно с середины XIX в.² До тех пор большинство не имевших хозяйства рабочих было занято в надомных промыслах, в сельском хозяйстве и ремесле. Под влиянием политики меркантилизма промышленное товарное производство получило широкое распространение в конце XVII — начале XVIII вв. Две проблемы препятствовали, однако, дальнейшей экспансии промышленного сектора: отсутствие машинного двигателя и энергоснабжение. Тепловая энергия в начале XVIII в. вырабатывалась в основном путём сжигания древесного сырья; двигательная сила животных, людей, воды была недостаточна. Изобретение и использование парового водяного насоса в шахтах Англии в XVIII в., его дальнейшее усовершенствование Джеймсом Уаттом на рубеже XIX в. сделали возможным применение парового двигателя в промышленном производстве³. Во второй трети XIX в. железные дороги и пароходы улучшили возможности быстрой и сравнительно дешёвой транспортировки сырья и промышленной продукции на большие расстояния. При этом, как правило, промышленное использование технических достижений на многие десятилетия отставало от их изобретения.

В текстильной промышленности изобретение и применение машин позволило усовершенствовать процессы прядения (первая механическая прялка для хлопка появилась в Германии около 1780 г., в Австрии — в 1801 г.), ткачества (в первую очередь внедрение механического ткацкого станка Жаккарда в 1800 г.) и пошива текстильных изделий (особенно изобретение швейной машины в 1830 г.). В металлообрабатывающей промышленности применение технических новшеств значительно улучшило выплавку чёрных металлов, прежде всего чугуна (переход от древесного угля к коксу в первой половине XIX в. и связанное с ним повышение мощности домен), и дальнейшую их обработку. Ряд новых машин (токарные, шлифовальные, сверлильные станки, прессы), текстильные станки, механические мельницы, лесопилки и сельскохозяйственные машины

¹ Cp.: *Hobsbawm E.I.* *Industrie und Empire. Britische Wirtschaftsgeschichte seit 1750.* 2 Bde. Frankfurt, 1970.

² См.: *Henning F.-W.* *Die Industrialisierung in Deutschland 1800 bis 1914.* Paderborn, 1973; *Studien zur Geschichte der Industriellen Revolution in Deutschland* / Hg. H. Mottek. Berlin, 1960; *Kocka J.* *Lohnarbeit und Klassenbildung. Arbeiter und Arbeiterbewegung in Deutschland 1800–1875.* Berlin, 1983; *Gruner E.* *Die Arbeiter in der Schweiz im 18. Jahrhundert.* Bern, 1968; *Kiczynski J.* *Das Entstehen der Arbeiterklasse.* München, 1967; *The Industrial Revolution // The Fontana Economic History of Europe.* Bd. 3 / Hg. C.M. Cipolla. Glasgow, 1977.

³ Cp.: *Henning F.-W.* *Die Industrialisierung...* S. 114 ff.

изменили мир труда. На протяжении XIX в. применение машин существенно изменило большинство отраслей производства.

Индустриализация означала механизацию уже существовавших в допромышленную эпоху производств (ремёсел), мануфактур (особенно в текстильной промышленности) и добывающих отраслей (угольной и металлургической промышленности, производства цемента и т.п.), зависевших от источников сырья и привязанных к месту их добычи. Состояние путей сообщения — центральный фактор издержек — и близость к рынкам сбыта, особенно к большим городам, представляли собой важные факторы индустриализации производства.

Однако одних машин было недостаточно. Для развития промышленности во всё возрастающей степени была необходима рабочая сила. Вместе с капиталом для финансирования механизации, знаниями новых методов производства и готовностью к предпринимательскому риску она являлась предпосылкой индустриализации.

В XIX в. в странах Западной и Центральной Европы возник сектор теснейшим образом связанных с техническими, экономическими и географическими факторами промышленных наёмных рабочих, которые существенно различались в зависимости от отрасли, места работы (село, маленький город, большой город) и уровня внедрения технических новшеств. В соответствии с этим дифференцировались условия жизни рабочих по отраслям хозяйства и регионам. Поэтому нельзя говорить о рабочих семьях “вообще”. Следует различать разные типы семей промышленных рабочих. Их отношение друг к другу и проблема их постепенного сближения в ходе формирования промышленного рабочего класса — предмет нашего дальнейшего изложения.

2. Влияние промышленной революции на семейную жизнь: связи и разрывы

Переход от допромышленных к промышленным формам семьи происходил не так резко, как технические инновации в производстве, а постепенно, от поколения к поколению. Семейные формы продемонстрировали значительные инерционные способности. Такова природа семьи: “продукт” процесса семейной социализации — живой человек с его зависящими от типа культуры предпочтениями, образом поведения и стереотипами мышления — всегда отстаёт от темпов изменения общественных условий труда. Чтобы избежать свойственной типологии статичности в описании различных семейных форм, в конечном счёте спрямляющей процесс исторических перемен и искажающей его, следует сначала кратко описать переход от допромышленных к промышленным формам на примере семей ра-

бочих горной и текстильной промышленности, и лишь затем перейти в последующих параграфах к анализу отдельных аспектов семейной жизни рабочих фабричной промышленности XIX в.

2.1. Семьи текстильных рабочих

В текстильной отрасли промышленные предприятия часто возникали в районах надомной промышленности. На этом примере могут быть хорошо изучены феномен перехода от надомных промыслов к промышленному наёмному труду и вопрос значения этого перехода для семей рабочих. Имеются к тому же прекрасные исследования для Ланкашира, сердца английской хлопчатобумажной промышленности, и Вены¹.

Условия индустриализации в английских текстильных районах ни в коей мере не вели к “разрушению семьи”, как это постоянно утверждалось наблюдателями на протяжении всего XIX в. (Фридрих Энгельс был самым известным из них). В 1965 г. Питер Ласлет в книге *The World We Have Lost* (“Мир, который мы потеряли”) доказал, что тезис о разрушении большой допромышленной семьи вследствие урбанизации и индустриализации не соответствует действительности: до начала индустриализации, согласно данным церковных приходов, максимум в 10% английских семей родители жили вместе с женатыми детьми². Появившееся несколькими годами позже исследование Майкла Андерсона о текстильном регионе Ланкашира окончательно разрушило миф о допромышленной большой семье³. Он показал, что значение солидарных семейных связей между родителями и детьми вследствие индустриализации Ланкашира скорее даже усилилось. Как раз в фазе высокой динамики индустриализации и наибольшей мобильности населения текстильные рабочие сильнее, чем когда-либо прежде, опирались на семейные и родственные связи.

¹ Для Ланкашира см.: *Anderson M. Family Structure in Nineteenth Century Lancashire*. Cambridge 1971; *Anderson M. Household Structure and the Industrial Revolution; Midnineteenth Century Preston in Comparative Perspective // Household / Ed. by Laslett u. Wall. P. 215 ff; Foster J. Class Struggle and the Industrial Revolution, Early Industrial Capitalism in Three English Towns*. London, 1974; *Foster J. 19th-century Towns: A Class Dimension // Essays in Social History / Ed. by M.W. Flinn, T.S. Smout*. Oxford, 1974. P. 178; *Burr-Litchfield R. The Family and the Mill: Cotton Mill Work. Family Work Patterns and Fertility in Mid-Victorian Stockport // The Victorian Family / Ed. by A.S. Wohl*. London, 1978. Для Вены: *Ehmer J. Familienstruktur und Arbeitsorganisation im frühindustriellen Wien*. Wien, 1980; *Historische Familienforschung / Hg. M. Mitterauer und R. Sieder*. S. 300–325.

² *Laslett P. The World We Have Lost*. London, 1971.

³ *Anderson M. Family Structure...*

В XVIII в. в Ланкашире распространилась надомная обработка хлопка. В конце XVIII в. началась механизация прядения, в 30-х годах XIX в. — ткачества. Вместе с тем производство переместилось в быстро растущие города. До середины XIX в. Ланкашир был наиболее урбанизированным регионом Англии. Рабочие во вновь возникшей хлопчатобумажной промышленности женились раньше, чем другие слои населения. Доля женатых среди промышленных рабочих была чрезвычайно высока. В промышленном городе Престоне в 23% домов родственники жили совместно. В каждом десятом доме родители — вместе с женатыми детьми (семьи из трёх поколений). Индустриализация текстильного производства сопровождалась распространением совместного проживания как родителей с женатыми детьми, так и семей родственников¹. Она повлекла за собой образование *сложных форм семьи*.

Тому имелось множество причин. Вначале рабочие Ланкашира часто переезжали из одного центра текстильной промышленности в другой. В Престоне, согласно цензовым спискам 1851 г., почти две трети населения родились вне города, но в его округе, не превышавшем десяти миль². При таком небольшом расстоянии можно было поддерживать родственные связи. В первую очередь молодые рабочие и молодожёны в поисках работы пытались найти приют у родственников и членов семьи. Чем старше были рабочие, тем меньше становилась их мобильность. Поскольку замужние женщины часто работали на фабрике, в семью брали пожилых родственников для ухода за маленькими детьми. Добавим, что в быстрорастущих городах с жильём было очень трудно. Многие члены семьи часто работали на одной и той же текстильной фабрике: производство давало рабочие места для мужчин и женщин, молодых и пожилых рабочих. К тому же квалифицированные рабочие на прядильных машинах и механических ткацких станках сами нанимали подсобную рабочую силу. Естественно, они выбирали молодых членов семьи, родственников, и брали их к себе в дом³. В городе Олджэме, ещё одном текстильном центре Ланкашира, рабочие также часто жили сложными по структуре семьями⁴.

Семейные отношения рабочих в текстильном городе Престон и двух других городах Ланкашира более позднего периода 1890–1940 гг. были исследованы с применением методов “устной истории”⁵. Вы-

¹ *Anderson M. Household Structure...* P. 233.

² *Anderson M. Family Structure...* P. 34.

³ *Ibid.* P. 114.

⁴ *Foster J. Class Struggle...* P. 260.

⁵ *Roberts E. The Working-Class Extended Family. Functions and Attitudes 1890–1940 // Oral History. The Journal of the Oral History Society. 1984. № 12. P. 48–55.*

яснилось, что большинство текстильных рабочих Престона помнили о проживавших с ними родственниках. В Ланкастере — городе со смешанной экономической структурой и в Бэрроу — городе тяжёлой промышленности доля семей с родственниками была несколько ниже, чем в чисто текстильных городах. Связанные с работой переезды (*миграции*) способствовали усилению семейных и родственных связей, если вся семья или группы родственников отправлялись в путь. Конечно, миграция могла вести и к нарушению семейных уз, когда ничем не связанные рабочие-одиночки покидали родные места, чтобы найти себе занятие в отдалённых городах¹. В любом случае многие мигранты даже на больших расстояниях поддерживали регулярные контакты со своими родными семьями или родственниками. Письма, посылки и периодические визиты позволяли сохранять семейные связи даже на больших расстояниях.

И в 1890–1940 гг. в промышленных городах Ланкашира в семьях рабочих часто жили родственники². Детей-сирот забирали родственники, овдовевшие мужчины и женщины отдавали им своих детей под присмотр. Незамужняя родственница заменяла умершую жену и мать, если старшая дочь не могла выполнять обязанности хозяйки дома после смерти матери. Нуждающиеся в помощи пожилые люди находились под опекой выросших детей. Число семей из трёх поколений, разумеется, было невелико. Состарившиеся родители предпочитали по возможности вести хозяйство вблизи детей и поддерживать семейные контакты частыми визитами, а не жить с ними одним домом. В отдельных случаях, если квартира родителей была слишком мала, а сами родители бедны, дети жили у своих дедушек и бабушек, дядей и тёток. Наконец, в семьях родственников жили молодожёны, ещё не нашедшие квартиру, и одинокие молодые рабочие. В этих случаях жившим вместе родственникам поручалась домашняя работа и предоставлялась еда, за которую они, однако, должны были платить³.

В то время как Майкл Андерсон полагает, что родственные связи текстильных рабочих Ланкашира в середине XIX в. хотя и были прочными, строились скорее на расчёте, Элизабет Робертс находит в конце XIX — начале XX вв. исключительно сильную эмоциональную привязанность между членами семьи и родственниками:

“Люди жили вместе. Кроме того, существовала очень сильная, большей частью не выраженная словесно мораль рабочего класса: она считала обязанностью помогать всеми способами родственникам, даже тогда, когда близость и симпатия были невелики. При-

¹ Roberts E. Op. cit. P. 49.

² Ibidem.

³ Ibid. P. 50.

держивались молчаливого согласия не отправлять родственников в работные дома, с которыми в середине XIX в. связывались стыд и унижение. Со времён закона о бедняках 1601 г. и до закона об общественной помощи 1946 г. семья была обязана заботиться о своих членах, особенно о родителях и родственниках. Родители отвечали за детей, взрослые дети опекали родителей, дедушки и бабушки помогали внукам, если родители по каким-либо причинам не были в состоянии это сделать... Однако ни один из опрошенных рабочих не вспомнил, что такие обязанности установлены законом. Некоторые даже не знали такого законодательного положения... Большинство, говоря о родственниках, испытывало к ним сложный комплекс любви, долга и гордости”¹.

Родственники заботились также о больных и умирающих. Эта обременительная обязанность ложилась прежде всего на женщин. Некоторые женщины славились особыми знаниями и опытом в уходе за больными. При необходимости к ним посылали за помощью родственники, соседи и знакомые. Есть множество примеров готовности прийти на помощь родственникам, жившим вместе или по соседству, а также связанным родством соседям. Таким образом, по утверждению Элизабет Робертс, говорить о том, что отношение к родственникам строилось только “на расчёте”, неверно².

В Престоне многие замужние женщины работали на производстве. Родственники часто брали на себя присмотр за маленькими детьми или работу по дому, приготовлении пищи и стирке белья. Как правило, работавшие женщины оплачивали их труд. Жена мистера Т., например, работала до Первой мировой войны на текстильной фабрике. Она платила свекрови за присмотр за обеими её дочерьми. По её словам, родственникам всегда платили, когда они смотрели за детьми³. Во всех рабочих семьях Престона до Второй мировой войны работавшим членам семьи полагалось вносить деньги в общую семейную кассу. Услуги оплачивались, как в случае с вышеупомянутой свекровью, они приравнивались к материальной помощи семье. Кроме того, так поддерживали родственников, не давая им почувствовать, что они получают милостыню. Ещё один вид помощи родственникам (в “расширенной семье”) — поиски работы и посредничество в трудоустройстве. Помогали и в других жизненных ситуациях. Конечно, родственные связи не были единственным кругом солидарности, соседи также принимали на себя аналогичные функции.

¹ *Roberts E.* Op. cit. P. 50 (перевод с англ. — автора).

² *Ibidem.*

³ Интервью с мистером Т., 1866 г.р., отец — рабочий, мать — прачка, четверо детей. Мистер Т. после несчастного случая на фабрике, в результате которого он лишился руки, стал страховым агентом. Его жена работала на фабрике прядильщицей, двое детей (см.: *Roberts E.* Op. cit. P. 53).

Государственная социальная политика и общественные выплаты тем рабочим, которые в этом нуждались, ослабили в первые десятилетия XX в. солидарный круг “расширенной семьи”, родственные и соседские связи. Пенсия по старости, выплаченная в Англии впервые в 1909 г., способствовала большей независимости стариков от своих детей. Наконец, с резким сокращением рождаемости в межвоенные годы, уменьшилось число родственников, нуждавшихся в помощи. Но “расширенная семья” и после Второй мировой войны осталась “структурой”, которая организовывала взаимную поддержку, социальные контакты, иногда — финансовую помощь для своих членов¹.

Исследования текстильного района Ланкашира, без сомнения, позволяют констатировать высокую степень *гибкости* семей рабочих в отношении требований воспроизводства массы новых наёмных рабочих. Переход от надомного к промышленному производству стал возможен, с точки зрения его обеспечения рабочей силой, благодаря высокой приспособляемости семей рабочих. Второй пример характеризует переход от допромышленного к промышленному производству текстиля в Вене за существенно более короткий период.

Промышленная структура Вены, столицы империи, в эпоху ранней индустриализации основывалась прежде всего на надомной промышленности, с одной стороны, и на тесно связанных с нею *мануфактурах* по обработке текстиля — с другой². Главное место занимала обработка шёлковых тканей. На этом этапе развития мануфактурной и надомной промышленности (от последних десятилетий XVIII в. до 1848 г.) в Вене возникла ситуация, свойственная прединдустриальному времени: при высокой рождаемости была высока и младенческая смертность, в 1800 г. на сто рождений приходилось примерно 62 смерти на первом году жизни³. В доме жило, по сравнению с более поздним периодом, относительно немного людей. Работа не требовала привлечения родственников и вспомогательного персонала, рабочие-надомники демонстрировали выраженную склонность к небольшим семьям. Около 1800 г. средняя венская семья состояла только из 3,9 человек⁴. Доходы от надомного промышленного труда сделали возможными ранние браки рабочих⁵. Как было показано в главе о семьях рабочих-надомников, труд требовал совместной работы членов семьи. Тем, кто не имел

¹ Roberts E. Op. cit. P. 54.

² Подробнее см.: Ehmer J. Familienstruktur...

³ Ibid. S. 53, табл. 10.

⁴ Ibid. S. 54, 56, табл. 12.

⁵ Ibid. S. 42.

возможности получать доходы в надомных промыслах (неженатая молодёжь), предоставлялись работа и заработок на централизованных мануфактурах. Семьи рабочих-надомников и рабочих мануфактур гибко взаимно дополняли друг друга. Рабочие-надомники, уходя из семьи, нанимались на мануфактуру, и наоборот. В определённой степени семьи рабочих-надомников готовили рабочую силу для мануфактур.

Существенным признаком образа жизни рабочих-надомников и мануфактурных рабочих эпохи раннего капитализма было их включение в различные социальные группы с *плебейской*, но ещё не пролетарской культурой. Рабочие-надомники, ремесленные подмастерья, строительные рабочие, фабричные девушки, девушки-служанки, пастухи, конюхи, продавщицы лаванды, прачки и многие другие социальные типы определяли будничную жизнь города, вскоре приобретшего славу “столицы феаков”¹. Трудовая мораль этих плебейских компаний была типично доиндустриальной. “Обычный человек в Вене — не друг упорному труду”, — отмечал в 80-х гг. XVIII в. Фридрих Николаи, гость с далеко уже ушедшего вперёд Севера Германии².

Плебейская культура определяла и характер общественного поведения населения этой эпохи. Его представления о социальной справедливости предусматривали, что все, относящиеся к низшим слоям, должны иметь достаточный заработок. Если высшие классы нарушали эту “нравственную экономику”³, поднимался народный гнев. Наиболее частой причиной для социального протеста были нарушения торговцами и промышленниками “справедливых цен”. Обычно протесты принимали форму “беспорядков” и “кошачьих концертов”⁴. Женщины, работавшие в надомной промышленности, на мануфактурах и первых фабриках, активно участвовали в этих “беспорядках”. Памфлеты консервативных хроникёров революции 1848 г. с карикатурным изображением событий отмечены особой ненавистью и отчётливым сексистским или порнографическим оттенком⁵.

¹ *Bauernfeld E.v.* Ausgewählte Werke in vier Bänden / Hg. E. Horner, Bd. I. S. 59. Цит. по: *Ehmer J.* Familie // Historische Familienforschung / Hg. M. Mitterauer u. R. Sieder. S. 300 ff.

² *Nikolai F.* Beschreibung einer Reise durch Deutschland u. die Schweiz im Jahre 1781. Berlin, 1783–1786.

³ См. к понятию: *Tompson E.P.* Die “sittliche” Ökonomie der Englischen Unterschichten im 18. Jahrhundert // Wahrnehmungsformen u. Protestverhalten. Studien zur Lage der Unterschichten im 18. u. 19. Jahrhundert / Hg. D. Puls. Frankfurt, 1979. 13 ff.

⁴ См.: *Thompson P.* “Rough Music”; Ginzburg, Charivari.

⁵ См. к этому: *Steiner H.* K. Marx in Wien. Die Arbeiterbewegung zwischen Revolution und Restauration 1848. Wien, 1978. 160 f.

В ходе промышленной революции (для Вены это период с начала XIX в. до “большого краха” 1873 г., с наивысшим подъёмом в 50–60-х гг.¹), переработка шёлка быстро потеряла значение. Предприниматели вывели мануфактуры за черту города и основывали новые текстильные фабрики в районах Винер Бекен, богатом водными ресурсами, и Моравии с её дешёвой рабочей силой². Паровых машин в Вене сначала было немного. Если сопоставимые по размеру крупные города, например, Берлин, индустриализировались на основе внедрения работавших на угле паровых двигателей, то Вена испытывала трудности с транспортировкой угля. Специфика строительства в плотно заселённом городе не позволяла возводить большое количество зданий с паровыми машинами. Вероятно, к замедлению индустриализации также не в последнюю очередь вёл страх некоторых фабрикантов перед выступлениями рабочих против быстрой механизации. Во всяком случае, ещё в 1870 г. некоторые текстильные заводчики мотивировали перенос своих предприятий в Моравию тем, что “отношения с рабочими в Вене становились всё труднее и беспокойнее”³.

Экономическую структуру города определяли теперь мелкие пошивочные, дерево- и металлообрабатывающие мастерские. Капиталистические принципы (устранение цеховых ограничений, максимизация прибыли) постепенно изменяли и характер мелких промыслов, сохраняя в них, однако, соответствовавшее домашнему праву устройство. Число рабочих существенно возросло. К 50-м гг. население Вены, включая пригороды, утроилось по сравнению с началом индустриализации⁴, но в этом процессе семейное производство значения не имело. Большинство рабочих пришло в столицу, ничего не имея, из Богемии, Моравии и Силезии. Часть из них жила у мастеров и работодателей, другие жильё снимали; нередко, чтобы меньше платить, несколько рабочих вместе — узкую комнату или койку (“Bettgeher”, на прусский манер — “Schlafgänger”)⁵. В таких обстоятельствах нечего было и думать о браке и устройстве семьи. Сравнительно немногочисленный слой “фабричных рабочих” текстильных предприятий состоял преимущественно из деву-

¹ Ср.: *Matis H. Österreichswirtschaft 1848–1913. Konjunktuelle Dynamik und gesellschaftlicher Wandel im Zeitalter Franz Jozef I.* 1972. 19.

² Ср.: *Ehmer J. Familienstruktur...* 63 f u. 66 f.

³ *Die Großindustrie Österreichs. Festgabe zum fünfzigjährigen Regierungsjubiläum des Kaisers Franz Jozef I., dargebracht von den Industriellen Österreichs.* Wien, 1898. Bd. 4.S. 48.

⁴ *Ehmer J. Familienstruktur...* S. 60, табл. 13.

⁵ Ср.: *Ehmer J. Wohnen ohne eigene Wohnung. Zur sozialen Stellung von Untermietern u. Bettgehern // Wohnen / Hg. L. Niethammer.* 132 ff.

шек и овдовевших женщин, также в основном снимавших жильё. Доля женатых в составе населения Вены поэтому была низкой, в 1856 г. лишь 27%¹. Брачный возраст значительно превышал тот, который был в период надомной промышленности в начале столетия. Перспективы вступления в брак сохраняли рабочие немногих специальностей. Почти треть рабочих и домашних слуг не могла вступить в брак и завести хозяйство². Среднее число имевших общий дом рабочих достигало в 50-е и 60-е гг. XIX в. наивысшего уровня за счёт тех, кто жил вместе, снимая угол или койку³.

В отличие от текстильных городов Ланкашира и других промышленных регионов венские рабочие в периоды повышенной миграции *не* образовывали сложных форм семьи. Рабочие, сумевшие вступить в брак, жили, как и в 1815–1848 гг., преимущественно *небольшими семьями*. Йозеф Эмер объясняет это тем, что в отличие, например, от Ланкашира, в Вену приезжали не семейные, а преимущественно одинокие рабочие. Лишь изредка они могли найти приют у родственников. Только в первые десятилетия XX в. в семьях рабочих второго и третьего поколения стал заметен рост сложных форм семьи⁴.

Примерно половина всех родившихся в эти десятилетия в Вене были рождены вне брака. В большинстве своём они оказались в *приютах* или у *приёмных родителей* в деревне. Таким образом, все новые волны приезжих в поисках работы попадали в город, а детей своих отдавали в приюты, в деревню, где те едва ли могли впоследствии обрести приемлемые для жизни условия и вновь были вынуждены уезжать в центры городской промышленности. Пролетариат, лишённый семейной жизни, осуществлял самовоспроизводство, так сказать, окольным путём. Это было исключительно выгодно для стремительно развивавшихся и богатеющих предпринимателей и промышленников. Заработную плату они могли держать на низком уровне. Рабочий, не имевший своего дома, свободный от необходимости кормить жену и детей, стоил дёшево. Машинное производство не предъявляло высоких требований к квалификации массы рабочих. К тому же, зависимость одиноких рабочих от домашнего права подчиняла их приветствовавшемуся буржуазией социальному контролю государства.

Только во время “Великой депрессии” и перехода к более высокому уровню индустриализации в течение двух последних десятиле-

¹ Ср.: *Ehmer J. Familienstruktur...* S. 41, табл. 2.

² *Ibid.* S. 101.

³ *Ibid.* S. 99 и табл. 22, 100.

⁴ Ср.: *Pirhofer G. u. Sieder R. Zur Konstitution der Arbeiterfamilie im Roten Wien // Historische Familienforschung / Hg. M. Mitterauer u. R. Sieder. S. 326 ff.*

тий XIX в. в Вене определённо усилились позиции новых ведущих промышленных отраслей — машиностроения, электротехники, химической промышленности, транспортного машиностроения. Постепенно в условиях роста “монопольного капитализма”¹ (слияния предприятий, образования картелей) установилось преобладание средних и крупных заводов и фабрик. Вена, подобно Берлину, стала центром производства высококачественных изделий². Хотя на мелких предприятиях, прежде всего в старых пригородах, всё ещё была занята большая часть рабочего класса, его структура существенно изменилась. Значительно сократилось число ремесленников, продолжавших нанимать себе рабочих “с питанием и квартирой” (столяры, слесари, обслуживание приезжих). Мелкие промышленники, которых конкуренция и разоряла, и заставляла шевелиться, нанимали и давали прибежище большому числу учеников (ученические цехи). Число взрослых рабочих, живших в доме работодателя, однако, сократилось³. Большая часть рабочих, снимавших доселе углы и койки, ушла в новые отрасли промышленности. Капиталистические отношения свободного найма рабочей силы окончательно побеждали. Значение семьи для рабочих возросло. Новая фабричная администрация предъявляла высокие требования к рабочим. Доля квалифицированных рабочих-специалистов в новых отраслях росла, доля женщин — сокращалась⁴. Специалисты в производстве машин и оборудования, а также часовщики, мастера-гравёры и т.п. уже в 50-х и 60-х гг. XIX в. стекались в Вену со всех концов Европы. Вместе с местными венскими квалифицированными рабочими, традиционно, с ремесленных времён занятых изготовлением машин и оборудования (“механики”), они образовали новую пользующуюся уважением *рабочую аристократию*. Значение профессионального образования росло, при найме учеников явное предпочтение отдавали детям из семей квалифицированных рабочих. В жизни промышленных рабочих-специалистов появился период ученичества, во время которого молодёжь преимущественно жила у своих родителей. Теперь социализация ученика проходила в родной семье специфическим для рабочего класса образом, отличным от того, что был известен приехавшему в юности в город, оторванному от привычной среды рабочему.

¹ Ср.: *Matis H.* Wirtschaft. S. 341.

² Ср.: *Matis H., Bachinger K.* Österreich industrielle Entwicklung // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. I: Die wirtschaftliche Entwicklung. Wien, 1973. S. 105 ff., hier 145 ff.; для Берлина см.: *Baar L.* Die Berliner Industrie in der industriellen Revolution. Berlin, 1966. S. 132 ff.

³ Ср.: *Ehmer J.* Familienstruktur... S. 169.

⁴ Ibid. S. 82, табл. 19; в целом см.: *Grebing H.* Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. München, 1970. S. 49.

В условиях зрелой индустриализации возросло число браков. Доля женатых лиц, достигшая в 1900 г. 33% населения, впервые поднялась до уровня конца XVIII в.¹ Всё большее число рабочих заводило семью, брачный возраст резко снизился, особенно у мужчин². Одновременно сократилось среднее число детей в семье³. Наметился принципиальный сдвиг в её структуре. В семью был перенесён центр воспроизводства индустриальных рабочих. Скоро это стало реальностью для большей части рабочих, которые сами выросли в *рабочей семье*.

Тем самым семья рабочих в Вене вступила в фазу консолидации. Угрозы её существованию (детский труд, безработица, жилищная нужда) стали главными составляющими социального вопроса конца XIX — начала XX вв. Организованное рабочее движение с конца 60-х гг. начертало на своих знамёнах лозунг борьбы за достойные человека условия существования рабочих. Создание материальных и культурных условий стабильной семейной жизни стало их перво-степенной целью. *Политика* в отношении семьи оказалась в числе главных для государственных и городских властей. Процесс консолидации протекал не без неудач и издержек. Первая мировая война, остановившая на время течение мировой истории, угрозы тысячам рабочих семей, вызванные мировым экономическим кризисом, фашизм, Вторая мировая война и послевоенная нужда вновь и вновь возвращали рабочих, как будет показано ниже, к допромышленным семейным экономическим стратегиям выживания. Тогда приходилось оставлять уже отвоёванное для развития личности пространство ради того, чтобы усилиями семьи преодолеть невзгоды.

2.2. Семьи горных рабочих

В некоторых отраслях горной промышленности (добыча соли, железной руды и руд ценных металлов) происхождение наёмного труда уходит корнями в средневековье⁴. Однако наёмный труд в горном деле всегда был тесно переплетён с сельскохозяйственными занятиями. В железорудной промышленности добыча и выплавка руды в течение всего средневековья вплоть до нового времени были привязаны к крестьянским наделам. Они должны были по меньшей мере частично покрывать потребность в продуктах питания горнорабочих. В производстве соли право добычи и изготовления было связано с так называемым “рабочим леном”, который гарантировал

¹ Ср.: *Ehmer J. Familienstruktur...* S. 41. Табл. 2.

² Там же. С. 171 и 43, табл. 3.

³ Там же, С. 49. Табл. 7.

⁴ Ср.: *Mitterauer M. Produktionsweise, Siedlungsstruktur und Sozialformen im österreichischen Montanwesen des Mittelalters und der frühen Neuzeit* // Он же. *Grundtypen*. 176 ff.

существование горнорабочих в смысле обеспечения их продуктами питания. Даже в железорудной промышленности пытались установить возможно тесные связи с сельским хозяйством. Снабжение горнорабочих только через слаборазвитые рынки было ещё слишком рискованно. Всё это оказывало многостороннее влияние на семейную жизнь горнорабочих. Тесные связи с дающим средства к существованию сельским хозяйством поначалу способствовали близости их положения положению деревенских низов. О влиянии индустриализации горного дела на семейную жизнь с середины XIX в. имеются старые и новые исследования, относящиеся к Рурской угледобывающей области и английским, валлийским, бельгийским, силезским и моравским регионам горного дела¹.

В положении рабочих этих регионов обнаруживается одна общая черта. В XVIII — начале XIX в. они ещё работали преимущественно в неурбанизированных, сельских или полусельских регионах. Мелкие подсобные хозяйства и собственные огороды часто позволяли вести двойную экономику. Помимо заработной платы от горнодобычи семьи горняков удовлетворяли значительную часть своих потребностей в продуктах питания за счёт небольших полевых хозяйств (экономика самообеспечения), или, по крайней мере, за счёт огородничества и содержания мелкого скота. Они были меньше подвержены экономическим кризисам, что обуславливало формирование специфически “сословного” непролетарского созна-

¹ Ср.: *Arbeiterverhältnisse in Ostrau-Karwiner Steinkohlenreviere. Auf Grund von Erhebungen über die Lage der Bergarbeiter...*, dargestellt vom k.k. Arbeitstatistischen Amte im Handelsministerium. II. Teil. Lebens- und Wohnungsverhältnisse. Wien, 1906; *Tensfelde K.* Sozialgeschichte der Bergarbeiterschaft an der Ruhr im 19. Jahrhundert. Bonn, 1981; *Heines M.R.* Fertility, Nuptiality and Occupation: A Study of Coal Mining Populations and Regions in England and Wales in the Mid-Nineteenth Century // *Journal of Interdisciplinary History*. 1977. № 84. P. 245 ff.; Он же. Fertility, Marriage and Occupation in the Pennsylvania Antracite Region 1850–1880 // *Journal of Family History*. 1977. № 23. P. 28 ff.; *Wrigley E.A.* Industrial Growth and Population Change: A Regional Study of the Coalfield Areas Northwest Europe in the Later 19th Century. Cambridge, 1961; *John A.V.* Scratching the Surface: Women, Work and Coalmining in England and Wales // *Oral History. The Journal of the Oral History Society*. № 10. 1982. P. 13–26; *Brüggemeier F.-J.* u. *Niethammer L.* Schlafgänger, Schnapskasinos u. schwerindustrielle Kolonie. Aspekte der Arbeiterwohnungsfrage im Ruhrgebiet vor dem Ersten Weltkrieg // *Fabrik, Familie, Feierabend. Beiträge zur Sozialgeschichte des Alltags im Industriezeitalter* / Hg. J. Reulecke u. W. Weber. Wuppertal, 1978. S. 135 ff.; *Zimmermann M.* Ausbruchshoffnungen. Junge Bergleute in den dreißiger Jahten // “Die Jahre weiß man nicht, wo man die heute hinsetzen soll”. Faschismuserfahrungen im Ruhrgebiet / Hg. L. Niethammer. Berlin 1983, S. 97–132; *Einfeldt A.-K.* Auskommen — Durchkommen — Weiterkommen. Weibliche Arbeitserfahrungen in der Bergarbeiterkolonie // L. Niethammer. “Die Jahre weiß man nicht”, S. 267–296.

ния. Как следствие, горнорабочие раньше женились и имели больше детей, чем другие группы рабочих. В XIX в. в результате роста продолжительности жизни и тесной связи с домом они чаще жили семьями, состоящими из трёх поколений. Как правило, они заключали браки в собственной среде и передавали по наследству из поколения в поколение небольшое имущество.

С индустриализацией горной промышленности, начавшейся в середине XIX в., пришли перемены, которые, хотя и не могли существенно изменить образ жизни давно утративших мобильность семей горнорабочих, но вовлекали массы приходивших в отрасль рабочих, в такой образ жизни, который можно назвать “промышленно-пролетарским”. *Постепенный переход* от доиндустриальных к индустриальным условиям труда и их последствия для семейной жизни горнорабочих можно рассмотреть, в частности, на примере Рурской области.

Семьи горнорабочих в Рурской области. Первыми рабочими-горняками в Руре были коттеры и мелкие крестьяне, которые зимой закладывали “штольни”, “шахты”, раскапывали их в поисках угля, часть которого использовали сами, а оставшееся продавали. Если продажа угля давала хорошие доходы, то коттер или мелкий крестьянин становился горняком — “крестьянином-горняком”. Правовая норма свободы горнодобычи и право первооткрывателя благоприятствовали укреплению связей крестьянского хозяйства и горных работ, поскольку до внедрения машин потребность в капиталовложениях оставалась низкой¹.

В первой половине XIX в. многие крестьяне, прежде всего в районах горнодобычи южнее Гессена и Бохума, чтобы иметь побочный заработок, становились горняками. Здесь рудники были небольшими. Обычно на них работало не более двадцати человек. Только в 60-х гг. отдельные рудники достигли размеров крупных предприятий. Горняки, имевшие дом и небольшое подсобное хозяйство, зачастую обладали удивительной финансовой силой, которая объясняется сочетанием продовольственного самообеспечения с денежными доходами горного промысла. Нередко неимущие подёнщики на доходы от горного дела покупали землю и становились домовладельцами: “Подёнщик К.Д. Петц, сын горняка Петца из Швельма, обосновался в 1812 г. в Штокумской общине и построил в 1815 г. дом на своём участке. Его сын Йоганн Хайнрих, также горняк, расширил владения, прикупив земли в 1832 г. (вместе с домом), в 1841, 1844, 1849 и 1855 гг. и передал всё имущество сыну Вильгельму”².

¹ *Tenfelde K. Sozialgeschichte... S. 115.*

² Цит. по: *Tenfelde K. Sozialgeschichte... S. 117.*

Размер земельных наделов горняков редко превышал шесть моргенов (1,5 га — прим. пер.). На земле работали вместе с жёнами и детьми. Построенные горняками дома-фахверки едва ли отличались от домов крестьян. Они состояли из жилого помещения, хлева и амбара. Жилище было убогим, обставлялось лишь самым необходимым¹. Мы располагаем ярким описанием интерьера шахтёрского дома из одного верхнесилезского промышленного округа. Дома горняков в Рурской области, по-видимому, существенно от него не отличались.

“Ну кто теперь знает о состоянии большинства сельских жилых домов в верхнесилезском промышленном районе: деревянные, без подвалов, покрытые соломой и дранкой, почти всегда из одной комнаты, тёмной каморки, узкой крохотной задней комнатки и загонном для скота, подчас ютящегося в мирном сообществе с человеческими обитателями дома; грязь в доме и вокруг него, непокрытый досками глиняный пол, комнаты, жарко натопленные железными печками и плитами, раскалёнными зимой и летом, ибо кухонь нет, а угля в избытке (натуральная оплата углём — Р.З.), наполненные испарениями кислой капусты и тухлого мяса, с коптящими масляными лампами и маленькими окошками”².

В описании шахтёрского жилья отразились черты двойной экономики: внутренний хозяйственный двор отделял жилую часть от хлева с его грязью и запахами. Под крышей часто были чердаки, которые позднее, при переходе семей от сельского хозяйства к занятиям только наёмным трудом, легко переделывались в комнаты для сдачи внаём. Эти дома долго оставались образцом строительства жилья для рабочих в деревнях и мелких городках. Сочетание жилья и хозяйства сохранялось в рудиментарных формах до начала XX в. и только переход к “чистому” наёмному труду промышленных рабочих позволил приспособить их к изменившимся условиям. Тогда огородничество из работы, обеспечивающей существование, становилось занятием в свободное время³.

¹ Там же. S. 117; в целом см.: *Treue W. Haus u. Wohnung im 19. Jh // Städte-, Wohnungs- u. Kleidungs-gygiene d. 19. Jhs. in Deutschland / Hg. W. Artelt. Stuttgart, 1969. S. 34 ff.; Teuteberg H.J. u. Wischermann C. Wohnalltag in Deutschland 1850–1914. Münster, 1985. Сочб. 201 ff.*

² *Schlockow J. Der oberschlesische Industrie-Bezirk mit besonderer Rücksicht auf seine Kultur- u. Gesundheits-Verhältnisse, . Breslau, 1876. S. 23 f.*

³ Ср.: *Lange A. Das Wohnhaus im Ruhrkohlenbezirk vor dem Aufstieg der Großindustrie, Essen, 1942. Цит. по: Führ A. u. Stemrich D. “Nach getaner Arbeit verbleibt im Kreise der Eurigen”. Bürgerliche Wohnrezepte für Arbeiter zur individuellen u. sozialen Formierung im 19. Jahrhundert. Wuppertal 1985. S. 68 ff.; Lange I. Die Entwicklung des Bergmannshauses in Westfalen // Westfälische Heimatkalender. 1967. № 21. S. 113 f.*

Горные ведомства приветствовали сочетание сельского хозяйства и горных работ, так как оно могло обезопасить жизнь шахтёров в кризисные времена. На некоторых шахтах смены начинались с учётом требований сельского хозяйства, а горные работы иногда полностью останавливались во время страды¹. В начале XIX в. примерно 28–36% шахтёров были домовладельцами. Более половины шахтёров снимали комнаты или углы у крестьян или коттеджей. Многие горняки отработывали плату за жильё, участвуя в работах на земле. Отсюда ясно, почему владение своим домом с небольшим подсобным хозяйством являлось заветной целью молодых забойщиков и откатчиков. Гарантированный правом 8-часовой рабочий день в угледобыче (т.е. тот “нормальный рабочий день”, который промышленные рабочие завоевали только в начале XX в.!) позволял имевшим землю горнорабочим вести небольшое приусадебное хозяйство.

Экзистенциальная и ментальная связи горняков с землёй и сельским хозяйством как гарантией их существования долгое время сохраняла определяющее влияние на их политическое поведение. Горнорабочие, владевшие собственным домом и небольшим хозяйством, не считали себя частью промышленного пролетариата, жившего под угрозой обнищания. Не их заработная плата, вполне сопоставимая с заработной платой квалифицированных рабочих в металлообрабатывающей промышленности, а относительная обеспеченность продуктами питания спасала их от той нужды, которая всякий раз настигала другие группы рабочих после неурожаев и при трудностях со снабжением. Кроме того, небольшое подсобное хозяйство являлось экономической основой поддержания семейной идеологии “всего дома”: женщины и дети, включённые традиционным образом в сельское хозяйство, шахтер — *отец семейства* и непререкаемый “хозяин дома”, стоявший во главе этой семьи. Домохозяйства горняков обычно передавались по наследству из поколения в поколение. В результате возникало выраженное *домохозяйственное сознание*. Горняцкие селения находились в отдалении друг от друга, что благоприятствовало “относительной замкнутости шахтёрского домашнего хозяйства”² и тем самым замедляло классовообразование. В том же направлении действовала государственная политика времён ранней индустриализации. Мелкий характер горнодобывающих предприятий и правовой институт “рудокопов-единоличников” вели к тому, что значительная часть горнорабочих Рура (в отличие от промышленных наёмных рабочих) до второй трети XIX в. оставалась в плену старых семейно-хозяйственных форм жизни.

¹ *Tenfelde K. Sozialgeschichte... S. 117 f.*

² *Ibid. S. 120.*

До середины XIX в. шахтёрская смена набиралась исключительно из детей горных рабочих. Нанимая новых рабочих, администрация рудников предпочитала брать детей шахтёров. Если потребность в рабочей силе росла, то подёнщиков набирали из ближайших окрестностей рудников. Города Рура в 1815–1848 гг. ещё не привлекала большого числа переселенцев. Преобладали обычные для многих регионов формы сезонной миграции, как в сельском хозяйстве, так и в строительстве и добыче торфа¹. Дальних странствий Рурская область до 1850 г. почти не знала. Позднее здесь нельзя было встретить и явлений, о которых много говорили, — рабочих, оторванных от корней и родства не помнящих.

Формы оплаты труда способствовали сохранению семейно-хозяйственного сознания горнорабочих. Их было две: посменная и сдельно-аккордная. Сдельная оплата устанавливалась для групп горняков, “землячеств и товариществ забойщиков”. Она рассчитывалась или по добытому количеству, или длине разработанной угольной жилы в забое или пласте. Особенностью горного дела отныне стало установление заработной платы исходя из жизненных потребностей горняков как главного критерия. С 1819 г. заработная плата определялась договором властей, отвечавших за горнодобычу, и “горным товариществом” — характерным для горнодобывающей промышленности типом предприятия, возникавшего в результате объединения владельцев арендованного у государства рудника. Согласованные ставки заработной платы действовали в течение года, потом их пересматривали вновь. Горное управление — ведомство, “нейтральное” между горными товариществами и рабочими — пыталось с помощью так называемых присяжных горного округа составить точное представление о стоимости жизни в районе угольного бассейна. С 40-х гг. XIX в. в неё стали включать арендную плату, расходы на одежду. Только в 50-х гг. главное горное управление отказалось от принципа гарантированного обеспечения, на его место отныне, согласно капиталистической логике, пришёл порядок определения заработной платы как равнодействующей спроса и предложения².

¹ Ср. миграции “детей швабов” (Schwabenkinder) в Тироле и Форарльберге: *Uhlig O. Die Schwabenkinder aus Tirol u. Vorarlberg. Innsbruck, 1978*; ср. также так называемые “походы в Голландию”, т.е. сезонные подряды каменщиков, кирпичников или плотников, торфокопов, жнецов и сборщиков урожая в Голландию и в Северную Германию, обеспечивавшие существование безземельного населения: *Kuske B. Die wirtschaftliche u. soziale Verflechtung zwischen Deutschland und den Niederlanden bis zum 18. Jahrhundert // Deutsches Archiv für Landes und Volksforschung. Bd. I. 1937. S. 711 ff.*

² *Tenfelde K. Sozialgeschichte... S. 102 f.*

После преодоления финансового кризиса, вызванного революциями 1848 г. и почти не затронувшего горнорабочих с их только что описанным семейно-хозяйственным сознанием, в угольной промышленности начался продолжительный подъём. В угольном бассейне возникло множество новых горных товариществ и горнорудных акционерных обществ. В период наилучшей конъюнктуры рынка угля во всей Рурской области было открыто 85 новых шахт¹. Расширение подземной добычи вело к колоссальному увеличению производства угля. В различных шахтах бассейна теперь было занято от 400 до 700 рабочих. Экономический рост обусловил с середины XIX в. ряд существенных перемен для горнорабочих Рура.

В течение всего лишь нескольких лет в добыче угля и железной руды утвердились характерные для крупной промышленности структуры. С устранением властями принципов руководства, которым следовали ранее горные старшины, а также регулирования сбыта и ограничения производства началась *капиталистическая индустриализация горной промышленности*. Хотя технические усовершенствования вначале внедрялись медленно, темп роста рынка труда был взрывным. Только за шесть лет (1852–1857) количество горнорабочих на рудниках Рурской области удвоилось и достигло 30 000. Горное дело превратилось в массовое промышленное производство². Однако уже в 1857 г. впервые сообщается о вынужденных остановках работы шахт как следствия начавшегося в США торгово-финансового кризиса. В ответ было введено гибкое регулирование продолжительности рабочего дня и повышены нормы выработки. Сезонные колебания спроса на рабочую силу, начавшиеся тогда, благоприятствовали рабочим, которые сохранили небольшое приусадебное хозяйство. Они использовали летние перерывы в работе для собственного хозяйства. Только в конце 70-х гг. рынок рабочей силы стабилизировался благодаря созданию резервов и длительному спросу на уголь со стороны тяжёлой промышленности. В течение 60-х гг. постоянные заказы на поставки угля прежде всего со стороны сталелитейных предприятий, связанных со строительством железных дорог, поддерживали работу шахт даже в условиях дальнейшего падения цен³.

В середине XIX в. на работу в шахту приходили из ближайших окрестностей Рурского бассейна; исчерпание в 80-х гг. местного и регионального рынков рабочей силы заставило вербовать рабочих в районах Восточной Пруссии. Процесс их переезда шёл очень неровно, многие рабочие после длительного пребывания в районе уг-

¹ Ibid. S. 195.

² Ibidem.

³ Ibid. S. 197.

ледобычи посылали за своими семьями. Прежде чем окончательно осесть в Рурской области, они беспрерывно меняли места жительства и работы. В новых шахтёрских городах, таких как Оберхаузен, Хамборн и Херне, доля приезжих составляла в 80-х гг. 30% населения и больше. С наступлением нового столетия в некоторых городах она возросла даже до половины всех жителей¹. Это общее для 80-х гг. явление, свойственное зрелой индустриализации, в Рурской области приняло особенный размах. Даже небольшая разница в заработной плате была для горнорабочих причиной смены шахты. Клаус Тенфельде считает причинами этого “неконтролируемость производства во времена высокой конъюнктуры” и массовые увольнения в моменты кризисов “без планомерного создания резервов”².

Мотивы, определявшие решение ехать в угольный бассейн Рура, бросать хорошо знакомые места ради неизвестности и долгих лет странствий, вероятно, были связаны с желанием покинуть замкнутое пространство деревни и попытаться поднять низкий жизненный уровень: большинство переселенцев было из деревни. Многие вынашивали это желание годами, нужен был только повод, например, приезд агента по вербовке рабочих, чтобы трудное, менявшее дальнейшую судьбу решение было принято.

В годы промышленного бума (1870–1873 гг.) огромные массы рабочих впервые двинулись из провинций Восточной Пруссии в Рурскую область. Примерно с 1880 г. всё больше польских и мазурских горняков потянулось к Руру. В основном, в быстро расширявшиеся угольные шахты приезжали холостые или одинокие мужчины. Переселялись и целыми семьями. Тенфельде ссылается на перепись 1894 г., согласно которой 23 000 горняков, прибывших из-за границы (в первую очередь поляков и мазурцев), имели на содержании 36 000 членов семей, живших с ними, и 11 000 родственников, оставшихся на родине³. Таким образом, семейные и родственные связи при миграциях рабочих ни в коей мере не рвались тотчас же, а материальные и эмоциональные отношения сохранялись даже несмотря на большие расстояния.

Домохозяйства семей горняков в том виде, какими они были в Рурской области в первой половине XIX в., обычно были связаны с небольшими приусадебными хозяйствами, с реальной надеждой купить однажды домик и участок земли, с вовлечённостью женщин и

¹ Ср.: Croon H. Städtewandlung u. Städtebildung im Ruhrgebiet im 19. Jahrhundert // *Festschrift F. Hartung* / Hg. R. Dietrich u. G. Oestreich. Berlin, 1958. S. 289–306.

² Tenfelde K. Sozialgeschichte... S. 231.

³ Ibid. S. 234.

дстей, патриархальным положением отца и мужа — эта экономическая форма отцовских времён постепенно, с середины столетия, изживала себя под влиянием индустриализации и расширения горнодобычи, прежде всего в северной части Рура. После разрушения этого сочетания мелкого хозяйства на земле и горных работ ещё долгое время сохранялись элементы старых семейных мужских и женских воззрений и идеалов, пока они не пали под новым натиском индустриализации и урбанизации. При этом перестали действовать прежние, присущие экономике “всего дома”, нормы отношений¹, особенно те, что были связаны с ориентацией на приобретение, владение и передачу по наследству собственного дома. Именно они благоприятствовали с начала XIX в. образованию шахтёрских семей из трёх поколений. В южных областях Рурского бассейна до конца XIX в. бóльшая часть шахтёров всё ещё стремилась купить собственный домик с небольшим, размером до одного гектара, пригодным для обработки участком земли. В северном Руре резкий рост цен на землю сделал это невозможным. Даже для обычной покупки дома (без подходящей для хозяйства земли) динамика доходов с 70-х гг. создавала всё меньше предпосылок. Кто не успел построиться раньше, шансов на приобретение собственного дома почти не имел.

В городах Рурской области с середины XIX в. мы находим те самые условия, которые в расхожем представлении связаны с рабочим жилищем XIX в. — переполненные помещения, теснота, отсутствие света и воздуха. Сарай, мансарды, подвалы сдавались семьям рабочих. Мы видим здесь и “сухое жильё” — за “умеренную плату” снимались новые, ещё непросохшие постройки. Большинство снимавших жильё семей рабочих имело два, максимум — три помещения, включая кухню. В кухне готовили пищу и жили. Зимой она была большей частью единственным отапливаемым помещением. Здесь проходила бóльшая часть жизни семьи, здесь готовили пищу, ели и стирали. Здесь долгими вечерами мужчины играли в карты, дети делали домашние уроки и т.п. Спальню родители делили со своими детьми. В супружеской постели вместе с родителями часто спал самый младший, два-три ребёнка делили другую кровать. Третья комната, если она была, либо отдавалась старшим детям, либо сдавалась одному или нескольким постояльцам. Реже она служила парадной комнатой с лучшей мебелью, изображением богоматери или святых на стене и т.п. В этом случае ею пользовались по праздникам и дням семейных торжеств, в ней не жили².

¹ Ср.: *Deen B. van u. Valtmann A. Die ländliche Familie unter dem Einfluß von Industrienähe u. Industrieferne. Berlin, 1961. S. 95 f.*

² Ср. между прочим: *Wollenweber Dr. Mängel im Wohnungswesen im westfä-*

Холостые шахтёры, сыновья горняков, покинувшие свои родные семьи, но прежде всего приезжие рабочие составляли армию “снявших жильё с обедами” лиц, о которых для периода зрелой индустриализации есть данные из большинства промышленных районов Центральной и Западной Европы. Девушки, уехавшие из родных домов в город, находили в угольных и железорудных бассейнах преимущественно место прислуги и жили в домах работодателей.¹ Для многих семей рабочих взять в дом постояльца было желательной возможностью дополнительного дохода от сдачи комнаты или койки внаём. Это являлось своеобразной формой перераспределения доходов между сравнительно хорошо зарабатывавшими холостыми рабочими и семьями рабочих с их существенно более низким в расчёте на одного члена семьи достатком².

Для большинства этих холостых парней и мужчин не было ничего непривычного в том, чтобы жить в чужом доме, особенно если они выросли на селе. Было повсеместно принято (см. гл. I), что дети деревенских низов рано покидали родительский дом и батраками или подёнщиками вместе с другими молодыми парнями спали в комнатах для прислуги, хлеву или флигеле для работников. Как только дети рабочих вырастали и начинали вносить вклад в семейный доход, состояние семейного бюджета большей частью улучшалось настолько, что можно было отказаться от сдачи внаём комнаты или койки. Следует помнить, что доля семей, имевших постояльцев, в 1900 г. определённо превышала 20%. Среднестатистически в 1901 г. каждый второй дом в угольном бассейне давал приют постояльцу. Доля снявших койку среди горняков составляла в начале века вплоть до Первой мировой войны примерно 21%. Только в одной горнодобывающей промышленности в 1914 г. должно было быть примерно 80 000 рабочих “на постое”. Франц Й. Брюггемайер и Лутц Нитхаммер, отмечая эту открытость семей рабочих для посторонних лиц, говорят о “полуоткрытой семейной структуре”³. С уверенностью можно сказать, что практика “сдачи угла внаём” у горняков, как и в среде других рабочих в конце XIX — начале XX в. помогала преимущественно молодым переселенцам стать на ноги и постепенно адаптироваться к новой жизни и работе⁴.

lischen Industriebezirk u. ihre Bedeutung für die Ausbreitung von Infektionskrankheiten. Berlin, 1913, 4; ср. также: Gegen die “gute Stube” // Courier. Publikationsorgan des Deutschen Transportarbeiter-Verbandes Berlin. 1915. № 19. S. 189.

¹ *Brüggemeier F.-J. u. Niethammer L. Schlafgänger... S. 152.*

² *Tenfelde K. Sozialgeschichte... S. 329.*

³ *Brüggemeier F.-J. u. Niethammer L. Schlafgänger... S. 153.*

⁴ Аналогично доказывают J.K. Model u. T.K. Hareven. *Urbanization and the Malleable Household. An Examination of Boarding and Lodging in American*

Семьи, которые сдавали внаём комнаты и углы, получали существенную прибавку к доходу: получая деньги за одно или несколько спальных мест, женщины за отдельную плату стирали, штопали и чинили бельё постояльцев. Управление рудников терпимо относилось к “сдаче комнат”. Часто при вербовке новой рабочей силы это даже преподносилось как выгодное для семей горнорабочих дело¹.

В канун нового столетия в горнодобывающих районах Рура обострилась жилищная проблема. Между 1890 и 1913 гг. ежегодно прибывало около 15 000 новых шахтёров. Переселенцы проявляли исключительно высокую мобильность и в самой Рурской области. Частая смена шахт объяснялась их стремлением повысить доходы. Их подвижность заставляла предпринимателей сманивать друг у друга квалифицированных рабочих и создавать преимущества “верным” работникам. Один из наиболее надёжных способов привязать рабочих к “своим” шахтам предприниматели видели в строительстве принадлежащего предприятию жилья. “Сооружение хороших квартир для рабочих является в Рурском угольном районе лучшим и единственным средством вернуть рабочих к осёдлости и ограничить чрезвычайно сильную текучесть кадров со всеми её экономическими и социальными последствиями”².

Администрация рудников была прежде всего заинтересована в холостых и готовых к большим нагрузкам рабочих. Чтобы привлечь их и по возможности удержать, она возводила большие спальные дома и общежития, которых в 1870 г. в Рурском бассейне было примерно 35. Она не в последнюю очередь в связи с крупной забастовкой 1872 г. начала и строительство жилых домов для рабочих на принадлежащих рудникам землях. Прежде всего на севере Рурской области, с особенно отсталой инфраструктурой, владельцы рудников считали необходимым сооружать жильё для рабочих, чтобы иметь квалифицированные кадры, крепко связанные с предприятием. В 1901 г. примерно 21% всех шахтёров жили в квартирах, принадлежащих рудникам, в 1914 г. их доля составляла уже 35%, а в 1919 г. возросла до 40%³. Это значило, что жильё было предоставлено почти трём четвертям миллиона человек.

Вокруг угольных шахт возникли новые посёлки горнорабочих. В рудиментарной форме здесь сохранились традиции ведения домашнего хозяйства вроде пристрастия горняков к домашним садикам, содержанию “шахтёрских коз” или мелких животных. Жилищ-

Families / Journal of Marriage and Family. 35. 1973. P. 467–479; ср. также: Ehmer J. Wohnen. S. 132 ff.

¹ Из воззвания одного из агентов. Цит. по: Brügemeier F.-J. u. Niethammer L. Schlafgänger... S. 155.

² Hundt R. Bergarbeiterwohnungen in Ruhrrevier. Dortmund, 1902.

³ Brügemeier F.-J. u. Niethammer L. Schlafgänger... S. 155.

ные условия в этих посёлках эпохи грюндерства выражали уже перемены быта шахтёров, всё более походившего на присущий наёмным промышленным рабочим. За фабричную квартиру платили меньше, чем за подобное жильё на свободном рынке. Часто вместе с квартирой давали садик, где жена шахтёра выращивала овощи. Фабричные квартиры обычно располагались вблизи от места работы, что сэкономило время и деньги на дорогу. Современники-буржуа полагали, что строительство рабочих посёлков не только способствовало прекращению постоянных переездов шахтёров, но позволяло вытеснить традиционные формы общения в трактирах и пивных¹ высоко ценимой семейной жизнью.

“Квартиры принесли в семьи рабочих счастье, это бесспорно... Рабочий, которого раньше случай и настроение заставляли мотаться по всему округу, обрёл постоянное место жительства, ему больше не надо ютиться в переполненных, нездоровых помещениях, где и старые, и молодые, и несколько семей — все вместе, а свою потом добытую заработную плату — отдавать на совместную пьянку. Ему и его семье начинает нравиться жизнь в четырёх стенах, трактир теряет привлекательность, жена проявляет очевидное рвение, чтобы не отстать от своих соседок в чистоте и порядке, скромная роскошь предметов домашнего обихода и одежды становится при улучшении заработков потребностью, и таким образом развивается, хотя и медленно, из полуживотного существования достойная человека жизнь”².

Однако, получая одну из этих новых квартир, семья шахтёра попадала в зависимость от их владельцев. Служебные квартиры были подходящим средством, чтобы привязать рабочих к интересам горнодобывающих предприятий. После опыта забастовок 1872 г. соответствующие параграфы в договорах на аренду квартир содержали угрозу изъятия жилья за участие в стачках. Поэтому “благотворительные кандалы” квартир, принадлежащих шахтам, позднее постоянно критиковались деятелями рабочего движения³.

Созданные в Рурской области новые посёлки, подобно посёлкам в большинстве западно- и центральноевропейских бассейнов бурого и каменного угля, состояли из длинного ряда домов, выстроенных в одну линию. С начала века при строительстве домов для рабочих стали учитывать идеи, возникшие в связи с движением за создание городов-садов: преобладали отдельные, производившие скорее впечатление сельских, дома на две, четыре или шесть квартир.

¹ Там же. С. 158 и сл.

² *Schlockow J.* Op. cit. S. 24 f.

³ *Tenfelde K.* Sozialgeschichte... S. 331; ср. также: *Dehn P.* Neue zue Arbeiterwohnungsfrage. Kap. V: Wünsche und Bedürfnisse der Arbeiter // *Concordia. Zeitschrift des Vereins zur Förderung des Wohles der Arbeiter.* Mainz, 1892, Nr. 294 (24.3.1892). S. 1426 f; *Schlockow J.* Op. cit. S. 24 f.

Можно предположить, что владельцы крупных горнодобывающих предприятий стремились следовать тому “устойчивому” домохозяйственному сознанию горнорабочих, которое сложилось до индустриализации горного дела в середине XIX в., и не в последнюю очередь затем, чтобы дать отпор угрожавшим “опасностям” социального возмущения, политического протеста и формирования рабочего класса.

Но именно в посёлках возникала возможность образования среди соседей новых структур взаимной поддержки. Налаживание отношений с соседями было прежде всего женской заботой. Одалживание предметов домашнего обихода и присмотр за соседскими детьми, участие соседей в семейных праздниках (крещениях, свадьбах) и похоронах создавали особый житейский мир посёлков, отмеченный солидарностью и готовностью к взаимной помощи. Эти тенденции усиливались и впоследствии, прежде всего в кризисные 30-е гг. XX столетия. Совместная работа в огороде, дворы и территория между домами, где обменивались новостями и разговаривали, создавали особый климат общения соседей и служили средствами взаимного социального контроля. Семья горнорабочего, отказавшись от сдачи внаём жилья, сохраняла прежнюю открытость для соседей и коллег и тем самым восполняла дефицит культурной инфраструктуры, возникший в ходе стремительного роста населённых пунктов Рурской области.

Семьи шахтёров в Моравско-Остравском угольном бассейне. В Моравско-Остравском¹ угольном бассейне в 1900 г. также едва ли не половина из более чем 30 000 были местного происхождения. Треть приехала из Галиции и Силезии, особенно в последнее десятилетие XIX в., когда население Остравского угольного бассейна увеличилось на 54,5%². Четверть, преимущественно молодых и незамужних работниц, составлявших около 6% остравских горняков, также жили ранее в Галиции. Доля не говоривших на немецком языке среди шахтёров была значительно выше, чем у остального населения региона. 62,1% всех горнорабочих говорили на польском, 34,2% — на чешском и словацком и только 1,4% — на немецком языках³.

Переселенцы из Галиции, более, чем выходцы из других мест, приходили в район бассейна, не имея практически ничего, босыми, с небольшой поклажей. Большинство из них находило первое пристанище, снимая койку у уже обжившихся земляков. Получалось так, что отдельные дома и даже группы домов были населены почти

¹ Arbeiterverhältnisse... S. 14.

² Перепись населения от 31 декабря 1900 г. в Моравско-Остравском политическом округе. Цит. по: Arbeiterverhältnisse... S. 15.

³ Там же. S. 104.

исключительно рабочими из Галиции. Здесь переселенцы сохраняли родной польский язык и жизненные привычки. Этническая сегрегация замедляла процесс образования классового самосознания у рабочих. Долго сохранялись и связи с родиной. Молодые холостые рабочие в первую очередь использовали скидки на железнодорожные билеты, чтобы по большим праздникам (Рождество, Пасха, Троица) ездить к себе на родину, в Галицию. Другие рабочие, родом из близлежащих деревень, бывали дома каждые два–три месяца, чтобы отдать в починку и чистку своё платье и бельё матерям и сёстрам, привести копчёного мяса, хлеба и других продуктов питания¹.

Примерно 30% шахтёров в Остравском угольном бассейне в 1900 г. происходили уже из семей горнорабочих, почти 25% были не имевшими наследственных прав выходцами из крестьянских семей, 36% — из семей большей частью неквалифицированных промышленных рабочих, остальные — из семей подёнщиков. Работницы, согласно закону 1884 г., трудившиеся исключительно подённо², набирались почти наполовину из семей горнорабочих. В основном это были незамужние, моложе 25 лет женщины. 60% жили в доме родителей, 40% снимали койку в частных домах.

Только небольшая часть (7,7%) шахтёров Остравы имела собственные дома. 28% снимали койку в частных домах, часто одну на двоих. Они пользовались одной постелью, так что один спал днём, а другой — ночью, в зависимости от работы в дневную или ночную смену³. Только 6% всех холостяков жили в одном из принадлежавших шахте “ночлежных домов”. То, что большинство молодых неженатых шахтёров, снимая койку, предпочитало общим спальням принадлежащих предприятию “рабочих казарм” нередко очень стеснённые условия, моравско-остравский окружной врач объясняет “возможностью половых контактов с женщинами из семьи квартиросдатчика”⁴. Эти половые контакты часто происходили в присутствии детей. Чувство стыда снижалось и потому, что ежедневно созерцали обнажённое тело мывшегося шахтёра. Сдача внаём коек, ставшая особенностью угольных бассейнов из-за высоких цен на жильё и продукты питания, стала рассадником “алкогольной чумы” и “морального разложения семьи”. В происходивших не только в пивных, но и дома “попойках” участвовали и жёны шахтёров. Пили главным образом 30–35-градусную водку. Даже младенцам часто

¹ См. отрывок из работы императорского королевского окружного врача в Моравской Остраве д-ра Х. Кана: *Kaan H. Über die Arbeiterverhältnisse im Ostrau-Karwiner Reviere // Arbeiterverhältnisse... S. 3.*

² Параграфы 1 и 2 закона от 21 июня 1884 г., R.G.Bl. Nr. 115. О занятости рабочих-подростков и женщин. Цит. по: *Arbeiterverhältnisse... S. 3.*

³ Там же. S. 66.

⁴ Там же. S. 107.

ливали спиртное как лекарственное и успокоительное средство. Множество лавок в шахтерских поселениях торговало прежде всего спиртным¹.

Чрезвычайно высокая доля снимавших койку рабочих (28% их общего числа) не в последнюю очередь обуславливалась тем, что почти половину рабочих составляли холостяки до 30 лет. Молодые неженатые рабочие не могли себе позволить снимать квартиру². Напротив, в возрастной группе старше 30 лет почти все шахтеры (90–95%) были женаты. Брачный возраст был равен 23–27 годам. После женитьбы рабочие, как правило, переезжали на частную или принадлежавшую предприятию квартиру. Вследствие низкого среднего возраста шахтеров подавляющее число детей в их семьях было моложе 14 лет. Более старшие дети, как правило, покидали дом родителей.

Большинство домовладельцев (85%), чтобы построить или купить дом, обычно брали в долг. Поэтому почти половина из них была вынуждена сдавать комнаты или койки молодым, холостым рабочим. Но и те рабочие, которые снимали квартиру, брали "кочников", чтобы расходы на жильё были не столь тяжелы и чтобы компенсировать их доходами в семейный бюджет. Так поступал почти каждый четвертый квартиросъемщик³. Большинство квартир состояло из одного-единственного помещения. За неё семья в 1900 г. платила от 5 до 15 крон. За койку квартиросъемщики требовали плату от 2 до 4 крон в месяц. Приведём в качестве примера одно из многочисленных "индивидуальных описаний" шахтерских квартир (Острова):

"...Полуподвальная квартира откатчика Станислава Й. Пристанище размером 16,6 кв. м, сводчатый подвальный потолок, с наибольшей высотой только 1,8 м, с тремя очень маленькими окошечками, едва позволяет прямо стоять даже людям среднего роста. В этом помещении живёт супружеская пара с двухмесячным младенцем, двумя "кочниками" и одной "кочницей". На всех шестерых только две кровати и одна колыбель... За этот кров, к которому ещё относится маленький деревянный закуток под лестницей, следует платить 8 крон 32 геллера в месяц, которые почти полностью компенсируются деньгами от сдачи коек (8 крон в месяц), так что у рабочего его заработок, составляющий в среднем 55 крон в месяц, остаётся для других целей"⁴.

Почти половина квартиросъемщиков (преимущественно семей) сдавала "койку" младшим холостым коллегам за половину платы,

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. S. 39.

⁴ Там же. S. 72.

которую должны были вносить сами. При сдаче двух или более “спальных мест” общую сумму квартирной платы можно было компенсировать или даже получить “чистую прибыль”. Примерно 4% всех квартиросъёмщиков получали от сдачи в субаренду больше, чем платили за квартиру сами. В некоторых случаях сдача внаём спальных мест способствовала накоплению средств и увеличению размеров домо- и землевладения. Так, к примеру, об одном виноградаре из силезской Карвины сообщается, что он имел “доходный побочный промысел, предоставляя многим ночлег”: в одноэтажном доме с двумя комнатами в одной жил он и его жена, а вторая сдавалась восьмерым постояльцам, сплошь молодым горнякам, с которых он брал по две кроны, в эту плату “за койку” включались деньги за то, что хозяйка разогревала принесённую постояльцами еду. Два других квартиранта спали на чердаке на “сухих листьях”. Они к тому же “столовались”, т.е. хозяйка кормила их. Кроме того, они платили за бельё; всего выходило в месяц до 30 крон. Доход владельца дома от восьми постояльцев, снимавших койку, и двух пансионеров составлял круглым счётом 1000 крон в год. К этому добавлялись ещё прибыли от второго дома, имевшегося у горняка, десять жильцов которого приносили доход в 1400 крон. Общая прибыль от сдачи жилья, 2400 крон, вполне может быть соотнесена с зарплатой рудокопа (около 1200 крон в год). Этот человек арендовал 1,2 гектаров земли у администрации рудника и вёл на ней небольшое хозяйство, держал корову, свиней и птицу. “Хозяйство ведётся надлежащим образом”, — сообщается в отчёте управления трудовой статистики¹.

Каждый десятый горняк в остравском каменноугольном бассейне владел землёй, но преобладающее большинство из них (83%) имело не более двух гектаров. Каждый четвёртый шахтёр, т.е. значительно больше тех, кто имел дом и землю, держал мелкий скот (свиней, овец, коз) и птицу, но только у 7,7% были лошади или крупный рогатый скот. В целом более четверти горнорабочих получало побочный доход от сдачи комнат или коек или от небольшого подсобного хозяйства. В среднем каждый десятый шахтёр сдавал внаём угол или койку, 11% вели наряду с работой в шахте небольшое земледельческое и животноводческое хозяйство². Примерно каждая десятая шахтёрская жена прирабатывала на подённой сельскохозяйственной работе; 28% женщин имели самостоятельный доход как повивальные бабки, жёны некоторых шахтёров работали портнихами, швеями и служанками или вели мелкую торговлю, некоторые служили поварами в “рабочих казармах”, прачками и

¹ Там же. S. 85.

² Там же. S. 39.

официантками. Однако значительно более важным источником дохода семей горняков была сдача внаём комнат или предоставление "спальных мест", а также хозяйство на земле. Выполнение этих работ ложилось на жён горняков.

Большинство частных домов шахтёров в Остравском бассейне в 1901 г. были одноэтажными, в основном каменными, кирпичными или деревянными, остальные — фахверковыми. Сарай и хлевы строились обычно рядом с домом, причём при каждой квартире, как правило, был сарай и свинарник. Коровники имели только владельцы небольших хозяйств в деревнях. Жилые дома были покрыты дранкой или соломой, или — чаще всего — кровельным картоном. Перед домом и позади него располагались огороды, которые делились между жильцами на грядки¹. Жители одноэтажных домов входили в комнаты через общие сени, "нередко абсолютно тёмные и забитые самыми разнообразными предметами". Иногда по расположенной снаружи дома деревянной лестнице, которая оканчивалась открытой галереей, можно было попасть на верхний этаж. В устроенных получше домах был вырыт колодец, расположенный перед домом, в проходе или во дворе. Но большинство рабочих (70%) пользовались железным или деревянным шахтным или черпальным колодцами, находившимися, как правило, не во дворе дома, а на улице или в общественных местах и чаще всего принадлежавшими общине.

В почти половине домов было только одно помещение, в среднем на одну квартиру приходилось пять человек, на одну комнату — три человека². Общая жилая площадь частных жилых домов шахтёров Остравы составляла в большинстве квартир (85%) от 10 до 30 кв. м. Пол, как правило, — из тонких досок мягких пород дерева, в деревне — из утрамбованной глины. Однокомнатные дома обычно отапливались "экономичной печью", сложенной из необожжённого кирпича. В соответствующих случаях в квартирах для отопления помещений использовались и высокие хлебные печи. Жильцы часто жаловались, что печи сильно дымят³. Грубо сработанные кровати, скамья или стул, стол, деревянный сундук и "несколько пёстрых картинок с изображением святых" составляли обстановку среднего дома горнорабочего. "Какой бы бедной ни была домашняя обстановка, однако эти картинки всегда имелись, и притом обычно одни и те же изображения". Портреты императора, фотографии семьи, снимки времён военной службы, несколько комнатных растений, а также искусственные цветы украшали дом. У

¹ Там же. S. 61.

² Там же. S. 28.

³ Там же. S. 65.

зажиточных крестьян кухонный шкаф заменял настенную полку из сырых досок, платяной шкаф — крючки на стене, софа — деревянную скамью, вместо изделий из мягких пород дерева здесь можно было увидеть полированной твёрдое дерево. Белые занавески украшали окно. Часы с маятником, а также ковры свидетельствовали о потребности в “культуре жилища”.

В среднем в квартирах насчитывалось только по две кровати. Лишь в исключительных случаях кто-то имел собственную постель. Чаще всего постелью пользовались два человека. Наряду с настоящими постелями чиновники регистрировали и приспособленные для сна предметы: составленные вместе лавки и стулья с соломенным матрацем, просто брошенный на пол соломенный матрац, подстилки из сена и листьев и т.п. Маленькие дети спали большей частью в колыбелях, детских колясках или в постели родителей, но так же и в корзинах, сундуках или ящиках. Старшие дети спали, тесно прижавшись друг к другу, на соломенных матрацах на полу или “в лучшем случае” в общих постелях¹.

В 1891–1895 гг. владельцы угольных шахт построили “посёлки” и “ночлежные дома” (“рабочие казармы”). Моравско-Остравский окружной врач полагал, что поводом для ограничения практики найма коек были эпидемии холеры, быстро распространявшиеся в эти годы². В 1900 г. свыше 42 000 человек жили в Остравском угольном бассейне в зданиях, принадлежавших владельцам рудников, из которых 94,4% — в квартирах и 5,6% (2123) — в общих спальнях “рабочих казарм”³. 40 “общежитий” горнопромышленных обществ Остравского бассейна имели общие спальни на 20–200 коек. В общих спальнях жили прежде всего женатые шахтёры, которые пришли из близлежащих сёл и часто в конце недели возвращались в родные деревни, где занимались и сельским хозяйством. Во время полевых работ и сбора урожая зерновых и картофеля они часто неделями оставались дома. “Эта категория образует постоянный и солидный элемент горнорабочих”, — замечает по этому поводу моравско-остравский окружной врач в своём отчёте⁴. В “рабочих казармах” рабочих обеспечивали питанием.

В посёлках, принадлежавших рудникам, жили преимущественно квалифицированные горнорабочие и надсмотрщики с семьями. Жилые дома в большинстве своём были одноэтажными, из четырёх одинаковых квартир. В среднем жилая площадь составляла от 20 до 35 кв. м. В квартирах обычно было две комнаты, маленький тёмный чулан для хранения припасов и деревянный сарай для угля. Сви-

¹ Там же. S. 66.

² Там же. S. 107.

³ Там же. S. 97.

⁴ Там же. S. 105.

шарник и огород возле каждой квартиры говорили о сохранении в рабочих посёлках традиций домашнего хозяйства рудокопов, по крайней мере их остатков¹.

Горнорабочие и металлурги в Остравском угольном бассейне женились прежде всего на бывших деревенских батрачках или подёнщицах, служанках, работавших в частных домах, фабричных работницах горных или металлургических предприятий (8,6%). Многие шахтёры женились на работницах горных или металлургических предприятий². Как жившие поблизости и еженедельно ездившие к себе рабочие, так и те, кто приехал издалека, — все они не порывали связей с родиной. За немногими исключениями они возвращались туда, когда их увольняли или они утрачивали трудоспособность, либо когда их сбережения или удачный брак позволяли бросить шахту. Большинство рабочих уезжало из района угледобычи как только связанная с возрастом физическая слабость вела к полной утрате возможности работать в горной промышленности. Только немногие получали в старости выплаты из кассы взаимопомощи.

Семьи горнорабочих в Англии и Уэльсе. Опросы шахтёров и их жён о жизни в английских и валлийских районах горнодобычи создали впечатляющее представление о том, насколько сильно горняки зависели от выполняемой членами их семей работы, особенно жёнами и дочерьми. Анжела В. Джон опросила 26 женщин, которые в первой половине XX в. работали на английских и валлийских угольных шахтах³. 16 из них трудились в Западном Ланкашире, главным образом вблизи Уигана⁴. Большинство из них начало трудовую деятельность сразу после окончания школы, чаще всего в 13 лет. Большая часть из тех, кто пошёл работать на шахты, были дочерьми горнорабочих. Они жили вместе с родителями и отдавали свой заработок в семейную кассу. От своих матерей, которые распоряджались семейным бюджетом, они получали лишь небольшие карманные деньги.

В Англии в начале XX в. свыше 200 000 мужчин, женщин и детей были заняты в открытых угольных разрезах, что составляло одну пятую всех горнорабочих, вовлечённых в добычу угля⁵. Женщины работали главным образом на угольных шахтах Стаффордшира, Шропшира, Камберленда и Южного Уэльса. Но чаще всего их

¹ Там же. S. 92.

² Там же. S. 105.

³ Там же.

⁴ Ср.: *Orwell G. Der Weg nach Wigan Pier. Zürich, 1982* (на англ. языке: *The Road to Wigan Pier, 1937*). Оруэлл жил два месяца в Барнсли, Шеффилде и Уигане, чтобы изучить жизнь шахтёров.

⁵ *Benson J. British coalminers in the 19th Century. Dublin, 1980. P. 28.*

можно было встретить в Западном Ланкашире. Здесь они разгружали вагонетки и сортировали уголь. Выходя замуж, большинство женщин оставляло работу. На некоторых шахтах замужним женщинам запрещалось работать. Если замужние женщины в посёлках горнорабочих всё же работали, то лишь тогда, когда у них ещё не было детей или дети не могли работать, а они срочно нуждались в дополнительном доходе. Некоторые женщины, ушедшие с шахты в связи с замужеством, возвращались на неё, если умирал супруг. На угольных шахтах, однако, в основном работали незамужние женщины. Многим не было 20 лет. Немногие из них отработывали на шахте всю жизнь. Закрытие рудников, механизация транспортировки и сортировки в конце концов вытеснили женщин из угледобычи в межвоенный период и после Второй мировой войны¹. При этом во время обеих мировых войн они ещё в большом числе работали в угольной промышленности.

Жёны горняков зависели от мужей в материальном и правовом отношении. С другой стороны, они обладали обширными правами в вопросах ведения домашнего хозяйства. Во многих шахтёрских деревнях муж отдавал всю зарплату жене и получал только небольшие карманные деньги, т.н. "tip-up". Эта важнейшая в домохозяйстве операция передачи денег часто происходила перед дверью дома, чтобы соседям было легко проконтролировать "законность" поведения шахтёра. Правда, в других случаях шахтёры, хотя и вручали постоянный заработок жёнам, премии и надбавки оставляли себе².

Работавшие дочери также были абсолютно несамостоятельны в экономическом и социальном смысле: они даже не знали, какую часть отданной зарплаты им выдадут на расходы. Дочери не только зарабатывали меньше, чем молодые шахтёры; считалось, что и карманных денег им нужно меньше, чем их братьям. Для последних размер карманных денег был не в последнюю очередь вопросом зрелости и способности принимать участие в мужском общении в посёлках горнорабочих. Слишком маленькая сумма денег у парней наносила ущерб репутации семьи в обществе. От девушек же не только ожидали понимания и готовности отдавать заработанное в семейную кассу, но и того, что бóльшую часть свободного времени они будут помогать в работах по дому.

Данные по горнодобывающим отраслям Англии и Уэльса свидетельствуют о высоком уровне брачности, низком брачном воз-

¹ *John A. V. Scratching...* P. 14.

² *Stearns P.N. Abstumpfung u. Apathie. Arbeiterfrauen in England 1890–1914 // Listen den Ohnmacht. Zur Sozialgeschichte weiblicher Widerstandsformen / Hg. C. Honneger u. B. Heintz. Frankfurt, 1981. S. 197.*

расте и высокой рождаемости. Ещё в 1911 г. в некоторых частях Уэльса доля женщин детородного возраста, находящихся в браке, была в два раза выше, чем в среднем по стране¹. Большие семьи, сильно развитый дух соседской солидарности и выраженная склонность к тесным контактам в родственной среде характеризовали жизнь нередко отдалённых сёл горнорабочих.

Прежде чем владельцы рудников в Англии и Уэльсе начали со- оружать душевые для горняков, процедура мытья в шахтёрских до- мах требовала больших усилий. Сюда добавлялась трудоёмкая чистка рабочей одежды, которая обычно поручалась дочерям гор- няков. Это также свидетельствует о неравенстве полов. Дочь шах- тёра вспоминает:

“Я всегда вставала в половине шестого утра, чтобы проводить из дома четырёх горнорабочих (своих братьев. — *Р.З.*)... Когда мы выросли и когда я после этого (после школы. — *Р.З.*) была дома, мы должны были в субботу после обеда чистить ботинки горняков и смазывать их жиром на понедельник. Это была очень большая ра- бота. Само собой разумеется, её должны были делать мы, а не пар- ни, мы, девочки, не так ли?”²

Специфика экономики горного дела и особенности рабочего графика определяли цикл домашних работ. Дом являлся хозяй- ственной единицей, в которой жена и дочери шахтёра были подчи- нены его рабочему ритму. Этим слиянием работы и семейной жизни объясняется зачастую особенно активная роль шахтёров в рабочем движении. Одна из самых крупных шахтёрских забастовок, которая в 1909–1910 гг. имела место в Южном Уэльсе, разразилась не в по- следнюю очередь из-за жалоб жён горнорабочих. Закон о 8-часовом рабочем дне побудил владельцев шахт ввести несколько смен. С тех пор, как жёнам шахтёров пришлось готовить обед в разное время, так как их мужьям и сыновьям редко удавалось попасть в одну сме- ну, они стали призывать к стачке. Они играли в ней исключительно активную роль, забрасывали полицейских камнями, били окна кон- тор и т.п.³ В Ланкашире дочери бастовавших горнорабочих соби- рали средства для их поддержки⁴. В Южном Уэльсе жёны горняков вносили существенный вклад в формирование классового самосо- знания. Традиционные формы общественного осуждения были включены в арсенал борьбы рабочих. В одном шахтёрском селе в

¹ *Haines M.R. Fertility... P. 256 ff.*

² Из интервью дочери валлийского горнорабочего, родившейся в 1893 г. Цит. по: *Thompson P. Problems of Method in Oral History // Oral History. The Journal of the Oral History Society. 1972. № 39.*

³ *Public Record Office, HO 21 06 15. Цит. по: Stearns P.N. Abstumpfung... S. 197.*

⁴ *John A.V. Scratching... P. 20.*

Уэльсе жена шахтёра основала женскую секцию “партии труда”. Во время общей забастовки она вместе с жёнами бастующих рабочих развернула свою собственную, напоминающую плебейские кошачьи концерты, борьбу против штрейкбрехеров:

“Один мужчина, который снимал комнату в деревне, вышел на работу. Мы, женщины, собрались вместе и решили пойти на шахту, чтобы застать его там. У нас были палки и мётлы, и одна из нас привязала белую ночную рубашку к швабре, и так мы пришли на угольный рудник и ждали его там. Когда он пришёл, мы начали ходить вокруг него, не пуская его, и ругались до тех пор, пока не вернулись с ним к дому, где он жил на постое. Мы стояли перед ним и пели, а затем пошли по домам. На следующее утро мы узнали, что он ночью ушёл из нашей деревни”¹.

В профессиональных союзах, напротив, полностью доминировали мужчины. Политическая и профсоюзная активность мужчин была возможна лишь в том случае, если женщины брали на себя заботы о домашнем хозяйстве и детях. С другой стороны, работницы и жёны рабочих реагировали острее всех на повышение цен. Поскольку они распоряжались домашним бюджетом, то их оно задевало первыми.

В сравнении с другими отраслями промышленности, заработная плата на английских шахтах, как правило, была сравнительно высока. Натуральная оплата углём дополняла денежный заработок. Во многих горнодобывающих регионах рабочие жили в отдельных домах на одну семью или в стоящих в ряд домах со своим огородом. Джордж Оруэлл по предложению Виктора Голанча, основателя “Left Book Club” (“Клуба левой книги”), в 1936 г. провёл два месяца у горняков Барнсли, Шеффилда и Уигана, находившихся тогда из-за экономического кризиса без работы. Он описывает “типичный образчик” десятка тысяч “впритык стоящих домов” Шеффилда, которые он осмотрел:

“Дом на Томас-стрит. Стоят впритык, две комнаты наверху, одна — внизу (т.е. трёхэтажный дом с комнатой на каждом этаже). С подвалом. Жилая комната 14 на 10 шагов, верхняя соответственно. Раковина в жилой комнате. На верхнем этаже нет двери, т.е. он свободно сообщается с лестницей. Стены жилой комнаты слегка влажные, стены верхней комнаты разваливаются и пропускают воду со всех сторон. Дом такой тёмный, что надо весь день держать свет зажжённым. Электричество стоит шесть пенни в день (вероятно, это преувеличение). Семья состоит из шести человек — родители и четверо детей. Муж (живёт на пособие) болен туберкулёзом. Один ребёнок в больнице, остальные выглядят здоровыми. Снимают этот

¹ Цит. по: Ibid. P. 20 (пер. автора).

дом семь лет. Переехали бы, но нет другого дома. Арендная плата 6 шиллингов 6 пенсов, включая сопутствующие расходы”¹.

В садиках, расположенных позади многих жилых построек, женщины могли выращивать овощи и фрукты. Жёны и дочери горнорабочих постоянно прирабатывали, чтобы увеличить доход семьи. Они убирались в конторах управления шахт и в частных квартирах служащих. Они стирали бельё служащих в посёлках или продавали выращенные в садиках овощи и фрукты.

В компаниях горняков женщины участвовали редко. Общественная жизнь горняцких посёлков с характерными для неё выпивками, силовыми видами спорта и культурой питейных заведений, была вотчиной мужчин. Женщины свободное время проводили вблизи от дома в общении с соседками. Незамужние дочери шахтёров встречались в свободное время прежде всего друг с другом. В английских и валлийских шахтёрских сёлах они, однако, время от времени появлялись в трактирах, хотя это воспринималось мужчинами неодобрительно². Они различали “достойных уважения” девушек и тех, кто позволял себе показываться в пивных.

Современные формы домашней работы, вроде покупок, приготовления изысканной пищи, уборки в квартире и тому подобное, играли второстепенную роль в связи с бедностью горнорабочих первых десятилетий XX в. На первом месте стояли починка и чистка рабочей одежды шахтёров — утомительное субботнее и воскресное занятие их жён и дочерей, работа в саду и часто возделывание арендованного участка земли, удовлетворявшая часть потребностей в продуктах питания и уменьшавшая зависимость семьи от рынка. Сад и взятая в аренду земля давали дополнительную возможность содержать скот (свиней, коз, кур, кроликов и, редко, корову). Многие жёны горнорабочих одежду шили в основном сами³. Несомненно, хозяйство горняков в первые десятилетия XX в. принадлежало ещё к типу двойной экономики: работа женщин по самообеспечению была так же необходима для выживания, как и заработок шахтёров.

Изложение, ограниченное преднамеренно противоположными, но показательными примерами регионального развития, показало, что следует различать историю семей рабочих в процессе индустриализации села и городов. Аграрный базис первых семей рабочих часто вёл к формированию двойной экономики, особенно в периоды обусловленных индустриализацией кризисов и нестабильности. Следует различать процесс индустриализации в тех городах,

¹ *Orwell G. Weg...* P. 53.

² *John A. V. Scratching...* P. 18.

³ Ср.: *Einfeldt A. K. Auskommen...* S. 269 f.

которые сложились исторически, и тех, которые возникли только в период индустриализации. Регионы типа Ланкашира лучше показывают непрерывность развития рабочего класса и его семейных форм, чем возникшие исторически города. Здесь развитие в основном шло путём дисконтинуитета. Аналогично стадиям экономического развития (мануфактура, надомная промышленность, индустриализация, массовое производство готовых изделий) изменялась структура рабочего класса и формы его воспроизводства. Период формирования семьи, характерной для надомной промышленности, сменился фазой, когда возможности для заключения брака были редки, а эта последняя — постепенным формированием способного к созданию семьи рабочего класса, в котором квалифицированные рабочие с их выраженной тенденцией к переустройству семейной жизни достигли нормообразующего, формирующего образцовые модели влияния. В следующем параграфе будет подробнее освещено развитие отношений в семьях фабричных рабочих с середины XIX в.

3. Семьи фабричных рабочих

Ниже представлен обзор истории семей фабричных рабочих до Первой мировой войны, составленный на основе данных многочисленных анкет и отчётов. При этом отраслевые и региональные различия по необходимости не учитывались. С другой стороны, именно для семей фабричных рабочих конца XIX — начала XX в. отмечается рост их относительной однородности. Этот процесс был прежде всего обусловлен имевшим многочисленными последствиями разделением в пространстве семейной жизни и дающего доход труда. Ритм семейной жизни во всё большей степени определялся унифицировавшимся порядком регулирования рабочего времени на фабриках. Разумеется, многие фабричные рабочие всё ещё производили необходимые продукты питания на собственных или взятых в аренду огородах и участках пашни. В целом, семьи промышленных рабочих ни в коей мере не были только потребляющими единицами. Различные работы по изготовлению продуктов питания, одежды, заготовке топлива формировали сложный комплекс семейного воспроизводства, в котором муж, жена и дети — все имели специфические задачи. Это вело к чёткому определению возрастных и половых ролей членов семьи и включало их в коллективную работу и жизнь, которые ограничивали индивидуальное пространство действий отдельных лиц в соответствии с существующим экономическим положением. Утверждения об освобождении семьи наёмного рабочего от производственных функций и о том, что труд покидает семью наёмного рабочего¹, не должны вводить в заблуждение. Этот

¹ Ср.: Tyrell H. Probleme einer Theorie der gesellschaftlichen Ausdifferenzier-

процесс занял жизнь нескольких поколений и ни в коей мере не был прямолинейным, он шёл с перерывами и попятными движениями, приходившимися на времена общественных и экономических кризисов.

С первыми полупролетарскими сельскими семьями горнорабочих многие семьи фабричных рабочих имеют то общее, что они также сдавали комнаты или койки постояльцам, чтобы получить побочный квазихозяйственный доход и тем самым облегчить расчёты за жильё. Кроме того, фабричные рабочие XIX — начала XX в. очень часто меняли арендуемые квартиры. “Полуоткрытая” семейная структура, сближение именно беднейших и многодетных семей с посторонними семье “кочевниками” и “жильцами”, частая смена квартир были присущи семейной жизни рабочих до Первой мировой войны и отчётливо отличали её от семейных отношений буржуазии.

3.1. “Полуоткрытые” семьи и “кочевое” жильё

Множество детей, едва ли избалованных воспитанием и присмотром, посторонние семье квартиранты, снимавшие углы и койки (жильца, имевшего достаточно денег, чтобы снять целую комнату, венские рабочие уважительно величали “хозяином” — “Zimmerherr”), частые смены места жительства воспринимались современниками-буржуа как признаки бессемейности первых поколений городских рабочих¹. Среди социалистов были распространены стереотипные представления о “разрушении семьи” как следствии бедности, отделения внедомашнего труда от семейной жизни и вынужденного совместного проживания семей рабочих с постояльцами².

Разговоры о “разрушении семьи”, однако, никак не соответствовали значению семьи для рабочих, живших в условиях нужды и нищеты конца XIX — начала XX в. В их основе в значительной степени лежали отличия пролетарской семьи от буржуазной модели семьи, которая, с её мужчиной-кормильцем, женщиной-домохозяйкой и свободными от работы детьми, представляла собой миф о счастье, привлекавший функционеров рабочего движения и буржуазных социал-реформаторов.

На семейную жизнь фабричных рабочих традиции и жизнь семей жителей села и кустарей-надомников влияли много сильнее, чем это вписывалось в семейную модель городской буржуазии. Формы семьи фабричных рабочих в конце XIX — начале XX в., от-

rung der privatisierten modernen Kernfamilie // Zeitschrift für Soziologie. 1976. № 5. S. 393 ff.

¹ Ср.: *Sombart W.* Das Proletariat. Frankfurt, 1906. S. 16.

² Ср.: *Bebel A.* Die Frau und der Sozialismus (1879). Berlin, 1962; *Rühle O.* Illustrierte Kultur- u. Sittengeschichte des Proletariats. (1930). Frankfurt, 1971.

ражавшие процесс формирования промышленного рабочего класса из неоднородных по составу социальных групп, имели во многих отношениях переходный характер. На них накладывали отпечаток пополнявшие ряды индустриального пролетариата выходцы из сельских низов, стремившихся преодолеть ограниченность своих жизненных перспектив. Они привыкли спать вместе с посторонними людьми. “Сдача коек постояльцам” в городах в известной степени была продолжением образа жизни сельских низов. Кроме того, “сдача коек” помогала вынести бремя арендной платы тем семьям рабочих, которые сняли квартиру. Постояльцы, снимавшие углы и койки, давали семьям первых рабочих возможность обеспечить себя элементарнейшей предпосылкой буржуазной семейной жизни — квартирой. Для многих рабочих семей это было неизбежной необходимостью, пока заработки поступавших на работу детей не позволяли им отказаться от сдачи комнаты или койки жильцам. Добавим к этому, что сыновья и дочери первых поколений рабочих получали лучшее образование, чем их родители, и поэтому — более высокую заработную плату. Связанные с этими процессами перемены, общий рост реальных доходов в конце XIX в. сделали возможным переход семей рабочих в сферу частной жизни, увеличение её закрытости в отношении посторонних семье лиц. Тем самым положение семей хорошо зарабатывавших и имевших высокую квалификацию рабочих и мелких бюргеров выровнялось. Наконец, развёрнутое после Первой мировой войны частными обществами и городской администрацией массовое строительство жилья для рабочих, а также снижение внутренней миграции ослабили стимулы к сохранению полуоткрытых семейных структур в среде рабочих.

3.2. Доход и жизненный стандарт

От размера заработной платы отца семейства зависело в целом, должна ли работать его жена. Сюда добавлялись заработки уже работавших, но ещё живших в родительском доме детей, которые также большей частью шли в семейный бюджет. Надёжность уровня заработной платы как параметра определения жизненного стандарта семьи фабричного рабочего ограничивается несколькими факторами. С одной стороны, многие рабочие были заняты на производстве не постоянно, а с множеством вынужденных перерывов (увольнения, болезни, несчастные случаи и т.п.). С другой стороны, семейный доход городского фабричного рабочего складывался из разных вариативных компонентов. Наряду с регулярной оплатой труда на производстве пролетарский домашний бюджет формировали случайные заработки членов семьи (включая детей и подростков), а также доходы от надомного труда, сдачи внаём жилья, пре-

доставление услуг постояльцам. В этом отношении показатели дохода, учитывающие только официальную заработную плату, вряд ли позволят сделать точное заключение о жизненном стандарте семей рабочих. Более основательные выводы представлены в исследованиях домашнего их бюджета.

Анализ заработной платы и стоимости жизни рабочих из Хемница в 1900 г. показывает, например, что заработка отца семьи, имевшей трёх детей, не хватало на приобретение продуктов питания. Вследствие этого в семьях почти 60% квалифицированных рабочих металлообрабатывающей промышленности, более чем 80% — текстильной промышленности и более чем 86% — в строительстве жена и трудоспособные дети в силу необходимости были заняты на производстве¹. Сравнительное исследование бюджетов 22 мюнхенских семей квалифицированных рабочих в 1907 г. показало, что, несмотря на повышенный средний доход мужей, в 13 семьях женщины “подрабатывали”². Какие разные и вариативные доходы формировали бюджет семьи рабочего, видно из приводимого ниже описания семьи неквалифицированного фабричного рабочего из Лейпцига, состоявшей из 5 человек, середины 80-х гг. XIX в.:

“Средства, на которые жила эта семья (рабочий с женой и тремя детьми: девочка 11 лет и два мальчика 8 и 4 лет), добываются всеми её членами, и несмотря на это, они чрезвычайно ограничены. Муж занят дроблением костей... на фабрике искусственных удобрений и получает ежедневно при нормальном рабочем дне 2,20 марки. Жена сортирует старые кости и получает в день 1,20 марок. Дети также уже ищут малейшие возможности, чтобы принести в дом деньги или добыть продукты. Квартира находится позади трактира с кегельбаном. Поэтому старший мальчик по воскресеньям и вечерами на неделе зарабатывает несколько пфеннигов, расставляя кегли. Его сестра иногда помогает ему в кегельбане. Родители оценивают годовой доход от “кегель” в 4–5 марок... Доход мужа в 2,20 марок в день подчас несколько увеличивается за счёт сверхурочных, которые, правда, случаются не каждую неделю... Заработок женщины равномерен, работая на фабрике, она получает в день 1,20 марок умножить на шесть дней = 7,20 марок. Но она работает там не всегда. Две недели перед Пасхой она работала на фабрике, но сейчас намерена поскорее вернуться с фабрики к работе по дому, потому что — с сожалением отмечает она — домашнее хозяйство вследствие её ненормального отсутствия совсем заброшено. В прошлом году в

¹ *Hoffmann E.* Volkskundliche Betrachtung zur proleterischen Familie in Chemnitz um 1900 // Wissenschaftl. Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- u. sprachwiss. Reihe. 1971. Jg. 20. S. 67 f.

² *Conrad E.* Lebensführung von 22 Arbeiterfamilien München 1909. Цит. по: *Rosenbaum H.* Formen der Familie. S. 403.

в это время она выращивала ромашки на продажу и в течение нескольких недель зарабатывала на них по пять марок. Подсчитать годовой заработок жены просто невозможно”¹.

По собранным для Вены сведениям, относящимся к двум последним десятилетиям XIX в. и предвоенным годам, примерно 40% жён рабочих трудились полный рабочий день, другие 40% работали на производстве от случая к случаю и лишь в 10–20% семей женщина могла сосредоточить свои силы исключительно на ведении домашнего хозяйства и семье². Разумеется, доля заработной платы замужних женщин в бюджете семьи рабочего была скорее небольшой, что свидетельствует как об отчётливой тенденции к ориентации семьи рабочего на буржуазную семейную модель, так и о соотношении авторитетов в рабочей семье. Причинами были, с одной стороны, значительно более низкая заработная плата, которую предприниматели платили женщинам, с другой — частые перерывы в работе по найму у женщин. Из обследований бюро рабочей статистики *хозяйственных счетов и условий жизни семей венских рабочих в 1912–1914 гг.* следует, что заработная плата замужних работниц составляла в среднем только чуть больше 10% общего домашнего бюджета. И напротив, вклад трудоспособных детей в бюджет семьи был почти вдвое больше — 19,8%³. Таким образом, упорно бытовавшая оценка наёмного труда замужних женщин как “приработка” имела реальное основание. Этот и множество других бюджетных анализов доказывают, что большинство семей рабочих не было в состоянии удовлетворить первостепенные потребности семьи за счёт дохода отца семейства. Эпизодический и часто прерывавшийся наёмный труд женщин, а также включение заработка работавших детей в общий бюджет семьи было неизбежной необходимостью для большей части семей рабочих⁴.

В Германской империи с конца 80-х гг. XIX в. постоянно росла доля женщин, которые после вступления в брак продолжали работать, в то время как число незамужних работниц в промышлен-

¹ *Mehner H. Der Haushalt u. die Lebenshaltung einer Leipziger Arbeiterfamilie // Smollers Jahrbuch 11. 1887. S. 302. Цит. по: Rosenbaum H. Formen der Familie. S. 310 ff.*

² *Inama-Sternegg K.T. Die persönlichen Verhältnisse die Wiener Armen. Statistisch dargestellt nach den Materialien des Vereins gegen Verarmung u. Bettelei. Wien, 1899. S. 12; Wirtschaftsrechnungen u. Lebensverhältnisse von Wiener Arbeiterfamilien 1912–1914, Erhebung des k.k. Arbeitsstatistischen Amtes im Handelsministerium. Wien, 1916. S. 35.*

³ *Wirtschaftsrechnungen... S. 37; ср. также: Gruber I. Die Haushaltung die arbeitenden Klassen. Jena, 1878. S. 104.*

⁴ *Ср.: Ehmer J. Frauenwerbsarbeit in der industriellen Gesellschaft // Beiträge zur historischen Sozialkunde. 1981. № 3. S. 99.*

ности слегка сократилось¹. Но следует также помнить, что значительно возросло число замужних женщин в целом, в промышленности — с 140 804 до 278 387 или на 97,7%². Всё же бесспорным остаётся, что работа на фабрике и в дальнейшем была сферой деятельности незамужних женщин: в 1907 г. в Германской империи примерно на 1,1 млн незамужних работниц (1898 г. — 1,0 млн) приходилось 450 000 замужних (1895 г. — 248 000). Кроме того, 243 000 овдовевших или разведённых женщин работали в промышленности (1895 г. — 220 000)³. То же относится к Англии⁴, Франции⁵ и Австрии⁶. Проведенное в 1896 г. в Вене анкетирование об “условиях труда и жизни венских наёмных работниц” констатировало, что “работницы во всех отраслях промышленности представляют более молодые возрастные группы”⁷.

Это относилось не только к текстильным фабрикам, где с начала индустриализации доминировали женщины (здесь работала часто почти половина всех замужних женщин⁸), но к городам с “типично мужской” промышленностью. Так, в Нортгемптоне и Ридинге едва ли можно было найти семью, в которой и муж, и жена не работали бы вне дома⁹. В Лондоне, Шеффилде, Бирмингеме и Манчестере работало на производстве только 10–20% замужних или овдовевших женщин¹⁰. Но и эти женщины имели побочные заработки,

¹ *Tilly L. Occupational Structure, Women's Work and Demographic Change in Anzin and Roubaix, 1872–1906. 1977 (рукопись); Stearns P.N. Working Class Women in Britain 1890–1914 // Workers in the Industrial Revolution / Ed. by P.N. Stearns and O.J. Walkowitz. London, 1974. P. 401 ff.; Ehmer J. Frauenarbeit u. Arbeiterfamilie in Wien. Vom Vormärz bis 1934 // Geschichte und Gesellschaft. 1981. № 7. S. 443.*

² *Otto R. Über die Fabrikarbeit verheirateter Frauen. Stuttgart, 1910. S. 101.*

³ *Simon H. Der Anteil der Frau an der deutschen Industrie nach der Ergebnissen der Berufszählung von 1907. Jena, 1910; ср. также: Albrecht W. u.a. Frauenfrage u. deutsche Sozialdemokratie vom Ende des 19. Jahrhunderts bis zum Beginn der zwanziger Jahre // Archiv für Sozialgeschichte. 19. 1979. 459 ff. с обширной библиографией.*

⁴ *Census of England and Wales, 10: Occupation and Industry. London, 1914.*

⁵ *Ср.: Tilly L.A., Scott J.W. Women... P. 63.*

⁶ *Ср.: Ehmer J. Frauenwerbsarbeit...; Он же. Frauenarbeit... S. 438 ff.; Rigler E. Frauenleitbild u. Frauenarbeit in Österreich vom ausgehenden 19. Jahrhundert bis zum Zweiten Weltkrieg. Wien, 1976.*

⁷ *Die Arbeits- u. Lebensverhältnisse der Wiener Loharbeiterinnen. Ergebnisse u. stenographisches Protokoll der Enquete über Frauenarbeit, 1896.*

⁸ *Stearns P.N. Abstumpfung... S. 205.*

⁹ *Bowley A.L., Burnett-Hurst A.R. Livelihood and Poverty. London, 1915; Ср. также: Cadbury E. a.o. Women's Work and Wages. L., 1906; Hewitt M. Wives and Mothers in Victorian Industry. L., 1958.*

¹⁰ *Census of England and Wales, 10: Occupation and Industry. London, 1914. Цит. по: Stearns P.N. Abstumpfung... P. 188 ff.*

менее заметные, но приносившие желанное пополнение семейного бюджета: они сдавали комнаты, шили дома для швейных фабрик и т.п.

Женский труд во всех центрально- и западноевропейских странах применялся в основной его массе в отраслях с низкой заработной платой, прежде всего в текстильной промышленности. В 1907 г. в текстильной промышленности Германии было занято более половины всех работавших женщин (1,2 млн.)¹. С большим отрывом за ней следовали пищевая, затем металлообрабатывающая, добывающая и бумажная промышленность. Кроме фабрик и заводов, женщины работали прежде всего в сфере услуг и торговле. Женский труд, как правило, был трудом неквалифицированным или средней квалификации, плохо оплачиваемым, относившимся к самым низким разрядам заработной платы. Даже если женщины выполняли ту же работу, что и их коллеги-мужчины, они почти повсюду получали меньше на 30–50%. Современники видели причины в “дилетантском характере” женского труда, низкой квалификации, частых сменах места работы. Этим, а также главенствующей ориентацией большинства женщин на домашнее хозяйство и материнство определялась их низкая самоидентификация с профессией:

“Ежедневно масса женщин оставляет производство, чтобы выйти замуж, какое-то время поработать по дому, помочь в сельском хозяйстве или по каким-либо иным причинам, и так же ежедневно множество новых работниц стремится заменить выбывших... преобладающая часть находится в возрасте примерно от 14 до 25 лет, зрелые годы представлены в меньшей степени, а более старшие вновь сильнее... Брак отвлекает значительную часть женщин от промышленного заработка..., пока овдовевшие, разведённые, покинутые, обременённые многочисленными детьми или живущие в нищенских условиях, они не приходят вновь на фабрику”².

Профессиональное или среднее образование девочек в семьях рабочих не было принято. Это соответствовало особенностям семейной экономики, которая определяла полам специфические роли в жизнеобеспечении семьи. Девочки должны были как можно раньше дополнять семейный бюджет, отдавая бóльшую часть заработка. Сыновьям позволяли получить квалифицированную профессию, имея в виду перспективу их будущей роли главы семейства. При этом, без сомнения, большее значение имело то, что дочерям рабочих, как и у буржуа, предназначалась в первую очередь роль домохозяйки и матери. Поэтому нет ничего удивительного, что различные опросы работниц постоянно выявляют их отношение к

¹ *Simons H.* Op. cit.

² *Baum M.* Fabrikarbeit u. Frauenleben // Die Verhandlungen des 21. Evangelisch-sozialen Kongresses in Chemnitz 17.-19.5.1910. Göttingen, 1910. S. 100.

работе на производстве только как к временной стадии, необходимой, чтобы занять время до вступления в брак и скопить денег для обзаведения хозяйством или чтобы помочь преодолеть бедственное положение семьи. Возрастная группировка промышленных работниц отражает эту установку. По результатам германской профессиональной переписи 1907 г. работниц в возрасте от 16 до 20 лет было 25,9%, от 20 до 30 лет — 33,4%, от 30 до 50 лет — 22,7%, а старших возрастов — 7,2%¹. Группируя иначе, работницы в возрасте до 30 лет составляли почти 60% всех женщин, занятых в производстве. Так как брачный возраст у женщин в среднем составлял 27 лет, можно предположить, что большая часть работниц на первом году супружества по крайней мере временно возвращалась к ведению домашнего хозяйства. Из различных обследований промышленных работниц следует, что большинство женщин, которые после вступления в брак и рождения нескольких детей продолжали работать, делали это вынужденно, из хозяйственной необходимости, хотя и предпочитали оставаться дома. В большинстве случаев причиной называли слишком низкий заработок мужа².

Однако, уйти с фабрики, мастерской или магазина ни в коей мере не означало в дальнейшем заниматься только кухней и детьми. Многие женщины, которые, имея маленьких детей, могли выйти на работу, пытались найти заработок, легко сочетаемый с делами по дому. Профессии швей, вышивальщиц, мотальщиц, прачек и т.п. были распространены среди замужних женщин, остававшихся дома. В больших европейских городах надомный труд доминировал прежде всего в швейной промышленности. Эта новая надомная промышленность, лишь условно сопоставимая с сельскими надомными промыслами XVIII–XIX вв., находилась в тесной связи с фабричным производством. Часто молодые девушки начинали трудовую жизнь на фабрике и после замужества и рождения детей переходили на надомный труд в той же отрасли. Распределением заказов отчасти занимались фабрики, отчасти специальные люди, работавшие с надомниками. Ими были бывшие ремесленники, жёны ремесленных мастеров и служащих: они организовывали производство в своих квартирах и кроме того давали надомную работу замужним женщинам (“потогонная система”). Надомничество требовало чёткой координации работы по дому, воспитания детей и на-

¹ *Simons H.* Op. cit.

² *Schneider L.* Arbeiterhaushalt... S. 101; *Fürth H.* Die Fabrikarbeit verheirateter Frauen. Frankfurt, 1902. S. 22; для Австрии среди прочих: *Leichter K.* So leben wir... 1320 Industriearbeiterinnen berichten über ihr Leben. Wien, 1932. S. 54. Более 95% фабричных работниц, опрошенных в ходе этого обследования, на вопрос “Остались бы вы дома, если бы ваш муж достаточно зарабатывал?” ответили утвердительно.

домного труда в условиях крайне ограниченного пространства. Типичным следствием было удлинение рабочего дня женщин. О замужних работницах-надомницах в сигаретной промышленности Дрездена перед Первой мировой войной, частности, сообщается:

“Редко женщины находят до обеда время для свёртывания сигарет или склеивания гильз. Это возможно только в том случае, если муж, например, работает посменно. Иначе женщина может выбрать время для надомного труда только тогда, как помыта посуда после обеда. Тогда она в лучшем случае 3–4 часа может спокойно поработать. В то же самое время посещающие школу дети выполняют домашние задания. Но если дети младше шести лет и нет старших братьев и сестёр, которые могли бы за ними присмотреть, женщине приходится намного тяжелее, и ей, естественно, постоянно мешают в работе. Лишь вечером после ужина для большинства надомных работниц начинается собственно работа, тогда они сидят до ночи за столом, чтобы вовремя сделать требуемое количество”¹.

Надомный труд был распространён и среди жён и дочерей в обедневшей семье среднего слоя, мелких торговцев и ремесленников, а также потерявших постоянный источник дохода чиновников и служащих. Они верили в возможность скрыть за стенами дома, что их жёны и дочери работают, а это ясно указывает на их бедность. Жёны хорошо зарабатывавших квалифицированных рабочих также предпочитали надомный труд и старались, если заработок мужа разрешал, не работать вне дома: ведь тогда соседи увидели бы, что муж не может прокормить “свою” семью. Низкую оценку “фабричных девушек” частью рабочих, по-видимому, подпитывало отношение к ним “уважаемых” рабочих-специалистов. Эта оценка почти всегда имела специфический подтекст. Патриархальный муж в пребывании супруги дома видел то преимущество, что он мог лучше контролировать социальные и сексуальные контакты ставшей, таким образом, “частью дома” жены. Разумеется, при большом предложении надомного труда заработная плата снижалась, и надомный труд экономически становился тем, чем он идеологически и без того уже был для большей части рабочих: дополнительным приработком к зарплате мужа. Поэтому труд жён рабочих едва ли, как постоянно утверждали консервативные критики, выражал повышенные или даже завышенные потребительские желания. Вопреки господствовавшему среди рабочих семейному идеалу, его необходимость была продиктована требованиями жизнеобеспечения преобладающей части рабочих семей.

¹ *Sternthal F.* Die Heimatarbeit in der Dresdner Zigarettensindustrie. München, 1912. S. 44.

3.3. Домашнее хозяйство, материнство и работа

Вид и объём домашнего труда зависели от того, было ли хозяйство рабочего полностью обеспечено производственными заработками одного или нескольких членов семьи, или они дополнялись продуктами питания, полученными в небольшом подсобном хозяйстве, огороде и т.п. Если домашний бюджет, как в больших городах, формировался исключительно за счёт денежных доходов, то работа по дому ограничивалась немногим¹. Как правило, горячую пищу готовили раз в день, семья довольствовалась дешёвыми овощами, нередко остатками с рынков или из магазинов. Мясо подавалось в основном только по выходным и праздничным дням, но хозяйка, используя всё своё уменье, должна была купить его как можно дешевле, например, в лавках, торгующих несортавым мясом². Меню рабочей семьи из Франкфурта-на-Майне в 1900 г. выглядело примерно так:

“По воскресеньям можно приготовить фунт мяса и немного овощей, по дешёвке купленных перед закрытием рынка. По понедельникам я готовлю гороховый суп с суповой зеленью и парой картофелин... Во вторник можно подать суп из поджаренной крупы и картофель с овощами, причём мужу (sic!) добавить немного колбасы. Вечером я пью кофе или что-нибудь тёплое, что останется. По средам можно приготовить кислую капусту с картофельным пюре, тогда к этому я готовлю для мужа (!) свиную ногу, чтобы у него было немного мяса. В четверг можно приготовить бобовый суп с суповой зеленью, небольшим количеством муки и лука... В пятницу можно приготовить также недорогой молочный суп. Я достаю чёрствый хлеб, муку и битые яйца, которые можно купить очень дешево, и делаю клёцки, а также к этому немного фруктов... В субботу можно также сварить хороший картофельный суп из полфунта баранины за 20 пфеннигов”³.

Как явствует из этого примера, лучшая по качеству и более богатая жирами пища предназначалась работающим членам семьи, прежде всего супругу и отцу. Женщины и дети были ограничены в потреблении мяса, масла и жиров. “Женщины и дети едят маргарин, денег в хозяйстве просто не хватает на большее”, — заметила о положении жён рабочих буржуазная деятельница Алиса Саломон, боровшаяся в 1900 г. за права женщин⁴. А жена рабочего из англий-

¹ К истории домашней работы в целом см.: *Kittler G.* Hausarbeit. Zur Geschichte einer “Natur-Ressource”. München, 1980; *Bock, Duden.* S. 118 ff.

² Ср.: *Conrad E.* Etwas von der Lebensführung der Arbeiterfamilien // *Blätter für Soziale Arbeit* 1. 1909. № 1. S. 33 f.

³ Из: *Furth H.* Die Lebenshaltung des Großstädtischen Arbeiters. Nach den Akten des Hauspflegevereins Frankfurt a. M. // *Die neue Zeit.* 1897/98. № 16/1. S. 634 f.

⁴ *Salomon A.* Stumme Märtyrerinnen // *Die Frau.* 1909/5. № 16. S. 269 ff.

ского города Йорка сообщает: “Если нам когда-либо нужно купить что-то особенное, пару сапог для одного из детей или в этом роде, для меня и детей нет обеда, или, может быть, чашка чая с куском хлеба, но Джим всегда получает свою еду на работу, и я никогда ничего не рассказываю ему об этом”¹.

Еду готовили, как правило, без изысков². Всё нужно было сделать быстро и по возможности просто. Во многих семьях рабочих не было подходящих плит. В большинстве случаев создать припасы съестного было невозможно из-за отсутствия денег, возможностей хранения в свежем виде, недостатка места. Покупали поэтому всегда понемногу, например, одну десятую фунта кофе или масла, одно яйцо, три фунта картофеля и т.п.³ Основная масса рабочих жила в буквальном смысле слова “из руки в рот” (*von der Hand in den Mund leben* = едва сводить концы с концами или букв. жить из руки в рот — прим. пер.). Преобладало потребление холодных блюд. В одной из анкет опрошенные работницы самой тяжёлой домашней работой назвали не приготовление пищи, а стирку белья⁴. “Рациональное ведение хозяйства”, как позднее постоянно требовали буржуазные женские общества и функционеры рабочего движения, было невозможно⁵. Имел значение недостаток знаний о ведении домашнего хозяйства у многих жён рабочих: после школы они сразу начинали работать, чтобы пополнить семейный бюджет. Чтобы познакомиться их с основами домашнего хозяйства, не хватало ни времени, ни подходящих примеров. Только с наступлением нового, XX в. повышение реальных доходов и рост потребностей позволили рабочим семьям больше заботиться о питании⁶. Если говорить о чисто городских домах рабочих, то продовольствие покупалось большей частью на рынках или в магазинах. Собственные продукты питания, как в полуаграрных городах допромышленной эпохи у рабочих и горняков, живших в сельской местности, здесь из-за нехватки огородов не производились. Исключение представляли заложенные с большим размахом во время Первой мировой войны военные огороды (а в мирное время *Schrebergärten* — небольшие огороды на

¹ *Seeborn R.* Rowntree, Poverty, a Study of Town Life. London, 1901. P. 55. Цит. по: *Stearns P.N.* Abstumpfung. S. 195.

² Ср. среди прочих: *Mehner H.* Der Haushalt u. die Lebenshaltung einer Leipziger Arbeiterfamilie // *Schmollersjahrbuch*. 1887. № 11. S. 302 ff.

³ Ср.: *Conrad E.* Lebensführung... S. 33 f.

⁴ *Die Arbeits- und Lebensverhältnisse der Wiener Lohnarbeiterinnen. Ergebnisse u. stenographisches Protokoll der Enquete über Frauenarbeit.* Wien, 1896. S. 404.

⁵ Ср. среди прочих: *Otto R.* Über die Fabrikarbeit verheirateter Frauen. Stuttgart, Berlin, 1910. S. 279; *Rademann O.* Wie nährt sich der Arbeiter? Frankfurt o. J.; *Fürth H.* Lebenshaltung; *Conrad E.* Lebensführung... S. 33 f.

⁶ Ср.: *Ehmer J.* Frauenarbeit... S. 459 f.

окраинах городов). На них выращивались прежде всего овощи и фрукты, а также держали мелкую живность (кур, кроликов)¹. Множество домашних книг и счетов показывает, что большая часть семейного бюджета рабочих тратилась на покупку продуктов питания. Чем беднее была семья, тем выше эта доля (закон Энгеля). В середине XIX в. она составляла от 60 до 70%, в 1900 г. — всё ещё около 50%. Второй крупной статьёй домашнего бюджета чаще всего была плата за жильё. Её доля колебалась от 20 до 25%, пока к началу Первой мировой войны в большинстве центрально- и западноевропейских стран рост арендной платы не остановился. Соответственно, благодаря строительству коммунального жилья жилищные расходы сократились². Остаток бюджета — около 20% — шёл на одежду, карманные расходы мужа, посещение пивной и покупку табака, освещение, иногда на страхование³.

Среди вопросов о влиянии наёмного труда на положение женщин современниками наиболее широко обсуждался вопрос об ущербе, который производственная работа вообще и во вредных условиях в особенности наносила беременным. В XIX в. ещё не было законодательства о защите рожениц. Из финансовых соображений большинство женщин работало перед родами до последнего. Рабочие больничные кассы выдавали роженицам пособие в первые недели после родов, но столь скудно, что многие женщины возвращались к работе при первой возможности. Обычными последствиями этого были гинекологические болезни, быстрое окончание лак-

¹ Для Вены сравни: *Sieder R. Children of the War // The upheaval of the War / Ed. by R. Wall, J. Winter. Cambridge, 1987.*

² Для Германии: *Saldern A. Sozialdemokratie u. kommunale Wohnungsbaupolitik in den 20-er Jahren — am Beispiel von Hamburg und Wien // Archiv für Sozialgeschichte. 1985. № 25. S. 183 ff.*; для Австрии см.: *Feldbauer P. Städtewachstum u. Wohnungsnot. Determinanten unzureichender Wohnungsversorgung in Wien 1848 bis 1914. Wien, 1977*; *John M. Hausherrnmacht u. Mieterelend. Wohnverhältnisse u. Wohnerfahrung der Unterschichten in Wien 1890–1923. Wien. 1982*; *Sieder R. Arbeiterfamilie.*

³ Ср. для Германии: *Erhebungen von Wirtschaftsrechnungen minderbemittelter Familien im Deutschen Reich. Berlin, 1909. Tab. 61*; *Conrad E. Lebensführung von 22 Arbeiterfamilien Münchens. München, 1909. S. 68 ff.*; *Tenfelde K. Arbeiterhaushalt u. Arbeiterbewegung 1850–1914 // Sozialwissenschaftliche Informationen für Unterricht u. Studium. 1977. V. 6. № 4. S. 60 ff.*; для Австрии ср.: *Wirtschaftsrechnungen u. Lebensverhältnisse von Wiener Arbeiterfamilien in den Jahren 1912–1914. Erhebungen des k.k. Arbeitsstatistischen Amtes im Handelsministerium, 1916*; *Die Arbeits- und Lohnverhältnisse in den Fabriken und Gewerben Niederösterreichs. Erhoben und Dargestellt von der niederösterreichischen Handels- und Gewerbekammer, 1870*; *Die Arbeits- und Lebensverhältnisse der Wiener Lohnarbeiterinnen. Ergebnisse und Stenographisches Protokoll der Enquete über Frauenarbeit, 1896.*

тации и т.п. Кроме того, возникали трудности в согласовании графика работы с грудным кормлением. Перевести младенцев на искусственное вскармливание в условиях низкой гигиены в большинстве семей рабочих было опасно, это вело к повышению младенческой смертности¹.

То, что женщинам едва ли удавалось успешно сочетать свой труд на производстве с тяготами домашнего хозяйства и ухода за детьми, не в последнюю очередь определялось высокой продолжительностью рабочего дня в промышленности. Вместе с дорогой оно составляло ещё 12–14 часов в 80-х годах XIX в. В начале 90-х гг. во многих странах, регионах и отраслях произошёл постепенный переход к 11-часовому рабочему дню. Только с началом XX в. он начал приближаться к 10 часам. Но так как в него и в дальнейшем не включались рабочие перерывы, а путь на работу часто был долгим, то работавшие на фабриках, в мастерских и на предприятиях женщины отсутствовали дома по 12 часов. В экстренных случаях, таких, как болезнь маленького ребёнка и т.п., женщины часто уходили с работы. Большую текучесть женской рабочей силы сами женщины прежде всего объясняли необходимостью уходить с фабрики ради выполнения семейных обязанностей.

Молодые жёны рабочих, занятые на производстве, выполняли положенную им домашнюю работу рано утром или поздно вечером, а также по субботам и воскресеньям. Обед зачастую готовили накануне вечером. Еда работавших членов семьи клалась в жестяную посуду, которую брали с собой на работу. Вернувшись домой с работы, вновь готовили, мыли, убрали и, при необходимости, стирали бельё или чинили одежду. “До девяти часов рабочий день не заканчивался никогда, до 10 часов — редко, часто — только после 11”, — сообщает Генриетта Фюрт о буднях замужних фабричных работниц в 1900 г.² Между днями большой стирки был промежуток в несколько недель, при отсутствии стиральных машин это означало громадное перенапряжение сил³. Неудивительно, что в воспоминаниях многих людей постоянно возникает портрет обременённой заботами, рано состарившейся, постоянно перегруженной матери⁴.

¹ Ср. среди пр.: *Strukturierte soziale Ungleichheit im Reproduktionsbereich. Zur historischen Analyse ihrer Erscheinungsformen in Deutschland 1870–1913 // Geschichte als politische Wissenschaft / Hg. J. Bergmann. Stuttgart, 1979. S. 55 ff., 83 f.*

² *Fürth G. Fabrikarbeit. S. 43.*

³ *Otto R. Fabrikarbeit... 248 ff.* О дне стирки в венских рабочих казармах и общинных домах ср.: *Pirhofer G., Sieder R. Konstitution.*

⁴ Ср.: *Sloterdijk P. Literatur u. Lebenserfahrung. Autobiographien der Zwanziger Jahre. Wien, 1978, особ. 154 ff.;* ср. также: *Vincent D. Bread, Knowledge and Freedom: A Study of 19-th Century Working Class Autobiography. London, 1981.*

3.4. Дети фабричных рабочих

Производственная работа замужних жён рабочих, имевших маленьких детей, породила многообразные конфликты, которые негативно оценивались в различных публикациях не только буржуазными критиками, но и рабочими. Вероятно, небрежное обращение с маленькими детьми считалось самими работающими матерями тяжким пороком. За маленькими детьми присматривали старшие братья и сёстры, их отдавали на попечение дедушек и бабушек, родственников и соседок, в детские учреждения, “воспитательницам”.

“Из дверей дома вышли первые женщины. На руках орущий младенец, за руку ведёт второго. Он трёт себе глаза, плачет и не хочет открывать заспанные глазки. Мать тащит его за собой, нужда уже задавила в ней все нежные чувства. За ней спешит старшая с материнской фляжкой с кофе, в другой руке она несёт пёструю подушку, рожок для младенца и кулёк с сухарями. Так идут к воспитательнице. Дети сразу начинают кричать, как только их “сдали”. Но мать их не слушает, только прочь, прочь! На часах уже пробило почти шесть. Подобные групповые сцены можно видеть дюжинами. Утро за утром”.

Так рассказывает Анна Мёзegaард о работницах табачных фабрик перед Первой мировой войной¹. Другие женщины оставляли своих детишек у соседок или родственников. Большое значение имели солидарность соседей и особенно женская готовность ко взаимопомощи². Старшие дети в течение дня чаще всего были предоставлены самим себе. Они проводили почти весь день на улице, но при этом постоянно добывали продукты питания, бегали с поручениями и выполняли различные просьбы за небольшое вознаграждение. Девочек рано привлекали к домашней работе и к присмотру за младшими братьями и сёстрами³. Вклад детей в семейное существование, о котором сообщают чаще всего, состоял в собирании съестного. Очевидно, эта задача требовала времени, терпения, физической ловкости и умения. Сообщают о различных формах “второго урожая” — сборе оставшихся колосков на сжатых полях, поиске незамеченных картофелин на убранной пашне и т.п.:

“Дочь, как правило, собирает в свободное от школы время ромашки (только для домашнего употребления), выполняет поручения хозяйки кабачка в соседнем доме, ходит собирать колоски и картофелины. Этот сбор оставшихся на поле картофелин и сбор колосков хотя и запрещены, но имеет место... Очевидно, в народном

¹ *Moesegaard A.* In der Elisabethstraße (1911). Он же. Im Jahre 2000 u. Anderes, Düsseldorf, 1914. 134 f.

² *Mehner H.* Op. cit. S. 66.

³ *Grandke H.* Berliner Kleiderkonfektion. Leipzig, 1989. S. 284 f.

сознании ещё живуче старое представление о том, что можно свободно собирать остатки урожая. Эти проявления бедности становятся ещё одним поводом для борьбы с нею. Ведь только из нужды девочка идёт на чужие поля, последствия ей хорошо известны с детства, ведь её однажды уже застал хозяин и выпорол за это”¹.

Наряду с “организацией” продуктов питания важной задачей детей рабочих был также сбор хвороста в окрестных лесах, угля или кокса вблизи рудников, грузовых железнодорожных станций, коксовальных заводов. При этом, разумеется, постоянно нарушался буржуазный правопорядок. Но дети рабочих не считали воровством собрать на складской площадке мешок угля, чтобы было чем топить дома. Они позволяли себе на основе естественного права бедных взять необходимое, чтобы не голодать и не мёрзнуть². Здесь продолжали действовать традиции “нравственной экономики” плебейских слоёв доиндустриального времени.

Совместная работа родителей и детей на фабрике была распространена на первых текстильных мануфактурах и фабриках в начале индустриализации, прежде всего в Англии³. В конце XIX в. работа родителей на фабрике означала, что дети были предоставлены сами себе. Большинство детей рабочих были лишены внимания, ухода и помощи родителей. Даже в семьях квалифицированных рабочих конца XIX в. контакты родителей с детьми ограничивались большей частью коротким промежутком времени между вечерним возвращением родителей домой и отходом ко сну. Очевидно, что семья рабочих не могла себе позволить то, что возлагалось на неё буржуазными филантропами, полицией и органами социального обеспечения в бесконечных спорах и нравоучениях, а именно — “педагогически” обслуживать своих детей вне школы и лучше их

¹ *Mechner H.* Op. cit. S. 66.

² Ср. для Англии: *Humphries S.* Hooligans or Rebels. An Oral History of Working Class Childhood and Youth 1889–1939. Oxford, 1981. О венских детях рабочих начала XX в. ср.: *Sieder R.* Gassenkinder / Zeitschrift für politische bildung. 1984. Bd. 5. № 4. S. 8 ff.; он же. и. *Safrian H.* Gassenkinder — Straßenkämpfer. Zur politischen Socialization einer Arbeitergeneration in Wien 1900–1938 // “Wir kriegen jetzt andere Zeiten”. Auf der Suche nach der Erfahrung des Volkes in nachfaschistischen Ländern / Hg. A. Plato u. L. Niethammer. Bonn, 1985. S. 117 ff.; *Lindner L.* Straße-Straßejunge-Straßenbande. Ein zivilizationgeschichtlicher Streifzug // Zeitschrift für Volkskunde. Bd. 79. 1983; *Zinnecker J.* Straßesozialization, Versuch, einen unterschätzten Lernort zu thematisieren // Zeitschrift für Pädagogik. 1979. № 25. S. 727 ff.

³ Ср.: *Smelser N.J.* Social Change in the Industrial Revolution, London 1959; *Collier F.* Then Family Economy of the Working Classes in the Cotton Industry 1784–1833. Manchester, (1921) 1965; *Herzig A.* Kinderarbeit in Deutschland in Manufaktur u. Proto-Fabrik 1750–1850 // Archiv für Sozialgeschichte. 1983. Bd. 23. S. 311 ff.

контролировать."Социальный вопрос" XIX в. в восприятии властей и обществ социального вспомоществования не в последней степени был вопросом "дефицита воспитания" в семьях фабричных рабочих¹. Если крестьяне, ремесленники, надомные рабочие воспитывали и дисциплинировали детей, привлекая их к производительному труду (что органы власти высоко ценили), то фабричные рабочие, занятые на производстве вне дома, лишь в незначительной мере могли контролировать своих детей. Тем самым снижалось значение родителей, и прежде всего отцов, в социализации многих детей рабочих. Неудивительно поэтому, что во многих воспоминаниях рабочих облик родителей выглядит чаще бледным и расплывчатым². Вакуум общения приводил к тому, что существенные процессы формирования личности происходили не в семье рабочего, а в уличных неформальных детских и молодёжных группах, с конца XIX в. также в детских и юношеских секциях рабочих партий и в церкви³.

3.5. Взаимоотношения полов, выбор партнёра и вступление в брак

В первый период индустриализации большая часть рабочих была не в состоянии жениться и основать семью. Это доказывает часто очень низкая доля женатых рабочих, например, в Пруссии и Австрии, которая в середине XIX в. в городах составляла максимум четверть населения. Во время промышленной революции доля населения, состоявшего в браке, сначала также продолжала падать. Это относилось прежде всего к рабочим тех городов, где доминировала мелкопромышленная структура, к примеру, в Вене⁴. Здесь в 50-е гг. XIX в. были женаты только 10% рабочих деревообрабатывающей и

¹ Ср. для Германии: *Ludwig H.* Die häusliche Erziehung der Volksschulkinder // *Die Frau*. 1897. V. 4. № 9. S. 513 ff.; для Австрии: *Hetzer H.* Kindheit u. Armut, Wien 1929; *Rada M.* Das reife Proletariermädchen in seiner Beziehung zur Umwelt. Wien, 1931 (диссертация).

² Ср.: *Vincent D.* Bread...; *Hanish E.* Arbeiterkindheit in Österreich vor dem Ersten Weltkrieg // *Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur*. 1982. № 7. S. 109 ff.; *Sieder R.* "Vata, derf i aufstehn?" Kindheitserfahrungen in Wiener Arbeiterfamilien um 1900 // *Glücklich ist, ver vergißt...? Das andere Wien um 1900* / Hg. H.C. Ehalt u.a. Wien, 1986. S. 39 ff.

³ Ср.: *Mitterauer M.* Sozialgeschichte... S. 192 ff.; *Gillis, Peukert D.* Die "wilden Cliques" in den zwanziger Jahren // *Zur Theorie u. Geschichte des Jugendprotestes* / Hg. W. Breyvogel. Essen, 1983. S. 70 ff.; *Lindner R.* Bandenwesen u. Klubwesen im wilhelminischen Reich u. der Weimarer Republik // *Geschichte u. Gesellschaft*. 1984. S. № 10. 352 ff.; *Sieder R., Safrian H.* Op. cit.

⁴ Ср.: *Ehmer J.* Familienstruktur... S. 57 ff.; *Harnisch H.* Bevölkerungsgeschichtliche Probleme der industriellen Revolution // *Studien zur Geschichte der Produktivkräfte. Deutschland zur Zeit der Industriellen Revolution*, 1979. S. 267 ff.

пищевой промышленности, 14% рабочих — швейной и только 16% металлургической промышленности¹. Большие возможности для создания семьи имели рабочие в традиционных прединдустриальных отраслях промышленности (прежде всего в текстильной и домашней промышленности). Параллельно во многих городах резко возросло число рождённых вне брака детей, причём одновременно рождаемость в целом скорее падала.

Как влияли эти тенденции на половую жизнь рабочих, сказать трудно. Отказ от брака и создания семьи для многих, конечно, был связан с сексуальными лишениями и эмоционально-эротической неудовлетворённостью. Документы, однако, свидетельствуют о неготовности низших слоёв к отказу от эротических влечений и половых отношений. В 1828 г. венский епископ сетовал императору на “аморальное” поведение многих служанок. Те рассчитывали, не имея возможностей вступить в брак, найти по крайней мере в своих внебрачных детях опору в старости². Однако возможности незамужних матерей нельзя переоценивать. Большинство одиноких матерей не могло воспитать ребёнка, продолжая работать. Внебрачные дети неимущих матерей оказывались в родильных и воспитательных домах, которые основало абсолютистское государство, “чтобы не распространять детоубийства”³. В 1856 г. 7356 детей появились на свет в венском родильном доме, что составило примерно 83% внебрачных и примерно 36% всех детей, родившихся в Вене. 92% из них были переведены в воспитательный дом, остальные умерли в родильном доме, мизерная доля процента была передана матерям для ухода. Большинство детей содержали в воспитательном доме бесплатно, что указывает на отсутствие средств у их матерей. Наиболее сильные и здоровые из этих матерей обязаны были находиться в распоряжении воспитательного дома в качестве кормилиц⁴.

Только в конце XIX в. для всё большей части рабочих начали расти шансы на заключение брака и обзаведение семьёй. Но отношения полов и сексуальный опыт фабричных рабочих, насколько можно судить по автобиографическим свидетельствам, наблюдениям первых “социальных репортёров”⁵ XIX в. и воспоминаниям об

¹ Ср.: *Ehmer J. Familienstruktur...* S. 103.

² *Weinzierl-Fiescher E. Visitationsberichte österreichischer Bischöfe an Kaiser Franz I. (1804–1835) // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. 1953. V. 6. S. 240 f.*; О динамике внебрачных рождений в Вене ср.: *Ehmer J. Familienstruktur...* Tab. 21, 96.

³ Ср.: F.X. Ritter v. Sickingen (d.i. J. Schweickhardt). *Darstellung der k.k. Haupt- u. Residenzstast. Wien, 1832.*

⁴ Ср.: *Ehmer J. Familienstruktur...* S. 97 f.

⁵ Для Германии ср.: *Göhre P. Drei Monate Fabrikarbeiter u. Handwerkerbur-*

условиях жизни начала XX в.¹, всё же определялись прежде всего двумя факторами: жилищной теснотой и иерархией рабочих и семейных отношений.

Тесные жилищные условия и недостаток кроватей вынуждали родителей и детей спать вместе, пребывание посторонних (постояльцев, жильцов и т.п.), часто спавших в той же комнате, были почвой для постоянно происходивших случаев сексуального насилия над детьми и подростками, а также инцестов². Из этих фактов часто делалось заключение о “природной”, “здоровой”³ или “необузданной”, “лишённой табу”⁴ сексуальности рабочих. Оно не раскрывает всей сложности отношений. Распространённый тезис об отсутствии в семьях рабочих привитого воспитанием порога стыдливости⁵ представляется малообоснованным.

Как показывают автобиографии и интервью, вынужденная недостатком помещений и кроватей физическая близость переживалась по крайней мере в ранние детские годы вполне позитивно; она давала теплоту и защищённость. То обстоятельство, что большинство самых младших детей в семье спало в постели родителей (обычно, пока не родился следующий ребёнок), позволяет предположить, что у детей рабочих формировалось как бы естественное восприятие тела. В этом, возможно, причина той здоровой сексуальности рабочих, которая отмечается буржуазными наблюдателями. С другой стороны, с этими отношениями были связаны также очень двойственные впечатления. Одного из детей вновь и вновь выбрасывали “из гнезда” родительской постели, чтобы дать место для новорождённых. Вновь и вновь резко отвергались инцестуальные желания детей, так как в отличие от бюргерских семей сексуальная

sche. Leipzig, 1891. Для Австрии помимо прочего см.: *Winter M.* Das Schwarze Wienerherz. Sozialreportagen aus dem frühen 20. Jh. // Hg. H. Strutzmann. Wien, 1982.

¹ Ср. для Англии: *Thompson P.* The Edwardians. London, 1975; *Gittins D.* Fair Sex. Family Size and Structure, 1900–39. L. 1982.

² Ср.: *Popp A.* Jugend einer Arbeiterin (1915). Berlin, 1978; в качестве литературного варианта ср.: *Saltzen F.* Josefina Mutzenbacher oder Die Geschichte einer Wienerischen Dirne von ihr selbst erzählt. München, 1971.

³ Например: *Bernays B.M.* Auslese u. Anpassungen der Arbeiterschaft in der geschlossenen Großindustrie. Dargestellt an den Verhältnissen der “Gladbacher Spinnerei und Weberei” AG zu Mönchengladbach. Leipzig, 1910. S. 228.

⁴ Например, см. венского социалиста, психоаналитика и педагога С. Бернфельда: *Bernfeld S.* Über die einfache männliche Pubertät // Он же. Antiautoritäre Psychoanalyse: Ausgewählte Schriften. Bd. 2 / Hg. L.v. Werder u. R. Wolff. Frankfurt, 1974. S. 308 ff.

⁵ Ср.: *Korff G.* Einige Bemerkungen zum Wandel des Bettes / Zeitschrift für Volkskunde, 1981, S. I ff., особ. S. 13; *Rühle O.* Illustrierte Kultur- u. Sittengeschichte des Proletariats. Berlin, 1930.

жизнь родителей не могла быть полностью скрыта за стенами их спальни. В целом представляется, что *порог стыдливости* вследствие пространственной тесноты (а не вопреки ей) был чрезвычайно высок: родители тщательно следили, чтобы никто из детей никогда не показывался голым, со страхом избегали говорить с детьми о половой жизни. Сама беременность и роды были в значительной степени табуированы. Хотя дети кое-что видели и слышали, но это “запрещалось разглашать”. Вынужденное соглядатайство вело не к просвещению, а к искажённым, часто наполненным страхами представлениям, где отцу приписывалась роль агрессора, который угрожал матери. Многие автобиографии и воспоминания свидетельствуют, что неизбежному физическому контакту между родителями и детьми (и между делившими большей частью одну кровать детьми) противостоял значительный дефицит нежности в отношениях между родителями и детьми. Но этот дефицит, по-видимому, был вызван необходимостью именно в стеснённой жилищной ситуации устанавливать чёткие границы для экспрессивных физических соприкосновений. Сексуальные связи в целом воспринимались со страхом и стыдом, с детства на сексуальных потребностях и впечатлениях лежал покров скрытности и вины.

Если же молчание нарушалось, часто, как отмечают многие наблюдатели, высказывания подростков и взрослых были грубы и агрессивны. На предприятиях со смешанными коллективами непристойности и двусмысленности, сексистская манера обращения многих мужчин, начальников не в последнюю очередь, со своими большей частью молодыми женщинами-коллегами были, по-видимому, обычным делом. Это также противоречит тезису о нетабуированном характере сексуальности рабочих. Выраженная склонность к недвусмысленным двусмысленностям, брань, принятая в разговорах о сексуальном, указывают на потребность освоиться с сексуальными впечатлениями и наблюдениями и “отделаться” дистанцирующими, уничижительными словами от сексуальности, пережитой, как угроза. Сюда добавлялось то, что половые связи, как справедливо подчеркнула Хайди Розенбаум, всегда имели характер чётко выраженных отношений господства, в чём отражалась иерархия рабочей и семейной жизни: “Им были присущи постоянные моменты превосходства и подчинения, власти и слабости”¹.

То обстоятельство, что рабочие, по сравнению с буржуазной молодёжью, часто раньше начинали половую жизнь, следует, наверное, объяснять не столько сексуальной свободой, сколько тем, что пролетарская молодёжь имела меньшую социальную отсрочку, чем “защищаемая” и “оберегаемая” буржуазия. Эмоциональную лич-

¹ *Rosenbaum H. Formen der Familien. S. 425.*

ностную поддержку она находила (сильнее, чем дети буржуа) в признании и внимании неформальных детских и молодёжных групп на улице или предприятии¹. Вероятно, раннее начало “сексуальной карьеры”, о котором сообщают некоторые авторы, следует считать также выражением дефицита внимания и общения, связанного с описанным дистанцированием, принятым во многих рабочих семьях. Евангелистский пастор Пауль Гёре подметил, наблюдая за молодыми промышленными рабочими Хемница, что они “в подавляющем большинстве случаев” после регулярных “воскресных танцевальных развлечений” теряли “невинность”; едва ли хотя бы один юноша или девушка из рабочих старше 17 лет оставались “целомудренным и девственным”:

“Правда, со шлюхами, которые отдаются за деньги, почти никогда не имеют дела. Это считается стыдным, и их даже презирают. Но почти у каждого есть любимая и у каждой — возлюбленный; за немногими исключениями они оказывают себе эту столь естественную услугу. Помимо этого, молодой человек стремится, где бы это ни происходило, воспользоваться и другими девушками, которые соглашаются на это, что не трудно и не редко. Опять-таки та, которая позволяет использовать себя сразу же после первого знакомства, заслуживает мало позора, по мнению многих. С такой по меньшей мере “гуляют” не долго. Если же она затем беременеет, то, как правило, на ней и женятся, всё равно, знают ли её давно или вместе лишь несколько недель, годится это или нет, подходят друг другу или нет. Так случай, половое наслаждение и его возможные последствия, редко настоящая любовь... подгоняют молодых людей к вступлению в брак”².

Итак, от евангелистского пастора не укрылось, что в среде молодых рабочих действовали вполне определённые правила. То, что на забеременевшей девушке должен был жениться отец её ребёнка, очевидно, соответствовало нормам сексуальной культуры фабричных рабочих. Двойная мораль, согласно которой парни могли иметь много сексуальных партнёров, а девушкам не позволялось ни слишком часто менять партнёров, ни слишком рано соглашаться на половые отношения, действовала, очевидно, также у молодых фабричных рабочих Хемнитца. Интересно, что Гёре в другом месте говорит, что молодым людям не хватает “родительской заботы и любви”, многие из них живут без “благодатного влияния крепкого семейного союза”. Перед нами пример сексуальной культуры молодёжи промышленного города конца XIX в., в котором молодые люди

¹ Ср.: *Muchow H., Muchow M. Der Lebensraum des Großstadtkindes. Bensheim, 1980.*

² *Göhre P. Op. cit. S. 204 ff.*

пытались регулировать половое поведение установлением коллективного контроля над ним.

Дочери рабочих вели весьма деликатный сексуальный торг (“sexual bargaining”)¹, одаривая юношей сексуальным и эротическим вниманием и выговаривая, разумеется, очень ограниченные материальные гарантии будущего брака. Угрожавшая опасность оказаться жертвой столь неравного обмена требовала коллективной страховки. Девушки-работницы предпочитали воскресными вечерами гулять компаниями, чтобы держать под контролем честное поведение парней. Воскресные прогулки во многих местах стали ритуалом, происходившим в соответствии с установленными рабочей молодежью правилами как коллективное общение юношей и девушек. Под защитой группы девушки встречали своих “поклонников” и назначали первые свидания. Группа, до известной степени, определяла и равноценность “сексуальной сделки”: приглашение девушки в кабачок, маленький подарок со стороны парня, внимание, первые ласки, свидетельство честности всего дельца и, наконец, согласие девушки на физическую близость. При этом граница с проституцией соблюдалась особенно тщательно. Минна Ветштайн-Адельт сообщает: “Возлюбленный дарит им (девушкам — Р.З.) одежду, украшения, бельё, но платить за свою любовь они не позволяют, всё должно оставаться в пределах добровольных подарков”². “Глубокое и серьёзное возмущение”, как пишет Ветштайн-Адельт, молодёжь выказывала тем девушкам, которые сходились с “благородными господами”³. Здесь звучит нота классово-розовой розни, основанной на стремлении рабочего товарищества держать в стороне от местного брачного рынка богатых “интервентов” (“благородных господ”). Защита деловых связей от физической любви и денег была тем крепче, что проституция вовсе не являлась неизвестным злом, для многих женщин и девушек при сохранявшейся безработице она оставалась последним способом обеспечить существование. Всё-таки почти четверть берлинских проституток в 1875 г. вышла из семей рабочих⁴.

Таким образом, в среде молодых работниц порождалась специфическая пролетарская молодёжная культура, часто выраставшая из традиций деревенских отношений. Она создавала пусть и ограниченную, но автономию в определении их социального и сексуального поведения, которой не было ни в деревне, ни в городах с преобладанием ремесла или надомных промыслов. Хотя в городах

¹ Ср.: *Safilios-Rothschild C. Love, Sex and Sex Roles. Englewood Cliffs, 1977.*

² *Wettstein-Adelt M. Drei Monate Fabrikarbeiterin. Berlin, 1893. S. 24 ff.*

³ *Ibid. S. 24.*

⁴ Ср.: *Schulte R. Sperrbezirke. Frankfurt, 1979. S. 68.*

использования, насилие и обман в сфере сексуальных отношений представляли постоянную опасность для одиноких девушек, их постепенная эмансипация от патриархальных структур родных семей и семей работодателей давала новые возможности их коллективной организации. Таким образом, впервые в истории в городских рабочих кварталах возник феномен женской молодёжи.

В условиях городской пролетарской жизни было меньше возможностей держать под наблюдением и контролем брачный рынок, чем в деревнях и маленьких городках. Однако, молодёжным рабочим группам, формировавшимся по месту жительства, придавалось важное значение в устройстве отношений и контроле за ними¹. О вуппертальской текстильной промышленности, например, сообщается, что в начале XX в. всё ещё сохранялось правило вступать в брак только тогда, когда невеста была беременной. Вуппертальские текстильные работницы не видели ничего “постыдного” в добрачных половых отношениях, “если они практиковались только с одним (партнёром — Р.З.)”. “При этом многие, конечно, хотят — говорится дальше, — найти в хорошо зарабатывающем муже поддержку и кормильца. Поэтому нравственные чувства у рабочих ни в какой мере не умерли”. Это особенно видно из действительности коллективного контроля рабочей молодёжи:

“Горе тому мужчине, который хотел бы попытаться избежать своих обязанностей в отношении девушки. Он не осмелился бы показаться на улице, не подвергаясь опасности быть побитым товарищами. Если же и это не заставило бы его сдаться, то ему организовали бы кошачий концерт и попытались бы всеми способами заставить жениться на девушке. Уже были случаи, что рабочие, отказывавшиеся подчиниться этому обычаю, были вынуждены сменить место жительства”².

Аналогичные сведения относятся к другим немецким, английским, французским и итальянским городам³. Этот обычай осужде-

¹ Для молодёжных групп городских рабочих в целом: *Mitterauer M. Sozialgeschichte...* S. 192 ff. Для парижской рабочей молодёжи в пятидесятых годах XX в. ср.: *Lafont H. Jugendbanden // Die Masken des Begehrens und die Metamorphosen der Sinnlichkeit. Zur Geschichte der Sexualität im Abendland / Hg. P. Ariès u.a. Frankfurt 1984. S. 209 ff.*

² *Gottheiner E. Studien über die Wuppertaler Textilindustrie u. ihre Arbeiter in den letzten 20 Jahren. Zürich, 1903. S. 43 f.*

³ *Köllman W. Sozialgeschichte der Stadt Bochum, Tübingen 1960. S. 148; Thompson P. “Rough Music”. S. 131 ff.; G.C. Pola Falletti di Villsfalletto. Le associatini giovsnili a Roma e nel Lazio // Lares. 1950. № 16. P. 40 ff. К допромышленным формам обычаев осуждения см.: *Davis N.Z. The Reasons of Misrule // Она же. Society and Culture in Early Modern France. London, 1975; Ginzburg. Charivari; Wikman. Einleitung.**

ния в его первоначальной форме мы уже видели у сельской молодёжи, чей социальный контроль дополнял расчёты крестьян, связанные с сохранением собственности при выборе партнёра и вступлении в брак, или заменял их. Его присутствие в начале XX в. в среде рабочей молодёжи промышленных городов и встречающиеся следы сельского обычая “преграждать путь”¹, указывают, с одной стороны, на культурную преемственность, пережившую процессы урбанизации и индустриализации. Они дают также основание утверждать, что в условиях отсутствия норм, регулирующих приобретение и гарантии передачи имущества, молодёжь, испытывала, очевидно, потребность применить к отношениям полов эгалитарные формы социального контроля рабочего товарищества.

Социальное регулирование добрачных половых отношений в среде городских рабочих демонстрирует в целом удивительное сходство с отношениями на селе. Это объясняется, с одной стороны, деревенским происхождением многих промышленных рабочих, но указывает и на другой аспект городской жизни рабочих. Они с трудом воспринимали в целом стремительно развивавшиеся структуры промышленных городов и тяжело адаптировались к ним. Рабочие, часто лишь недавно попавшие в “суперструктуру” города, испытывали явную нужду в ориентации на компактные структуры отношений соседства, местного прихода и общины, жилого квартала и района². Здесь, внутри более подходящего для чувственного восприятия и обозримого пространства, складывались те молодёжные группы, которые коллективно регулировали предшествующее вступлению в брак и половое поведение³.

Как и во многих деревнях⁴, в городских рабочих кварталах с началом регулярных половых отношений, практически соответствовавшим по значению *помолвке*, семья, соседи, друзья и коллеги принимали добрачные отношения между сексуальными партнёрами к сведению. Серьёзность намерений обоих партнёров, с одной стороны, подчёркивалась началом половых отношений, а с другой — тем, что о них знала и их признавала общественность. О том, у кого с кем сложились “серьёзные отношения”, помимо членов молодёжных групп знали, как правило, все домашние и соседи. Как и дальнейшее течение супружеской жизни, в период, предшествовавший

¹ Ср.: *Mitterauer M. Jugendgruppen...* S. 208 ff.; также: *Dünniger. Wegsperrte.*

² Ср.: *Brückner P., Ricke G. Über die ästhetische Erziehung des Menschen in der Arbeiterbewegung // Das Unvermögen der Realität. Beiträge zu einem anderen materiakistischen Ästhetikum / Hg. C. Bessel u.a. Berlin, 1974. S. 38.*

³ Ср. для Парижа: *Lafont H. Jugendbanden; Gillis J.R. Geschichte der Jugend. Weinheim, 1980, особ. S. 82 ff.*

⁴ Ср.: *Mitterauer M. Ledige Mütter. Zur Geschichte unehelicher Geburten in Europa. München, 1983. особ. S. 39 ff.*

вступлению в брак, соседи контролировали и санкционировали их. Поэтому парни и девушки, которые часто меняли половых партнёров, вскоре оказывались объектом пересудов и тем самым попадали под действие социальных регулятивов.

Если девушка беременела, то часто не удавалось устроить свадьбу ещё до рождения ребёнка. В странах, где до 70-х гг. XIX в. разрешение властей на заключение брака обуславливалось наличием минимального имущества (“политический ценз на вступление в брак”), желавшим жениться рабочим часто отказывали в этом. Они годами жили в “конкубинате”. Их дети считались “незаконнорожденными”. Примерно 25% всех детей в Баварии в 50-х гг. родилось вне брака, в Баден-Вюртемберге таковых было около 18%¹. Хотя после отмены “политического ценза на вступление в брак” число внебрачных рождений сократилось, большинство рабочих и в дальнейшем женилось как можно позднее. Проведенное в 1910 г. на заводах Даймлера–Бенца обследование показало, что из 115 браков рабочих в 59 случаях первый ребёнок появился на свет ещё до свадьбы. Большинство этих детей, по всей вероятности, имели отцом человека, ставшего затем мужем². В некоторых случаях брак заключался только после рождения нескольких детей³. Ветшттайн-Адельт сообщает о работнице из Хемнитца, которая “три года жила в ‘свободном браке’ с ткачём из Дрездена, год — с кочегаром из Цвикау и полгода — с прядильщиком из Хемнитца”⁴. Если отвлечься от материальной нужды, то такая жизнь по сравнению с возможностями бюргерских женщин имела прямо-таки черты эмансипации. С другой стороны, для жён рабочих это был и высокий социальный риск. В кругах рабочих часто женились только после рождения одного или нескольких детей, незамужние матери жили в постоянном страхе быть брошенными. Хотя такое поведение мужчины считалось непорядочным, обезличенные структуры растущих городов предлагали им всё больше возможностей избежать регулирующего воздействия со стороны соседей и территориальных молодёжных групп. Высокая мобильность рабочих до Первой мировой войны снижала эффективность социального контроля местной среды. Например, из рождённых в 1895 г. во Франкфурте внебрачных

¹ Matz K.-J. Pauperismus u. Bevölkerung. Stuttgart, 1980. S. 247; для сельских регионов ср.: Kascuba W., Lipp C. Überleben. S. 288 ff.

² Schumann F. Auslese u. Anpassung der Arbeiterschaft in der Automobilindustrie, Leipzig 1911. S. 101.

³ Kempf R. Das Leben der jungen Fabrikmädchen in München. Die soziale und wirtschaftliche Lage ihrer Familie, ihr Berufsleben und ihre persönliche Verhältnisse. Leipzig, 1911. S. 187; ср. также: Holek W. Lebensgang eines deutsch-tschechischen Handarbeiters. Jena, 1909.

⁴ Wettstein-Adelt M. Op. cit. S. 30.

детей фабричных работниц только треть была впоследствии узаконена¹. Значительная часть женщин в одиночку поднимали своих детей, отдавали их под присмотр родственников или в детские дома. Они стали основными клиентами организованной после Первой мировой войны новой службы социального обеспечения, которая заменила старые формы попечения о бедных.

Улучшение возможностей для вступления в брак и обзаведения семьёй получили в период промышленной революции прежде всего рабочие обновлённых отраслей промышленности, квалифицированные рабочие в инструментальном производстве и машиностроении. Они не были связаны домашним правом и интегрированы в домохозяйство работодателя, и поэтому не должны были придерживаться вынужденного безбрачия. Высокий уровень заработной платы облегчал обзаведение семьёй и хозяйством. Однако их брачный возраст был несколько более высоким, что обуславливалось необходимостью получить высокую квалификацию и, возможно также, накопить “сбережения” для семейной жизни².

Как только позволяли обстоятельства, одинокий квартирант, снимавший угол или койку, предпочитал завести семью, а не жить, как молодой подмастерье. В “супружестве” он рассчитывал на то, что будет сыт и одет, сексуально удовлетворён и эмоционально поддержан. Теперь, полагал он, жена будет готовить, убирать и стирать бельё, т.е., делать всё, за что холостяк платил, и всё будет так, будто он снова в родительском доме. Брак обещал ему ту эмоциональную защищённость и сексуальное удовлетворение, которых он, снимая койку или комнату, был по большей части лишён³. Большинство незамужних работниц также могло жить в наняемом помещении или у работодателя лишь какое-то время (служанки, помощницы в торговле). Их зарплата обычно не позволяла вести собственное хозяйство, брак же давал возможность покинуть дом родной семьи или работодателя. Некоторые женщины, вероятно, связывали с браком и надежду поскорее избавиться от участи угнетённой и низко оплачиваемой работницы.

Однако, начав вести совместное хозяйство и особенно с рождением ребёнка работница попадала в зависимость от сожителя или мужа. Материальная зависимость возникала и когда женщина не бросала работу: её заработок был слишком мал или нерегулярен. Мужчина играл роль кормильца в рабочей семье: при общей бедности это создавало материальную основу его претензий на господ-

¹ *Spann O.* Die geschichtlich-sittlichen Verhältnisse im Dienstboten- u. Arbeiterinnenstande, gemessen an der Erscheinung der unehelichen Geburten // *Zeitschrift für Socialwissenschaft.* 1904. № 7. S. 287 ff., 299.

² *Ehmer J.* Familienstruktur... S. 104 f.

³ *Ñö.: Rühle O.* Kultur- u. Sittengeschichte... Bd. 2. S. 10.

ство и привилегии. Таким образом, желание вступить в брак и основать семью имело у мужчин и женщин различные мотивы, как и в дальнейшей супружеской жизни различалось материальное, социальное и психологическое положение мужа и жены.

Трудно сказать, как соотносились, вероятно, распространённые надежды незамужних работниц на “маленькое семейное счастье” с опытом их замужних коллег, который трудно было скрыть и который поэтому был хорошо известен. Для большинства работниц обыведение хозяйством и рождение ребёнка вело к прекращению работы, уменьшало средства, которыми они лично распоряжались и ограничивало их личную независимость. Встаёт вопрос, в какой степени женщины это осознавали и какие выводы из этого делали? Некоторые авторы подчёркивали скепсис и слабость иллюзий многих женщин в отношении брака¹. Минна Веттштайн-Адельт сообщает, что работницы из Саксонии (конец XIX в.) не особенно торопились замуж, поскольку не хотели иметь так же много детей, как их матери. Длительная “помолвка” должна была отсрочить замужество². Приводятся и скептические, часто циничные высказывания рабочих о семье и супружестве. Однако, в конечном счёте, для большинства браку видимой альтернативы не было. Если молодые работницы не хотели находиться в длительной зависимости от родителей, а служанки — работодателей, им приходилось рано или поздно решаться на вступление в брак и основание семьи. Многие из них, возможно, понимали, что тем самым патриархат родительского дома или господство хозяев сменяются патриархатом в браке, но иного общество им не предлагало.

Брачный возраст рабочих варьировал в зависимости от региона, уровня образования и дохода. Квалифицированные, хорошо зарабатывавшие рабочие (например, южно-немецкие рабочие-металлисты второй половины XIX в.) часто дольше оставались холостяками. Они так долго копили “сбережения” (для покупки мебели и т.д.), что женились часто только в 30 лет³, при среднем брачном возрасте около 24 лет⁴. В среднем рабочие и работницы вступали в брак примерно на три года раньше, чем лица других профессиональных групп⁵. Супругов они выбирали преимущественно из своей среды (социальная эндогамия).

¹ *Göhre P.* Drei Monate... S. 206; *Stearns P.N.* Abstumpfung; *Hewitt M.* Wives.

² *Wettstein-Adelt M.* Drei Monate... S. 44 f.

³ Ср.: *Schomerus H.* Die Arbeiter der Maschinenfabrik Esslingen. Forschungen zur Lage der Arbeiterschaft im 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1977. S. 174.

⁴ *Schumann F.* Die Arbeiter der Deimler-Motoren-Gesellschaft Stuttgart-Untertürkheim. Auslese und Anpassung der Arbeiterschaft in der Automobilindustrie und einer Wiener Maschinenfabrik. Leipzig, 1911. S. 97 f.

⁵ Ср.: *Knodel.* Decline. S. 71 ff.

Сказав о потребности рабочих в упорядоченных отношениях в собственном хозяйстве и надеждах работниц с замужеством и рождением ребёнка избавиться от “фабричного рабства”, мы, вероятно, в общих чертах охарактеризовали мотивы вступления в брак и обзаведения семьёй. Выбор брачного партнёра происходил внутри рабочей среды, судя по всему, с учётом перспектив будущей совместной жизни наёмных рабочих и необходимости вести воспроизводство в очень стеснённых условиях. “Дельный, прилежный мужчина”, “старательная хозяйка” и подобные этим характеристики встречаются в автобиографиях и устных рассказах. То, что “при этом” была и “любовь” — не удивительно: в крайне необеспеченном браке она “гарантировала” соблюдение супругами взятых на себя обязательств. Да и, наконец, словечки бесчисленных бульварных романов внедрились в сознание скорее “бессловесных” рабочих¹.

Молодым парам из-за отсутствия средств удавалось лишь постепенно выйти из материальной и социальной зависимости от родителей. Самой большой проблемой в большинстве случаев было снять квартиру и обставить её. Многие пары первые годы супружества проводили в условиях давящей жилищной нужды. Часто муж и жена сначала не могли жить вместе и оставались у родителей или вместе с другими рабочими снимали углы. Лишь многолетняя экономия давала им, наконец, возможность снять квартиру. Другие молодые рабочие начинали свои “серьёзные отношения” в родительском доме², за что они обычно должны были платить. В условиях жилищной тесноты часто в одной комнате спали братья и сёстры, родители или родственники. Сексуальная жизнь супружеской пары поэтому, как правило, сводилась к скрытным и торопливым половым сношениям и представлялась чем-то запретным и безнравственным.

Частые беременности, а позднее безуспешные из-за отсутствия необходимых средств попытки предохраниться от нежелательных зачатий осложняли сексуальные отношения супругов. Начавшееся в конце XIX в. снижение рождаемости в среде рабочих проходило медленнее, чем в других профессиональных группах³. Рабочие больших городов, сначала квалифицированные, первыми начали ограничивать рождаемость⁴. Среднее число рождений в семьях ра-

¹ Ср.: *Popp H.* Jugend einer Arbeiterin. S. 125.

² Ср.: *Reimes W.* Durch die Dratverhaue des Lebens. Aus dem Werdegang eines klassenbewußten Arbeiters. Dresden, (1920). S. 36 ff.; для Вены ср.: *Fischer E.* Krise der Jugend // Он же. Kultur, Literatur, Politik. Frühe Schriften. Frankfurt, 1984. 155 ff.; *Sieder R., Safrian H.* Gassenkinder...

³ Ср.: *Knodel.* Decline. P. 252.

⁴ *Castell A.* Forschungsergebnisse zum Gruppenspezifischen Wandel generati-

бочих, однако, долго оставалось наивысшим для всех групп населения. В 1891–1894 гг. на 1000 женщин в возрасте от 15 до 50 лет в беднейшем венском городском районе приходилось 200 родов в год, в наиболее же богатом — только 71. В Берлине или Париже контроль не был столь жёстким, но и здесь рождаемость в беднейших кварталах почти в два раза превосходила этот показатель зажиточных районов¹. Средняя семья промышленных рабочих Германии имела 4,67 детей, что и для первой трети XIX в. было очень высоким показателем рождаемости. Он был выше лишь у сельскохозяйственных рабочих (6,05 ребёнка на семью), тогда как, например, служащие и чиновники в среднем имели около 3 детей².

Нет сомнения, что у большинства жён рабочих число детей в действительности превышало запланированное или желательное. Сексуальные отношения в супружестве омрачались тщетной борьбой против чрезмерной благодати деторождения. Политика государства и церкви, направленная против распространения методов контрацепции³, вела к большому числу аборт в низших слоях. В первой четверти XX в. число прерванных беременностей в Германии составило примерно от 200 до 250 на 1000 рождений⁴. Вероятно, главным образом незамужние женщины вместо предохранения от зачатия широко практиковали искусственное прерывание беременности. Замужние женщины, напротив, прибегали к аборту, если попытка предотвратить беременность не удалась⁵. Женщины из низших слоёв обычно, опасаясь штрафа и судебного преследования, пытались вызвать самопроизвольный выкидыш, прибегая к непригодным и опасным для здоровья средствам и помощи знахарок. "Использование при абортах мыльных растворов, вязальных спиц,

ven Strukturen // Sozialgeschichte der Familie / Hg. W. Conze. S. 170; Они же. Untersuchungen im "demographischen Übergang". Historische Bedingungen des Wandels der ehelichen Fruchtbarkeit und der Säuglingssterblichkeit / Hg. H. Mommsen. S. 374 ff.; *Spree R.* Ungleichheit. S. 99. Tab. 19.

¹ *Bertillon J.* La dépopulation de la France. Paris, 1911. P. 113.

² Ср.: *Castell A.* Forschungsergebnisse... S. 167.

³ Немецкий рейхстаг осудил все формы предотвращения рождаемости как преступление против народа и нации. В 1914 г. немецкая социал-демократия устроила собрание протеста "против государственного принуждения к родам". В Австрии католическая церковь препятствовала даже разрешению на открытие отделения "Мальтузианской лиги" и т.п. Ср.: *Hirsch M.* Fruchtbarkeit u. Präventivverkehr im Zusammenhang mit dem Geburtenrückgang, Würzburg 1914, 132. Ср. в целом: *Linse U.* Arbeiterschaft u. Geburtenentwicklung im Deutschen Kaiserreich von 1871 // Archiv für Sozialgeschichte. 1972. № 12. S. 205 ff., особ. 226; *Castell A.* Forschungsergebnisse... S. 380 ff.

⁴ Ср.: *Hubbart W.* Familiengeschichte, München, 1983. S. 115.

⁵ *Castell A.* Forschungsergebnisse... S. 384. Поднят вопрос об официальных "данных об абортах".

отсутствие асептики вело к физическим травмам и смертельным исходам”¹. От последствий подпольных попыток прервать беременность в Германии ежегодно умирало до 20 000 женщин и в четыре раза больше от этого заболело².

Наряду с “coitus interruptus”, который рабочие называли “Vor-Ort-Geschäft”, самым распространённым, но, вероятно, и ненадёжным средством предохранения были спринцевания³. Резиновый презерватив для предупреждения беременности в семьях рабочих использовался редко. Считавшийся надёжным “Zoekal-Kondome” (изготавливавшийся из бараньих кишок), был дорог и применялся лишь в высших слоях. Адельхайд Кастель полагает, что многие рабочие, прибегая к новым, пользовавшимся спросом (но дефицитным и ненадёжным) противозачаточным средствам, отказывались от испытанных приёмов, “так что в целом риск зачатия пока вряд ли уменьшался”⁴. Насколько наиболее распространённая практика “coitus interruptus” влияла на супружеские половые отношения — вопрос спорный. Специалисты-сексологи и психологи считают, что она снижает желание⁵. Она подчёркивала подчинённое положение женщин в отношениях полов. Они вынуждены были полагаться на то, что муж собой “владеет”, однако в некоторых браках такого доверия не было. Возникавший у женщин страх, что муж “не совладеет с собой”, и его сексуальные амбиции могли постепенно перерасти в агрессию и враждебность. Положение обостряло значительное потребление алкоголя многими рабочими. “Есть те, кто пьёт нерегулярно, раз в месяц, по выходным, и те, кто почти каждый день возвращается в семью ни на что не способными”⁶, — писал Х. Людвиг о браках в четвёртом сословии.

Итак, многое указывает на то, что начавшееся в первом десятилетии XX в. снижение рождаемости в рабочей среде было результатом мучительной борьбы женщин против своей “биологической

¹ Trallori L.N. Vom Leben u. vom Töten. Zur Geschichte patriarchaler Fortpflanzungskontrolle. Wien, 1983. S. 173.

² Reich W. Der sexuelle Kampf der Jugend, Berlin 1932, 17. Цит. по: Trallori L.N. Op. cit. S. 174. Ни немецкие, ни австрийские социал-демократы не боролись решительно против штрафа за аборт и связанных с этим последствий. Многие функционеры выступали за ограничение медицинских показаний к аборту. Castell A. S. 384. Для Австрии см.: Die Frau. Sozialdemokratisches Organ für Frauen u. Mädchen. Wien, 1927. Nr. 2, 8.

³ Ср.: Marcuse M. Der eheliche Präventivverkehr, seine Verbreitung, Verursachung und Methodik. Stuttgart, 1917.

⁴ Castell A. Forschungsergebnisse... S. 380°

⁵ Reich W. Frühe Schriften. Bd. 2: Genitalität in der Theorie u. Therapie der Neurose (1927), Frankfurt, 1985. Особ. 72 f.

⁶ Ludvig H. Die Ehe im virten Stande // Die Frau. 1986. № 1. S. 45 ff.

судьбы”. Рабочие партии, правительства, церкви и учёные оставили женщин на произвол судьбы. Империалистическая цель демографического роста, расистский страх перед “засильем инородцев” и “утратой культуры”, а также разговоры о необходимом увеличении “рабочего класса” препятствовали политическому решению проблемы регулирования рождаемости¹. Индивидуальная в каждом случае борьба жён рабочих была направлена против тех мужей, которые не стремились к ограничению рождаемости или относились к проблеме безразлично, так как не их касались физические тяготы беременностей, и не они смотрели за детьми и работали по дому. Представляется, что отношения полов в рабочей среде не в последнюю очередь по этой причине вступили в новую решающую и чрезвычайно конфликтную фазу. Дестабилизирующие последствия Первой мировой войны и массовая безработица 20-х и 30-х гг. подстегнули эту борьбу и тем самым приблизили кризис отношений патриархата среди рабочих.

¹ Ср. библиографию в: Archivs für Bevölkerungspolitik, Sexualethik u. Familienkunde. Teil I: Bevölkerungslehre, Bevölkerungspolitik, Bevölkerungsbewegung. 1933. H. 2. S. 91 ff.

VI. СЕМЬИ НАЁМНЫХ РАБОЧИХ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Военные и послевоенные годы

Семьи, занятые наёмным трудом, во время Первой мировой войны и сразу после её окончания жили чрезвычайно тяжело. Призыв многих отцов семейств и годных к военной службе сыновей, стремительный рост безработицы в начале и конце войны, резкое обесценение денег снизили семейные доходы¹. Приход женщин на промышленные и транспортные предприятия не позволил в полной мере компенсировать потерянные заработки призванных на военную службу мужей². В Германской империи до 1918 г. на военную службу было призвано около 8 млн. человек, т.е. примерно половина всех мужчин в возрасте от 15 до 60 лет³, в Австро-Венгрии это количество составило в целом 4,3 млн. человек — около 60% мужского населения от 18 до 35 лет⁴. Отсутствие мужей и отцов, помимо экономических потерь, вело также к “социальному вакууму”. Многие семьи утратили патриархальную инстанцию, на которую преж-

¹ См. среди других для Австрии: *Winckler W.* Die Einkommensverschiebungen in Österreich während des Weltkrieges. Wien, 1930; *Niebuss M.* Arbeiterschaft in Krieg und Inflation. Soziale Schichtung und Lage der Arbeiter in Augsburg und Linz 1910 bis 1925. Berlin, 1985; *Kocka J.* Klassengesellschaft im Krieg. Deutsche Sozialgeschichte 1914–1918/ Göttingen, 1978. Оособ. S. 12 ff.

² Данные о привлечении женщин к военному производству в Германии: *Schwarz K.-D.* Weltkrieg und Revolution in Nürnberg. Stuttgart, 1971; *Lüders M.-E.* Die Entwicklung der Gewerblichen Frauenarbeit im Kriege // *Schmollers Jb.* 44. 1920. S. 241 ff.; *Lorenz C.* Die gewerbliche Frauenarbeit während des Krieges // *Der Krieg u. die Arbeiterverhältnisse* / Hg. P. Umbreit u. C. Lorenz. Stuttgart, 1928. S. 307 ff. Для Австрии ср.: *Adler E.* Die Regelung der Arbeiterverhältnisse im Kriege. Wien, 1927; *Winckler W.* Einkommensverschiebungen; *Riegler E.* Frauenleitbild u. Frauenarbeit in vom ausgehenden 19. Jahrhundert bis zum zweiten Weltkrieg. Wien, 1976.

³ *Grebler L.* u. *Winckler W.* The Cost of the World War to Germany and to Austria-Hungary. New-Haven, 1940.

⁴ Ср.: *Winckler W.* Die Totenverluste der Österreichisch-Ungarischen Monarchie nach Nationalitäten. Wien, 1919. Для Англии ср.: *Tom D.* Women's Employment in Britain during the First World War // Ed. by R. Wall a.o. Для Франции ср.: *McMillan J.F.* Housewife or Harlot: The Place of Women in French Society 1870–1940. Brighton, 1984. Оособ. S. 131 ff.

де была ориентирована семейная жизнь¹. Женщины, пришедшие на производство в годы войны, приобрели опыт взаимной солидарности и выживания. Особенно “политизировалась” борьба женщин против взвинчивания цен и за лучшее снабжение продуктами питания². В то же время работа в военной промышленности и политическая деятельность для многих женщин были лишь временным решением. Они примирились с чрезмерной загруженностью на работе, в семье и дома, требовавшей огромных усилий и массы времени “добычей” продуктов питания и топлива, только потому, что надеялись на возвращение с войны мужей и конец этих страданий.

Но возвращение мужей и сыновей, не погибших на войне, усилило борьбу не только за рабочие места и частичное вытеснение женщин из промышленности³, но и борьбу за положение в семье⁴. Многие из тех, кто вернулся, не сразу нашли работу. Кроме того, они отвыкли от труда по найму. Калеки, получившие психические расстройства мужчины надолго стали бременем для семей. Они не принесли ожидаемого облегчения жёнам, напротив, по большей части были нетрудоспособны или даже нуждались в уходе⁵. Психолог Пауль Федерн в 1919 г. говорил об “обществе без отцов”, которое оставила после себя Первая мировая война⁶. Сообщалось о различных видах “военных неврозов”⁷. Послевоенное общество не могло предоставить нужной помощи жертвам войны и постаралось по возможности не замечать их, что нанесло семьям неизлечимые душевные раны. Многие военные браки, заключённые во время отпусков солдат, в тяжёлых условиях послевоенного времени разрушились. Возросло число разводов. Тем не менее, учитывая такие

¹ Cp.: *Sieder R.* Children of the War. The Daily Life of Viennese Working Class Families during World War I // Ed. by R. Wall a.o.

² Cp. для Германии: *Kocka J.* Klassengesellschaft... Особ. S. 33 ff.; *Sieder R.* Children...

³ Cp. как обзор: *Feldman G.D.* Die Demolierung u. die Sozialordnung der Zwischenkriegszeit in Europa // Geschichte u. Gesellschaft. 1983. № 9. 156 ff.

⁴ Cp.: *Sieder R.* Children...

⁵ Cp.: *Need E.J.* No Man's Land. Combat and Identity in World War I, Cambridge, 1979. Литературную обработку темы см.: *Toller E.* Hinkemann. Eine Tragödie. Stuttgart, 1979.

⁶ *Federn P.* Zur Psychologie der Revolution. Die vaterlose Gesellschaft. Wien, 1919.

⁷ Cp.: *Fussel P.* The Great War and Modern Memory, Oxford 1979; *Hiebert D.M.* Psychological Consequences of the War and Demobilization in Germany, 1914–1920 // Ed. by R. Wall a.o.; Zur Psychoanalyse der Kriegsneurosen, mit einer Einleitung v. S. Freud u. einem Bericht von Ferenczi über die Psychoanalyse von Kriegsneurosen. 5. Internationaler Kongreß für Psychoanalyse in Budapest, 1918; см. также предисловие Ц. фон Осицкого (C. v. Ossietzky) к: *Lamszus W.* Menschenschlachthaus, 1912.

симптомы кризиса, как физические и психические последствия войны, инфляцию и безработицу, можно сделать вывод, что личность, по-видимому, попадала в ещё более жёсткий семейный “плен”. Эксперименты по социализации домашнего труда, пропагандированные социалистами в словесной революционной горячке первых послевоенных лет¹, натолкнулись на негативизм массы рабочих, что в тех условиях выглядит вполне понятным: значение защитных функций семьи возросло. Подобно тому, как в западно- и центральноевропейских странах демобилизация вела не к революциям и гражданской войне, а к стабилизации капиталистического общественного порядка, так и инфляция и безработица сопровождалась относительной стабилизацией микрокосма семей. После долгих лет голода, массовых убийств на полях сражений и неизбежного в условиях войны разрыва семейных связей большинство людей стремилось вернуться к “нормальному очагу” и найти в нём приют. В целом началась получившая значительную поддержку социального законодательства первых послевоенных лет стабилизация воспроизводства в семьях работников наёмного труда. Эта относительная стабилизация не в последнюю очередь определялась тем, удавалось ли возвратившимся с войны мужчинам найти работу и тем самым восстановить прежний домашний порядок, а также преимущества в статусе по отношению к занятым на производстве женщинам².

Во время войны правительства западно- и центральноевропейских государств повели борьбу за реализацию своих военных целей в отношении наёмного труда и капитала. Экономика участвовавших в войне государств постепенно подчинялась военно-хозяйственному регулированию, не устранявшему капиталистические производственные отношения³. Если государство, с одной стороны, признавало недействительными достигнутые рабочими права, чтобы обеспечить производство важной военной продукции (удлинение рабочего дня, отмена выходных и запрета на ночной труд женщин, устранение свободы союзов, подчинение рабочих на важных военных предприятиях законам военного времени и военному командованию, отмена “свободы передвижения”), то, с другой стороны, оно было вынуждено в тех же интересах экономики военного времени делать социально-политические уступки рабочим (охрана

¹ Ср.: *Pirhofer G. u. Sieder R.* Konstitution; *Uhlig G.* Kollektivmodell “Einküchenhaus”. Wohnreform und Architekturdebatte zwischen Frauenbewegung und Funkzionalismus 1900–1933. Gießen, 1981. Содержит указания к литературе по проблеме.

² *Tom D., Riegler S.* S. 94 ff.; *Sieder R.* Children...; *McMillan J.E.* Housewife or Harlot... P. 163 ff.

³ Ср.: *Talos E.* Sozialpolitik. S. 125 ff.

прав съёмщиков жилых помещений, страхование на случай болезни, расширение защиты прав матерей и т.п.)¹. Однако до 1918 г. значительно более крупные социально-политические требования были выдвинуты и поддержаны деятелями рабочих партий. Без этого подготовительного периода было бы невозможно быстро провести существенные социально-политические реформы после войны. В целом представляется, что годы военной экономики были “status nascendi” (моментом зарождения — прим. пер.) новых направлений государственной и коммунальной политики.

2. Социальное государство, социал-демократия и семья в 20-е годы

Реализация социально-политических программ, бóльшая часть которых возникла в военные годы, была связана с послевоенным политическим развитием и происходила в значительной степени в отрыве от роста национальной экономики². Социальная политика не в последнюю очередь стала инструментом локализации революционных движений первых послевоенных лет³. Если до 1914 г. требования социал-демократии, направленные на улучшение социального положения рабочих, были отодвинуты на задний план движением за избирательные права, то вступление в действие парламентско-демократической конституции позволило поставить их на первое место. Имея в виду перспективы проведения социал-демократических реформ и социального законодательства, деятели рабочего движения вошли в состав государственно-бюрократического аппарата, всё более становясь его неотъемлемой частью. Политикой “гражданского мира” социал-демократы однозначно продемонстрировали свою ориентацию на государство и подчинение интересов рабочих внешнеполитическим целям. Эта ориентация на государство сохранялась и в дальнейшем, при проведении социальных реформ, которые косвенно или прямо касались семьи⁴. То, что

¹ Там же. S. 117 ff.

² Ср. для Германии: *Feldman G.D. Demobilmachung...* S. 161; для Австрии: *Talos. Sozialpolitik.* S. 123.

³ *Hautman H. Die verlorene Räterepublik. Am Beispiel der Kommunistischen Partei Deutschösterreichs.* Wien, 1971. S. 152 ff.

⁴ См. вступительную статью в венском социал-демократическом ежемесячном журнале “Социал-демократ”: *Der Sozialdemokrat.* 1919. № 1. S. 3: “Война теперь оказывает революционное воздействие. Она со всей своей очевидностью показала, что значит сегодня государство для жизни отдельного человека и каждой семьи. Это государство, чьё решающее слово вынудило миллионы покинуть семьи и родину, пожертвовать жизнями, представляется господствующей над всем силой общества, овладение которой имеет решающее значение”.

улучшение положения семей рабочих в процессе социальных реформ причислялось к задачам государства, нетрудно доказать, как и то, что именно к государству обращались в первую очередь требования рабочего движения¹. Социал-демократические партии подчинили и интегрировали альтернативное политическое движение за создание советов, что было тесно связано с их ориентацией на государство². Если Фридрих Энгельс и Август Бебель в XIX в. ещё ожидали распада рабочих семей, а с ним и освобождения полов, то теперь общепринятая идея “нормальной” и “респектабельной” семьи рабочих получила поддержку большинства теоретиков рабочего движения³.

Массированное вмешательство вовлечённых в войну государств в сферу производства и воспроизводства надолго поставило семьи работников наёмного труда, особенно наиболее слабые в материальном отношении слои, в центр внимания социальной политики западно- и центральноевропейских стран. Политический дискурс, разумеется, как и раньше, определялся долгосрочной тенденцией к укреплению семьи рабочих, начавшейся в последние десятилетия XIX в. Если уже в последние годы войны отдельные социальные реформы были направлены на обеспечение семейного воспроизводства широких кругов населения, то преследовавшее эти цели законодательство чрезвычайно усилилось после войны. В центре интересов законодателя находились материальное воспроизводство и связанные с ним попытки снизить активность рабочего класса. Политика укрепления рабочих семей сверху, предложенная прежде всего вошедшими в правительство социал-демократическими рабочими партиями, являлась реакцией на проявляемые большей частью рабочего класса революционные тенденции или, по крайней мере, на систематически возникавшие беспорядки (массовые забастовки в конце войны, советские республики в Баварии и Венгрии, деятель-

¹ Cp.: *Evans R.J.* Politics and the Family: Social Democracy and the Working-Class Family in Theory and Practice before 1914 // Ed. by R.J. Evans and W.R. Lee. P. 256 ff.; *Frei A.G.* Rotes Wien. Austromarxismus u. Arbeiterkultur. Sozialdemokratische Wohnungs- u. Kommunalpolitik 1919–1934. Berlin, 1984; *Pirhofer G.* u. *Sieder R.* Konstitution; *Saldern A.* v. SPD u. Kommunalpolitik im Deutschen Kaiserreich // Archiv für Kommunalwissenschaft. 1984. Bd. 23. № 2. S. 201 ff.; *Fülberth G.* Konzeption u. Praxis sozialdemokratischer Kommunalpolitik 1918–1933. Marburg, 1984. Для Швеции см.: *Löfgren O.* The Sweetness of Home: Trautes Heim. Veränderungen des Familienideals in Schweden während des 20. Jahrhunderts. P. 80 ff.

² Cp.: *Rürup R.* Probleme der Revolution in Deutschland 1918/1919. Wiesbaden, 1968; *Hautmann H.* Die verlorene Räterepublik.

³ Cp.: *Kautsky K.* Die Agrarfrage, Stuttgart 1899; *Bauer O.* Mieterschutz, Volkskultur u. Alkoholismus (1929). Werkausgabe Wien, 1976. Bd. 3. S. 601 ff.

ность рабочих советов в Австрии, революционные выступления 1918–1919 гг.)¹. Социально-политические мероприятия, относимые к числу прямо или косвенно влиявших на семейную жизнь, включали в себя расширение страхования и защиты прав квартиросъёмщиков, законодательное установление нормального рабочего дня, участие рабочих в управлении промышленным предприятием (советы представителей рабочих и служащих), учреждение министерств социальной защиты и народного здравоохранения и многое другое². Мероприятия по защите прав квартиросъёмщиков и законодательные ограничения уровня квартирной платы, введённые в последние годы войны для защиты семей солдат, в большинстве стран после окончания войны частично или полностью были отменены. В Австрии они продолжали действовать. Как следствие, там с учётом инфляции средняя доля квартплаты в домашнем бюджете рабочих снизилась с 14% (1912 г.) до примерно 3% в 1925 г. Ещё в последние годы войны часть организованных промышленных рабочих могла добиться надбавок к заработной плате и детских пособий, дифференцированных в зависимости от числа детей³.

Период мировой войны, как представляется, должен был ускорить освобождение семьи от посторонних ей лиц. Чем быстрее инфляция обесценивала квартирную плату, тем большему числу квартирантов предлагали съехать: основной квартиросъёмщик не нуждался более в их вкладе в квартплату⁴. Дальнейшее движение семьи в сферу частной жизни и развитие семейного климата, приближавшегося к буржуазной модели семьи, получило дополнительные импульсы. Но доля проживавших вместе родственников, из-за жилищных проблем вынужденных находить приют в семьях родных, росла, что замедляло тенденцию к образованию небольших семей⁵. Отныне в квартирах рабочих почти не оставалось постояльцев, но они всё также были переполнены. Дети до вступления в брак, а часто и дольше жили у родителей; дедушек, бабушек и родственников принимали в и без того тесные квартиры. Высокий уровень безработицы, предоставление государственных пособий безработным обычно также способствовали совместному проживанию родителей и детей. В Вене в 20-е гг., например, больше половины всех охваченных обследованием семей рабочих проживали в квартирах из одной комнаты и кухни. В среднем в ней жили 5 человек, но почти в

¹ Ср.: Hautmann; Rürup.

² Ср.: Talos E. S. 120 f.

³ Ср.: Klenner F. Die österreichischen Gewerkschaften. Wien, 1979. Bd. 3. S. 466.

⁴ Ср.: Ehmer J. Frauenarbeit... S. 460.

⁵ Там же.

четверти из них — семь и более человек¹. После исключения посторонних из домохозяйства процесс дальнейшего эмоционального сближения членов рабочих семей натолкнулся на новый барьер, поставленный совместным проживанием родителей и детей. По-видимому, вынужденное жилищными условиями тесное соседство детей и родителей требовало сохранить строгую иерархию отношений между полами и между поколениями². Если дети ещё могли бежать в близлежащие переулки и расположенные на окраинах городов луга и леса³, то, становясь взрослыми и вступая в брак, они воспринимали жилищную нужду как гнетущую проблему⁴. Вероятно, не в последнюю очередь именно этим объясняется предпочтение, которое в широких кругах рабочих отдавали модели небольшой семьи⁵. Потребность в маленьких квартирах росла, и на смену в значительной степени нарушившейся в годы мировой войны частной строительной деятельности приходили в городах кооперативные и коммунальные жилищно-строительные предприятия.

Частота смены квартир (“кочевое жильё”), обычная для большинства рабочих до Первой мировой войны и сразу же после её окончания, значительно сократилась. Если не учитывать семьи, которые в 20-х — начале 30-х гг. въехали во вновь построенное кооперативное и коммунальное жильё, то переезды с квартиры на квартиру после войны почти прекратились. Миграция между городами и из села в город также резко снизилась. Наряду со структурными переменами этот процесс отразил семейную политику государства и городских властей. Она реагировала на вынужденное совместное проживание старых и молодых в квартирах, снимаемых в доходных домах, на вред, причиняемый семейному воспроизводству жилищной теснотой, на считавшуюся неудовлетворительной “педагогическую компетенцию” семей низких слоёв общества.

Как в Веймарской, так и в первой Австрийской Республике, а также в скандинавских странах социал-демократические партии после мировой войны присягнули на верность политике социаль-

¹ Ср.: *Rada M.* Das reife Proletariermädchen in seiner Beziehung zur Umwelt. Wien, 1931. S. 13 (рукопись).

² Ср.: *Sieder R.* “Vats derf i aufstehen...”.

³ Ср.: *Sieder R.* Gassenkinder...

⁴ Ср.: *Fischer E.* Kriese der Jugend. Wien, 1931 // Он же. Kultur — Literatur — Politik. Frühe Schriften / Hg. K.-M. Gauß. Frankfurt, 1984. S. 155 ff., особ. S. 162 ff.; ср. также: *Safrian H.* u. *Sieder R.* Gassenkinder — Straßenkämpfer...

⁵ Ср. О. Бауер: “Старики, которые хотят иметь покой, и молодые, которые хотят иметь всё, а не только покой, все вместе скученные в комнате и кухне естественно не ладят друг с другом” (*Bauer O.* Volkskultur... S. 9).

ных реформ и жилищного строительства¹. В Веймарской республике в 1924–1925 гг. было построено около 2,5 млн. квартир по программе социального жилищного строительства. В руководимой социал-демократами Вене в те же годы — 60 000 так называемых “общинных квартир”. Даже если обструкция со стороны консервативных партий, а затем и мировой экономической кризис лишили эту политику финансовой основы уже в конце 20-х гг., значение жилищной политики социал-демократов в эти годы далеко выходит за количественные показатели её реального успеха. Её следствием стало не только улучшение жилищных условий семей рабочих, но и возникновение нового стандарта семейной жизни и ведения домашнего хозяйства. В качественном измерении он решающим образом определил тенденцию к укреплению семьи в рабочей среде². В Вене снижение расходов на квартплату примерно до 3% месячного дохода положило конец “кочевому житью” и открыло перед рабочими долгосрочные жилищные перспективы: впервые семьи рабочих начали вкладывать средства в оборудование снимаемых ими квартир, а не видеть в них лишь временное пристанище³.

Вскоре после окончания войны социал-демократические партии как в Веймарской республике, так и в Австрии вышли из правительств. Их деятельность в области семейной политики переместилась в земли и промышленные города, где доминировала социал-демократия. Здесь после 1919 г. представительство социал-демократической партии Германии и социал-демократической рабочей партии Австрии было существенным или, как во Франкфурте или Вене, они монопольно определяли действия властей. До Первой мировой войны жилищный и тем самым семейный вопрос всеми относился к числу “вторичных противоречий”, решению которых в любом случае должно предшествовать обобществление средств производства. Следствием суженных, в значительной степени сведённых к борьбе за парламентаризм и избирательное право политических представлений был подход к проблемам жилья и семьи как к второстепенным. Есть основания предполагать, что по этой

¹ Ср.: *Evans R.J.* Social Democracy... ; *Nolan M.* Social Democracy, Working-Class Radicalism in Düsseldorf 1890–1920. Cambridge, 1981; *The Austrian Socialist Experiment. Social Democracy and Austromarxism 1918–1934* // Ed. by A. Rabinbach. London, 1985; *Seliger M.* Sozialdemokratie u. Sozialpolitik in Wien. Wien, 1980; *Bauböck R.* Wohnungspolitik im sozialdemokratischen Wien 1919–1934. Salzburg, 1979; *Uhlig G.* Kollektivmodell “Einküchenhaus”.

² *Pirhofer G.* u. *Sieder R.* Konstitution. 351 ff.

³ Этот эффект был менее выражен в Германии вследствие отмены принятых во время войны мероприятий по защите прав квартиросъёмщиков и более высоких квартирных плат; число “субарендаторов” падало значительно медленнее. См.: *Saldern A.* v. SPD u. Kommunalpolitik ... S. 228.

причине лишь незначительная часть работавших женщин и жён рабочих первоначально вошла в состав социал-демократических партий¹. Теперь, с учётом опыта мировой войны и не в последнюю очередь с целью привлечь ставшие важными после введения всеобщего избирательного права голоса женщин, были разработаны программы модернизации (названные современниками “культурной реформой” и т.п.), в которых почётное место было отведено семье, жилищу и женщинам.

Благодаря начатому социал-демократическими партиями массовому жилищному строительству стала возможной борьба с “полуоткрытыми” структурами рабочих семей, с их высоким уровнем незаконности и имевшим, согласно утверждениям, дефицитом воспитания. В дискуссиях о реформах социал-демократы принялись за критику старых отношений, которые, разумеется, в образе “оплота капитала” продолжали доминировать в облике больших городов. Полемика вокруг модернизации семейной жизни рабочих выросла во многих местах до “борьбы за души рабочих”, против “плесени старых комнат”, за создание “нового человека” и новое жилищное строительство как “социализм на практике”². В дискус-

¹ Хотя социал-демократические функционеры всегда возлагали ответственность за клерикальное и консервативное влияние на жён рабочих, видя в этом причину их слабой способности к мобилизации, в этом проявлялось слабое внимание социал-демократии к женскому и семейному вопросам. Многие женщины не чувствовали, что их интересы представляют социал-демократические партии, где доминировали мужчины. На учредительный съезд австрийской социал-демократической партии в 1889 г. женщины ещё не были допущены. Даже когда позднее большое число женщин вошло в состав этих партий, задавая тон в семейной политике, те сохранили патерналистские и протекционистские черты. Показательно, что в “красной Вене” руководящие городские советники назывались “отцами общины”. К дискуссии об отношении женщин и социал-демократии см.: *Hagemann K.* Frauen in der Hamburger SPD der Weimarer Republik. Anspruch u. Wirklichkeit sozialdemokratischer Frauenpolitik // *Arbeiter in Hamburg. Unterschichten, Arbeiter u. Arbeiterbewegung seit dem ausgehenden 18. Jahrhundert* / Hg. A. Herzig u.a. Hamburg, 1983, S. 44 ff.; *Vorholz A.* Sozialdemokratie u. Frauen 1908–1914 in Düsseldorf. Reinbeck, 1982. По поводу результатов выборов в Кёльне в 1919 г.: *Volksblatt*, Bochum, 19.2.1919; для Австрии см. ср. прочих: *Ehmer J.* Rote Fahnen — Blauer Montag. Soziale Bedingungen von Aktions- u. Organisationsformen der frühen Wiener Arbeiterbewegung // Hg. Puls. S. 159, 168; *Schlesinger T.* Die Frau im Sozialdemokratischen Parteiprogramm. Wien, 1928, особ. Die Frauen u. Religion, S. 21 ff.

² Ср. среди других: *Adler M.* Neue Menschen. Berlin, 1926; *Neurath O.* Bauformen und Klassenkampf // *Bildungsarbeit. Blätter für sozialistisches Bildungswesen.* Wien, 1926, 61 ff.; *Schuster F.* u. *Schascherl F.* Proleterische Architektur // *Der Kampf* 1926/1; *Wagner R.* Der Klassenkampf um den Menschen. Berlin, 1927; *Uhlig G.* Kollektivmodell “Einküchenhaus”; *Tafari M.* Kapitalismus u. Architektur. Von Corbusiers “Utopia” zur Trabantenstadt. Hamburg, 1977.

сии о реформах теоретики-интеллектуалы не поняли эти характерные для среды и класса формы семейной жизни рабочих в их внутренней закономерности и культурной специфике¹. Социал-демократические функционеры, как и буржуазные наблюдатели, видели в пролетарской семейной жизни прежде всего дефицит культуры, любви и порядка. Они выступали против полуоткрытых семей рабочих общежитий, против недостаточной родительской опеки уличных детей и пр. Эта критика основывалась на представлениях о превосходстве буржуазной семейной модели. Идеалом социал-реформистов, в дальнейшем неоспоримым, была малая семья. С учётом буржуазной семейной модели они приветствовали организованную вокруг матери семью, в которой мать не должна была заниматься трудом по найму, а в качестве домашней хозяйки и воспитательницы детей устранять главные недостатки старой рабочей семьи. Представители левого крыла и женщины-вожди социал-демократии со своей стороны предлагали дальнейшее освобождение жён рабочих от физически обременительного домашнего труда, чтобы они могли лучше сочетать труд на производстве с семейной жизнью. В “революционном периоде” первых послевоенных месяцев частное домашнее хозяйство рабочих находилось в списке объектов, которые желательно было обобществить: в дополнение к концепции Августа Бебеля и Лили Браун² под нажимом движения за создание Советов выдвигалось, как, к примеру, в австрийской программе 1919 г., требование социализации и жилья, находившегося в частной собственности³. Как для правого, так и для левого крыла социал-демократических партий очевидная цель состояла в освобождении семьи рабочего от перегрузок, которые, как считали, осложняли формирование эмоционально окрашенных отношений между супругами и между родителями и детьми. Освобождённая от особенно тяжёлых работ по дому жена рабочего, просвещённая и образованная, должна была с большей компетентностью участвовать в воспитании детей. Идеологически завышенными представля-

¹ *Löfgren O.* The Sweetness of Home... P. 92.

² *Braun L.* Frauenarbeit u. Hauswirtschaft. Berlin, 1901.

³ *Bauer O.* Der Weg zum Sozialismus. Wien, 1919; ср. также: *Schlesinger T.* Wie will und wie soll das Proletariat seine Kinder erziehen? Wien, 1921. Первым исследователем культурно-политической темы был Г. Пирхофер (*Pirhofer G.* Linien einer kulturpolitischen Auseinandersetzung in der Geschichte des Wiener Arbeiterwohnungsbaues // Wiener Geschichtblätter. 1978. V. 33. S. 1 ff), затем — Улиг (*Uhlig G.* Kollektivmodell) и Горзен (*Gorsen P.* Zur Dialektik des Funkzionalismus heute. Das Beispiel des kommunalen Wohnungsbaues im Wien der zwanziger Jahre // Stichworte zur “Gestigen Situation der Zeit” / Hg. J. Habermas. 2 Bd.: Politik u. Kultur. Frankfurt, 1979. S. 688 ff.). Следует ли считать показателем “духовной ситуации времени”, что Горзен не всегда отмечает ссылками свои многочисленные заимствования у Пирхофера?

лись роли женщины как хозяйки дома и матери, сформулированные в дискуссии XIX в. С большой публицистической эффективностью¹ они развивались социал-демократическими реформаторами в дальнейшем². Не следует упускать из вида влияние учёных, на чьи медицинские, психологические, социальные и политологические концепции ссылались реформаторы³. Подготовка детей к общественной жизни явно выступала в центр реформаторских заявлений, касавшихся семьи⁴. В связи с криминальной статистикой военных и послевоенных лет, указывающей на рост молодёжной преступности, возникла широкая дискуссия о защите молодёжи, которая, в полном согласии с воззрениями буржуазных и социал-демократических теоретиков, теснейшим образом была связана с нормативными требованиями к семье⁵. Подчёркнутая тенденция к рационализации повседневности во всём — в архитектуре нового массового жилищного строительства, в концепции жилья, пропаганде модернизации домашнего труда⁶, попытке привить матерям новое обращение с младенцами и маленькими детьми и, наконец, в пропаганде нового внешнего облика женщин (короткие стрижки, более простая практичная одежда, занятия физкультурой и пр.) брала начало от рационализации промышленного производства (тейлоризм)⁷.

Программы реформирования рабочей семьи проваливались частично из-за её материального положения, частью — из-за сопротивления рабочей среды, которая не всегда допускала миссионеров в свой внутренний мир⁸. Представляется примечательным, что ра-

¹ Ср.: *Hausen K.* Die Polarisierung der Geschlechtscharaktere. Eine Spiegelung der Dissoziation von Erverbs- u. Familienleben // *Sozialgeschichte der Familie* / Hg. W. Conze. 363 ff.

² См. отличный анализ работ социал-демократов у Х. Хакера: *Haker H.* Stadtsbürgerinnen // *Aufbruch u. Untergang. Österreichische Kultur zwischen 1918 u. 1938* / Hg. F. Kadrnoska. Wien, 1981. S. 225 ff.; *Pirhofer G.* u. *Sieder R.* Konstitution. S. 335 ff.

³ Ср.: *Stadler F.* Spätaufklärung u. sozialdemokratie in Wien 1918–1938 // Hg. F. Kadrnoska. S. 441 ff.; *Löfgren O.* The Sweetness of Home... P. 90.

⁴ Ср.: *Kanitz O.F.* Das proletarische Kind in der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt, 1974. Особ. S. 51 f.

⁵ Ср.: *Rosenhaft E.* A World Upside-Down. Delinquency, Family and Work in the Lives of German Working-Class Youth 1914–1918 // Ed. by R. Wall a.o.; *Sieder R.* Gassenkinder.

⁶ См. как обзор: *Kittler G.* Hausarbeit. Zur Geschichte einer "Natur-Ressource". München, 1980. Особ. S. 61 ff.

⁷ См. такие журналы, как "Der Kuckuck" ("Кукушка"), издававшийся в Вене в 1929–1934 годах; *Die Frau.* Sozialdemokratische Monatsschrift für Politik, Wirtschaft, Frauenfragen u. Literatur; *Illustriertes Frauenblatt*, 1919 и др.

⁸ Ср.: *John M.* Wohnverhältnisse sozialer Unterschichten im Wien Keiser Franz Josephs. Wien, 1984, 205 ff.; *Sieder R.* Housing Policy. P. 41 ff.; для Швеции см.: *Löfgren O.* Op. cit. P. 91 ff.

бочие не только пытались защитить плебейские формы общения, практику народной медицины и суеверия от натиска агентов новой благотворительности, но также хотели сохранить верность буржуазным образцам — хорошая комната, неработающая жена, т.е. тем образцам, которые стали доступны рабочим семьям лишь с недавнего времени и в некоторой степени. Только меньшинству рабочих семей удалось реализовать склонности к “бидермейерской замкнутости”, “излишней декоративности” и “чрезмерности чувств”¹, за что их сурово критиковали социал-реформаторы. Семьи рабочих в 20-е гг. испытывали поэтому определённое смятение: полюбившиеся им суррогаты мелкобуржуазной семейной жизни, с одной стороны, вошли в конфликт с нападками социал-реформаторов на казавшиеся им старомодными и обременявшими женщину, ненужными, подлежащими рационализации особенностями этой жизни — с другой. Констатируя консервативную позицию многих рабочих, их патриархальное, враждебное в отношении женщин и препятствовавшее освобождению детей и молодёжи поведение, не надо забывать, что сопротивление переменам в семейной жизни было частью борьбы за самоуважение и самоидентификацию. Если на предприятии рабочий находился в рамках жёсткой производственной иерархии, под постоянной угрозой увольнения в зависимости от мало понятных колебаний рынка, то в семье он мог, как ему хотелось верить, сравнительно самостоятельно принимать решения и главенствовать. Сохранение патриархального отношения к женщинам и детям, таким образом, предстаёт в виде цены за вынужденное законами рынка и развитием производства подчинение наёмного рабочего диктуемым другими условиями труда на предприятиях².

Цель модернизации семейной жизни поддерживал также второй столп государственной и коммунальной политики: достижение *социального благоденствия* и как его часть — новая система социального обеспечения. В большинстве европейских государств до 1914 г. и во время Первой мировой войны высокая младенческая смертность, массовая гибель на полях сражений и “заражение мужчинами” тысяч женщин венерическими заболеваниями породили разделявшееся всеми политическими силами осознание необходимости новой демографической политики с явными элементами расовой гигиены³. Семейная политика в военные и послевоенные годы была

¹ Об этом комплексе критики на отсталость пролетарского жилья и семейной жизни см. ср. др.: *Taut B.* Die neue Wohnung. Die Frau als Schöpferin. Leipzig, 1924; *Wagner R.* Der Klassenkampf um den Menschen. Menschenbildung u. Vergesellschaftung. Berlin, 1927; *Bauer O.* Mieterschutz; *Pollak M.* Wir wollen den glücklichen Menschen, o.O.o.J.

² Ср.: *Löfgren O.* Op. cit. S. 95.

³ Ср.: *Castell A.* Forschungsergebnisse... S. 393; *Pirhofer G.* u. *Sieder R.* Konstitution. S. 328 ff.

тесно связана с вопросом, каким образом участвовавшие в войне страны могут восполнить свои “потерянные на фронтах поколения”¹. В программах организации общественной помощи семье (заменившей традиционное попечение о бедных и индивидуальное социальное обеспечение)² христианско-социалистические и социал-демократические деятели видели важное средство обеспечения общественного воспроизводства. Акцент на профилактических задачах социального обеспечения вёл к концентрации внимания на детях и молодёжи (молодёжная благотворительность)³. Широта охвата наблюдений при организации системы социального обеспечения впервые поставила множество семей под систематический надзор. Семья стала объектом социального контроля и вмешательства со стороны органов социального обеспечения, но не столько как социальная система в целом (это произошло позже, с 60-х гг.), а преимущественно в смысле надзора над детьми и молодёжью. Там, где, как полагали, семья не могла обеспечить приемлемые “условия воспитания”, подыскивались возможности для временного или длительного пребывания детей в закрытых учреждениях системы социального обеспечения (детских домах). Чиновники по делам молодёжи брали на себя защиту и опеку над рождёнными вне брака детьми. В детских консультациях матери получали советы врачей, акушеров, работников социального обеспечения по вопросам питания и ухода за младенцами и маленькими детьми. Политика социал-демократов в этом отношении не отличалась от буржуазных движений за социальную гигиену и социальное обеспечение, которые с рубежа XIX — XX вв. по образцу французских “consultations de nourissons” (консультаций по уходу за новорождёнными — прим. пер.), впервые появившихся в Берлине, начали обучать матерей из низших слоёв “рациональному уходу” за новорождёнными детьми⁴. Премии за кормление грудью, пакеты с приданным для новорождённых⁵ и т.п. должны были привлечь женщин к врачебному контролю и консультациям. Приходившие на дом без предупреждения медицинские сёстры и сотрудницы службы социального обеспечения контролировали матерей⁶. При этом основное внимание уделя-

¹ *Grotjahn A.* Proletariat u. Geburtenrückgang // *Die Neue Zeit.* 1923/2. № 41. 164 ff.; *Tandler J.* Krieg u. Bevölkerung. Berlin, 1917; он же. Ehe u. Bevölkerungspolitik. Wien, 1924; u.a.

² Ср.: *Hartman H.* Die Wohlfahrtspflege Wiens. Gelsenkirchen, 1929.

³ См. ср. пр.: *Caspari J.* Jugendwohlfahrt // *Die Neue Zeit.* 1918–1919. № 37. 570 ff.

⁴ См. в принципе: *Grotjahn A.* Leitsätze zur sozialen und generativen Hygiene (1921). Karlsruhe, 1927; *Castell A.* Forschungsergebnisse... S. 391 f.; *Frevert U.* “Fürsorgerliche Belagerung”. Hygienbewegung u. Arbeiterfrauen im 19. u. frühen 20. Jh. // *Geschichte u. Gesellschaft II.* 1985. S. 420 ff., особ. S. 440 ff.

⁵ См.: *Pirhofer G.* u. *Sieder R.* Konstitution. S. 332.

⁶ Уже перед Первой мировой войной в Берлине были основаны детские

лось уходу за детьми и ведению домашнего хозяйства. Дети из тех семей, хозяйства которых, по мнению сотрудниц службы социального обеспечения, было запущено, из семей длительное время безработных родителей, уже не получавших пособия, дети жестоких родителей или родителей-алкоголиков перемещались в детские дома¹. С кампанией за лучший уход за младенцами и маленькими детьми и бóльший “уют” и чистоту в домах рабочих², без сомнения способствовавшей снижению детской смертности³, связывались имевшие идеологический смысл намерения и результаты. “Воспитание” матерей в бравых домашних хозяек, изгнание народного врачевания, внедрение медицины и гигиены в семьи рабочих образовывали элементы политики, которая понимала семью прежде всего как производственную единицу новой экономики человека, которая должна была получить нечто “качественно более ценное” путём “расширенного воспроизводства людей”⁴.

В целом можно сказать, что в большинстве западно- и центральноевропейских городов после опустошений мировой войны и дискуссий о демографической политике была создана густая сеть учреждений социального обеспечения, которое распространялось в

консультационные пункты “по возможности в бедных кварталах”, клиенты которых набирались преимущественно из среды неквалифицированных рабочих. Патронажные сёстры при посещении дома обращали внимание на ведение домашнего хозяйства, наводили справки у домовладельца и т.п. Матери, получавшие пособие, должны были раз в неделю или две показывать ребёнка врачу, точно следовать врачебным предписаниям и в любое время впускать в квартиру сестёр службы социального обеспечения; ср.: *Tugenreich G. Säuglingsfürsorge // Handwörterbuch der Kommunalwissenschaften 3. 1924. Цит. по: Castel A. Forschungsergebnisse... S. 386. Эту форму консультирования матерей, которая была тесно связана с контролем домашних условий низших слоёв, социал-демократы переняли в управлявшихся ими перед Первой мировой войной больших городах, но она ни в коей мере не была изобретённым социал-демократами достижением; см. для Вены: Sieder R. Housing Policy, Social Welfare and Family Life in “Red Vienna”, 1919–1934 // Oral History. The Journal of the Oral History Society. 1985. V. 13. № 2; Pirhofer G. u. Sieder R. Konstitution.*

¹ Ср.: *Pirhofer G. u. Sieder R. Konstitution. S. 328 ff.; Sieder R. Housing Policy. S. 35 ff.*

² Ср.: *Rada M. Proletariermädchen. S. 20; Hetzer H. Zur Psychologie des Wohnens // Beiträge zur städtischen Wohn- u. siedelwirtschaft / 3. Hg. J. Bunzel. München, 1930; Ehmer J. Frauenarbeit. S. 462; Sieder R. Housing Policy mit Belegstellen aus Interviews mit Fürsorgerinnen.*

³ Ср.: *Castell A. Op. cit. S. 378; Teuteberg H.J. u. Bernhard A. Wandel der Kindernahrung in der Zeit der Industrialisierung. S. 177 ff., особ. S. 211 f.*

⁴ Выражение “экономика человека”, по-видимому, было введено К. Гольдшайном, см.: *Goldschein K. Höherentwicklung u. Menschenökonomie. Grundlegung der Sozialbiologie. Leipzig, 1911, и часто встречается между 1910–1930 годами в работах немецких и австрийских социал-демократов.*

первую очередь на низшие слои и особенно на “нереспектабельную” часть рабочих. Поскольку роль женщины как человека, в первую очередь ответственного за уход за детьми и их воспитание, не ставился под вопрос ни буржуазными врачами и политиками, ни социал-демократическими руководителями, основным адресатом этой политики была жена рабочего. Путём её “воспитания” в хозяйку дома и мать, призванную нести основную ответственность за физическое и душевное благополучие своих детей и супруга, семья рабочего существенно продвинулась в направлении бюргерской семейной модели.

Цель обобществления домашнего хозяйства, сформулированная под воздействием социального и политического перелома в конце войны, не была достигнута. В получившей мировую известность и мифологизированной “красной Вене” большие жилые дворы управлялись, например, не комитетами квартиросъёмщиков¹, а коммунальной бюрократией (жилищными бюро, жилищными инспекциями). Концепция централизации домашнего хозяйства путём создания общей кухни и столовой была воплощена только одним гражданским жилищным товариществом, заимствовавшим идею экспериментального дома². Общественные помещения в крупных “коммунальных зданиях”, которые в первую очередь должны были освободить женщин от домашней работы — бани, общие прачечные, детские игровые площадки и детские сады сооружались в соответствии с нормативной моделью *малой семьи*, не подвергнутой какой-либо ретуши. В этом же вкусе были сделаны *маленькие квартиры* — архитектурно-историческое наследие буржуазно-филантропических планов реформ XIX в. От полуобщественных площадей лестничных клеток они впервые отделялись прихожей, имели туалет и водопровод. Таким образом, “полуоткрытые семьи” в архитектуре доходных домов были лишены реальной почвы. “Регулирование” повседневных жизненных процессов (определение времени стирки, выноса мусора, чистки ковров домохозяйкой) строгие предписания относительно порядка использования озеленённого

¹ Начала самоуправления были бюрократически подавлены; ср.: Frei, Rotes Wien, 113 f.

² Ср.: Urban G. Das Wiener Einküchenhaus // Westfälisches Wohnungsblatt. Münster, 1927. № 6. S. 234 ff.; Pirhofer G. Gemeinschaftshaus u. Massenwohnungsbau // Transparente 5. Wien, 1977; Uhlig G. Kollektivmodell; он же. Zur Geschichte des Einküchenhaus // Wohnen im Wandel / Hg. L. Niethammer. S. 151 ff. Венский дом с единой кухней, согласно устному сообщению г. Херна Цвачека, которого интервьюировал автор, лишь в меньшей своей части был заселён рабочими, а в основном — чиновниками, служащими и интеллигенцией; у многих рабочих идея дома с единой кухней ассоциировалась с военными кухнями, воспоминаниями о плохой еде и нужде военного времени.

двора и наблюдение за ним со стороны домохозяина, запрет сдавать комнату или койку в снимаемой квартире постояльцам и многое другое показывают ещё ярче, наряду с вышеочерченными достижениями движения за социальную гигиену, протекционистские и дисциплинирующие элементы политики, которая поставила себе цель качественно изменить семью низших социальных слоёв¹.

3. Мировой экономический кризис и безработица

В годы мирового кризиса правительства, испытывавшие бюджетные затруднения и осуществлявшие консервативную политику, шаг за шагом сокращали государственные социальные достижения, введённые в “революционный период” после Первой мировой войны. Доля безработных, получавших пособия, сокращалась². В поисках временных подработок значительную роль играли социальные связи родственников и знакомых. Выпускникам школ места учеников и первая работа, как правило, предоставлялись членами семьи, родственниками и знакомыми (а не через учреждения по управлению рынком труда). Теневая экономика случайных и вспомогательных заработков регулировалась неофициальной социальной сетью, сложившейся в жилых кварталах³.

Тот факт, что женщины в семьях наёмных работников использовали любую возможность, чтобы помочь семье пережить период безработицы, представляется логическим продолжением традиционной иерархии. Напротив, квалифицированным рабочим и служащим профессиональная гордость часто не позволяла пойти на “какую-нибудь” работу. Многие квалифицированные рабочие даже отказывались заняться поисками работы и считали “позором” “быть вынужденным стучаться в двери”⁴. Мужчины обычно только тогда соглашались на временную работу ниже уровня их квалифи-

¹ Подробнее см.: *Pirhofer G.* u. *Sieder R.* Konstitution; *Sieder R.* Housing Policy.

² В Австрии доля безработных, получавших пособия, сократилась к 1937 г. до 50% всех зарегистрировавшихся (!), при этом ещё следует учесть неизвестное количество незарегистрировавшихся безработных. См.: *Stiefel D.* Arbeitslosigkeit. Soziale, politische und wirtschaftliche Auswirkungen — am Beispiel Österreichs 1918–1938. Berlin, 1979. S. 29.

³ См. показательный пример у Х. Сафриана: *Safrian H.* “Wir ham die Zeit der Arbeitslosigkeit schon richtig genossen auch”. Ein Versuch zur (Über-) Lebensweise von Arbeitslosen in Wien zur Zeit der Weltwirtschaftskrise um 1930 // *Mündliche Geschichte u. Arbeiterbewegung* / Hg. G. Botz u. J. Weidenholzer. Graz 1984. S. 306 f.

⁴ Выражение венского рабочего в запросе о рабочих местах; см.: *Safrian H.* Op. cit. S. 308.

кации, когда ни жёны, ни дети не могли найти заработка. Большинство жён рабочих в предшествовавший период высокого уровня занятости выполняли неквалифицированную или малоквалифицированную работу. Занятые и прежде на вспомогательных операциях на фабриках и в мастерских, домашних работах типа уборки и стирки белья, надомной работе, часто без оформления страховки, женщины в периоды экономических кризисов являлись такой рабочей силой, которая ни в малейшей степени не жертвовала своим социальным статусом. Хотя работа жён и дочерей, очевидно, приносила меньшие доходы, чем заработок мужей, вследствие её непритязательности и гибкости в кризисные времена она могла обеспечивать жизнь семьи¹. Об этом говорит одна квалифицированная белошвейка:

“Работа, которую мы делали, к примеру, работа по дому, её же мужчины не могут делать, не так ли? А мы там ... бельё стирали или окна мыли. Мы делали это, даже когда нам было трудно. Но нам нужны были деньги. Для этого не нужно ни биржи труда, ни разрешения, ничего, но это может каждый. Это можно делать и сейчас, если хочется, не так ли? Если хочешь работать — находишь работу, но именно только такую”².

От женской изощрённости и упорства зависело снижение расходов на воспроизводство семьи. Поиски дешёвых овощей, починка износившейся одежды (многократная перелицовка рубашек, юбок и пальто), экономное расходование топлива — всё это прежде всего было задачей жён. От безработных мужчин известно, что они до обеда оставались в постели, чтобы сэкономить на отоплении и сберечь свою физическую энергию³. Часть молодых безработных “отправлялась странствовать”, чтобы освободить семью от “бесполезных едоков”. Этим выражением, напомиравшем о странствиях молодых подмастерьев, безработные называли свои путешествия в поисках работы, когда они, часто нищенствуя, проходили пол-Европы⁴.

¹ Ср.: *Leichter K.* So leben wir. 1920 Industriearbeiterinnen berichten über ihr Leben. Wien, 1932. 22 ff.: 41% промышленных работниц, опрошенных в ходе этого исследования в момент наиболее глубокого экономического спада, имели безработных мужей. Без заработка опрошенных женщин 92% их семей очутились бы ниже прожиточного уровня.

² Г-жа Л., обученная белошвейка, 1906 года рождения. Цит по: *Safrian H.* Op. cit. S. 310.

³ Интервью с г-жой Ц., воспитательницей, 1905 года рождения, проведено автором.

⁴ Для Берлина см.: *Rosenhaft E.* Working Class Life and Working-class Politics: Communists, Nazis and the State in the Battle for the Streets. Berlin, 1928–1932 // *Social Change and Political Development in Weimar Germany* / Ed. by R. Bessel u. E.J. Feuchtwanger / London 1981; для Вены: *Safrian H.* u. *Sieder R.* Gassenkinder — Straßenkämpfer. S. 137 ff.

В городах, где рабочая культура ещё не была развита, политическая деятельность безработных обеспечивала сохранение самоидентификации рабочих. В своей политической работе в первую очередь молодые безработные находили не только идеологическую опору, но и уверенность в том, что их положение было результатом не их личного неуспеха, а следствием капиталистического кризиса¹. У рабочих, которые не располагали возможностями политико-культурного обеспечения своей идентичности и, таким образом, подвергались воздействию принципов буржуазной реальности, не имея необходимых идеологических фильтров, очень долгая безработица вела к нарушению социальной самоидентичности². Прежде всего у пожилых, в течение многих лет незанятых рабочих постепенно обострявшаяся нужда достигала часто таких масштабов, которые угрожали их самооценке. Между теми, кто имел работу, и теми, кто годами оставался безработным, возникала социальная пропасть, которая, по-видимому, благоприятствовала внедрению идей национал-социализма в среду рабочего класса.

Значение семьи, как системы солидарного, но неравного распределения риска и нагрузок, можно подтвердить и примерами возрождения традиций экономики самообеспечения. Работе на городских огородах, обработке огородов и папен в сельских районах придавалось, как в военные и послевоенные годы, повышенное значение. Содержание мелкой домашней живности приобрело даже в плотно застроенных городских районах важное значение и подчас гротескные формы: некоторые венские жители в те годы шли гулять в городской парк со своей курицей на поводке. Кролики в самодельной клетке в углу двора доходного дома стали повсеместной картиной. Возродили старые формы жизнеобеспечения: сбор колосков, заготовка дров в близлежащих лесах, сбор металлолома для продажи. Все члены семьи в соответствии со своими возрастными возможностями привлекались к труду по расширенному воспроизводству. Семья образовывала, с учётом неравенства мужчин и женщин, систему жизнеобеспечения. Один квалифицированный токарь обобщил: “Тогда необходимо было, если хотели выжить в большой нужде, всё время состоять в какой-нибудь форме семейного союза”³.

Продолжительная безработица обостряла материальное и психическое положение семьи. Исследование безработных в Мариентале⁴ показывает, как всё больше “покорялись судьбе”, если безра-

¹ См.: *Safrian H.* Op. cit. 293 ff.

² См. в целом: *Wacker A.* Arbeitslosigkeit. Frankfurt, 1976.

³ Интервью с г-ном Г., родившемся в 1908 г. в Вене. Цит. по: *Safrian H.* Op. cit. S. 315.

⁴ *Jahoda M., Lasarsfeld P., Zeisel H.* Die Arbeitlosen von Marienthal. Ein

ботица всех членов семьи длилась годами. Результаты этого исследования ни в коем случае нельзя переносить на безработицу вообще¹ (и особенно на большие города с их “чёрными” рынками труда и развитой общественной системой рабочего движения); ситуация в Мариентале, маленьком нижнеавстрийском рабочем посёлке, население которого после закрытия единственной текстильной фабрики на следующее утро почти полностью осталось без работы, является скорее исключением из правил. Оно, однако, впечатляющим образом подтверждает значение семьи рабочего в преодолении кризиса: с утратой повседневного ритма, определяемого графиком работы по найму, сознательно растянутым ритуалам семейной жизни придавалось особое, поддерживающее личность значение. 70% исследованных семей были отнесены к категории “смирившихся”, которых исследователи характеризовали так: “... никаких планов, никакого отношения к будущему, никаких надежд, максимальное ограничение всех потребностей, выходящих за пределы домашнего хозяйства, но при этом сохранение домашнего хозяйства, уход за детьми и при всём том чувство относительного благополучия”².

Даже в экстремальных условиях длительной безработицы традиционное распределение обязанностей между мужчинами и женщинами в семье сохранялось: безработные мужья почти не оказывали помощи по хозяйству жёнам. Они сидели кружком или бродили по деревне, страдая от нараставшей бессмысленности жизни. Женщины не могли пожаловаться на отсутствие работы: домашнее хозяйство, дети, выращивание капусты, картошки и цветов в саду, тщательный уход и починка одежды, ремонт предметов повседневного пользования и обстановки (которых нельзя было заменить при небрежном обращении) создавали целое поле разнообразной деятельности. Затраты времени и сил на работу по воспроизводству семьи скорее возрастали. Как жаловалась одна из женщин: “Раньше детям одежду покупали, теперь её целый день надо чинить и штопать, чтобы выглядеть прилично”³. “Женщины, — резюмируют исследователи, — остались без заработка, но не без работы в строгом смысле этого слова. Они вели домашнее хозяйство, которое заполняло весь день. Их труд имеет прочные смысловые связи, многочисленные цели, функции и регулярные обязанности”⁴.

soziographischer Versuch über die Wirkungen langandauernder Arbeitslosigkeit. Mit einem Anhang zur Geschichte der Soziographie (1933). Frankfurt, 1975.

¹ На это среди прочего указывал сам Ягода (там же, с. 25). См. также: *Safrian H. Arbeitslosigkeit*, S. 303 ff, который оспаривает часто беспочвенные обобщения результатов исследований в Мариентале, имеющиеся в литературе по безработице.

² Ibid. S. 70.

³ Ibid. S. 91.

⁴ Ibid. S. 89.

В целом, объём сельскохозяйственного труда по жизнеобеспечению семьи в условиях экономики военного времени, инфляции и безработицы первой трети XX в. вновь вырос. Однако количество производимого продукта сократилось в процессе увеличения плотности населения и роста цен на землю. При быстро растущем промышленном рабочем классе в первой трети XX в. в Германии доля рабочих, ведших подсобное сельское хозяйство, оставалась примерно одинаковой — около 10%. Ещё в 1939 г. 45% семей немецких рабочих (за исключением сельскохозяйственных) пытались произвести часть продуктов питания собственными руками¹. Естественно, это было несравнимо более возможно в сельской местности и на окраинах городов, чем в местах скопления промышленных городских поселений. Работа на земельном участке, являвшаяся продолжением работы по дому, оставалась в сфере задач жены рабочего и его детей. Как представляется, стратегия преодоления безработицы, недостатка дохода и кризиса самоидентификации в начале 30-х гг. в первую очередь состояла в возврате к экономике самообеспечения, усилению семейной солидарности и в повышении нагрузки, возлагавшейся на женщин в области семейного воспроизводства.

4. Семья при национал-социализме

“Нацизм является экономической и политической проблемой, но поскольку он охватывает весь народ, его следует объяснять на психологической основе”. Это выражение Эриха Фромма, как и предыдущее, указывает на верный аспект². В то время как Адорно, Хоркхаймер, Фромм и другие философы и социальные психологи³ придавали семье центральное значение, пытаясь теоретически объяснить социальные и психологические причины распространения нацизма и других форм фашизма, вопрос о взаимной связи семьи и фашизма не находил должного внимания ни в исторических работах по истории семьи, ни в исследованиях фашизма в новейшей ис-

¹ Statistik des Deutschen Reiches N.F. Bd. 221.

² *Fromm E.* Die Psychologie des Nazismus // Он же. Die Furcht vor der Freiheit (Escape from Freedom, 1941). Frankfurt, 1966. S. 166.

³ См. ср. прочих: *Adorno T.W.* Studien zum autorität Charakter. Frankfurt, 1973; *Bataille G.* Die psychologische Struktur des Faschismus. München, 1978; *Bloch E.* Erbschaft dieser Zeit. Frankfurt, 1962; *Glaser H.* Sexualität u. Aggression. Sozialpathologische Aspekte der modernen Gesellschaft. München, 1975, особ. S. 111 ff.; *Horkheimer M.* Allgemeiner Teil // Studien über Autorität u. Familie. Forschungsberichte aus dem Institut für Sozialforschung. Paris, 1936. S. 277 ff.; частично в: *Hg. H. Rosenbaum,* Seminar / 425 ff.; *Mitscherlich A. u. M.* Die Unfähigkeit zu trauern. Grundlagen kollektiven Verhaltens. München, 1968, особ. S. 71 ff.; *Reich W.* Die Massenpsychologie des Faschismus. Köln, 1971 etc.

тории. Если для новейшей истории со свойственным ей приматом политики и отсутствием ориентации на социальные науки это представляется объяснимым, то в отношении социальной истории часто высказываемый упрёк в аполитичности кажется оправданным. Примечательно, что “историческое исследование семьи” как одна из наиболее развивающихся в последние два десятилетия дисциплин социальной истории до настоящего времени не внесло достойного упоминания вклада в исследование связи между семьёй и фашизмом. Преобладание усиленного используемыми видами источников специфического структурного фетишизма, для которого характерно стремление понять историческую эволюцию семейной жизни из сравнения структур домашнего хозяйства и т.п., очевидно способствует тому, чтобы не поднимать вопрос о семье и фашизме, так как семейные структуры в фашистских обществах не обязательно отличались своеобразием. Не случайно поэтому, что те немногие исследования по истории семьи при фашизме основаны не на данных о структурах, а на фактах эмпирической истории, полученных, например, путём сбора воспоминаний.

В 40-х, 50-х и 60-х гг. Фромм, Хоркхаймер, Райх и другие теоретически развили тезис о возможной предрасположенности выросшего в авторитарной семье индивида к фашизму. Вероятно, историко-эмпирический анализ влияния на эволюцию семьи экономического кризиса, безработицы, конфликта авторитетов и вырастающей из него склонности к фашизму должен расширить наши представления о связи семьи и фашизма. Есть основания полагать, что национал-социализм, как и итальянский фашизм, прежде всего в своей оппозиционной фазе (национал-социализм и фашизм как “движения”) мог сначала в особой степени привлекать молодёжь. Многие указывают на то, что национал-социализму удалось использовать в своих интересах то напряжение между поколениями¹, которое обострилось после Первой мировой войны и затем в кризисные 20-е — начале 30-х гг. вследствие противоречия между авторитарными семейными структурами и одновременным падением авторитетов отцов (из-за поражения в Первой мировой войне, потери их экономического потенциала в условиях безработицы). По-видимому, именно дети и молодёжь из средних и непривилеги-

¹ См. среди пр.: *Loewenberg P.* The German Case. Leaders, Followers, and the Group Process // Он же. *Decoding the Past. The Psychohistorical Approach.* Berkeley u.a. 1985; *Reulecke J.* Männerbund versus Familie. Bürgerliche Jugendbewegung u. Familie in Deutschland im ersten Drittel des 20. Jahrhunderts // “Mit uns zieht die neue Zeit”. Der Mythos Jugend / Hg. Th. Koenner u.a. Frankfurt, 1985. S. 199 ff.; *Mommsen H.* Generationskonflikt und Jugendrevolte in der Weimarer Republik // “Mit uns zieht...” / Hg. Th. Koenner u.a. S. 50 ff.

ванных слоёв общества рассматривали вступление в детские и молодёжные организации при фашизме как повышение собственного статуса в отношении к взрослым и особенно в отношении к родителям¹. Расширение их социального опыта, востребование неиспользованных резервов, хотя и полумилитаристские, но эгалитарные структуры фашистских молодёжных групп² существенно и, по крайней мере на первой фазе в положительную сторону отличались для большей части молодёжи от того, что они видели в преимущественно авторитарных родных семьях. Это тем более так, что родители многих молодых людей из-за экономической нужды и безработицы потеряли не только престиж, но и возможность защищать и обеспечивать молодёжь.

Если большинство рабочих и католики по отношению к национал-социалистическому движению заняли отрицательную или безразличную позицию, то принадлежавшие к мелкой буржуазии торговцы, ремесленники и мелкие чиновники пылко его приветствовали³. Но и в мелкой буржуазии, по-видимому, старшие поколения скорее оставались пассивной массой, а их сыновья и дочери играли роль “активных борцов”. Фромм и другие авторы исследовали предпосылки ведущей роли мелкой буржуазии в этой особой общественной ситуации: “Горизонт мелких буржуа был узко ограничен, они презирали и ненавидели чужаков, были любопытны и завистливы по отношению к своим знакомым, они шпионили, а свою зависть объясняли как нравственное негодование. Вся их жизнь была основана на принципе экономности — хозяйственной и психологической”⁴.

Те или другие характерные черты были свойственны и некоторым семьям рабочих, — замечает сам Фромм. Например, уважение к авторитету или ярко выраженная бережливость. Разумеется, в них были и следы зависти к плебейскому расточительному потреблению или авторитарные настроения, какие мы, например, видели у рабочих-надомников, сельских и городских низших слоёв. Антифашист-

¹ См.: *Herbert U.* Zur Entwicklung der Ruhrarbeiterschaft 1930 bis 1960 aus erfahrungsgeschichtlicher Perspektive // Hg. L. Niethammer u.a. S. 19 ff.

² Б.ф. Ширах, с 1932 по 1940 г. рейхсфюрер гитлерюгенда: “Молодёжь должны вести молодые”. См. для введения в тему: *Grün M.v.d.* Wie war das eigentlich? Kindheit u. Jugend im Dritten Reich. Darmstadt, 1981; *Klose W.* Generation im Gleichschritt. Hamburg, 1964; *Klönne A.* Die Hitlerjugend. Hannover u. Frankfurt, 1956; *Reese D.* Bund Deutscher Mädel — Zur Geschichte der weiblichen Jugend im Dritten Reich // Frauengruppe Faschismusforschung. Mitterkreuz u. Arbeitsbuch. Frankfurt, 1981. 163 ff.; *Steinbach L.* Ein Volk, ein Reich, ein Glaube? Ehemalige Nationalsozialisten u. Zeitzeugen berichten über ihr Leben im Dritten Reich. Berlin, 1983 (и мн. др.).

³ *Fromm E.* Psychologie. S. 169.

⁴ Там же. S. 169 ff.

ская разъяснительная работа, которую вело организованное рабочее движение, не осталась совсем безрезультатной. Потрясение основ семьи как нормативной системы, которое пережили средние слои после Первой мировой войны, в социальных и культурных переворотах революций 1918 г., по-видимому, значительно слабее затронуло семьи рабочих. Если средние слои из-за инфляции потеряли сбережения и чувствовали себя обокраденными, то большинство рабочих семей мало что потеряло. Проигранная война, мирные договоры и крушение монархии психологически несравнимо более сильно потрясли средние слои, чем рабочих. Обнищавшие в годы войны низы, поначалу охваченные всеобщей воинской истерией, вновь и вновь восставали, по крайней мере в последние месяцы войны, против представителей монархии и армии¹, в основной массе с радостью встретив перемены. Средние же слои гибель монархии ввергла в состояние дезориентации и неопределённости.

“Перед войной можно было стать чем-то лучшим, чем рабочим. После революции общественный престиж рабочих значительно вырос, а воззрения мелких буржуа ушли в прошлое. Теперь не стало тех, на кого можно было смотреть свысока, — преимущество, которое всегда играло важную роль для мелких торговцев и им подобных”².

Крушение старого символа авторитаризма — монархии, падение авторитета церкви и т.п. глубоко повлияло на семьи средних слоёв: в Германии авторитет отцов семейства был подорван и, вероятно, более радикально, чем в других странах. Относилось ли это и к семьям рабочих? Первый детальный анализ семейных воспоминаний немецких рабочих дал противоречивые результаты. Хотя семьи рабочих, по-видимому, в несравненно меньшей степени видели в фашизме “исцеление” израненного “чувства национального достоинства” (после Версаля) и реставрацию авторитарного политического порядка, чем большая часть средних слоёв, некоторые из них, однако, восприняли начало господства национал-социализма как шаг к общему улучшению их экономического положения. Это было свойственно прежде всего молодёжи, влияло на её политико-экономическое сознание.

Катрин Айнфельд, Михаэль Циммерман и др.³ собрали и проанализировали в связи с этим воспоминания рабочих и работниц из

¹ См.: *Safrian H. u. Sieder R. Gassenkinder — Straßenkämpfer; Sieder R. Children of the War.*

² *Fromm E. Psychologie.* S. 172.

³ *Einfeldt A.-K. Auskommen — Durchkommen — Weiterkommen. Weibliche Arbeitserfahrungen in der Bergarbeiterkolonie // “Die Jahre weiß man nicht” / Hg. L. Niethammer. S. 267 ff.; Zimmermann M. Ausbruchshoffnungen. Junge Bergleute in den dreißiger Jahren // Там же. S. 97 ff.; ср. также: Plato A. v. “Ich bin mit allen*

Рурской области. Их результаты подтверждают наш тезис: после экономического кризиса, безработицы, охвативших угледобывающую промышленность Рура, первые акции национал-социалистов, нацеленные на улучшение жалкого положения семей рабочих, были в этом смысле успешными. “Они пришли, — вспоминает дочь одного горняка, 1920 г. рождения, — первыми, с 20 центнерами картофеля, за который нам не надо было платить. Тогда мы были в восторге”¹. За первыми подарками последовало постепенное сокращение безработицы. Хотя полное преодоление безработицы затянулось в Рурском бассейне до конца 30-х гг., в рабочих посёлках это выглядело так: рабочие один за другим вновь получали возможность трудиться. Остававшиеся пока безработными обретали надежду, всеобщее настроение подъёма захватывало и их. Если супруг и отец семейства или один из подросших детей был “на работе”, можно было снова, после долгих лет, думать о будущем. Национал-социалисты обещали не только сокращение безработицы и улучшение продовольственного снабжения. Они заявляли, что утвердят идеал семьи, имевший у горняков древнюю традицию (см. гл. V.2.2.), но в условиях экономического кризиса оказавшийся недостижимым: “...идиллию хорошо зарабатывающего отца, матери-домохозяйки и благоденствующих детей”².

Ссуда при вступлении в брак, пособия на детей, продуктовые и бельевые подарки многодетным матерям поддерживали традиционную семейную идеологию и ролевой стереотип женщины как домохозяйки и матери. То, что для сельских и городских низов в течение столетий было требованием нужды, воспринималось теперь как непреодолимое отставание в развитии. Жена горнорабочего из Эссена вспоминает о подарке национал-социалистской благотворительной организации в связи с рождением её четвёртого ребёнка: “И чек, чтобы каждому купить в магазине пару ботинок. И кровать я получила, целую кровать для себя, ... белую деревянную кровать с матрасом, новую кровать. Документ получила, дескать не годится, чтобы я с мужем спала в одной кровати”³.

Рост социальных гарантий, улучшение потребительских возможностей и подчёркнутая семейная идеология, как представляется, обусловили определённую стабилизацию семейной жизни рабочих.

gut ausgekommen” oder: War die Ruhrarbeiterschaft vor 1933 in politische Lager gespalten? // Там же. S. 31 ff.

¹ Из интервью с Гретой Дёблер, родившейся в 1920 г. в Падерборне, дочерью горняка, бывшей дважды замужем за шахтёрами (цит. по: *Einfeldt A.-K.* Op.cit. S. 275).

² Там же. S. 276.

³ Интервью с г-жой Моритц, родилась в 1901 г. в Эссене. Цит. по: Там же. S. 276.

Возросла возможность её планирования, долгосрочные вложения в образование детей казались вновь возможными и не слишком рискованными. Многие семьи чувствовали себя частью сфабрикованной пропагандой фикции “народного единства”. Жизнь впервые вывела девочек и мальчиков, женщин и мужчин за пределы их родных мест: в лагеря союза немецких девушек¹, гитлерюгенда, трудовые лагеря², в дома отдыха женщин — национал-социалисток³, национал-социалистского народного благоденствия⁴, организации “Сила через радость”⁵.

Развитая сеть национал-социалистских организаций предлагала новые возможности роста, повышавшие уровень самосознания молодёжи. Движение вверх, подъём над средой происхождения, форсированные мыслительные нагрузки, профессиональные и спортивные соревнования создавали впечатление повышенной социальной мобильности⁶. Это, по-видимому, обостряло отношения во многих семьях рабочих. Рабочие, с присущей им физической силой, выглядели авторитарными отцами семейства. Организации типа гитлерюгенда позволили выступавшим против отцов детям укрепить свои позиции; многие социалистически или коммунистически настроенные рабочие всегда были настороже, чтобы не допустить необдуманных политических высказываний при детях⁷.

Судя по некоторым данным, борьба национал-социалистов “за души рабочих” протекала не только с возрастающим успехом, но и с неудачами. Форсированное развитие военной промышленности, принудительная трудовая повинность для женщин, рост заболеваний и несчастных случаев, скоро наступившие тяготы войны умерили первоначальные восторги (прежде всего у молодых рабочих). Гитлерюгенд, например, с установлением господства национал-социалистов постепенно переставал привлекать рабочую молодёжь. Всё чаще проявлялось безразличие, были и отказы, даже протесты⁸.

¹ Ср.: *Reese D. Bund...*

² Ср.: *Kleiber R. “Wo ihr seid, da soll die Sonne scheinen!” — Der Frauenarbeitsdienst am Ende der Weimarer Republik und im Nationalsozialismus // Frauengruppe Faschismusforschung, Mutterkreuz. S. 188 ff.*

³ *Dammer S. Kinder, Küche, Kriegsarbeit — Die Schulung der Frauen durch die NS-Frauenschaft // Там же. S. 215 ff.*

⁴ Ср.: *Einfeldt A.-K. Op. cit. S. 279.*

⁵ Ср. среди прочих: *Spode H. “Der deutsche Arbeiter reist”: Massentourismus im Dritten Reich // Hg. Huck. S. 218 ff.*

⁶ *Zimmermann M. Ausbruchversuche... S. 104.*

⁷ *Ibid. S. 99.*

⁸ О формах молодёжного протеста см.: *Peukert D. Edelweißpiraten, Meuten, Swing. Jugendsubkulturen im Dritten Reich // Hg. Huck. 307 ff.*; о рабочем протесте в целом см.: Он же. *Der deutsche Arbeiterwiderstand gegen das Dritte Reich // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1979. № 28/29. S. 22 ff.*; Он же. *Volksge-*

В Рурской области, например, число членов гитлерюгенда сокращалось: в 1939/40 годах в нём состояло лишь от 15 до 30% молодых горняков¹.

Призванные на службу в подразделения сухопутных, морских, воздушных сил отцы семейств и их сыновья тосковали по семьям. Рабочие важных военных отраслей промышленности (металлообрабатывающая, горнодобывающая) часто получали броню, чтобы не прерывалось производство вооружения. Национал-социалистское государство, чтобы освободить рабочие места для мужчин, сначала пропагандировало возврат женщин под домашний кров, к очагу, к семье (доля женщин в производстве сократилась с 35% в 1933 г. до 31% в 1936 г.). К 1939 г. она возросла до 37%. Но уже в 1937 г. немецкая промышленность предъявила неудовлетворённый спрос примерно на полмиллиона рабочих². Поэтому национал-социалистское государство пыталось вовлечь большое число женщин в промышленное производство. Женский труд на фабриках всё больше романтизировался и идеализировался официальной пропагандой. Один из "аргументов" звучал так: женщины особенно подходят для труда на конвейерах, так как монотонная работа даёт им возможность размышлять о своих обязанностях домохозяек и матерей. Пропаганда была в первую очередь рассчитана на женщин из мелкобуржуазных слоёв — именно тех, которые с готовностью восприняли национал-социалистскую пропаганду материнства и семьи, освободившей их от страха перед пролетаризацией, который усиливался тенденциями к обнищанию средних слоёв в условиях экономического кризиса и растущей необходимостью использовать женщин в производстве.

Намерением вовлечь массы женщин в производство объясняются усилия, направленные на выработку национал-социалистской политики в сфере защиты беременности и материнства и установления особого порядка регулирования рабочего дня для женщин. Фашистское государство своей социальной политикой преследовало

nossen u. Gemeinschaftsfremde, Anpassung, Ausmerze u. Aufbegehren unter dem Nationalsozialismus. Köln, 1982; *Mason T. W.* Arbeiterklasse u. Volksgemeinschaft, Opladen 1975; Он же. Arbeiteropposition im nationalsozialistischen Deutschland // *Hg. Peukert u. Reulecke.* S. 293 ff.; Он же. Die Bändigung der Arbeiterklasse im nationalsozialistischen Deutschland // *Sachse C. u.a.* Angst, Brodrohung, Zucht u. Ordnung. Opladen, 1982. S. 11 ff.

¹ *Zimmermann M.* Ausbruchversuche... S. 110.

² Ср.: *Tröger A.* Die Planung des Rationalisierungsproletariats. Zur Entwicklung der geschlechtsspezifischen Arbeitsteilung des weiblichen Arbeitsmarktes im Nationalsozialismus // *Frauen in der Geschichte II* / *Hg. A. Kuhn u. J. Rüsen.* Düsseldorf, 1982. S. 245 ff., 246 f.

двойную цель — привлечь женщин на производство и повысить рождаемость¹. Наиболее жёсткой формой привлечения женщин в промышленность было введение в военное время трудовой повинности, от которой освобождались женщины высших слоёв. В этом и в преследовании тех женщин из низших слоёв, которые отказывались работать в военной промышленности², проявился классовый характер национал-социалистского государства, а разговоры о “народном единстве” разоблачались как пропагандистская ложь.

Национал-социалисты понимали, как замаскировать тот факт, что в условиях военной экономики эксплуатация домашнего труда усилилась. Путём исключительно эффективной пропаганды биологизированного женского образа³, воздействие которого отчасти сохранилось и сегодня, им удалось повысить физическую и психическую эксплуатацию женщин в семье, и одновременно представить это как достижение, связанное с идеей “народного единства”. Национал-социалистское руководство полностью осознавало значение домашнего труда в снабжении населения и создания настроения в народе. Нужно было не допустить потенциального сопротивления, порождённого голодом и нуждой, как это произошло во время Первой мировой войны. Поэтому задолго до начала войны национал-социалисты начали преподавание курсов экономного хозяйствования в школах матерей и таким образом готовить к войне “поле сражений в домашнем хозяйстве”. Подчёркивалось народнохозяйственное значение домашнего труда. В национал-социалистской книге для женщин говорилось: “Как глава дома женщина выполняет ту же народнохозяйственную работу, что и любой другой труженик. Поэтому она подчиняется тем же законам служения, тем новым представлениям о профессии, которые оценивают человеческий труд не столько по тому, что он даёт отдельному человеку, сколько, беря шире, по тому, служит ли он всему народу”⁴.

“Разобшённость (домохозяйек) прежних времён” теперь позади, — писала лидер женского национал-социалистского движения

¹ Ср.: *Mason T. W. Sozialpolitik im Dritten Reich. Arbeiterklasse u. Volksgemeinschaft*. Opladen, 1977; Он же. *Zur Lage der Frauen in Deutschland 1933 bis 1940. Wohlfahrt, Arbeit und Familie // Gesellschaft. Beiträge zur Marxistischen Theorie 6*. Frankfurt, 1976; Primärlit.: *Reichsarbeitsblatt, Schutz der werktätigen Frau, Sonderveröffentlichung*, Berlin 1941; *Sieder R. Die Frauenfrage und ihre Lösung durch den Nationalsozialismus*. Berlin, 1933; *Grünig G. u. Zellmer E. Arbeitsschutzvorschriften für die erwerbstätige Frau und Mutter*. Berlin, 1942 и др.

² Ср.: *Berger K. Zwischen Eintopf u. Fließband. Frauenarbeit u. Frauenbild im Faschismus. Össterreich 1938–1945*. Wien, 1985, особ. S. 55 ff.

³ Ср.: *Bock G. Frauen u. ihre Arbeit im Nationalsozialismus // Frauen in der Geschichte/ Frauenrechte u. die gesellschaftliche Arbeit der Frauen im Wandel / Hg. A. Kuhn u. G. Schneider. Düsseldorf, 1979. S. 113 ff.*

⁴ *Vorwerck E. Wirtschaftliche Alltagspflichten der Frau beim Einkauf u. Verbrauch // NS-Frauenbuch. München, 1934. S. 90 ff. Цит. по: Berger K. Op. cit. S. 41.*

Гертруда Шольц-Клинк, — национал-социализм “вернул женщин к старым ценностям общности”¹. Карин Бергер метко подметила “кажущееся обобществление” домашнего труда в национал-социалистском обществе².

Политика национал-социализма в этой области систематически готовила женщин к выполнению двойной нагрузки³. Сначала пропагандировался домашний труд и материнство, чтобы регулировать рынок рабочей силы в условиях подготовки к империалистической войне. Позднее миллионы женщин были вновь поставлены за конвейер. Эта двойственность имела для семьи последствия, далеко выходящие за рамки вскоре нашедшего свой конец “тысячелетнего рейха”. Ролевой стереотип женщины изменился таким образом, что теперь он специфическим образом сочетал труд на производстве и долг матери. Отныне в зависимости от ситуации на рынке труда акцентировалась либо роль женщины как домохозяйки и матери, либо производительный труд. Это способствовало сохранению отдельных рынков труда: женщины в дальнейшем имели худшее профессиональное образование, их труд хуже оплачивался, при формально равной оплате труда они получали низкие ставки зарплаты. Сделанная нацистами более гибкой идеология полов оказалась приемлемой и убедительной для мужчин и женщин. С точки зрения исторической перспективы, тем самым удалось ещё больше повысить управляемость женской рабочей силы. В зависимости от конъюнктуры женщины приходят на производство или вновь исчезают в недрах домашнего хозяйства, и всё это большей частью без громких жалоб, так как роль домохозяйки и матери они (и мужчины) рассматривают как “настоящую”. Возможность распоряжаться массой женщин как резервной армией промышленного труда при их одновременном прикреплении к домашнему хозяйству и материнству считается до сегодня народнохозяйственной необходимостью. В собственном смысле слова, фашизм всем этим не создал новой семейной модели. Он соединил основы буржуазной семьи с элементами семьи наёмного рабочего конца XIX — начала XX вв. и широко использовал идеологию и пропаганду для гармонизации очевидных противоречий. Он небрежно заштриховал противоречия этой модели⁴ и воплотил её в жизнь со свойственным ему человеконенавистническим террором и цинизмом.

¹ *Scholz-Klink G. Frau u. Mutter, Lebensquell des Volkes. München, 1943. S. 13.*

² *Berger K. Op. cit. S. 37.*

³ См. среди прочих: *Jurczyk K. Frauenarbeit u. Frauenrolle. Zum Zusammenhand von Familienpolitik u. Frauenwerbstätigkeit in Deutschland 1918–1975. Frankfurt, 1977.*

⁴ См. как иллюстрацию: *Sider R. Die Frauenfrage...*

5. После войны: от руин к экономическому чуду

Чтобы очертить тенденции развития семьи после 1945 г., мы обратимся к результатам социальных исследований, возобновившихся с окончанием Второй мировой войны в Западной и Центральной Европе¹, и к немногим работам по “устной истории”². Историческое исследование семьи ещё не подошло к этой современной проблематике. Центральный вопрос, который ставили перед собой социологи конца 40–50-х гг. — как справилась семья с тяготами Второй мировой войны и послевоенного времени?

Непосредственно после окончания войны структура семьи отчётливо определялась тем, что в её центре стояла мать³. Долгое ожидание с фронта мужей усилило, судя по всему, связанные с их возвращением надежды и чаяния. Женщины надеялись, что возвращение мужей избавит их от тягот промышленного труда и множества забот по жизнеобеспечению. В проведенном в 1946 г. в Берлине исследовании говорится об одной матери: “Она осмотрительно и энергично заботится о детях. Зимой 1946/47 г. силы почти покинули её, уровень жизни семьи упал, дом и одежда пришли в запустение. Хотя вечно голодные мальчики не срывали плохое настроение друг на друге, в семье воцарилась апатия. И всё-таки мать оставалась поддержкой и центром для детей. 19-летний Вильгельм её тоже слушался. В мыслях о скором возвращении мужа женщина собирала свои последние силы”⁴.

¹ См. наряду с другими: *Thurnwald H. Gegenwartsprobleme Berliner Familien. Eine soziologische Untersuchung an 498 Familien.* Berlin, 1948; *Baumert G. u. Hünninger E. Deutsche Familien nach dem Kriege.* Darmstadt, 1954; *Schelsky H. Wandlungen der deutschen Familie.* Stuttgart, 1954; *Pfeil E. Flüchtlingskinder in neuerer Heimat.* Stuttgart, 1951; *Wurzbacher G. Leitbilder gegenwärtiger deutschen Familienlebens.* Stuttgart, 1958; *Mayntz R. Die moderne Familie.* Stuttgart, 1958; *Wirth D. Die Familie in der Nachkriegszeit. Desorganisation oder Stabilität? // Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland / Hg. J. Becker u.a. München, 1979.*

² См. наряду с другими: *Meyer S. u. Schulze E. Von Liebe sprach damals keiner. Familienalltag in der Nachkriegszeit.* München, 1985; Они же. “Als wir wieder zusammen waren, ging der Krieg im Kleinen weiter”. *Frauen, Männer u. Familien im Berlin der vierziger Jahre // Hg. A. Plato u. L. Niethammer. S. 305 ff.; Einfeldt A.-K. Zwischen alten Werten und neuen Chancen. Häusliche Arbeit von Bergarbeiterfrauen in den fünfziger Jahren // “Hinterher merkt man, daß es richtig war, daß es schiefgegangen ist”, Nachkriegs-Erfahrungen im Ruhrgebiet / Hg. L. Niethammer. Berlin, 1983. S. 149 ff.; Plato A. Fremde Heimat. Zur integration von Flüchtlingen in die Neue Zeit // Hg. A. Plato u. L. Niethammer. S. 172 ff.; Fuchs W. Der Wiederaufbau in Arbeiterbiographien // Там же. S. 347 ff; *Frauen der ersten Stunde. 1945–1955.* Wien, 1985; *Schubert D. Frauen in der deutschen Nachkriegszeit. Bd. I: Frauenarbeit 1945–1949.* Düsseldorf, 1984; *Kriegskinder — Konsumkinder — Kriesenkinder / Hg. U. Preuss. Weinheim, 1983.**

³ Ср.: *Thurnwald H.; Schelsky H.; Baumwert G. Op. cit.*

⁴ *Thurnwald H. Op.cit. S. 235.*

Возвращение мужей, часто годы спустя после окончания войны¹, вместе с радостью и облегчением несло разочарование. Обретённая реальность редко совпадала с ожиданиями. Многие женщины с трудом узнавали своих исхудавших, часто больных, не способных к работе мужей. Особенно те, кто вернулся из многолетнего советского военного плена, стали для жён новым бременем, а не помощью. Прежде чем к ним снова возвращались силы, за ними приходилось ухаживать много недель и месяцев. В городах женщины экономили на собственном питании, чтобы дать больным мужьям необходимые для выздоровления калории². Многие женщины находились в состоянии физического и психического переутомления. Как и после Первой мировой войны, уход и психологическая поддержка возвратившихся с войны легли почти исключительно на семью, т.е. на женщин. О масштабах задач, вставших в этом смысле перед семьями, можно судить лишь приблизительно, принимая во внимание количество инвалидов войны. Летом 1949 г. только в Западном Берлине на попечении находилось более 43 000 инвалидов войны³. В Западной Германии в ноябре 1950 г. свыше двух миллионов человек было зарегистрировано в качестве инвалидов Первой и Второй мировых войн. К физическим недугам вернувшихся с войны добавились психологические проблемы. Апатия, депрессии, неврозы, неспособность после нескольких лет подчинения военным приказам самостоятельно принимать решения были результатом многолетней солдатской муштры и плена. С другой стороны, многие мужья вернулись не к тем жёнам, которых они ожидали увидеть: женщины изменились, стали увереннее в себе, энергичнее. Но вместе с тем они заметно состарились от перегрузок военных лет. «Конечно, некоторое сходство с той женщиной, которую я оставил, было, — рассказывал в 1949 г. возвратившийся из русского плена Герд Кноблех, — но тяжёлые годы в Берлине состарили её. Она не была больше той молодой стройной девушкой, о которой я часто мечтал. Она исхудала, стала серой и выглядела жалко»⁴. Он, наверно, тоже не был прежним.

¹ Более 11 миллионов немецких солдат попало в плен до капитуляции в мае 1945 г. До конца 1948 г. все заключённые из британских, американских, французских и бельгийских лагерей были отпущены. Лишь в мае 1950 г. прибыли последние транспорты с заключёнными из Польши и Советского Союза; осуждённые за преступления во время войны вернулись только в середине 1956 г. См.: *Zur geschichte der Deutschen Kriegsgefangenen im Zweiten Weltkrieg*. München 1962–1974. 15 Bände; *Lehmann A. Gefangenschaft u. Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion*. München, 1986.

² Meyer S. u. Schulze E. *Liebe...* S. 128.

³ Там же. S. 130.

⁴ Цит. по: Meyer S., Schulze E. *Liebe...* S. 128.

Годы разлуки и возникшая отчуждённость мешали супругам даже разговаривать друг с другом. Хотя воспоминания женщин о впечатлениях, полученных дома, в бомбоубежищах, местах эвакуации, как и фронтовая жизнь мужчин были слишком тяжёлыми, супруги рассказали бы друг другу всё. Но о многом муж и жена говорить не могли: пребывание в тюрьмах и в концентрационных лагерях вообще не обсуждали. Проблемы мужей, вернувшихся к жёнам, которые, часто не зная, жив ли муж или жених, вступали в новые связи¹, мужчин, страшившихся возвращения к жёнам и детям², женщин, подвергшихся физическому насилию и не знавших, говорить ли об этом мужьям, — всё это, лишь кратко очерченное, дестабилизировало многие браки и семьи. Одним из заметных и измеримых последствий было удвоение³ по сравнению с довоенным временем процента разводов. В первую очередь, расторгались браки военного времени, заключённые в 1942–1945 гг. Отношения между детьми и возвратившимися с войны и из плена отцами были особенно конфликтны. Многие дети не узнавали отцов при их возвращении; младшие их никогда не видели или видели только на фотографиях. “Он никогда не подходил к своему отцу, — описывает Анна Фальк отчуждённое отношение своего сына к отцу, который возвратился домой из девятилетнего плена. — Так продолжалось более полугода, пока мальчик не привык к тому, что теперь этот мужчина — член семьи и что эта фотография или это слово “папа” было человеком, который оставался с нами”⁴.

Старшие сыновья в отсутствие отцов были особенно близки к матерям, брали на себя ответственность за младших братьев и сестёр, часто заменяли отцов⁵. С возвращением отцов неизбежно начи-

¹ См. литературную обработку темы у *Borchert W. Draußen vor der Tür. 1947: судьба после возвращения домой одного “из тех, кто вернулся домой, а затем всё же не пришёл домой, так как для них там больше не было дома”.*

² Ср.: *Thurnwald H. Op. cit. S. 197 ff.:* “Были известны случаи, когда мужчины хотели остаться в заключении, потому что они, сбитые с толку известиями и слухами, боялись не только голода, но и неверности своих жён, которая тогда часто подтверждалась”.

³ Если в землях, вошедших в западную часть Германии, в 1939 г. на 10 000 жителей приходилось 7,5 разводов, то в 1948 г. в момент пика волны разводов послевоенных лет, на 10 000 жителей приходилось 19 разводов (см. *Statistisches Jahrbuch der Bundesrepublik Deutschland. 1960. S. 60*).

⁴ Цит. по: *Meyer S., Schulze E. Liebe... S. 144; см. также: Schütze Y., Geulen D. Die “Nachkriegskinder” u. die “Konsumkinder”: Kindheirsverläufe zweier Generationen / Preuss-Lausitz u.a. 29 ff.; к возможным последствиям психической эксплуатации детей, в особенности дочерей своими матерями см.: Miller A. Das Drama des begabten Kindes u. die Suche nach dem wahren Selbst. Frankfurt, 1979.*

⁵ *Meyer S., Schulze E. Liebe... S. 144.*

налась борьба сыновей за признание и сохранение этого статуса. Многие отцы не могли его принять; они часто страдали от чувства неполноценности, особенно те, кто “до последнего верил в победу и кто хотел, чтобы их чествовали как героев”¹. Тем больше боролись они теперь за своё господствующее положение в браке и семье. Старшие дети болезненно переживали отцовскую несправедливость и возврат к положению ребёнка, которыми они давно перестали быть. Опыт военной службы, плена, лагеря и тюрьмы заставлял отцов часто прибегать к силовым методам воспитания². Это углубляло пропасть между ними и детьми; многие дети ещё сильнее привязывались к матерям или уходили в уличные компании сверстников³. На улицах и в переулках, среди мусора и руин они часами скрывались от родительского контроля. Как и “дети улиц” старших поколений, они создавали банды, в которые входили дети одного многоквартирного дома или переулка. Как и их предшественники, они воровали овощи и фрукты с огородов соседей, свёклу и картофель с полей, собирали металлолом, уголь, бутылки и тому подобное⁴. Дети первых послевоенных лет пользовались тем, что во многих семьях отцы ещё не вернулись из плена или у родителей, занятых борьбой за существование, уже не оставалось времени для педагогического контроля за детьми. При этом дети часто участвовали в работах, которые многообразием форм самообеспечения напоминали будни **нижних слоёв XIX — начала XX вв.**

“Я вспоминаю, что мы вместе обрабатывали огород, потому что **ничего другого нам не оставалось. Нам нужен был огород, а цветник так и так нам не был нужен. Нам нужен был огород, чтобы хоть чем-нибудь наполнить наши миски, и это было совершенно ясно, поэтому я с матерью и дедом, заменявшим мне отца, который был ещё на войне, с ручной тележкой тащился в огород, и полел сорняки, и копал картошку и всё такое прочее**”⁵.

В сильно разрушенных бомбардировками городах условия жизни многих семей отчасти напоминали “полуоткрытые” семейные структуры, существовавшие до Первой мировой войны. Брали родственников, сдавали койки, жили в углах, дети вповалку на кроватях, которых не хватало. Как в худшие времена экономического кризиса, зимой 1946/47 г. дети часто не ходили в школу, потому что у них не было ботинок. Многие школы и без того были закрыты. В жилых домах были разрушены водо- и газопроводы. Продовольст-

¹ Thurnwald H. Op. cit. S. 197.

² Ср.: Schütze Y., Geulen D. Op. cit. S. 36.

³ Ср.: Meyer S., Schulze E. Liebe... S. 147.

⁴ Schütze Y., Geulen D. Op. cit. S. 33.

⁵ Там же. С. 34.

венный дефицит в больших городах был несравненно сильнее, чем в сельской местности. Газоны вокруг знаменитого венского дома имени Карла Маркса, за которыми так тщательно ухаживали в 20-х гг., были разбиты жильцами по собственной инициативе на участки и превращены в овощные грядки¹. После одной из бомбардировок здесь же временно похоронили убитых жильцов. Жители венских общинных домов рассказывали о проявлениях взаимопомощи в первые послевоенные месяцы (мужчины и женщины вместе строили временные душевые, копали колодцы, выстраивали длинные живые цепочки, чтобы доставить воду во внутренние дворы). В шахтёрских посёлках Рурской области соседская солидарность после войны определённо пропала. Супруги и матери напряжённо работали и, борясь за выживание, заботились прежде всего о своих собственных семьях. Только дети и молодёжь и здесь объединялись в группы, чтобы “добыть” продукты питания или топливо. Многие пробовали, как в годы экономического кризиса, петь и играть на улицах. Их песни были тем единственным, что они могли предложить для обмена, позволяли забыть о горькой реальности. Кто в первые послевоенные годы хотел купить что-нибудь на чёрном рынке, должен был предложить что-то для обмена. Жёны шахтёров Рурской области меняли шнапс, который они получали по карточкам за труд на тяжёлых участках, на другие необходимые для жизни товары².

Как и после Первой мировой войны, прежде всего детей посылали “стоять в очередях” к магазинам, где выдавались нормированные продукты питания. Как и тогда, низшие слои постоянно нарушали неприкосновенность буржуазной собственности, чтобы выжить: дети воровали уголь, отцы семейства пробирались по ночам в поля и копали картошку. “Таким образом, это воровство считалось всё же законным. Весь чердак после этого был полон посевным материалом, тоже украденным. Но тогда каждый воровал. Родители занимали такую двойственную позицию. Считалось допустимым что-нибудь скосить на краю поля”, — вспоминает рождённый в 1940 г. “ребёнок военного времени”³. “Нравственная экономика” и мелкие кражи съестного стали законными, мелкие огороды снова обрели значение в борьбе за кусок хлеба. Солдатские одеяла и военные шинели женщины перешивали в одежду, из спиц от велосипедных колёс делали вязальные спицы, а картофельные мешки выпускали на пряжу для чулок. “Выжить” — таким был девиз времени⁴.

¹ Интервью с Анной Шаубергер, 1897 г. рождения, находится у автора.

² *Einfeldt A.-K. Auskommen... S. 283.*

³ *Schütze Y., Geulen D. Op. cit. S. 36.*

⁴ *Einfeldt A.-K. Auskommen... S. 84.*

В первые послевоенные годы переезды, бегство, позднее возвращение мужей из плена, насущнейшие заботы о повседневном потреблении, острые проблемы с жильём, как правило, не оставляли времени для интимной семейной жизни. В 50-е гг. многие получили возможность постепенно привести семейные будни в соответствие с идеалами. Вероятно, тоска по спокойной и упорядоченной жизни привела в эти годы к возрождению “испытанных” образцов семейных и супружеских отношений. Труд женщин на производстве и самостоятельное ведение домашнего хозяйства в отсутствие мужей по меньшей мере поставили под вопрос естественность их второстепенного положения. Однако часть потенциала эмансипации была вновь утрачена, ибо женщины стремились вернуть своих в значительной степени дезориентированных мужей к гражданской жизни, в семью, к родственным связям. Представляется, что этот вынужденный обстоятельствами потенциал, равно как и обусловленное экономикой военного времени участие массы женщин в хозяйстве, управлении, социальных службах и т.п. в мирное время мог сохраняться лишь в ограниченном масштабе, как это уже было после Первой мировой войны. В той степени, в какой семья после хаоса разрухи стала центром личных и коллективных стремлений к счастью, гармонии и порядку, был подавлен потенциал эмансипации с его элементом надлома и расшатывания традиционных супружеских и семейных отношений. Большинство людей, по-видимому, слабость мужчин и усиление власти женщин в сфере семейной повседневности восприняло позже как помеху, препятствующую развитию случайность.

В 50-е гг. общество вернулось, после многократных вынужденных импровизаций совместной жизни разбомбленных, переселённых и эвакуированных семей и отдельных лиц¹, пусть и при значительно более высоких, чем до войны показателях разводов, к упорядоченной жизни в малой семье. Любая другая форма семьи, если не учитывать продолжавшее стремительно сокращаться сельское население, имела характер вынужденной общности. Об альтернативах малой семье и отдельному домохозяйству, которые обсуждались, но куда меньше исследовались на практике левой интеллигенцией в 20-е гг., больше ничего не говорилось до появления первых студенческих коммун и “жилых товариществ”, в 70-х гг. вновь поднявших этот вопрос. Но это только подтверждает, что малая семья стала нормативной моделью жизни.

Большинство социологических исследований семьи 50-х гг. говорит об ослаблении главенствующих позиций отцов во всех слоях².

¹ Ср.: Meyer S., Schulze E. Liebe... S. 141.

² Ср.: Adorno T.W. Zur Einleitung // Baumwert G., Hünninger E. Op. cit.; ср.

Герхард Баумерт, например, утверждал, что хотя в западногерманском обществе мужчина, как и прежде, доминировал в семье (как и в других областях семейной жизни), но уже можно было наблюдать семьи, основанные на “равенстве партнёров”, и семьи “с более или менее выраженным преобладанием женщины”¹. В долгосрочной перспективе тенденции развития в этом направлении усилились влиянием военных и послевоенных лет: долгим пленом или инвалидностью мужчин, политическими трудностями, эвакуацией или бегством семей, поселением в социально чуждом окружении. “Даже там, где мужской авторитет был признан без всяких вопросов или принимался под давлением, он теперь лишь в редких случаях походит на тот, который имел отец в буржуазно-патриархальной семье”, — отмечал и Теодор В. Адорно в 1954 г.² В действительности многое показывает, что при всей расплывчатости понятий “авторитарно-патриархальная” семья сменилась семьёй “умеренно патриархальной”. Рост числа работающих жён и матерей в годы экономического подъёма в 50 — 60-х гг., как и общие процессы демократизации, по всей видимости, благоприятствовали этой тенденции.

также диаметрально противоположные результаты: *Schaffner B.v. Fatherland. A Study of Authoritarianism in the German Family. New York, 1948* и *Rodnick D. Postwar Germans. An Anthropologist's Account. New Haven, 1948.*

¹ *Baumwert G., Hänniger E. Op. cit. S. 120.*

² Там же.

VII. “ЗОЛОТОЙ ВЕК” И КРИЗИС СЕМЬИ С 1960 г. ДО НАШИХ ДНЕЙ

1. Женский труд и ролевые стереотипы

Экономический рост в Западной и Центральной Европе в 50-е, конце 60 — начале 70-х гг. сформировал устойчивый спрос на женскую рабочую силу. Женщины составляют от 37 до 43% всех работающих в индустриальных странах Европы¹. Тогда как доля женщин в общем числе занятых существенно не изменилась, во всех европейских промышленно развитых странах была зарегистрирована тенденция к увеличению числа *замужних* женщин, занятых профессиональным трудом². В Федеративной Республике Германии 40% женщин, вышедших замуж в 1962 г. в возрасте от 25 до 30 лет, работали по найму. Через 10 лет работали уже 48% всех замужних женщин этой возрастной категории. К 1982 г. их доля выросла до 59%. Аналогичные темпы роста были подсчитаны для более старших возрастных групп³. Количество работающих замужних женщин с детьми увеличилось с 1950 по 1970 гг. в большей степени, чем число

¹ Доля женщин среди занятых (%)

Страна	1978	1979	1980	1981	1982	1983
ФРГ	37,8	37,9	38,2	38,4	38,6	38,8
Франция	37,7	38,0	38,0	38,3	38,8	39,2
Великобритания	41,2	41,8	42,0	42,6	43,2	41,6
Италия	31,1	31,6	32,1	32,3	32,5	32,8
США	41,2	41,7	42,4	42,8	43,5	43,7
Япония	38,5	38,6	38,7	38,7	39,0	39,5

Источник: Statistik des Auslandes. Wichtigste westliche Industriestaaten 1985 / Hg. Statistisches Bundesamt Wiesbaden. Stuttgart, 1985. S. 40.

² Производительный труд замужних женщин в довоенной Германии и в Федеративной Республике Германии:

Из 100 замужних женщин работают:

1882	1895	1907	1925	1933	1957	1967	1977	1984
9,2	12,0	25,8	28,7	29,2	32,0	36,1	39,0	42,5

Источник: Statistik Dt.R., N.F.; Wirtschaft u. Statistik 1978. S. 473; Staat Jahrbuch 1986 für die Bundesrepublik. S. 97.

³ См.: Familie u. Arbeitswelt 43, Tabl. 4.

работающих бездетных женщин¹. Разумеется, доля работающих замужних женщин существенно падает с ростом числа их детей². Труд вне дома влияет и на отношения воспроизводства. Проведенное в 1976 г. исследование “биографии родов” всех жительниц Австрии от 15 до 60 лет показало, например, что на женщин, которые не хотели оставить или прервать работу, приходилось в среднем 1,5 родов, на женщин, которые работали только временно, — 1,84, на никогда не работавших женщин — 2,31 родов³.

Статистические данные позволяют сделать вывод о том, что всё большее число замужних женщин намеренно продолжали работать, несмотря на брак и материнство. Но они отражают и тот факт, что материнство и труд всё ещё трудно сочетать. Увеличение с 50-х гг. численности работающих по специальности замужних женщин не в последнюю очередь объясняется растущей долей женских профессий, которые требуют высокой квалификации, обеспечивают высокий уровень самоидентификации, отчасти, прежде всего на государственной службе, позволяют занимать определённое положение. Спектр женских профессий изменился кардинальным образом: доля занятых в промышленности упала с более чем 50% до 30%, доля женщин-служащих (прежде всего в сфере здравоохранения, образования и культуры, а также в государственном и коммунальном управлении) с начала века увеличилась более чем в десять раз. Хотя большинство женщин по-прежнему находится среди категорий низкооплачиваемых работников, эти структурные изменения указывают на переход от наёмного труда как временного “приработка” к полноценному труду по специальности, который всё чаще позволя-

1

Федеративная Республика Германия	1950	1970	1981
Занятые наёмным трудом замужние женщины кроме сельского хозяйства (в 1000)			
Всего	898	3666	5009
в т.ч. имеющие детей до 15 лет	336	1517	2081
не имеющие детей до 15 лет	562	2190	2928

Источник: Familie u. Arbeitswelt. S. 60.

² В Федеративной Республике Германии в 1981 г. работали замужние женщины, имевшие детей:

одного ребёнка в возрасте до 3 лет — 31,3%	двух детей в возрасте до 3 лет — 18,3%
— “ — — 32,5%;	— “ — 6 лет — 21,7%
— “ — — 42,5%	— “ — 15 лет — 32,8%

Источник: Familie u. Arbeitswelt, Gutachten des wiss. Beirats f. Familienfragen beim Bundesministerium f. Jugend, Familie u. Gesundheit. Stuttgart o.J., 38; см. также 40, табл. 2.

³ Bericht über die Situation der Familie in Österreich (Familienbericht 1979). Heft I / Hg. Bundeskanzleramt. Wien, 1979. S. 67.

ет женщинам самоидентифицироваться и получать от работы удовлетворение. Увеличение числа женщин, работающих по найму не от случая к случаю, а на постоянной основе в течение всей жизни, обострило структурное противоречие между традиционной семейной жизнью и внедомашним трудом замужних женщин и матерей.

Всё больше женщин в ограничении себя ролями домохозяйки и матери видят однообразный и бедный социальными контактами образ жизни. Основная цель работы по найму замужних женщин в 20 — 30-е или 50-е гг. была чётко “ориентирована на семью” (большинство женщин работало для пополнения семейного бюджета, так как заработка мужей не хватало¹). В 70-е годы на передний план всё очевиднее выходили личные мотивы. Женщины заявляют, что они хотят своей работой обеспечить собственный доход, относительную независимость от мужа, получить удовлетворение от профессии или расширить возникающие в профессиональном труде социальные контакты².

Рост профессиональных интересов замужних женщин не в последнюю очередь выявляет то обстоятельство, что с увеличением продолжительности жизни после выделения детей остаётся, как минимум, 20 лет, когда в изменившихся условиях вновь встаёт вопрос о наполненной смыслом деятельности. В то же время в сфере труда произошли перемены, которые существенно ограничивают возможность профессионального роста после длительного перерыва в работе. В XVIII — XIX вв. в большинстве семей дети жили в доме до смерти родителей. Роль домохозяйки и матери оставалась до конца жизни самодостаточной, исчерпывающей и изнуряющей. Сегодня она не является таковой. Вследствие резко возросшей продолжительности жизни, снижения брачного возраста и низких показателей рождаемости смена фаз развития семьи и жизни отдельного человека существенно изменилась. Родившийся последним ребёнок покидает родительский дом, когда матери ещё нет и пятидесяти лет. Почти 20 лет после этого проводит супружеская пара в хозяйстве без детей, в “пустом гнезде”. Именно поэтому в этой критической фазе распадаются браки, что стало частым явлением в по-

¹ См. различные эмпирические исследования 20-х и 30-х гг. XX в., среди прочих: *Leichter K. So leben wir...*

² См.: *Szinivacz M.E. Lebensverhältnisse der weiblichen Bevölkerung in Österreich. Teilnahme am Erwerbsleben u. familiäre Situation. Ergebnisse der Mikrozensus September 1977 (Schriftenreihe zur Sozialen u. Beruflichen Stellung der Frau. 1979. № 9. S. 21): 40% опрошенных замужних женщин в качестве мотива своего труда назвали “радость и интерес к профессии”, 34% — “финансовую независимость”, 24,6% — “возможность контактов с другими людьми”; но для всё ещё 50% оставалась “возможность дополнительного дохода”, т.е. традиционный мотив “приработка” к зарплате мужа.*

следние годы. В среднем женщина теряет супруга, когда ей 69 лет, и затем живёт ещё около девяти лет вдовой. Проблемы поиска смысла жизни, изоляции, психических и социальных кризисов встают здесь с растущей остротой¹. Тройную тяжесть материнства, домашнего хозяйства и работы многие женщины берут на себя, если отвлекусь от материальных и социальных стимулов, имея в виду перспективу этой фазы жизни “после родительства”, смиряясь с ожидаемым вдовством или учитывая повышение риска развода.

Многokратная нагрузка работающих замужних женщин обусловлена их недостаточным освобождением от домашнего труда и семьи или, формулируя с исторической точки зрения, явлением запаздывания в приспособлении ролевого поведения мужчин и женщин к общественным структурным переменам. Разумеется, традиционные “роли полов” и модель “буржуазной семьи” в конце 70-х годов во всё большей степени попадали под обстрел психологически и социологически информированной критики. Женское движение требовало равноправия полов и стремилось к его реализации в рамках “частной” семейной сферы. Открытие среднего и высшего образования для девушек и женщин способствовало осознанию и обсуждению положения женщин в обществе и в семье. Без сомнения, публичная дискуссия поставила, по меньшей мере для части населения, под вопрос традиционные представления о ролях полов. Но исследования последних лет постоянно подтверждают, что приём на работу, оценка и практическое ролевое поведение лишь в незначительной степени приспособились к возросшей трудовой активности замужних женщин. Повсеместно жена занята приготовлением еды и ежедневным обслуживанием детей, вне зависимости от того, работает она или нет. Разрешение проблем, возникающих в отношениях с детским садом и школой, преимущественно берут на себя женщины. Забота о престарелых родителях, организация семейных праздников и тому подобное также в значительной сфере относится к сфере задач женщин. Типичный мужчина всё ещё чувствует себя, отвлекаясь от его роли главного “добытчика”, прежде всего ответственным за внешнюю сферу деятельности: например, “бумажную войну” с властями. В хозяйстве он скорее займётся необходимым ремонтом (который имеет то преимущество, что происходит нерегулярно и даёт возможность продемонстрировать техническую компетенцию) и позаботится об автомобиле². Это относится

¹ В 1982 г. в ФРГ жили 4,6 млн. замужних женщин в возрасте от 50 до 70 лет и 2,8 млн. вдов старше 70 лет. См.: Statistisches Bundesamt 1984. S. 64.

² Для ФРГ см.: Zweiter Familienbericht. Bonn, 1975. S. 35, 155; Pross II. Die Wirklichkeit der Hausfrau, Reinbeck 1975; для Австрии: Rosenmayr L. Die junge Frau in der Industriegesellschaft. Eine soziologische Studie über Arbeiterinnen u. Angestellte u. ihre Belastung in Beruf u. Familie. Wien, 1969. 48 f.; Bericht über die

и к мужьям работающих женщин. Проведенное в середине 70-х гг. в Австрии среди молодых работающих матерей исследование показало, что вопросы, касающиеся домашнего хозяйства, скорее решаются женщинами, тогда как контакты с посторонними семье лицами и важные хозяйственные задачи осуществляют преимущественно мужья¹.

В 60 — 70-х гг., т.е. в тот период, когда “разделение труда” между мужчиной и женщиной постоянно публично дискутировалось, доля мужей, существенно помогавших жёнам в работе по дому, повысилась лишь незначительно. Напротив, по-видимому, участие мужчин в воспитании детей увеличилось несколько больше². Профессиональный труд мужей, между тем, является абсолютно приоритетным, участие мужей в воспитании детей занимает по отношению к нему подчинённое положение³. Требования и нужды профессиональной жизни, стремление к неограниченным профессиональным обязанностям, высокая физическая и психическая нагрузка на работе и т.п. ограничивают возможности мужчин в воспитании детей. На практике воспитание остаётся в женских руках. Происходящая после 1945 г. “феминизация” общественного воспитания и педагогики дала этой форме разделения труда публичную поддержку. Это отражается и в преобладающих настроениях населения. В 1974 г. эмпирическое исследование показало: 65% опрошенных мужчин убеждены, что они в принципе меньше подходят для воспитания детей, чем женщины⁴. Эти суждения сохраняют живучесть не в последнюю очередь благодаря способам, которыми они попадают в сознание людей. Дочери всё ещё помогают своим матерям в домашней работе в три-пять раз чаще, чем сыновья⁵. Правда, с сокращением количества детей обычная ещё в 40-е гг. практика рано приучать старшую дочь к квазиматеринской роли по отношению к братьям и сёстрам почти полностью исчезла, отчего, по-видимому, можно ожидать ослабления воспитания, связанного с подготовкой к роли матери. С другой стороны, воспитательная активность матерей в отношении детей значительно повысилась. Вероятно, этот

Situation der Frau in Österreich. Wien, 1975; Struktur u. Bedeutungswandel der Familie (Österr. Familienbericht). Wien, 1979. S. 132 ff.; Münz R. Haus-Frauen-Arbeit. Anmerkungen zur geschlechtsspezifischen Arbeitsteilung im Reproduktionsbereich // Österr. Zeitschrift für Soziologie. 1980. № 5. S. 66.

¹ Szinivác M. Entscheidungsstruktur u. Aufgabenverteilung in jungen Familien. Ergebnisse einer Untersuchung berufstätigen Frauen u. Müttern in Wien, Niederösterreich und Burgenland. Wien, 1974 (диссертация).

² Münz R. Haus-Frauen-Arbeit. S. 72.

³ Familie u. Arbeitswelt. S. 132.

⁴ Bericht über die Situation der Familie in Österreich (Frauenbericht) / Hg. Bundeskanzleramt. Wien, 1975. Heft I. S. 24.

⁵ Münz R. Haus-Frauen-Arbeit. S. 73.

стереотип и свойственный полам тип поведения (хотя и против воли матерей) стимулировался доминированием женщин в процессе социализации. Во всяком случае представление о “естественном” разделении мужских и женских обязанностей в семье возникает не только в браке, но присуще уже детям и подросткам¹. Однако опросы молодых людей скорее показывают, что началось изменение этих представлений. Согласно опросу австрийцев в возрасте от 14 до 24 лет, 82% девушек и 66% юношей считают, что муж должен участвовать в домашнем хозяйстве, если жена работает². Разумеется, опрос отражает позиции респондентов до их вступления в брак. Их фактическое будничное поведение в семье — совсем другое дело. Идеальные представления и повседневная реальность в области домашнего труда часто сильно расходятся друг с другом.

Чёткое изменение унаследованного ролевого стереотипа прослеживается в профессиональной ориентации женской части молодёжи. Так, к примеру, проведенное в 1982 г. в ФРГ исследование показало, что для девушек от 15 до 19 лет реализация их профессиональных желаний стоит на первом месте, а только затем семья и материнство. Изменение представлений отражает возросший спрос на рабочую силу девушек и женщин. В 70-х и 80-х гг. впервые для большей части девушек и молодых женщин стало возможным рассматривать собственную профессиональную деятельность как существенный элемент планирования жизни, а не считать её переходной фазой до вступления в брак и рождения детей. Разумеется, большинство опрошенных девушек планирует прервать свою работу на короткое время, чтобы обеспечить уход за детьми (“трёхфазовая модель”), после чего вновь вернуться к работе, сочетая её с семейной жизнью³.

Все исследования последних лет показали, что распространённость традиционного ролевого стереотипа коррелирует с социальным статусом и уровнем образования. В низших слоях чаще и определённое придерживаются традиционного образа поведения, чем в средних и высших. Так, например, в рамках проведенного в 1973 г. исследования о наёмном труде женщин в ФРГ 13,2% работниц и только 6,8% служащих заявили, что их мужья не одобряют их работу вне дома⁴. С утверждением “Мать должна всегда быть в семье; даже если дети выросли, она находит достаточно удовлетворения в

¹ См.: *Rosenmayr L. u. Kreutz H. Rollenerwartungen der weiblichen Jugend.* Wien, 1973.

² *Fessek u. GfK-Institut, Jugendstudie 1976 // Ausfrag des Bundesministeriums für soziale Verwaltung.* Wien, 1976.

³ “Mädchen 82” // *Brigitte u. Deutsches Jugendinstitut Bearb / Hg. A. Burger u. G. Seidenspinner.* Hamburg, 1982.

⁴ *Pross H. Gleichberchtigung im Beruf? Eine Untersuchung mit 7000 Arbeitnehmerinnen in der EWG.* Frankfurt, 1973.

заботах о муже и детях” согласилась при сборе сведений для второго федерального Доклада о семье 1975 г. почти треть выпускниц школы, однако только десятая часть абитуриенток или выпускниц высшей школы¹. По-видимому, стереотипное представление о ролях полов быстрее ослабевает в высших, более образованных слоях общества².

Без сомнения, требование совместимости наёмного труда и материнства является центральным элементом процесса эмансипации женщин в европейских промышленно развитых обществах. При этом, однако, не следует упускать из внимания тот факт, что освобождение женщин от патриархальных структур может произойти только тогда, когда с правом женщины на оплачиваемую работу будет признано и проведено в жизнь также право и практическая возможность её участия в общественной и политической жизни. Но работа женщин, являющихся матерями и домохозяйками, всё ещё ведёт к перегрузкам, которые делают это невозможным. Эта тройная нагрузка часто ограничивает социальную и политическую активность и тем самым препятствует развитию личности многих женщин, вместо того, чтобы его стимулировать³. Это относится в особенности к большинству тех работающих замужних женщин, которые, находясь в группах с низким уровнем оплаты труда, выполняют работу, требующую низкой и средней квалификации. Своими страданиями на работе они компенсируют недостаточный заработок мужей; здесь нельзя говорить об эмансипации как результате участия в работе по найму. Кроме того, наёмный труд жён ни в коей мере “автоматически” не увеличивает участия мужей в работе по дому, уходу и воспитанию детей. Поэтому эмансипация женщин путём их вовлечения в наёмный труд может быть успешной только тогда, когда изменятся разделение труда в домашнем хозяйстве и семье, условия самого труда в направлении повышения его роли в социальной идентификации и его смысловое назначение.

2. Семья и социальное неравенство

Выбор брачного партнёра, освобождённый от расчётов родительской семьи, хотя и “индивидуализировался” и “персонализировался”, но ни в коей мере не стал независимым от влияния общества, как не прекратилось его воздействие на общество. И в “постин-

¹ Zweiter Familienbericht. Bonn, 1975. S. 35.

² См. также: Forschungsinstitut für Soziologie der Universität Köln (R. Künzel), Tabelleband: Einstellungen der westdeutschen Bevölkerung zu Ehe und Ehescheidung, Manuskript 1973. Цит. по: Zweiter Familienbericht. Bonn, 1975.

³ Zweiter Familienbericht. Bonn, 1975. S. 35.

дустриальном” обществе семья является основным агентом образования социальных слоёв¹. Брак и рождение создают действительные в течение десятилетий социальные структуры: они помещают индивидуума на определённое социальное место в обществе. Выбор брачных партнёров следует социальным закономерностям в той мере, в какой они суммой всех заключённых браков порождают относительно стабильные статусные структуры в обществе. Намерению вступить в брак предшествует, по крайней мере у большинства людей в европейских промышленно развитых странах, длительный процесс ориентации и “социокультурной настройки” человека на брак и семью. В этом смысле семья воспроизводит людей, изначально настроенных на то, чтобы основать новую семью (с ростом числа людей, которые выросли не в традиционных семьях, возникающая таким образом “самоочевидность” брака и создания семьи в тенденции ослабляется известным выбором между альтернативами).

Предположительно, выбор партнёров происходит как процесс фильтрации. Сначала определяется категория социально подходящих партнёров. Это происходит почти “незаметно” для человека в социальной среде, где он вращается. Затем происходит специфический выбор из “совокупности” возможных партнёров в соответствии с психологическими, сексуально-эротическими и эстетическими механизмами. В этом аспекте выбор партнёра происходит не как однократный акт принятия решения, а как его участие в общественных процессах. Насколько мы знаем, при этом придаётся большое значение впечатлениям, вынесенным из родной семьи, образованию и ранней профессиональной карьере подростков и молодых людей. Эмпирические исследования, например, показали, что школьные неудачи и досрочный уход из школы, как и разочаровывающий профессиональный опыт первых трудовых лет, стимулировали склонность к ранним и часто недостаточно обдуманым бракам². Более длительное и успешно завершённое школьное образование, напротив, способствует скорее формированию более разнообразных потребностей и ожиданий в дальнейшей жизни³, что, по видимому, должно вести к большей основательности отношений при выборе брачного партнёра. Но осознание проблем, уровень которого повышают полученное образование и общественное их об-

¹ См. к этому: *Haller M.* Schichtungsmechanismen im Prozeß der Partnerwahl u. Familienbildung. Eine theoretische Kritik der Vernachlässigung der Rolle der Frau // Он же. Klassenbildung u. soziale Schichtung in Österreich. Analysen zur Sozialstruktur, sozialen Ungleichheit u. Mobilität. Frankfurt, 1982. S. 310 ff.

² *Haller M.* Social Stratification and the Life Cycle of Young Families. Paper for the XIIIth International Research Seminar. Paris, 1973.

³ *Rosenmayr L.* Junge Frau.

суждение, способствуют и тому, что именно молодые люди, чьё вступление в трудовую жизнь отодвигается более продолжительным образованием, часто ставят под вопрос моногамные и законные браки¹.

Качество отношений в семье не в последнюю очередь и в значительной мере определяется размером и характером имеющейся в её распоряжении квартиры. Недостаток жилых помещений, испытываемый низшими слоями, повышает в сравнении с семьями средних и высших слоёв потенциал внутрисемейного напряжения, конфликтов и агрессии. Форсированному в большинстве европейских промышленно развитых стран в 60–70-е гг. социальному жилищному строительству не удалось нивелировать эффект неравенства жизненных шансов, который порождён закономерностями капиталистического рынка жилья². Исследования показали, что уровень недостаточной обеспеченности жилыми помещениями в ФРГ возрастает параллельно росту числа детей на семью и снижению семейного дохода. В 1973 г. только 33% семей неквалифицированных рабочих, и в то же время 55% семей простых чиновников и 76% семей лиц, не занятых наёмным трудом, имели для каждого ребёнка отдельную комнату³.

Исторический факт освобождения семьи от производственных функций не должен затмевать того обстоятельства, что после исторического отделения работы от семьи профессиональный труд вне дома всё равно оказывает существенное влияние на семейную жизнь. Опыт, приобретаемый на работе, а также способ и степень восстановления рабочих сил работающих членов семьи существенно влияют на семейные будни. Они определяют, какие ценности разделяют и сознательно или бессознательно передают детям работающие родители. Социальное неравенство на работе воздействует на семью, принимая вид различий образцов воспитания, стратегий разрешения конфликтов и потребностей в отдыхе. Сегодня доказано, что опыт работы в значительной степени определяет социальные возможности людей, их потребности, предпочтения и принципы. Это, в свою очередь, отражается на процессе семейной социализации и таким образом ведёт к сохранению социального неравенства⁴. Одно из характернейших различий вытекает из того, с чем

¹ См. среди других: Jugend '81. Studie im Auftrag des Jugendwerkes der Deutschen Shell. Hamburg, 1981. S. 103 ff.

² Zweiter Familienbericht. Bonn, 1975. S. 19.

³ Там же; ср. для Австрии: *Cyba E.* u. a. Räumliche Bedingungen der privaten Reproduktion // *Lebensverhältnisse in Österreich. Klassen u. Schichten im Sozialstaat* / Hg. M. Fischer-Kowalcki u. J. Bucek. Frankfurt, 1980. S. 153–189.

⁴ См. среди прочих: *Kohn M.* Class and Conformity. A Study in Values. Home-

имеют дело на производстве работающие члены семьи — преимущественно с людьми или с вещами и машинами. В противоположность предположениям ранних исследований (“теория компенсации”) те люди, работа которых характеризуется монотонной, малоинтересной деятельностью, лишь иногда ищут в семейной жизни компенсацию в форме разнообразной и самостоятельно направляемой деятельности. Значительно чаще образец поведения на производстве переносится на досуг¹. Родители осознают и обобщают усваиваемый ими на работе образец поведения, переносят его на внепрофессиональную сферу, в том числе на семейную жизнь и общение с детьми². Базиль Бернштейн указывал на возможные связи между формами разговорного общения на производстве и языковой социализации в семьях³. Другие исследования выявляют связь между впечатлениями, полученными на работе отцами, и видами конфликтов между отцами и детьми в семье⁴. Вероятно также, что воспитание детей работающими матерями находится под влиянием их опыта на работе. Чем жёстче их рабочие условия, тем скорее они склоняются к тому, чтобы воспитывать у детей умение приспосабливаться и послушание. В сравнении с домохозяйками работающие женщины требуют от детей как большей приспособляемости, так и более высоких достижений. Возможно, этим они хотят подготовить детей к условиям труда на производстве⁵. Посменная и ночная работа, по видимому, имеет самые неблагоприятные последствия для семейной жизни в целом и для отношений между родителями и детьми. Различные исследователи согласны в том, что сменная и ночная работа вносит более всего помех в семейную жизнь; чтобы согласовать её с ритмом ежедневного семейного воспроизводства и особенно с отношениями между родителями и детьми, требуется готовность к уступкам со стороны всех членов семьи⁶.

wood, 1969; для ФРГ см.: *Steinkampf G. Klassen- u. schichtanalytische Ansätze in der Sozialisationsforschung // Handbuch der Sozialisationsforschung / Hg. K. Hurrelmann u. D. Ulich. Weinheim, 1980. S. 253–284; также Steinkampf G. u. Stief H. W. Lebensbedingungen u. Sozialisation, Opladen, 1978.*

¹ *Steinkampf G. Arbeitsplatzerfahrung u. familiale Sozialisation // Umweltbedingungen familialer Sozialisation / Hg. L.A. Vaskovicz. Stuttgart, 1982. S. 120–142.*

² *Steinkampf G. u. Stief H. W. Op. cit.*

³ *Bernstein B. Ein Soziolinguistischer Ansatz. Гл. 1. Прим. 80.*

⁴ *Grüneisen V. u. Hoff E.-H. Familienbeziehung u. Lebenssituation. Weinheim, 1977.*

⁵ Там же.

⁶ *Schösser M. Freizeit u. Familienleben von Industriearbeitern. Frankfurt, 1981; 13,9% отцов семейства в Западной Германии в 1973 г. работали посменно. См.: Zweiter Familienbericht. Bonn, 1975. S. 20; Auswirkungen der Schichtarbeit / Hg. Inst. für Gesellschaftspolitik. Wien, 1979.*

3. Тенденция к “супружеской семье”

То, что всё более урбанизирующиеся условия жизни обладают свойством ослаблять социальные связи между поколениями и родственниками, уже отмечалось с односторонне-пессимистической точки зрения традиционной критикой, связанной с изучением больших городов и промышленности¹. Его часто ставят в причинную связь с утверждением об утрате семьёй свойственных ей функций². Вместе с ними был будто бы утрачен стабилизирующий эффект так называемой “большой семьи”. Под “большой семьёй” в основном понимали состоящую из трёх поколений семью крестьянина или ремесленника, которую ошибочно считали универсальным типом семьи XVIII–XIX вв.³ Индустриализация и урбанизация, как гласил этот тезис, обуславливали всё более частое отделение супругов и тем самым всё более частое образование “малой семьи”. Это привело к утрате преемственности, так как “малая семья”, в отличие от непрерывно существующих семейных хозяйств крестьян и ремесленников, с достижением детьми взрослого возраста вновь распадается и предстаёт супружеской парой, т.е. только “остаточной семьёй”. Этот принятый в старой социологии, восходящий к Эмилю Дюркгейму тезис о происходившем в течение века “сжатии” “допромышленной большой семьи” и возникновении индустриальной *famille conjugale*⁴ (“супружеской семьи”), между тем оказался не совсем точным. Историческая демография и исследования семьи показывают, что семьи из трёх поколений в большом числе образовались лишь в демографически переходный период конца XIX — начала XX вв. вследствие так называемой “аграрной революции” и индустриализации, когда впервые в достаточной мере возросла продолжительность жизни и снизился возраст вступления в брак⁵.

¹ См. как одних из первых представителей этого направления: F. Le Play, W.H. Rieh, а также социологов 50-х годов, среди других: *Mayntz R. Die Moderne Familie. Stuttgart, 1955.*

² Классический пример: *Ogburn W. Die Ursachen für die Veränderung der Familie // Он же. Kultur u. sozialer Wandel. Neuwied, 1969. 23 ff.*; модифицировано в понятие “смещение функций”, имеющее такую же основную идею, следующим автором: *Neidhardt F. Die Familie in Deutschland: Gesellschaftliche Stellung, Struktur u. Funktionen. Opladen, 1971.*

³ К критике этих представлений см.: *Mitterauer M. Der Mythos von der vorindustriellen Großfamilie // Он же u. Sieder R. Patriarchat. S. 38. ff.*

⁴ Сначала сформулировано Э. Дюркгеймом в так называемом “законе сжатия” (*Kontraktionsgesetz*); см.: *Durkheim E. La famille conjugale // Revue Philosophique. 1921. № 20.*

⁵ См. среди прочих: *Household and Family in Past Time: Comparative Studies*

дельное хозяйство сделать вывод об ослаблении их человеческих взаимоотношений. Напротив, многое говорит за то, что только возросшая возможность раздельного проживания создаёт предпосылку для положительной эмоциональной окраски отношений между родителями и их взрослыми детьми¹. Все проводившиеся до настоящего времени исследования показывают, что большинство людей, строя отношения между поколениями, склоняются к “сочетанию близости и дистанции”².

Более высокий семейных доход, более широкое предложение на рынке жилья, направленное на поддержку семьи государственное перераспределение средств в последние десятилетия, по-видимому, способствовали тому, что молодым супружеским парам и семьям значительно легче удаётся воплотить в жизнь концепцию “нуклеарной семьи”. Кроме того, всё меньшее число работающих женщин живёт вместе с родственниками и потому, что в 60–70-е гг. резко выросло количество мест в детских учреждениях, которые содержат коммунальные и земельные власти (детские сады и т.п.)³. Работающим матерям они всё чаще заменяют их матерей и свекровей, которые ранее смотрели за детьми.

От чётко выраженной тенденции жить “малой семьёй” следует отличать вопрос о характере взаимных посещений и оказания помощи. Родственные связи и особенно общение с родной семьёй сохраняются и в дальнейшем, но в основном выполняя функции дополнения и поддержки малой семье⁴. Родственные отношения в об-

¹ Ср.: *Tartler R. Das Alter in der modernen Gesellschaft. Stuttgart, 1961.*

² Там же. С. 326.

³ *Szinovacz M.E. Lebensverhältnisse. S. 15.*

⁴ *Kökeis E. Familienbeziehungen alter Menschen // Soziologie der Familie / Hg. G. Lüschen u. E. Lupri. Opladen, 1970. S. 516 f.* Семейная статистика “скрывает” подобные визиты и помощь. Можно, например, указать на феномен “мобильной бабушки”, которая хотя и ведёт своё собственное хозяйство и поэтому показывается статистикой как “лицо, ведущее отдельное хозяйство”, но однако, имея семейных детей и внуков, часто разъезжает и оказывает помощь там, где она нужна. Но это ничего не изменяет в тенденции к малой семье. Следует отличать длительно живущих вместе членов семьи от посещений и отношений взаимопомощи с близкими родственниками. Однако, некоторые социологи семьи говорят, имея в виду частое взаимодействие с дедушками и бабушками и родителями, о “модифицированном расширении” “супружеской семьи” (*modified extended family*); см. среди прочих: *Litwak E. Occupational Mobility and Extended Family Cohesion // American Sociological Review. 25. 1960. P. 9–21;* *Sussmann M.B. The Isolated Nuclear Family: Fact or Fiction // Social Problems. 1959. № 6. P. 333–340.* Причины путаницы в том, что это понятие относится к социальному взаимодействию между раздельно живущими родственниками, тогда как остальные понятия семейной типологии (малая семья, семья из трёх поколений и т.п.) характеризуют структуры домашнего хозяйства. Используя

щем и целом стали менее обязывающими. В условиях взаимной экономической независимости поколений есть возможность выбора: поддерживать их или дать им угаснуть. В верхней части среднего слоя прежде всего обнаруживается тенденция к большей активности взаимных посещений знакомыми по сравнению с родственными контактами¹. Это также однозначно говорит в пользу увеличения возможностей выбора. Чаще ищут контакты с теми, с кем есть общие интересы и можно поделиться опытом, чем с теми, с кем имеется “только” генеалогическое родство.

Следует добавить, что речь о тенденции к “супружеской семье” можно вести только тогда, когда рассматривается предпочитаемая форма так называемой “полной” семьи; в целом, в настоящее время гораздо больше выражены, с одной стороны, тенденция к “неполным семьям”, в особенности к семьям разведённых и разошедшихся женщин с детьми, и тенденция к добрачной совместной жизни и к схожему с семьёй сожителю — с другой.

4. Сокращение рождаемости

На протяжении XX в. общая тенденция к сокращению рождаемости в первые 60 лет несколько раз испытывала кратковременные колебания, которые имели либо противоположное направление, либо усиливали её. Эти тенденции в развитии рождаемости в первую очередь отражают реакцию людей на острые угрозы их материальному существованию в фазах экономических кризисов и во время обеих мировых войн, а также выраженный “эффект навёрстывания” в фазах экономического роста и общественной стабилизации. Сокращение рождаемости не было ни выражением культурного “декаданса”, ни признаком упадка народов, которые его переживали, как многие думали. Оно было запоздавшей реакцией людей на промышленную революцию. Постепенное распространение массового наёмного труда, занимавшего место труда в домашнем хозяйстве, развитие средств сообщения и торговли обусловили радикальное изменение форм жизни. С распространением промышленно-городского образа жизни среди постоянно растущей части

критерий частоты взаимодействия, можно поставить вопрос, почему близких друзей “нуклеарной семьи”, её помощь другим, которая может превосходить помощь, оказываемую родителями (например, по уходу за детьми), нельзя также отнести к “модификации расширенной семьи”. См. на эту тему подробно: *Tyrell H. Probleme einer Theorie der gesellschaftlichen Ausdifferenzierung der privatisierten modernen Kernfamilie // Zeitschrift für Soziologie. 1976. № 5. S. 393–417, особ. S. 402 ff.*

¹ *Pfeil E. u. Ganzert J. Die Bedeutung der Verwandten für die großstädtische Familie // Там же. 1973. № 2. S. 368 f.*

населения, с созданием развитой системы социального обеспечения дети утратили своё хозяйственное значение.

Если в 1900 г. в среднем женщина в Западной и Центральной Европе имела ещё около четырёх детей, то к концу 30-х гг. этот показатель упал примерно до 1,5. Многие люди отреагировали на мировой экономической кризис, с учётом тяжёлого экономического положения откладывая время вступления в брак и рождения детей. Семейная политика национал-социалистов была попыткой борьбы против низкой брачной активности и нежелания иметь много детей: оказывая помощь семье путём перераспределения средств на государственном уровне, они вели массированную пропаганду семьи и семейной плодовитости. Однако распад общества и высокие военные потери обусловили в конце концов заметный “спад рождаемости”. Только во время так называемого послевоенного “бума рождаемости” 60-х гг. число рождений вновь возросло в среднем до 2–3 детей на семью. Демографы и политики удивлялись этому неожиданному буму рождаемости, так как он противоречил общей тенденции к её сокращению. Сегодня, однако, он представляется не “поворотом тенденции в противоположную сторону”, а наивысшей точкой в развитии семьи в европейских индустриальных обществах: “Для поколения довоенных и послевоенных детей наличие семьи из социальной привилегии превратилось в социальную норму”¹, или, говоря иначе, впервые в годы так называемого “экономического чуда” каждый взрослый и совершеннолетний гражданин получил возможность жениться и иметь детей, не будучи в силу экономических причин вынужденным “откладывать” это решение. Среди родившихся в 1930–1945 гг. вступили в брак 90% и почти столько же обзавелось детьми². Средний брачный возраст упал, как и средний возраст родителей при появлении первого ребёнка. Часто первая беременность была поводом к заключению брака: число рождённых вне брака детей сократилось. Никогда прежде в Европе не была так велика доля женатого и имеющего детей населения. Поэтому Патрик Фести назвал 60-е гг. “золотым веком семьи” в Западной и Центральной Европе³. Но тем самым была достигнута, как мы теперь знаем, также наивысшая точка развития семьи в европейских индустриальных обществах. С середины 60-х гг. количество заключаемых браков и рождающихся в семье детей вновь сократилось, и из года в год распадалось всё большее число браков. Показатели рождаемости (т.е. число родившихся за год детей на тысячу жителей)

¹ Münz R. Kinder als Last, Kinder als Lust. Thesen zu Familienbildung u. Kinderzahl // Demographische Informationen. 1984. № 6.

² Там же.

³ Festy P. On the New Context of Marriage in Western Europe // Population and Development Review. 1980. № 6. P. 311–315.

упали с середины 60-х гг. до конца 70-х гг. в большинстве промышленно развитых стран на 30–40%, а в ФРГ и ГДР даже на 50%. Среднее число детей на одну взрослую женщину сократилось здесь до 1,4. Лишь в немногочисленных индустриализирующихся окраинах Европы (Ирландия, Турция) количество детей продолжало оставаться высоким¹.

Статистическое сокращение рождаемости отражает прежде всего снижение числа детей в семье, т.е. в расчёте на женщину и, следовательно, уменьшение семьи, и в меньшей степени тенденцию к полной бездетности. Четверо и более детей в семье были в 70-х гг. в промышленных странах Западной и Центральной Европы редким исключением; число семей с тремя детьми также существенно сократилось. Как следствие, фаза рождений в семейном цикле ограничилась коротким периодом, всегда приходящимся на начало брака. Сокращение числа детей было облегчено эффективными контрацептивами, особенно таблетками. Таблетки были первым действительно эффективным средством предохранения. В них нельзя видеть причину последовавшего за бумом рождаемости в середине 60-х гг. нового её падения (ошибочно до сих пор называемого “вызванным таблетками надломом” — “пилленкник”), так как в 1964 г. таблетки принимало лишь незначительное меньшинство женщин, в 1970 г. — только каждая десятая женщина в детородном возрасте². Если нужны другие доказательства, что разговоры о “пилленкнике” являются по меньшей мере грубым упрощением, то следует вспомнить о сократившемся в 20–30-е гг. наполовину числе родов, когда никаких таблеток или каких-либо аналогичных надёжных противозачаточных средств не было. Потребность в ограничении рождаемости

¹ Количество детей на одну женщину (общий уровень плодовитости):

	1960	1964	1970	1978	1982	1984	1985
ФРГ	2,37	2,51	2,06	1,38	1,40	1,29	1,30
Австрия	2,69	2,68	2,29	1,60	1,56	1,52	1,47
Франция	2,73	2,85	2,47	1,82	1,91	1,80	1,82
Нидерланды	3,12	3,20	2,75	1,58	1,49	1,49	—
Великобритания	2,69	2,86	2,44	1,77	1,78	1,77	1,80
Дания	2,54	—	1,95	1,66	1,42	1,40	1,45
Италия	2,41	2,65	2,39	1,84	1,57	1,51	—
Швеция	2,17	2,41	1,94	1,60	1,61	1,65	1,73

Источник: Council of Europe, Recent Demographic Developments in the Member States of the Council of Europe. Straßburg, 1982 u. 1986. Цифры за 1985 г. предварительные, данные по Италии за 1984 г. относятся к 1983 г.

² Münz R. Ursachen u. Konsequenzen des Geburtenrückganges in der Industriegesellschaft — am Beispiel Österreichs // Karltinger E. u.a. Kinderlose Gesellschaft? Wien, 1980. S. 19 ff.

основывается в значительной степени на комплексном сочетании объективных и субъективных факторов, которые в неразрывном единстве обуславливают общую тенденцию к “модернизации жизни”. Желание всё большего числа женщин не прекращать трудовую деятельность, возросшие требования к жилью и качеству досуга, по-видимому, являются важнейшими причинами сокращения рождаемости. Молодые супружеские пары предвидят материальные трудности, связанные с воспитанием детей, усиленным ростом стоимости жилья и временным перерывом в заработках жены¹. Дети не нужны ни как рабочая сила, ни как гаранты обеспечения в старости. Для эмоционального обогащения, которое муж и жена ожидают от своих детей, достаточно уже одного или двух. Всё большее число вступающих в брак могут представить себе “счастливую жизнь” даже без детей². Жизнь в больших городах предлагает альтернативы традиционному “семейному счастью”: свободное время, потребление и профессиональный успех являются основными компонентами “постиндустриального” стиля жизни, его реализация при наличии детей скорее затрудняется. Намерение жён ограничить количество родов разделяется, частично по тем же мотивам, мужьями. Исследования показали, что между соответствующими желаниями мужей и жён имеется исключительно близкое согласие. В определённой степени к решению иметь детей в большем числе пар приходят совместно, т.е. соответствующие представления коррелируют с остальными основными моментами, которые имеют решающее значение уже в фазе выбора партнёра³.

В то время, как количество детей, рождённых в браке, сократилось, почти во всех промышленных странах возросло число внебрачных детей⁴. По мере того, как рождение ребёнка вне брака утрачивало черты позора, с 60-х гг. росло число незамужних матерей.

¹ Schulz W. u.a. Ehe- u. Familienleben heute. Wien, 1980. S. 54.

² В Вене в 1978 г. уже даже 52% всех вступающих в брак могли представить себе “счастливую жизнь” без детей (там же).

³ Girard A. Dimension idéale de la famille et tendances de la fécondité. Comparaisons internationales // Population. 1976. № 31. P. 1119–46.

⁴Увеличение числа рождений вне брака:

ФРГ	1965	1970	1980	1984	1985
Австрия	4,7	5,5	7,1	8,8	9,1
Дания	11,4	12,8	17,8	21,5	22,3
Франция	9,5	11,0	33,2	30,0	—
Великобритания	5,9	6,8	11,4	17,7	—
Швеция	7,3	8,0	11,5	17,0	18,9
	11,3	18,4	39,7	44,6	46,4

Источник: Council of Europe, Recent Demographic Developments in the Member States of the Concil of Europe. Straßburg, 1986. P. 66.

Следует помнить и о том, что социальные условия для незамужних матерей изменились решающим образом. Меры семейной и социальной политики во всё большей степени облегчают незамужним матерям в случае беременности отказаться от “вынужденного брака”. Бóльшая часть незамужних матерей живёт сегодня в условиях, аналогичных браку, которые позднее часто законным образом регистрируются. Выросло, однако, и число детей, живущих с одним из разведённых родителей. В 1972 г. в ФРГ было 364 000 таких детей (2,6%; в 1961 г. — 1,86%). С 1961 г. число распавшихся браков с двумя или тремя детьми составляло треть всех разводов. Уже Федеральный доклад о семье 1975 г. прогнозировал, что число детей, которым предстоит расти в “неполной”, согласно традиционным представлениям, семье, будет возрастать и дальше. “Принцип производителя”, согласно которому социальными воспитателями должны быть по возможности именно физиологические родители, испытывает возрастающее давление. Всё больше детей вырастает с одним из родителей, не являющимся физиологическим отцом или матерью (повторные браки разведённых, совместная жизнь, аналогичная браку и т.п.). Чем чаще нарушается “принцип производителя”, тем более он перестаёт быть нормой. Это в свою очередь благоприятствует дальнейшему увеличению числа тех, кто не находится в браке или разведён, потому что шансы разведённых лиц, имеющих детей, вновь вступить в брак растут. Отношение детей к своим биологическим родителям как к социальным родителям перестаёт быть само собой разумеющимся, они во всё большей степени участвуют в процессах, связанных с обретением нового партнёра их физиологическим отцом или матерью¹. Новейшие данные подтверждают это: всё больше детей вырастает только с одним из физиологических родителей. В 1985 г. в ФРГ 12 млн. малолетних детей жили вместе с обоими родителями, 1,3 млн. — с матерями, отцами, отчимами или мачехами, которых принято называть “родителями-одиночками”. О том факте, что одинокие отцы или матери часто живут в новых (незаконных и потому не отражённых статистикой) отношениях, которые также влияют на жизнь их детей, статистика умалчивает. Служебное понятие “родитель-одиночка” вводит поэтому в заблуждение.

5. Увеличение числа разводов

Сокращение рождаемости с середины 60-х гг. сопровождалось постоянным ростом числа разводов. В конце 60-х гг. распадались в основном браки, заключённые в годы войны, часто в условиях, ко-

¹ Zweiter Familienbericht. Bonn, 1975. S. 24.

гда люди не имели достаточных возможностей узнать друг друга. Многие браки не выдержали чрезвычайных тягот послевоенного времени, долгой разлуки из-за военного плена и т.п. (см. гл. 6.5). Разводившиеся тогда вскоре вступали в брак снова. Это относится прежде всего к мужчинам, которые из-за большого числа погибших были “дефицитным товаром” на брачном рынке. В 50-е гг. процент разводов уменьшился. Около 1960 г. в наивысшей точке процесса укрепления семьи, пока продолжался брачный бум, процент разводов был низким. Затем с начала 60-х гг. число вступлений в брак постепенно снижалось, а количество разводов скачкообразно росло. В настоящее время в ФРГ, Австрии и Швейцарии почти каждый третий брак распадается. В больших городах это уже почти каждый второй. Таким образом, процент разводов почти в два раза выше, чем в 1962 г. Наиболее высокий показатель разводов в Европе имеют в настоящее время Швеция и Дания (около 45%). В Англии сегодня распадаются четыре из каждых десяти заключённых браков (39% разводов)¹. Ожидать стагнации или обратной тенденции вряд ли следует.

С ростом числа разводов склонность к заключению брака во всех западных промышленно развитых странах уменьшалась. В ФРГ число заключённых на 1000 жителей браков сократилось с 9,4 (1960 г.) до 5,9 (1982 г.), хотя в этот период достигли брачного возраста люди из когорт с высокой рождаемостью. Вероятность того, что молодой неженатый человек когда-либо вступит в брак, ещё в 1965 г. в большинстве европейских стран составляла около 90%, а между 1970 и 1980 гг. упала в Австрии до 70%, в ФРГ, Швейцарии и Дании — почти до 60%².

При ответе на вопрос о причинах этой тенденции в первую очередь нужно говорить о двух факторах долгосрочного исторического значения: увеличение продолжительности брака и повышение эко-

¹ Данные из: Bericht über die Situation der Frau in Österreich (Frauebericht 1985). Heft I: Lebensformen / Hg. Bundeskanzleramt. Wien, 1985. Tab. 24.

² Вероятность вступления в брак (в %), исчисленная от общей доли впервые вступающих в брак женщин:

	1970 (%)	1980 (%)
ФРГ	98	61
Австрия	92	69
Швейцария	83	59
Великобритания	100	80
Франция	92	82
Дания	81	59
Швеция	62	53

Источник: Council of Europe 1981/82; Monnier A. L'Europe et les pays développés d'outre-mer. Données statistiques // Population. 1981. № 4/5. P. 897.

номических возможностей для его расторжения. Средняя продолжительность брака за сто лет удвоилась. Пара, вступившая в брак в 1870 г., жила вместе в среднем 23,4 года, в 1900 г. — 28,2, в 1930 г. — 36, в 1970 г. — уже 43 года, если она не распалась раньше¹.

Столь продолжительный брак увеличил вероятность возникновения более частых и качественно иных конфликтов. Кроме того, надежды, которые возлагают люди на семью и брак, вышли за пределы прагматического обеспечения выживания и расширились до ожидания всеобъемлющего счастья.

Снижение прочности брака имеет прежде всего экономические и связанные с ними психологические причины. Всё меньшее число людей живёт и работает в условиях сельскохозяйственного или ремесленного производства, где совместное владение средствами производства вынуждает их сохранять несчастливо сложившийся брак². Те группы, к которым это не относится, а именно крестьяне и лица, занимающиеся самостоятельными промыслами, показывают значительно более низкий процент разводов. Крестьяне и крестьянки практически никогда не разводятся. Чем меньше супруги в своей экономической и социальной жизни связаны друг с другом, тем скорее они могут поставить вопрос о разводе в случае несчастливо сложившегося брака. Поэтому работа жён повышает в проблемных браках готовность и экономическую возможность к разделу или разводу. Горожанки со средним школьным или среднетехническим образованием, находящиеся в должности служащих, разводятся чаще всего; самый низкий процент разводов у неработающих женщин³. Наконец, снижающееся или застывшее на низком уровне среднее количество детей на одну семью увеличивает готовность к разводам, так как наличие детей у пары уменьшает как их субъективное желание, так и экономическую возможность развода. Другими факторами повышения готовности к разводам являются сокращение браков, заключённых по религиозному обряду, рост урбанизации и региональной мобильности, перемены в роли женщины и дальнейшая “индивидуализация” жизненной концепции.

¹ Lutz W. Heiraten, Scheidungen u. Kinderzahl. S. 3.

² Сокращение численности лиц, занимающихся самостоятельными промыслами, в Германской империи и Федеративной республике Германии:

1882	1895	1907	1925	1933	1939	1950	1961	1970	1980	1984
28,0	25,2	19,6	16,5	16,4	13,4	14,5	12,1	10,4	8,6	9,1

Источник: Statist. Jahrb. Bundesrepublik 1981. S. 98–99; Statist. Jahrb. Bundesrepublik 1986.

³ Для Австрии см.: Findl P. u. Münz R. Demografische Struktur u. Entwicklung der Weiblichen Bevölkerung // Bericht über die Situation der Frau in Österreich, Frauenbericht 1985. H. I: Weibliche Lebensformen. Wien, 1985. S. 28 ff.

В той же степени, в какой всё более широкие слои населения кладут в основу брака в первую очередь не экономическую необходимость, а личные отношения любви супругов, должно быть либерализовано и общее отношение к расторжению браков, а также и правовые нормы, регулирующие развод. Когда любовь становилась решающим мотивом при выборе партнёра, постепенно распространилось убеждение, что брак перестаёт быть браком, “если в нём больше нет любви”¹. Надежды людей найти в браке “большое счастье” скорее возросли вопреки всем симптомам кризиса. Не в последнюю очередь это результат раздутой средствами массовой информации дискуссии о возможностях и пределах “личного счастья” в “романтической” любви, свободной от материального давления. Тем самым были развиты потребности в эмоциональной защищённости, сексуальном счастье и преисполненном любовью общении в супружестве, обеспечить удовлетворение которых можно в несравнимо меньшей степени, чем надежды крестьян, ремесленников и бюргеров предыдущих поколений, которые во всяком случае видели основу брака в “прагматической” любви, совместном жизнеобеспечении, гарантиях имущества и статуса. Широкая пропаганда романтической любви как единственного “законного” мотива брака скрывает тот факт, что эта романтическая любовь, как правило, длится только какое-то определённое время. Она не достаточно прочна для концепции брака, заключаемого до конца дней.

Брак не является в первую очередь сексуально-эротическим институтом². Требуемая стабильность достигается не выбором объекта для непрочных человеческих сексуальных отношений и эротики, а следует из необходимости обеспечить социализацию детей и экономическое существование. Общие дети, жильё, доходы, совместное владение различными предметами пользования и не в последнюю очередь незнание процедур развода вынуждают людей примиряться с противоречиями “романтической любви” и моногамного брака, проявляя личную сдержанность и дисциплину. Остаётся надеяться, что “романтическая любовь” в браке превратится в “прагматическую любовь” или “дружбу”. Эти надежды, однако, часто не оправдываются, что доказывают цифры разводов. Даже тогда, когда удаётся трансформировать отношения “медового месяца” в союз спутников жизни, брак остаётся в значительной степени под угрозой. Постепенно накапливающийся недостаток эмоциональной поддержки, сексуального удовлетворения и нежности в отношениях супруги видят особенно ясно на фоне перманентной демонстрации

¹ König R. Familie.

² Schelsky H. Soziologie der Sexualität. Über die Beziehungen zwischen Geschlechtern. Moral u. Gesellschaft. Reinbeck, 1955. S. 27 ff.

привлекательных примеров “романтической любви”. Повышение независимости личности и признания её эмоциональных, социальных и сексуальных желаний имеет свою цену: чем сильнее супружеская пара ориентируется на идеал “любящей пары”, тем чаще она распадается из-за конкуренции новой “романтической любви”.

Для целей обзора исторического развития семьи слишком сложен вопрос о значении постоянного роста в течение двух последних десятилетий процента разводов. Характеризует ли он кризисное состояние брака и тем самым усиление угроз существованию семьи или же он относится скорее к уровню расторгимости несчастных браков? Для нас важно то, что развод является конечным пунктом кризисного развития отношений пары. Ему обычно предшествует длительный процесс разлада отношений. Какое число “несложившихся” браков в конце концов распадается, зависит от множества личных и общественных факторов. По всей вероятности, судя по возросшим потребностям, в течение двух последних десятилетий “расстраивается” всё больше браков и всё больше людей готовы признаться самим себе и своему окружению, что они считают брак распавшимся, ибо общественное осуждение разведённых резко идёт на спад. Создаётся впечатление, что в широких кругах населения снизилась готовность принимать брак, из которого “ушла любовь”, или слишком конфликтный брак¹. С ростом числа разведённых общественное сопротивление разводам падает. Чем больше разведённых живёт в обществе, тем скорее желающие развестись и разведённые могут рассчитывать на понимание своих проблем. Реакция социального окружения на развод является существенным фактором принятия решения супругами².

Проведенное в Австрии исследование обнаружило, что расторжение “расшатавшегося” брака в целом одобряется, если в доме нет детей. Две трети опрошенных всё же высказывались за то, чтобы сохранять идущий к распаду брак “ради детей”³. Это доказывает, что задача социализации субъективно также находится в центре семейной жизни. Распространённое мнение, что в принципе супруги не должны разводиться, если в семье есть дети, всё-таки упускает из вида тот вопрос, на который можно ответить только индивидуально: от чего дети страдают больше — от продолжающегося “супружеского спора” родителей или от их развода. Разводы конфлик-

¹ *Schultz W. u. a. Op. cit. S. 43.*

² Там же. С. 41. Шульц и другие авторы работы говорят между прочим о большом влиянии “примера развода” в личном окружении пары, взвешивающей принятие решения о разводе; здесь, вероятно, имеет значение, что особенно интересно, то обстоятельство, как знакомые справляются с последствиями развода.

³ *Österr. Familienbericht. Wien, 1979. S. 137.*

тующих пар одобряются тем больше, чем моложе человек и чем в более городском окружении он живёт. Люди с более низким уровнем образования развод как норму скорее отвергают¹. Развод является признаком городского образа жизни. В сравнимых профессиональных группах частота разводов в городах в два–четыре раза выше, чем на селе². Женщины в большей степени одобряют разводы, чем мужчины. Это удивляет, учитывая связанное с разводом ухудшение их экономического положения. С другой стороны, объяснение в том, что женщины тяжелее переносят конфликтность супружеской и семейной жизни. К тому же в случае развода женщины имеют с психологической и социальной точек зрения то преимущество, что дети в основном остаются с ними. Это обычно даёт им эмоциональную поддержку. В то же время маленькие дети часто осложняют матери попытку вступить в новые отношения. В большинстве случаев инициаторами разводов выступают женщины³, хотя мужчины являются “истинными проводниками” разводов и первыми пытаются разорвать неудачно сложившиеся отношения⁴. В целом представляется, что женщины предъявляют к браку и семье более высокие требования, чем мужчины, они также чаще высказывают недовольство по поводу своих браков⁵.

Исходя из той точки зрения, что развод является результатом процесса, часто растягивающегося на годы, представляется интересным вопрос, какие факторы играют в нём роль. Статистически первое учащение разводов наблюдается вскоре после свадьбы⁶, когда обычно ещё нет детей. Представляется, что речь идёт о раннем исправлении “ошибки”, допущенной при выборе партнёра, а чаще, пожалуй, о трудностях адаптации к образу жизни супруга. В период рождения и ухода за маленькими детьми разводы возникают значительно реже. Но в это время часто намечается кризис в отношениях пары. Многочисленные исследования показывают, что после рождения первого ребёнка наступает в тенденции снижение субъективного удовлетворения браком, и притом в сравнимой степени у мужчины и женщины⁷. Супруги имеют меньше времени друг для друга,

¹ *Schultz W.* u.a. Op. cit. S. 46.

² *Findl P.* u. *Münz R.* Demographische Struktur und Entwicklung der weiblichen Bevölkerung // Bericht über die Situation der Frau in Österreich. Frauenbericht. 1985. H. I. S. 28.

³ В 1979 г. 58% заявлений на развод было подано женщинами (см. *Schmidt J.* Bevölkerungsveränderungen. S. 101).

⁴ Ср.: *Bernard J.* Remarriage. A Study of Marriage. New York, 1956.

⁵ *Schmidt J.* Bevölkerungsveränderungen. S. 101.

⁶ В Австрии максимальная цифра разводов зафиксирована на второй и третий год брака, затем частота разводов падает с увеличением продолжительности браков (см. Bericht über die Situation der Frau in Österreich, 1985).

⁷ На это уже давно указывал Э.Э. Мастерс: *Masters E.E.* Parenthood as

у них становится меньше общих друзей и знакомых, чем раньше. Молодые матери завязывают новые контакты с другими матерями, в которых мужа большей частью не участвуют. Молодые матери часто чувствуют себя одинокими и покинутыми вследствие выпадения из связанной с профессией социальной системы¹, многим не хватает чувства независимости². С другой стороны, родственные контакты (прежде всего с родными семьями мужа и жены) в этой фазе вновь учащаются, что скорее благоприятствует ориентации на традиционные отношения между супругами и между родителями и детьми. Часто требования совместной ответственности за домашнее хозяйство, выдержанные в духе эмансипации, предъявляются только до рождения первого ребёнка, а затем они входят в русло традиционных моделей разделения труда или совсем прекращаются. Поэтому именно молодые женщины испытывают болезненное расхождение между желаемым идеалом супружеской и семейной жизни и наличной повседневностью. Их надежды на «партнёрский брак» не сбываются³. Когда младшему ребёнку исполняется 6–14 лет, постепенно становится возможным разгрузить родителей от интенсивного ухода за детьми и в конфликтных браках вновь повышается готовность к разводу⁴.

Итак, открытому проявлению супружеского кризиса предшествует, как правило, скрытый подготовительный период, который частью не осознаётся участниками. В большинстве случаев это медленный, затрагивающий обоих супругов процесс деградации брака. Одно французское исследование также показало, что разводу зачастую предшествуют неоднократные попытки разойтись. Прежде всего из-за детей или по финансовым соображениям супруги всё время откладывают решение о разводе. Наконец, когда вырастут дети, улучшится финансовое положение или усилится процесс деградации брака, они приводят его в исполнение⁵. При этом готовность принять во внимание развод существенно зависит от социального статуса супругов: в браках, где женщины работают, разговоры о разводе заводят чаще. Профессиональная деятельность женщин как таковая не повышает степень риска. Напротив, эмпирические иссле-

Crisis // *Marriage and Family Living*. 1957. № 19. Ср. также: *Jürgens H. W. u. Pohl K. Kinderzahl-Wunsch u. Wirklichkeit*. Stuttgart, 1975.

¹ *Rosenstiel L. v. Psychologische Untersuchungen zum Geburtenrückgang in der Bundesrepublik Deutschland // Geburtenrückgang — besorgniserregend oder begrüßenwert?* / Hg. R. Olechowsky. Freiburg, 1980. S. 167–185.

² *Urdze A. u. Rerrich M. S. Frauenalltag u. Kinderwunsch*. Frankfurt, 1981.

³ «Brigitte» und Deutsches Jugendinstitut. 1982.

⁴ Ср.: *Pineo P. C. Disenchantment in the Later Years of Marriage // Marriage and Family Living*. 1961. 23; *Schultz W. u. a. Op. cit.* s. 43.

⁵ *Roussel L. Le divorce et les Français. — L'expérience des divorces // Travaux et Documents* 72. Paris, 1975.

дования показали более высокую степень удовлетворения в парах, где женщина имеет “независимую” сферу труда и жизни, с которой связан круг её знакомых и друзей¹. Следует, однако, допустить, что финансовая независимость работающих женщин (особенно в средних и высших слоях) способствуют тому, что конфликты в браке чаще доводятся до конца и при недовольстве браком чаще ставят на обсуждение возможность развода². Самую низкую готовность довести дело до развода, напротив, проявляют жители аграрных районов, неработающие женщины, а также представители групп населения с самым низким уровнем доходов³. Развод означает для них большей частью жизнь за пределами прожиточного минимума.

В целом из представленных здесь вкратце данных социальных исследований о “характере процесса” развода и соответственно предшествующего ему периода можно сделать вывод, что решение о разводе обычно принимается *не* поспешно и безответственно быстро, как зачастую утверждают противники разводов. Постоянно используемый аргумент, что разводы нарушают право детей на спокойную семейную социализацию, соответствуют истине, с одной стороны, прежде всего в том смысле, что многие раздельно живущие или разведённые родители даже после развода “переносят” свои конфликты “на детей”. С другой стороны, при этом упускается общественный аспект проблемы: в промышленных обществах важнейшая функция семьи — социализация будущих поколений — обеспечивается только при условии, что родительская пара живёт в достаточно гармоничных отношениях. Разводы не являются “патологическим” явлением современных обществ: они в положительном смысле функциональны, если удаётся остановить разрушительные кризисные тенденции в отношениях двух людей путём изменения их жизненного положения и вернуть им после довольно длительных коллизий, связанных с разводом, как личную способность радоваться жизни, так и готовность по мере своих сил и умений участвовать в жизни общества⁴. В любом случае не следует упускать из вида, что женщины в случае развода часто оказываются обделёнными, так как им приходится сочетать в большей частью ухудшившихся экономических условиях домашний труд, уход за детьми и часто также работу. Их практическая возможность найти нового партнёра обычно ограничена, как и психологическая готовность решиться на новые любовные отношения.

¹ См. среди прочих: *Schultz W. u.a. Op. cit.*

² Там же. S. 43.

³ *Österr. Familienbericht. Wien, 1979. S. 139.*

⁴ Аналогично аргументирует Кёниг в книге: *König R. Familie... S. 182.*

Некоторые специалисты в области социологии семьи считают, что тенденция к увеличению числа разводов, взятая сама по себе, не внушает опасения до тех пор, пока бóльшая часть разведённых заключает новые браки¹. Развод представляет собой “в принципе только косвенный комплимент идеалу современного брака и в равной степени свидетельство его трудностей”². Такие утверждения показывают, что многократно декларированное старшими поколениями социологов, развивавших пессимистические культурологические концепции, осуждение разводов ныне, в свете самых последних тенденций, не разделяется. С другой стороны, не следует затушёвывать ради элегантной социологической формулировки те несчастья, которые связаны с разводом супружеской пары, её распадом и их последствиями, в современных социокультурных и экономических условиях³. Наивно было бы надеяться, что расторжение брака, породившего страдания, агрессию, страсть к господству и подчинению, даст только освобождение и не нанесёт никакого ущерба. Цифры разводов и без того показывают только вершину айсберга. Вместе с разведёнными по закону следует предположить наличие, во-первых, значительного количества пар, разошедшихся фактически, во-вторых, неизвестного количества несчастных, но из-за детей или по экономическим соображениям или общественным мотивам не распавшихся браков⁴. К тому же подкрепляющие это суждение наблюдения относятся к 40–60-м гг., когда большинство разведённых стремилось к вступлению в брак⁵, и сегодня, по крайней мере как общее правило, не подтверждаются. Число вновь вступающих в брак в большинстве стран не растёт и не снижается, тогда как число разводов увеличивается. В 1950 г. Пол Х. Лэндис, учитывая высокий процент повторных браков, ввёл термин “sequential marriage”⁶,

¹ Там же. S. 160.

² Berger B. u. Berger P. In Verteidigung der bürgerlichen Familie. Frankfurt, 1974. S. 202.

³ Ср.: Rosenmayr L. Über Familie in den Strukturumbrüche heute. Forschungen u. Erwägungen in disziplinübergreifender Absicht // Familie — Tatsachen, Probleme, Perspektiven. Sonderveröffentlichung aus Anlaß des 71. Deutschen Fürsorgetages vom 29 bis 31. Oktober 1986 in München (Heft 2 bis 4/1986 des Archivs). S. 62.

⁴ Ср.: Löcser P. Rechtlich Geschiedene u. tatsächlich Geschiedeneim II. Budapestester Bezirk. Untersuchungen über den Familienstand der Partner zerrütteter Ehen // Kölner Zeitschrift für Soziologie. 1967. № 19.

⁵ Ср.: Goode W.J. After Divorce. New York, 1956; König R. Familie... S. 168; см. также: Neidhardt F. Die Familie in Deutschland. 1975. Ещё в 1960 г. федеральное статистическое бюро Западной Германии (Statistische Bundesamt der BRD) писало, что в виду высокой доли повторных браков разведённых, вопрос ставится не о браке как таковом, “а только об индивидуальных браках”. Цит. по: König R. Familie... S. 160.

⁶ Landis P.A. Sequential Marriage // Journal of Home Economics. 1950. № 42.

имея в виду последовательную полигамию мужчин и женщин. Как представляется, социокультурное давление, которому раньше подвергались разведённые и которое часто вело к скорым повторным бракам, сегодня ослабло.

6. Альтернативы браку и семье

Меньшинство, скептически относящееся к институту брака, численно растёт. Проведенный в 1978 г. в ФРГ опрос показал, что примерно 18% всех неженатых лиц кажется привлекательным остаться “в принципе самостоятельными и независимыми”¹. В 1981 г. в рамках одного из исследований молодёжи 13% молодых респондентов ответили, что не хотят жениться, а 7% не хотели иметь детей². С тех пор, по-видимому, скепсис вырос ещё больше. Предположительно, главным образом он порождён опытом молодых, вынесенным из родных семей и наблюдений за супружескими проблемами родителей. Это повышает их готовность в своей собственной жизни искать альтернативные формы её устройства.

Параллельно сокращению числа заключаемых браков распространились, прежде всего на Севере Европы, в Швеции и Дании, а в 70-е гг. и в государствах Центральной и Западной Европы, формы совместного сожительства, аналогичные браку. Всё больше людей предпочитает не вступать в брак в самом начале своих отношений или вообще не вступать в брак. Эта изменившаяся позиция имеет в значительной мере отношение к изменению социокультурного характера феномена “молодёжи”³. Классическая фаза молодости между наступлением половой зрелости и полной социально-экономической зрелостью (часто связанной с браком), теперь изменилась. Молодые люди, прежде всего средних и высших социальных слоёв, достигают социокультурной зрелости задолго до того, как обретают экономическую независимость от родителей. С одной стороны, вступление в трудовую жизнь у молодых отодвинулось из-за удлинения срока школьного и университетского образования (и часто следующей за ним фазы безработицы). С другой стороны, в более раннем возрасте “предпочтение” отдаётся возможности действовать и потреблять. “Постиндустриальное” общество благоприятствует раннему наступлению совершеннолетия — прежде всего в области потребления, а также в социальных и сексуальных отношениях, и отсрочивает наступление экономической самостоятельности (как у работающих взрослых). Молодые, ещё не став производителями,

¹ *Schultz W. u.a. Op. cit. P. 48.*

² *Jugend'81. Studie im Auftrag des Jugendwerkes der Deutschen Schell. Hamburg, 1981. Bd. 1-2.*

³ Там же. S. 103 ff.

уже являются потребителями. Компетентное участие молодых в потреблении делает их более зрелыми с социокультурной точки зрения, чем это было у предыдущих поколений. Фаза зрелых лет (несколько нечётко называемая “постмолодёжной” фазой)¹ определяется, с одной стороны, более высокой готовностью к жизненным экспериментам, с другой — ограниченной экономической независимостью. Формулируя более точно: молодые остаются экономически полностью или частично зависимы от родителей, но ведут себя, по-видимому, независимее от нормативных представлений последних, особенно в сексуальной сфере.

Отсюда следуют конфликты между поколениями, даже при том, что большая часть родителей становится терпимее. Поэтому часто постмолодёжная фаза проходит вне родительского дома, молодёжь заявляет об исторически новом “праве отказа” от родителей. Когда юноша или девушка в определённом возрасте говорят: “Я сыт по горло и хочу от вас уехать”, то это является ситуацией, становящейся в последние годы всё более возможной². Родительский дом не подходит для экспериментирования. Перед молодым человеком стоит вопрос, как он будет жить за его стенами. Если в 60-е гг., в наивысший момент глобальной тенденции укрепления семьи, всё больше молодых “бежало” в брак (*ранние браки*), то с тех пор в молодёжной среде утверждается всё более выжидательная позиция по отношению к браку и семье. Концепция “буржуазного брака” представляется в эти годы слишком тяжеловесной и обзывающей. “Браки без свидетельства о браке”, “жилые сообщества” и самостоятельная одинокая жизнь являются развившимися к настоящему времени альтернативами. По-видимому, они предлагают лучшие возможности для познания жизни и облегчают разрыв сложившихся отношений.

Неженатые пары. В Дании и Швеции уже в середине 70-х гг. примерно 30% незамужних женщин в возрасте от 20 до 24 лет жили вместе с мужчинами³. Поэтому небрачный союз в этой возрастной группе встречается чаще, чем формальный брак. В большинстве других европейских стран в этот же период только 10–12% в этой возрастной группе находились в сожителе, но в дальнейшем число неженатых живущих совместно пар здесь также возросло. Это относится прежде всего к большим городам и их окрестностям: в Париже в 1980 г. менее половины всех живущих вместе гетеросексуальных пар (с мужчинами в возрасте 25 лет и меньше) состояли в

¹ Там же.

² Ср. среди других: *Mechler H.J. Schülersexualität u. Doppelmoral // Österreichische Zeitschrift für Soziologie. 1976. № 1. S. 25.*

³ *Haslinger A. Ehe ohne Trauschein // Demographische Informationen. 1981. Wien, 1981. № 2. S. 21.*

зарегистрированном браке, среди пар с мужчинами в возрасте 35 лет и ниже, если они не имели детей, только около половины были расписаны¹. В ФРГ в 1985 г. примерно около миллиона пар вели так называемую “несупружескую семейную жизнь”. Их можно соотнести примерно с 15 миллионами супружеских пар с детьми или без них².

Является ли часто встречающееся совместное сожительство только предварительной стадией к последующему браку (“пробный брак”), или мы имеем дело с исторической альтернативой браку? Предварительно и не совсем уверенно я бы ответил: верно и то, и другое. Совместная жизнь в “пробном браке” в целом длится сравнительно недолго, брак или заключается, или прерываются отношения. В то же время увеличивается число случаев совместного сожительства, которое отличается от брака только отсутствием правового оформления. Если в пробных браках пары стремятся избежать зачатий, то в аналогичных браку длительных отношениях рождение детей часто приветствуется.

Между тем общественное приятие “пробных браков” значительно выше, чем длительного сожительства. Формы совместного долговременного сожительства, аналогичного браку, по всей видимости, распространились прежде всего в тех странах, где уже была распространена практика пробных браков. Нормативная действенность законных браков отстывает, так сказать, шаг за шагом. В Швеции добрачное совместное сожительство является уже признанным социальным институтом. Почти все супружеские пары перед браком жили некоторое время вместе. Женятся только по традиции. С браком ни в коей мере не связывают общественную санкцию на сексуальные отношения пары. Брак потерял значение узаконивающего сексуальные отношения пары акта³. Аналогичная ситуация в Дании. Здесь совместному проживанию спустя некоторое время так же придаётся законный характер путём заключения брака. Бóльшая часть незамужних женщин с одним ребёнком выходит замуж перед рождением второго. Основная масса внебрачных первых родов приходится на женщин, которые живут в аналогичных браку союзах. Более 98% этих женщин всё-таки выходит замуж, когда ребёнок подрастает⁴. Часть женщин последовательно вступает в несколько неоформленных браком союзов. При этом “пробный брак” практи-

¹ Fouquet A., Morin A.-C. I.N.S.E.E. // *Données sociales*, 1984. S. 41.

² Schwarz K., Höhn Ch. *Weniger Kinder — weniger Ehen — weniger Zukunft? Bevölkerungsentwicklung in der Bundesrepublik Deutschland gestern, heute u. morgen*; Ottweiler: Deutsche Liga für das Kind in der Familie und Gesellschaft. 1985.

³ Trost J. *Unmarried Cohabitation*. Vasteras, 1979.

⁴ Bertelsen O. *The Young Family in the 1970s. Some Results from the Survey on Family Formation and Women's Employment Outside the Home*. Kopenhagen, 1980.

чески переходит в “последовательную полигамию”, что, однако, не исключает некоторых надежд на более длительные отношения.

“Экспериментальные” формы жизни требуют более высокого уровня рефлексии и способности к общению, а также не в последнюю очередь сил, позволяющих противостоять давлению общественных норм. По этой причине их распространение не может не зависеть от социальной принадлежности и уровня образования. Известно, что во Франции аналогичные браку формы сожительства чаще встречаются в более высоких социальных слоях, чем в низших. Правда, большей частью они представляют там кратковременную фазу, предшествующую браку. Средняя продолжительность “сожительства” составляла в конце 70-х гг. у 18–21-летних 1,3 года, у 22–25-летних — 2 года и у 26–29-летних — 2,7 лет¹. В середине 70-х гг. во Франции, как и в Австрии, примерно половина всех супружеских пар некоторое время до свадьбы жили вместе. В ФРГ примерно треть всех вступивших в брак супружеских пар “опробовали” свою способность жить вместе, пока не начали доверять друг другу. С тех пор число таких “пробных браков”, по-видимому, значительно возросло. Опросы в Австрии показали, что совместная жизнь без свидетельства о браке как “пробный брак” признаётся в широких кругах населения. Однако, судя по всему, большинство населения (ещё?) отклоняет окончательную замену брака “свободным сожительством”². Вероятно, это едва ли обосновывается теперь сексуально-этическими аргументами, а, скорее, исключительно интересами возможных детей.

Одинокие. Со времён Второй мировой войны число живущих обособленно лиц резко возросло. В 1950 г. в ФРГ каждое пятое домохозяйство состояло только из одного лица (19,4%); в 1982 г. — почти каждое третье (31,3%), в крупных городах с числом жителей свыше 100 000 — уже почти каждое второе хозяйство. В Берлине в 1982 г. более половины всех домохозяйств вели одинокие люди (52,3%)³, в Гамбурге в том же году их было 40,6%. Во всех взятых вместе городских регионах, т.е. исключая сельскую местность, 31,3% западногерманских граждан жили в хозяйствах, состоящих из одного лица. В Австрии их было в 1984 г. 27%⁴. В это же время в

¹ Roussel L., Bourguignon O. *Génération nouvelles et mariage traditionnel. Enquete aupres de jeunes de 18–30 ans. Travaux et Documents 86.* Paris, 1978.

² Lutz W. *Heiraten, Scheidungen und Kinderzahl. Demographische Tafeln zum Familien-Lebenszyklus in Österreich // Demographische Informationen.* 1985. S. 3 ff.

³ Imhof A.E. *Die gewonnen Jahre — Wozu? // Struktur und Lebenslange der deutschen Familie.* Hamburg, 1985. S. 32.

⁴ *Statistisches Handbuch für die Republik Österreich / Hg. Öst. Statistisches Zentralamt XXXVI. Jg.* 1985. S. 37.

ФРГ имелось примерно 8 млн. хозяйств одиноких лиц. Что стоит за этими цифрами?

Жить одному — это исторически новый феномен. Тот, кто перед Второй мировой войной был неженат, вдов или разведён, как правило, жил в многолюдных семьях (у родителей, родственников и т.п.). Произошедшая резкая перемена проявилась особенно ярко в больших городах. Увеличивающаяся доля одиноких людей в ФРГ включает в себя наряду с более чем 3 млн. вдов (40,7% всех одиноких) растущий процент живущих обособленно лиц молодого и среднего возраста¹. Наряду с 1,5 млн незамужних женщин и 1,4 млн неженатых мужчин в 1982 г. вели самостоятельное хозяйство также 1,3 млн разведённых юридически или фактически лиц. Всё больше мужчин и женщин в “подходящем для брака” возрасте решались жить одиноко: в 1982 г. не менее чем 1,1 из 7,5 млн хозяйств велись одинокими мужчинами в возрасте от 25 до 45 лет. Эти люди приняли по различным причинам решение жить одни; с точки зрения социальной инфраструктуры это становится возможным благодаря развитой сети услуг и технической помощи в больших городах². Однако об отношениях одиночек статистика не знает ничего. Большинство состоит, по-видимому, в более или менее длительных отношениях с кем-либо. Многие проводят часть времени с партнёрами, не отказываясь от собственной квартиры. Это повышает личную независимость и освобождает отношения от последствий неравномерного распределения работ по хозяйству между мужчиной и женщиной. Минимальное экономическое давление в пользу сохранения отношений и то обстоятельство, что одинокие люди выполняют работы по дому самостоятельно, если только не предположить, что они приносят грязное бельё матерям или подругам, создают простор для преодоления патриархальных структур.

¹ Из всех живущих одиноко в 1982 г. в ФРГ:

		%
вдовы	3 228 000	40,7
незамужние женщины	1 556 000	19,6
неженатые мужчины	1 377 000	17,4
вдовцы	493 000	6,2
разведённые женщины	493 000	6,2
разведённые мужчины	357 000	4,5
женатые, но разошедшиеся мужчины	282 000	3,6
замужние, но разошедшиеся женщины	142 000	1,8

Источник: Schwarz K. Auswertung des Mikrozensus für Analysen des generativen Verhaltens // Beiträge aus der bevölkerungswissenschaftlichen Forschung / Hg. S. Rupp u. K. Schwarz. Boppard, 1983.

² Schreiber H. Singles. Allein leben, München 1978; Imhof A.E. Jahre. S. 34.

Жилые сообщества. Критика социальных функций семьи, священных не только с воспроизводством рабочей силы и обеспечением целостности общества, но и со стабилизацией существующих отношений господства, в начале 70-х гг. породила попытки противопоставить ей альтернативу в виде жилых сообществ и коммун. Некоторые из первых коммун (Коммуны 1 и 2 в Берлине, Коммуна Хорли в Мюнхене) в начале 70 гг. казались обывателям ужасным кошмаром, а средства массовой информации с готовностью поддерживая эти страхи, связывая с ними наркотические оргии, групповой секс и терроризм. С тех пор наступило успокоение. Не в последнюю очередь это объясняется изменением потребностей и представлений большинства ещё существующих или вновь возникших коммун. Они стали менее радикальными, часто менее политическими и в чём-то даже “обуржуазились”.

Пытаясь типологически исследовать пёструю картину, которую представляют сегодня жилые сообщества и коммуны, можно выделить с точки зрения структуры отношений жилые сообщества из нескольких малых семей (часто называемые “большой семьёй”), жилые сообщества из нескольких пар, жилые сообщества из нескольких лиц, не связанных друг с другом парными отношениями, а также образуемые из этих структурных элементов смешанные формы. По критерию стоящих перед ними социокультурных, политических и экономических задач можно выделить студенческие коммуны в университетских городках, сельские группы, часто практикующие микробиотические методы возделывания культур, религиозные и лечебные группы, группы совместного проживания пожилых людей, лиц с ограниченной подвижностью и другие пограничные группы, и, наконец, производственные и жилые коллективы, а также педагогические группы родителей с детьми (в традициях движения за антиавторитарное воспитание). Общим для всех этих форм жизни является лишь то, что большое число частью не связанных родством людей собираются в квартире (или в доме) для совместного ведения хозяйства. Их мотивы, надежды, запросы и проблемы, напротив, очень различны. Религиозные и лечебные группы в дальнейшем не будут рассматриваться. Нам интересны только те группы, которые представляют временную или длительную альтернативу семейному образу жизни.

Студенческие жилые сообщества составляют среди них подавляющее большинство. Наряду с финансовыми преимуществами и прагматическим решением жилищной проблемы они дают студентам возможность, вопреки экономической несамостоятельности, жить, поддерживая сексуальные и любовные отношения. Тем самым им удаётся уйти от уже в 20–30-х гг. болезненной “сексуальной нужды молодёжи”¹. Сюда следует добавить высокий уровень спо-

¹ Ср.: *Fischer E. Kriese*. Гл. 6. Прим. S. 30.

способности к экспериментам и одновременно солидарную групповую защиту. Социальная структура жилых сообществ отвечает притязаниям на эгалитарные, а не авторитарные отношения. Это не означает, что здесь нет проблем с авторитетами, но большей частью их "переработка" входит в "программу" группы. Жилые сообщества облегчают преодоление традиционных форм специфицированного по полам ролевого поведения, особенно в ведении домашнего хозяйства и уходе за детьми. Они облегчают работу или учёбу молодым матерям и способствуют решению личных трудностей и проблем общения.

Количество жилых сообществ сегодня скорее незначительно. В 1981 г. в ФРГ только 5% молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет жили в них¹. Если же сгруппировать их членов по социальному статусу, то картина будет иной: 18% студентов в 1982 г. жили и почти 30% учащейся молодёжи высказывали желание жить в жилых сообществах². В настоящее время в университетских городках ФРГ уже до 30% студентов живут коллективно. По оценкам, существует от 80 000 до 100 000 коллективов в которых состоит примерно 1% всего населения³. Каждое четвёртое или пятое жилое сообщество (около 20 000) включает детей. Тем самым вместе с "остаточными семьями" и родителями-одиночками жилые сообщества представляют (учитывая число участвующих в них людей) самую крупную опытную модель нетрадиционного воспитания детей⁴.

Для части живущих в коммунах людей эта форма жизни имеет преходящий характер. На их жизненном пути она находится между временем взросления в родной семье и вступлением в брак или вступлением в аналогичное браку сожителство, или жизнью одинокого человека. Большинство жилых сообществ отмечает высокую текучесть своих членов. Редко одна группа остаётся неизменной более двух лет⁵. Жилые сообщества оказывают значительно меньше организационного, социального и психологического сопротивления постоянной смене их состава, чем семейный дом. Во всяком случае жилое сообщество гораздо больше соответствует требованиям гибкости и мобильности, предъявляемым большей частью молодыми членами (например, чтобы облегчить перемену мест работы или учёбы), чем семейное хозяйство. Оно представляется, по крайней

¹ Jugendwerk der Deutschen Schell. Jugend'81. S. 328. Bd. I.

² Der Bundesminister für Bildung u. Wissenschaften. Schriftenreihe Hochschule. 1983. № 46.

³ Damme R. Zur Stabilität von politischen Wohngruppen; ein Modell aktivierender Sozialforschung zur Theorie u. Praxis des kollektiven Alltags. Bonn, 1977.

⁴ Heider E. Alltag in Wohngemeinschaften // Österreichische Zeitschrift für Soziologie. 1980. № 5. S. 41.

⁵ Там же.

мере на период получения образования, более функциональной формой первичной группы. В годы, которые во многом определяются процессом отделения молодых от родителей и возникающими в связи с этим социальными и психологическими проблемами, жизнь с ровесниками выполняет важную ориентирующую функцию.

Большинство членов жилых сообществ вышло из традиционных нуклеарных семей и имеет за собой “первичный опыт” семейной социализации. В жилых сообществах многие их члены находятся под воздействием привычек и установок, полученных ими в семье, и в основном критически относятся к тому, чтобы их изменить. Стремятся к более или менее определённой системе ценностей, основными элементами которой являются сотрудничество и солидарность, но также и высокая степень автономии личности¹. Принадлежность к жилым сообществам может рассматриваться как этап в социализации подростков и молодёжи, когда результаты воспитания в малой семье частично корректируются или по меньшей мере сознательно подвергаются критическому анализу.

Утопические представления, вроде отмены парных отношений, “свободной половой жизни” и тому подобного так, как их пытаются реализовать в жилых сообществах (коммунах), большей частью терпят крах (с другой стороны, не случайно, что в центре репортажей средств массовой информации оказываются именно эксперименты в сфере сексуальных отношений; в равной степени эксплуатировались при этом с целью извлечения прибылей как жажда сенсаций, так и сексуальные фантазии фрустрированной публики). Для ситуации с жилыми сообществами подобные отдельные эксперименты не типичны. Большинство членов жилых сообществ, по видимому, находится в более или менее длительных парных отношениях, причём интимный партнёр часто живёт в другом сообществе. Разумеется, готовность к экспериментам в вопросах эротики, сексуальности, верности или разрыва отношений в жилых группах в целом выше, чем у людей, живущих малой семьёй.

Совместное выполнение работ по дому и воспитание детей даёт то преимущество, что они могут быть распределены между большим количеством лиц. Выполняемое в идеальном случае по очереди “дежурство по дому и уходу за детьми” особенно разгружает женщин от одностороннего прикрепления к “обязанностям хозяйки и матери”. Группа контролирует справедливое распределение работ по дому и уходу за детьми. Таким образом, в тенденции устраняется разделение труда на основе половой специфики. Жилищные группы подрывают и принцип филиации². Не только родные отец и мать,

¹ Ср.: *Cyprian G. Sozialisation in Wohn gemeinschaften // Sozialisation und Kommunikation. Stuttgart, 1978. № 8. S. 132.*

² Это был фундаментальный принцип длительной связи, основанной на

но каждый член жилой группы находится, как предполагается, в отношениях солидарности и заботы с живущими вместе детьми¹. Преодоление половых ролей находит своё продолжение в намерении в целом ограничить присущий полам тип поведения, порождающий господство. В жилом сообществе всегда найдутся собеседники, чтобы обсудить важнейшие проблемы и поговорить, провести свободное время. Отдельная пара освобождается от бремени завышенных требований к самой себе.

Только в некоторых коммунах пытались разрушить обособленность личной жизни групп из родителей с детьми, пар и отдельных лиц, например, путём устройства общей спальни, отказа от собственности на предметы обстановки, автомобилей и тому подобное. Тем самым планировалось преодолеть связь социальных отношений с частной собственностью. Большинство жилых сообществ всё же придерживается сохранения автономного личного пространства каждого члена группы (его собственной комнаты и т.п.). Жилые сообщества финансируют и ведут хозяйство большей частью из общей кассы. Остаток личного дохода члены сообщества, как правило, оставляют себе. Возникает более высокая степень материальной защищённости для отдельного лица, потому что в моменты отсутствия заработка и денег солидарность группы оберегает его от нравственного и физического упадка. Общее владение средствами производства имеется в сельских коммунах, жилых и производственных кооперативах (например, в коллективных ремесленных мастерских). Многие группы пользуются вместе принесёнными членами группы предметами длительного пользования (телевизорами, стереоаппаратурой; мебелью, автомобилями). Трудности, однако, возникают, поскольку не все члены группы пользуются вещами одинаково аккуратно, а также при выходе кого-либо из группы, когда встаёт вопрос о выкупе коллективно приобретённого предмета пользования².

Между тем ещё более важным, чем вопросы формального владения, представляется то, что коллективное право пользования снижает необходимость и значимость личной собственности. Личные потребности находятся под контролем группы. Человек в меньшей степени подвергается воздействию капиталистической товарной эстетики. Из коллективного сопротивления принудительному приоб-

кровном родстве детей с обоими супругами как "родителями", действовавший в буржуазной семье в Западной и Центральной Европе. См.: *Tyrell H. Die Familie als Urinstitution. Neuerliche spekulative Überlegungen zu einer alten Frage // Kölner Zeitschrift für Soziologie. 1978. Bd. 4. № 30. S. 611–651.*

¹ Cp.: *Kentler H. Die Wohngruppe als gesellschaftliche Institution // Wohngruppe, Kommune, Großfamilie. Reinbek, 1972. S. 15; Cyprian G. Op. cit. S. 49.*

² *Heider E. Op. cit. S. 51.*

ретению возникают формирующие стиль элементы специфической жилищной эстетики, которая способна своим повседневным порядком вещей поставить под вопрос “тонкий микробазис”¹ общественного порядка. Совместное пользование предметами потребления ограничивает их престижный и фетишизированный характер. В этом, как представляется, собственно и заключается разрушительная сила жилых сообществ. Они подрывают в сознании своих членов значение таких существенных элементов капиталистической идеологии, как конкуренция, статус, собственность, потребление, но, конечно, не могут устранить их действительность в обществе².

Необходимо с осторожностью относиться к анализу кратко очерченных здесь программных установок жилых сообществ. Есть, однако, основания считать, что жилые группы в отличие от малой семьи, вовлекают отдельных людей вне зависимости от их пола в выполнение повседневных репродуктивных заданий. В этом отношении, по-видимому, воздействие на общественную жизнь, которое оказывают жилые сообщества, выходит за их пределы. Люди, которые долгое время провели в жилых группах, как правило, более компетентны в вопросах воспроизводства³. Это повышает их способность, выйдя из жилого сообщества, жить отдельно и в браке, зарегистрированном или нет. В этом смысле жилое сообщество по отношению к браку и семье является скорее *дополняющей*, чем *альтернативной* формой жизни. Но оно может быть и их альтернативой. С определённой долей вероятности можно предположить, что оно, поскольку этого ещё не произошло, должно войти в число социальных форм, признанных обществом и законом. Надёжными показателями этого будут, к примеру, применение социального законодательства о государственном коммунальном перераспределении средств (скажем, предоставление пособий на жильё), разработка адекватных архитектурных решений и т.п. Хотя жилые сообщества по названным выше причинам некоторым кажутся политически подозрительными, они удовлетворяют определённые потребности и содействуют формированию принципиальной жизненной позиции, которую принимают во всё большей степени. Возможно, сделанное жилыми сообществами, компенсирующими коллективным образом жизни чреватые вырождением последствия разобщения в “постиндустриальном” обществе, в будущем будет высоко оценено.

¹ Jugendwerk der Deutschen Schell, Jugend'81, Bd. I, 483 f.; ср. также: Warnke M. Nachgeschmack // Kursbuch 79. 1985. S. 13.

² Ср.: Just R. Die immer deutlicher hervortretenden “zwei Seiten” des Wohngemeinschaftsleben // Trau keinem über dreißig / Hg. P. Roos. Frankfurt, 1982.

³ Ср.: Rosenmayr L. Wege zum Ich vor bedrohter Zukunft // Soziale Welt. 1985. № 3. S. 283 ff.

Жилые сообщества до настоящего времени в большей степени способствовали формированию экологического сознания и альтернативного потребительского поведения, чем обычные семьи. Жилые сообщества с их не в последнюю очередь большей открытостью могли бы противодействовать той исторической тенденции, которую Рихард Зеннет определяет как “утрату общественного” и “тиранию личного”¹, — закрытой и деполитизированной супружеской и семейной жизни. Все данные опросов говорят сегодня против этого: большинство населения в европейских индустриальных странах хотя и принимает жилые сообщества (как и другие модели жизни) в качестве альтернативы семейному дому, но отклоняет её для самих себя. Жилые сообщества и связанный с ними уровень самоанализа и усилий по налаживанию и поддержанию отношений кажутся многим сопряжёнными с чрезмерными тяготами. Можно предположить, что над усиливающимся желанием обрести защищённость и поддержку в группах, охватывающих больше людей, чем семья с одним или двумя детьми, будет как и прежде торжествовать победу миф о счастье в “аполитичной” по замыслу частной супружеской и семейной жизни².

7. Есть ли у семьи будущее?

Растущий процент разводов, падение числа браков, увеличение количества одиноко живущих и подобных браку сожительств сигнализируют о тенденции, которая в предварительном порядке с осторожностью может быть оценена как утрата законным браком его значения. В то время как монополия брака на сексуальные отношения взрослых людей в “постиндустриальном” обществе значительно ограничилась, сильнейшим аргументом в пользу брака ещё остаются интересы детей. Обрисованные альтернативы семье и браку ограничиваются меньшинствами и молодыми людьми. Большинство людей живёт традиционными формами семьи и брака. Тем не менее увеличение возможности расторжения брака и появившиеся к настоящему времени альтернативы влияют и на тех, кто живёт в традиционном супружестве. Модель их жизни представляется менее прочной, менее безальтернативной и менее само собой разумеющейся, чем прежде. Толерантность в отношении меньшинства, которое не живёт в браке и семье, значительно возрастает. Вместе с нею повышаются требования к качеству собственной супружеской и семейной жизни у большинства. Не в последнюю очередь следует

¹ *Sennet R. Verfall u. Ende des öffentlichen Lebens. Die Tyrannei der Intimität. Frankfurt, 1986.*

² См. среди прочих: *Schultz W. Op. cit.*

также помнить о том, что традиционные и новые формы жизни не являются полностью независимыми друг от друга. Они в значительной степени интеграционно переплетены: в то время как родители живут “в законном браке”, их выросшие дети опробывают незаконные формы совместной жизни и т.п. Исторически новая конкуренция жизненных моделей и повывисившаяся благодаря ей чувствительность к качеству отношений вызвали, как можно предположить, необходимость более высокой степени самоанализа и критической проверки собственной практики жизни.

Ввиду снижения готовности к заключению брака, роста числа разводов и сокращения количества детей правомерен вопрос: есть ли у семьи будущее? Статистический прогноз демографическими средствами невозможен. И всё-таки, при всей осторожности, можно ожидать по меньшей мере трёх изменений в эволюции брака и семьи в ближайшие годы.

Первое. Для всё большего числа людей будет возможно, при условии, что не последует никакого стихийного и продолжительного падения конъюнктуры, жить, *выбирая*, в законном браке с детьми или без, в незаконном сожителстве, обособленно (что, конечно, не исключает длительных отношений), в жилой группе, носящей “семейный” или несемейный характер или, чаще всего после развода, в “остаточной семье”. Семья при этом должна утрачивать монопольное и безальтернативное особое положение¹ как нормальная форма совместной жизни.

Второе. Между социализацией в родительском доме и рождением и воспитанием своих детей в своей семье всё чаще вместо “оберегаемой жизни” молодых в родном доме будет утверждаться промежуточная фаза относительно свободных форм отношений (сменяющие друг друга любовные связи, совместная жизнь без свидетельства о браке, жизнь в группе). Прямой путь от родительского дома к своему собственному станет всё более редким. Человек “постиндустриального” общества в процессе своей жизни, вероятно, чаще и в большем количестве, чем прежде, будет менять различные жизненные модели. Без учёта немногочисленного меньшинства, нет никаких признаков того, что концепция верности может быть поставлена под вопрос в длительных (всё же не обязательно продолжающихся всю жизнь) отношениях. Сексуальная верность по-прежнему является идеалом². Во всяком случае, по-видимому, и дальше будет увеличиваться терпимость в отношении к “прыжку в сторону” партнёра, если это не влияет на основополагающее согла-

¹ Tyrell H. Familie und gesellschaftliche Differenzierung // Familie — wohin? Leistungen, Leistungsdefizite u. Leistungswandlungen der Familien in hochindustrialisierten Gesellschaften / Hg. H. Pross. Reibek, 1979. S. 65.

² Schultz W. u.a. Op.cit. S. 55.

сие в браке. Вопреки возросшим требованиям к любви и счастью в супружестве растёт толерантность к свободе партнёров. С другой стороны, тем самым множатся, как представляется, опасные моменты для дальнейшего существования брака: если “побочная связь” не будет преодолена или связанные с нею ожидания начнут преобладать над степенью внутреннего удовлетворения, то возрастет готовность к разводу. Это указывает на то, что брак продолжает терять свою исключительность и всё более приобретает характер свободных и могущих быть расторгнутыми отношений.

Третье. Число детей, воспитываемых свободно живущими совместно парами или одинокими матерями, вероятно, будет увеличиваться и далее. Если исходить из того, что и в последующие годы продолжится определённая демографами тенденция к разводам, то в будущем каждый третий житель Центральной Европы к концу жизни останется один; из тех, кто женится, примерно каждый третий разведётся вновь; из разведённых только каждый второй снова вступит в брак¹. При условии, что частота разводов останется на современном уровне, из детей, рождённых в первой половине 80-х гг., каждый восьмой до 14-го года жизни станет свидетелем развода родителей². Тем самым социальный принцип филиации ещё более утратит своё значение. Основанные не на кровном родстве формы солидарности и опеки предположительно приобретут большее значение.

Об общественных и человеческих следствиях таких тенденций развития имеются противоречивые суждения. Похоже, как показывают расчёты, традиционные формы семейной солидарности в отношении детей, подростков и пожилых людей в дальнейшем будут разлагаться и должны быть найдены новые формы взаимопомощи как внутри, так и вне брака и семьи. С другой стороны, не является неизменным то, что солидарный тип поведения, сознание ответственности в отношении детей и готовность помочь пожилым людям и т.п. будут относиться только к тем людям, которые живут в традиционных семьях. Общество, в котором квалифицированное меньшинство живёт не в браке и семье, а обособленно, незаконными парами, остаточными семьями или жилыми группами, не должно поэтому быть обществом пренебрежительного отношения к людям. “Семейная” любовь, забота, нежность и солидарность должны распространяться также и на первичные отношения людей, которые не обязательно живут общим хозяйством или связаны кровными узами (на разошедшихся родителей, их детей и новых партнёров, ближайших друзей), достигнутое расширение автономии личности не

¹ Münz R. Familienpolitik... S. 15.

² Bundeskanzleramt, Frauenbericht 1985.

должно быть сведено на нет потерей эмоциональной и социальной уверенности.

Решающим аспектом этого развития, без сомнения, является повышение возможностей отдельного человека принимать важные жизненные решения в соответствии с личным мнением, а не универсально действующими нормами или групповым принуждением. Я согласен в Артуром Э. Имхофом, который в отношении очерченных тенденций утверждает, что индивид начинает в значительно большей степени пользоваться предлагаемыми ему возможностями сравнительно независимого образа жизни¹. Как сочетается этот рост индивидуальной автономии с растущей конкуренцией различных жизненных моделей в истории последних столетий?

Переход от “всего дома” к семье, пережившей процесс перемещения в сферу частной жизни, формирование индустриального общества со свойственным ему преобладанием людей, занятых преимущественно наёмным трудом, дали почти всем взрослым людям возможность вступления в брак и обзаведения семьёй. Наивысшей и переломной точкой развития этой тенденции были 60-е гг. Их значение состояло в окончательном освобождении от домашне-правовой зависимости и устранении временного или продолжавшегося всю жизнь вынужденного безбрачия. С уменьшением вследствие этого социальной необходимости вступления в брак, со ставшим возможным из-за повышения рыночного предложения товаров и услуг воспроизводством отдельного человека вне брака и семьи, с успехами женского движения, внедрившего в коллективное сознание проблему психологических и физиологических издержек семейной жизни, с увеличением числа остающихся в меньшинстве людей, опробовавших альтернативные формы жизни, выявилась принудительность моногамного брака. К этому добавились новые требования большинства людей к браку как к месту, где достигается сексуально-эротическое и душевное счастье. *Деинституционализация брака*² и возможность расторжения несчастливо сложившихся бра-

¹ *Imhof A.E. Die gewonnen Jahre. Von der Zunahme unserer Lebenswartung seit dreihundert Jahren, oder: Von der Notwendigkeit einer neuen Einstellung zu Leben und Sterben. München, 1981.*

² О браке и семье как общественном “институте” можно говорить, если у человека отсутствует свобода выбора вне зависимости от того, живёт ли он в браке и семье или нет. Шельски говорит об объективно обезличенном характере социальных семейных отношений и о культурном “предварительном отборе” типа семейной жизни, определять который индивидуум не может. См.: *Schelsky H. Wandlungen der deutschen Familie in der Gegenwart. Stuttgart, 1967. S. 26 ff.* Следовательно, под “деинституционализацией” имеется в виду рост индивидуальной свободы выбора и складывание ситуации, в которой всё большая часть населения фактически не живёт в браке и семье. См. к этому

ков были вместе с тем заявкой на освобождение от него. Поскольку её реализация во всех слоях населения остаётся пока невозможной по материальным и социальным причинам, а сложившиеся отношения порождают множество душевных драм, постольку исторический переход, в котором брак и семья утрачивают как нормативную силу, так и практическую безальтернативность, вероятно, ещё не закончился.

ВЕКОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, УТРАТА ТРАДИЦИЙ

И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Обзор развития семьи в Центральной Европе за два последних столетия показал, что история семьи самым тесным и нерасторжимым образом связана с историей форм производства. В добуржуазных обществах семья ни как понятие, ни по своей социальной структуре не отличалась от сообщества всех тех, кто жил в доме. Отдельный человек был включён в сообщество лиц, живших и работавших в домохозяйстве, вне зависимости от того, был ли он связан кровным родством со “старейшинами дома” или нет. Коллектив “всего дома” формировал необходимую социальную общность, в которой были организованы жизнь и работа. Личность не могла существовать вне данного домового союза. Её интеграция в домашнее сообщество, в деревню, в сословие или в цех была столь глубокой, что решение о выборе супруга или место человека в системе организации труда определялись коллективно. Добуржуазные общества не знали понятия свободной личности. Женщины, дети, а также работники и батраки обоих полов подчинялись власти отца семейства. Основу его патриархальной силы составляла неразрывная связь с жизненными и трудовыми процессами “всего дома”.

Патриархальность в целом была тем более сильна, чем бóльшим было экономическое значение домохозяйства. В семьях неимущего и бедного населения патриархальные структуры, напротив, оставались крайне неразвитыми. Качественно и количественно примерно равный по значению труд мужчины и женщины в хозяйствах сельских рабочих-надомников преиндустриального периода, подёнщиков в виноградарстве и аналогичных социальных группах не создавал материальных основ для патриархальной власти. Тем не менее патриархальные формы отношений в качестве господствующего культурного образца были распространены повсеместно и среди безземельных жителей деревни, и среди сельской бедноты. Формы производства, сложившиеся в преиндустриальной надомной промышленности, виноградарстве, других докапиталистических и раннекапиталистических секторах производства, использовавших наёмный труд, создали условия для развития требующих квалификации рабо-

чих операций и стратегий, которые позднее облегчили приспособление производителей к индустриальным формам труда.

В отличие от крестьянской патриархальности, как было показано, патриархальность “старого ремесла” не обязательно была связана с моделью “всего дома”. Цеховая организация укрепляла патриархальную власть ремесленных мастеров, монополизировав доступ к званию мастера. Запрет допуска женщин в цех лишил их значения самостоятельных конкуренток и поставил в зависимость внутри домохозяйства. Если в хозяйствах ремесленников и купцов грань между производственным и репродуктивным трудом ещё не была чёткой, то патриархальность буржуазии конца XVIII — XIX вв. отличалась главным образом постепенным отделением производственной сферы от домашнего хозяйства. Образованные буржуа, служившие чиновниками и занимавшиеся свободными профессиями, создали “буржуазную модель семьи”, в которой семейная жизнь была отделена в пространстве и времени от производства. Это сопровождалось формированием отдельных сфер труда для мужчин и женщин, а также усилением специфики, отличавшей социализацию мальчиков и девочек. Подчинение женщины мужчине получило новое основание. Место “всего дома” занял теперь труд мужа вне дома как единственный источник материального обеспечения семьи. Женщина удалилась в сферу “домашней работы”, всё более отделявшуюся от производственного труда. Это усилило господство мужа, лишив жену роли его соратницы в труде и руководительницы обширного домохозяйства. За нею закрепились функции представительства мужа, материнства и обеспечения мужу психологической и физической “защищённости” от трудностей жизни, характеризующие её роль как вспомогательную, явным образом подчинённую роли мужа, кормильца семьи.

Если распределение ролей во “всём доме” без сомнения коренилось в потребностях домашней экономики, то теперь эта степень естественной необходимости постепенно утрачивается. Господство мужчины, хотя и имевшее материальные основания в получаемом вне дома доходе, всё более нуждалось в идеологическом подкреплении и дискурсивном разъяснении. Мужчины работали не в поле зрения жены и детей, а вдали от них, в конторах и канцеляриях, что усиливало необходимость идеологического подкрепления их власти. Возникшая в обществе дискуссия была попыткой по-новому обосновать разделение сфер деятельности полов. С тех пор мужчине и женщине начали приписывать специфически присущие полам качества и способности, которые выводили из их “природы”. Идеология “свойственных полам характеров” не только сохранилась как форма ложного сознания, но и имела реальные исторические последствия. Если первоначально она поверхностно отражала возникшее к концу XVIII в. разделение труда между полами, то впо-

следствии во всё большей степени она обрела значение формирующей социальную реальность силы. Она в значительной степени отстранила женщин от общественных функций и профессионального труда, т.е. от участия в общественных организациях и выражении общественного мнения, “домашним воспитанием” она формировала развитие именно тех способностей и склонностей, которые не соответствовали изменяющемуся рынку общественных, экономических, политических и культурных отношений. Воспитывая дочерей, матери ограничивали будущие поколения женщин признанными “женскими” сферами труда и качествами, выход за рамки которых представлялся им угрозой собственной идентичности. Тезис о присущих полам характерах — идеологическое ядро буржуазной патриархальности — вышел в XIX в. за пределы буржуазных слоёв общества.

Пролетарская семья в собственном смысле слова стабилизировалась только в последние десятилетия XIX в. В начальной фазе индустриализации лишь меньшинство рабочих происходило из рабочих семей. Преобладающая часть выросла в семьях сельскохозяйственных рабочих, мелких крестьян, рабочих-надомников или низших плебейских городских слоёв. Возникшая с самого начала социокультурная неоднородность рабочего класса сохранялась, поскольку представители второго поколения семей городских рабочих заключали браки опять-таки в своей узкой среде. С другой стороны, на протяжении XIX в. взаимосвязи между различными группами рабочих постепенно усилились. Сыновья рабочих-надомников и сельскохозяйственных рабочих стремились получить городские рабочие профессии. Браки между квалифицированными и неквалифицированными рабочими сгустили сеть отношений между рабочими деревенского и городского происхождения, различных отраслей и квалификаций¹. То обстоятельство, что большая часть жён рабочих до замужества служила в семьях “господ” и была знакома со стандартами их жизни, способствовало проникновению их норм в семьи рабочих. Вместе с тем положение рабочих семей на протяжении почти всей их длительной истории определялось крайней стеснённостью материальных возможностей.

На пересечении буржуазной модели семьи и материальной нужды, свойственной рабочим семьям, возник специфический семейный тип, в котором муж и отец стремился укрепить претензии на господство и привилегии. Патриархальность рабочих была основана не на главенствующем положении в домохозяйстве и не на его статусе ремесленного мастера. Она зиждилась на труде его рук, который приносил основную часть семейного дохода. Рабочий воспри-

¹ Kocka J. Lohnarbeit. S. 150 f.

нял и везде представленные атрибуты мужского господства, позволившие ему жить в согласии с патерналистскими общественными структурами и не в последнюю очередь — с патерналистски организованными рабочими партиями и профсоюзами. Многие указывает на то, что идеал “респектабельной семьи”, к которому стремились прежде всего квалифицированные рабочие, был связан с патриархальными представлениями.

В первой фазе индустриализации индивидуальная заработная плата большей частью была слишком низка, чтобы рабочий мог жить вне семейной взаимопомощи. В то же время наёмные рабочие, покидавшие родительские семьи, были вынуждены жить одиноко, снимая угол или койку. Тем самым они включались в хозяйство квартиросдатчика. Дома, которые брали постояльцев, семьи, в которых дети до наступления зрелости жили в родительском доме и своими заработками вносили существенный вклад в их обеспечение, облегчали переход к обществу наёмного труда. Гибкостью социальной формы, способностью компенсировать недостаточность доходов отдельных лиц рудиментами домашней экономики, солидарностью, позволявшей выжить во времена экономических кризисов, семья восполняла то, чего предприниматели лишили наёмных рабочих — средств, достаточных для её воспроизводства. Эта компенсация свойственных общественной системе дефицитов в процессе перехода к индустриальному обществу и в периоды экономических кризисов достигалась, как это было показано, прежде всего благодаря труду женщин, а также за счёт ограничения автономии личности в целом. В фазы роста реальных доходов вместе с остаточными формами экономики самообеспечения снижался уровень принуждения к коллективным способам жизнеобеспечения и к подчинению личности различным ограничителям, определяемым необходимостью группового выживания.

Этот исторический процесс ни в коей мере не был прямолинейным. В большинстве центральноевропейских стран реальные доходы росли в течение двух последних десятилетий XIX в. и в первом десятилетии XX в.¹, пока мировые войны и мировой экономический кризис не создали значительный дефицит доходов и не потребовали вернуться к экономике самообеспечения и коллективным формам выживания. Тем самым стремление личности к вступлению в брак, ведению собственного хозяйства и свободному выбору профессии, которое по меньшей мере в начальных своих формах могло быть реализовано, вновь отошло на второй план. Политико-экономическое понятие “свободного наёмного рабочего”, который продаёт

¹ Cp.: *Schneider R. Arbeiterhaushalt*, S. 121 ff.; *Mooser J. Arbeiterleben in Deutschland 1900–1970*. Frankfurt, 1984. S. 75. Tab. 10.

свою рабочую силу и не связан с одним-единственным хозяином, не должно вводить в заблуждение в том смысле, что на первых этапах своей истории наёмный рабочий хотя и был волен продать свою рабочую силу, но оставался связан старыми цепями домашнего жизнеобеспечения. Наёмный труд рабочего опосредовался рынком труда, но в сфере личного семейного воспроизводства многие рабочие до начала XX в. и во времена экономического кризиса начала 30-х гг., сразу после войны жили в типичной для доиндустриальной эпохи связи с солидарным семейным сообществом и остаточными формами мелкого сельскохозяйственного натурального труда. Таким образом, семьи наёмных работников всё время несли в себе феномен “рассогласованности во времени”: затраты рабочей силы на производстве, с одной стороны, ежедневное её восстановление в семье и воспроизводство поколений — с другой формировали хотя и взаимосвязанные, но разделённые сферы с неравномерным темпом развития. Вероятно, это обстоятельство не в последнюю очередь объясняет то, что процесс коллективной политической эмансипации в партиях и профсоюзах проходил быстрее, чем эмансипация женщин и детей в семье.

Воспроизводство людей в докапиталистических обществах было тесно связано с отношениями с окружающим природным миром, с существовавшими общностями и формами господства в них (помещичье хозяйство, крестьянская семья, деревня, цех). Поэтому доиндустриальные общества знали лишь ограниченный рост производительности труда. Работа была поэтому вполне достаточна для социализации детей. Не требовалось никаких особых руководимых специалистами учреждений для формирования новой смены (школ, расширенного профобразования). Семьи крестьян, ремесленников и рабочих-надомников были важнейшими формами организации опытно-практического обучения. С развитием капитализма в хозяйственной жизни усилилась специфика отдельных видов труда и различия требований к трудящимся (умственный и физический, квалифицированный и неквалифицированный труд). Тем самым профессиональное и общее образование ушло как из семьи, так и с места работы. Со второй половины XIX в. в процессе развития школьного образования помимо семьи возникли общественные образовательные учреждения, которые в чём-то конкурировали с семьёй, в чём-то предъявляли к ней новые требования (подготовка к школе, параллельная семейная педагогика). Семья, особенно низших слоёв общества, с начала XX в. оказалась в центре внимания вновь созданной “общественной благотворительности” и под контролем системы социального обеспечения, педагогики, юстиции и медицины. Исходя из имевшего широкую поддержку политического намерения приблизить семейные отношения рабочих к семейным отношениям

средних слоёв, буржуазные публицисты и политики, а также представители рабочего движения постоянно поднимали вопрос о нищенских жилищных условиях пролетариата и необходимости реформирования пролетарской семейной жизни. В глаза при этом бросались не отличия условий жизни рабочих-надомников и сельских низов от условий жизни городского пролетариата, а разница условий в буржуазной семье, служившей современным наблюдателям естественной моделью, и жизнью рабочих, о которой наблюдатели в основном знали лишь из социальных репортажей и отчётов первых социологов.

В представлениях современников ущербность семьи рабочего определялась нарушением её частной и личной жизни: рабочие из нужды пускали к себе постояльцев, приглашали родственников и друзей. Ущербность видели и в том, что большинство детей не имело отдельной кровати и обычно спало вместе с родителями. Особенно недопустимым считали образ жизни семей, в которых родители и дети делили спальню с посторонними. Отсутствие гигиены и скудное питание, плохой уход за младенцами и маленькими детьми, порождаемая этим высокая детская смертность были основными объектами движения за социальную гигиену, теснейшим образом связанного с целями и функциями идеологии семьи и полов. Введение всеобщего школьного обучения и законодательное запрещение детского труда, его внедрение в практику с большим запозданием, по сравнению с буржуазией, позволили и детям из рабочей среды стать детьми. Отношение родителей к детям во всё большей степени становилось эмоциональным и педагогичным. Воспитательные усилия родителей-рабочих в конце XIX в., насколько об этом можно судить по воспоминаниям рабочих, были направлены преимущественно на обеспечение порядка и послушания, прилежания и взаимопомощи. Лишь меньшинство рабочих было заинтересовано в социальном росте своих детей, не в последнюю очередь потому, что рабочая семья стремилась как можно раньше обрести в них содobyтчиков. Только небольшая часть сыновей рабочих, большей частью квалифицированных, смогла подняться в так называемый средний слой, т.е. в среду самостоятельных ремесленников, служащих и низших чиновников. И напротив, на протяжении XIX в. представители мелкой буржуазии опускались до уровня рабочих¹.

Как было показано, семья рабочего имеет решающее значение при анализе формировавшихся в процессе жизни, труда и общения взаимосвязей в среде промышленных наёмных рабочих. Семью рабочего следует понимать не как “выродившуюся разновидность” буржуазной или мелкобуржуазной семьи, а как семейный тип, имев-

¹ *Kocka J. Lohnarbeiten... S. 151.*

ший специфическое и важнейшее для класса промышленных рабочих значение, как социальный институт защиты от эксплуатации, угрозы потери работы, несчастных случаев, болезней и кризисов. Очевидно в то же время, что с ростом реальных доходов и усилением социальной защищённости всё большая часть индустриальных рабочих ориентировалась на мелкобуржуазные семейные отношения. В особенности это относится к рабочим, происходившим из семей ремесленников, и тем, кто преимущественно под влиянием социал-демократического рабочего движения воспринял буржуазный идеал семьи. С распространением принципа капиталистического наёмного труда как определяющего элемента семья рабочих всё сильнее отличалась от тех семейных форм, которые полностью или частично были связаны со “всем домом”. Тем самым, подобно развитию буржуазных семей, и рабочие переживали процессы индивидуализации выбора брачного партнёра и, после Второй мировой войны, — выбора профессии, а также педагогизации отношений между родителями и детьми. В связи с этим усиливались их отличия от семей рабочих-надомников и низших сельских слоёв, из которых вышла значительная часть промышленных рабочих. Со всей осторожностью, определяемой нынешним уровнем исследования проблемы, можно предположить, что следует выделить, с одной стороны, этап формирования семей рабочих до эпохи зрелой индустриализации, и, начиная с неё, этап её стабилизации, перехода в сферу частной личной жизни — с другой. Повышение уровня жизни и укрепление всё большего числа рабочих семей способствовали возникновению респектабельного слоя рабочих, которые старались отличаться от “бедных” (“люмпен-пролетариата”) прежде всего своими упорядоченными семейными отношениями.

С развитием производства и его интенсификацией возросло экономическое значение наёмных работников как потребителей. Капитализм обеспечил, с одной стороны, качественное расширение потребления, а с другой — он механизировал и автоматизировал всё большее число производственных процессов таким образом, что для массы производителей потребление стало доступным. Увеличение свободного времени, рост жизненных стандартов, более высокий уровень ожиданий позволили людям отнестись к семье как к автономной сфере. Разумеется, объективно она всё ещё оставалась в тесной зависимости от колебаний конъюнктуры рынков труда, товаров и услуг. Наёмные работники получили возможность распоряжаться дополнительным свободным временем. Это ни в коей мере не свидетельствовало об отчуждении их потребностей и подчинении их логике капиталистического производства, а было реальным достижением, связанным с социальной, духовной и физической автономией. Персонализация выбора партнёра, эмоционализация отно-

шений между супругами и между родителями и детьми, снижение числа детей в семье, более высокий уровень семейного потребления и образования членов семьи вместе с ростом надежд на счастье, наполнявшими свободное время и семейную жизнь, — всё это можно считать важнейшими характеристиками современной семьи, сформировавшимися в социальных классах в различном темпе и в различной степени.

В докапиталистических обществах граница между работой и неработой была расплывчатой. Этому соответствовало внутренне осознанное отношение к рабочему времени (“нравственное” рабочее время), которое определялось исключительно насущными требованиями производства, а не единицами измерения. В общем и целом докапиталистический труд был экстенсивным, тогда как труд в промышленности под давлением принципа максимизации капиталистической рентабельности подлежал всё большей интенсификации. Докапиталистическая семья не знала строгого разделения времени на рабочее и семейное: семейная жизнь во времени едва ли была отделима от рабочего дня; продолжительная работа была пронизана разнообразными формами восстановления сил и общения. С развитием промышленного производства, в котором участвовали рабочие, служащие и образованные буржуа, семейная жизнь, напротив, стала самостоятельной структурой повседневности. Она всё более обретала черты личной жизни. Семья оказалась “вторичным” сектором общественного производства в том смысле, что здесь производились не собственно товары и услуги, а воспроизводилась и восстанавливалась рабочая сила. Тем самым связь между производством и семьёй не была ликвидирована, но непосредственное включение семьи в производство, происходящее в доме, сменилось опосредованным включением, связанным с профессиональным трудом вне дома. Возросшая автономия и развившаяся специализация процесса социализации, восстановление физических и духовных сил и психологическая стабилизация принесли семье новую *взаимозависимость* и тесное переплетение функций с общественными сферами рынков труда и товаров, образования, политики и культуры. Разумеется, семья оставалась относительно замкнутой интимной сферой, в которой мог развиваться образ частной жизни и отношений. Отделение семьи от сфер общественного производства, образования и политики благоприятствовало индивидуализации субъекта. В то же время дифференциация семьи и общества не только расширила сферу частной жизни, но и закрепила за этой сферой гарантии выполнения общественных задач. Связь большей части рабочих с особенностями жизни в браке и семье в условиях отчуждённого наёмного труда ни в коей мере не порождает само собой понимающейся устойчивой мотивации и рабочей дисциплины. Большинство людей готово подчиняться производственной дисципли-

лине и это объясняется не в последнюю очередь тем, что они делают это “для своих семей”. Таким образом, политическая функция семьи по поддержанию порядка сегодня заключается более не во власти отца семейства над нижестоящими членами семьи, а в той мотивации к труду и достижениям, которую порождает семья и которую экономическая система не может создать “сама собой”. С этой точки зрения семья в её историческом отделении от сферы производства является фактором *долгосрочного устойчивого поддержания готовности к труду*¹.

С другой стороны, только историческое освобождение семьи от *непосредственного* подчинения требованиям производства обеспечивает достигнутые частным порядком перемены в социализации, регенерации и репродукции, в которых нуждается индустриальное общество. Процесс промышленного труда характеризуется отношениями производственной зависимости, которые в свою очередь формируют личные отношения и господство. Члены семьи, пережившей переход в сферу частной жизни, включены прежде всего в отношения личной зависимости и привязанности². При этом вещная зависимость сохраняется: неработающие жёны и дети зависят от мужчины-“кормильца” и подчиняются основанному на этом господству отца и супруга. Вещная зависимость сочетается с выросшей потребностью во взаимной помощи членов семьи. Эта связь вещной, эмоциональной и эротической форм зависимости гарантирует в целом необходимый для личности в индустриальном обществе уровень семейного труда по воспроизводству и поддержанию отношений.

Замужние женщины в последние десятилетия работают заметно больше. Тем самым социальная и экономическая зависимость жены от мужа снизилась. Работающие женщины в то же время выполняют подавляющую часть дел по воспроизводству в домашнем хозяйстве и психологически разгружают детей от школьных стрессов, а мужа — от производственных. Поэтому отношение жены к мужу всё ещё носит *служебный* характер, хотя большей частью и “преисполненный любви”. Как и прежде, удовлетворение объективных и субъективных потребностей “главного добытчика” имеет абсолютный приоритет над потребностями жены и детей. Патриархат вовсе ещё не преодолён. В любом случае, однако, патриархальные *базовые отношения* членов семьи, по сути своей социально-экономические и определяемые культурной традицией, перекрываются всё бо-

¹ С.: Tyrell H. Familie u. gesellschaftliche Differenzierung // Familie — wohin? / Hg. H. Pross. Reinbek, 1979. S. 30.

² Becker-Schmidt R. u.a. Familienarbeit im Proletarischen Lebenszusammenhang; Was es heißt, Hausfrau zu sein // Gesellschaft. Beiträge zur Marxschen Theorie. Frankfurt, 1981. № 14. S. 77.

лее партнёрскими *формами обращения*. Только меньшинству до сих пор удавалось так распределить репродуктивные обязанности в браке и семье, что они не вели к возникновению существенной зависимости жены и психосоциальному превращению женщины в служанку мужчины. Лишь с 70-х гг. нашего столетия в европейских индустриальных странах растёт число людей, хотя и остающихся в меньшинстве, которые в состоянии на базе высокопроизводительной экономики и высокоразвитого рынка товаров и услуг обеспечивать воспроизводство, не вступая в брак.

В семьях крестьян, ремесленников и рабочих-надомников производительный труд стоял в центре семейной жизни, связанные с воспроизводством работы по масштабу и качеству были подчинены его требованиям. В современных семьях наёмных работников домашний труд, деятельность, связанная с социализацией и поддержанием отношений стала главной. То, что субъективно представляется относительно автономной областью (поэтому многие женщины по-прежнему отдают предпочтение отчуждённому труду на производстве), в действительности определяется внесемейными факторами: воспроизводство, социализация и общение призваны в первую очередь гарантировать производство и репродукцию рабочей силы. В этом смысле современная, находящаяся в сфере частной жизни семья, выполняет двойную общественную функцию, которая и является её сущностью: она оберегает **жизнь индивида**, его трудовой потенциал и трудоспособность, **но при этом** находится под скрытым, лишь отчасти осознаваемым людьми диктатом рынка труда. Частный характер современной семьи выражает общественную определённость её формы.

Семья, подводя итог, ни в коей мере не подвержена только одностороннему влиянию общества. Разумеется, социальная структура и сущность семьи определяются соответствующим уровнем социально-экономического развития общества и принадлежностью к классам, слоям и среде. Но, с другой стороны, она постоянно порождает присущие классам и слоям общественные структуры, ежедневно регенерируя рабочую силу и воспроизводя новых работников и потребителей. Через семью определяется место личности в обществе. Будучи сама общественным институтом, она создаёт индивидов, которые готовы и в состоянии соответствовать господствующим общественным отношениям¹. В этом диалектическом понимании взаимоотношений семьи и общества познание истории семьи обретает собственное общественно-политическое значение.

¹ В качестве основы этому всё ещё актуально: *Horkheimer M. Allgemeiner Teil // Studien über Autorität u. Familie / Hg. ders. Paris, 1936. S. 51 ff.*

Избранная библиография

Библиография содержит краткую составленную автором подборку литературы по истории семьи в Западной и Центральной Европе начиная с XVIII в. и до наших дней.

1. Библиография и материалы исследований

- Anderson M.* Approaches to the History of the Western Family 1500–1914. London, 1980.
- Berkner L.K.* Recent Research of the History of the Family in Western Europe // *Journal of Marriage and the Family*. 1973, № 35. P. 395 ff.
- Hareven T.K.* Die Familie in historischer Perspektive. Laufende Arbeiten in England u. der Vereinigten Staaten // *Geschichte und Gesellschaft*. 1975. № 1. S. 370 ff.
- Hausen K.* Historische Familienforschung // *Historische Sozialwissenschaft*. Beiträge zur Einführung in die Forschungspraxis / Hg. R. Rürup. Cöttingen, 1977. S. 59 ff.
- Herrmann U.* u.a. Bibliographie zur Geschichte der Kindheit, Jugend und Familie. München, 1980.
- History of the Family and Kinship: A Select International Bibliography* / Ed. by G.L. Soliday. New York, 1980.
- Milden J.W.* The Family in Past Time. A Guide to the Literature. New York, 1977.

2. Сборники, документы и обзорная литература

- Arbeiterfamilien im Keisereich. Materialien zur Sozialgedchichte in Deutschland 1871–1914* / Hg. K. Saul, u.a. Königstein, 1982.
- Badinter E.* Die Mutterliebe. Geschichte eines Gefühls vom 17. Jh. bis heute. München, 1981.
- Die Familie in der Geschichte* / Hg. H. Reif. Göttingen, 1982.
- Ehe, Liebe, Tod. Zum Wandel der Familie, der Geschlecht- und Generationsbeziehungen in der Neuzeit* / Hg. P. Borscheid, H.J. Teutenberg. Münster, 1983.
- Familie zwischen Tradition u. Moderne. Studien zur Geschichte der Familit in Deutschland und Frankreich vom 16. bis zum 20. Jahrhundert* / Hg. N. Bulst, u.a. Göttingen, 1981.
- Family Forms in Historic Europe* / Ed. by R. Wall, a.o. Cambridge, 1983.
- Handbuch der Familien- und Jugendforschung* / Hg. Rosemarie Nave-Herz, Manfred Markefka. Bd. 1. Familienforschung. Neuwied, 1989.
- Histoire de la familie* / Sous la dir. A. Burguière, Ch. Klapnisch-Zuber, M. Segalen, F. Zonabend. Bd. 3. Le choc des modernités. Paris, 1986.
- Historische Familienforschung* / Hg. M. Mitterauer, R. Sieder. Frankfurt, 1982.
- Hubbard W.H.* Familiengeschichte. Materialien zur deutschen Familie seit dem Ende des 18. Jh. München, 1983.
- Kinderstuben. Wie Kinder zu Bauern, Bürgern, Aristokraten wurden 1700–1850* / Hg. J. Schlumbohm. München, 1983.

- Kocka J., u.a. Familie und soziale Plazierung. Studien zum Verhältnis von Familie, sozialer Mobilität und Heiratsverhalten im späten 18. u. 19. Jh. Köln — Opladen, 1980.*
- Mitterauer M. Familie und Arbeitstellung. Historisch vergleichende Studien. Wien, 1992.*
- Mitterauer M., Sieder R. Vom Patriarchat zur Partnerschaft. Zum Strukturwandel der Familie. München, 1984.*
- Peukert R. Familienformen im sozialen Wandel. Opladen, 1991.*
- Plakans A. Kinship in the Past. An Anthropology of European Family Life 1500–1900. Oxford, 1984.*
- Proletarianization and Family History / Ed. by D. Levine. Orlando, 1984.*
- Rosenbaum H. Formen der Familie. Untersuchungen zum Zusammenhang von Familienverhältnissen, Sozialstruktur und sozialen Wandel in der deutschen Gesellschaft des 19. Jahrhunderts. Frankfurt, 1982.*
- Schorter E. Die Geburt der modernen Familie. Hamburg, 1977.*
- Seminar: Familie und Gesellschaftsstruktur. Materialien zu den sozioökonomischen Bedingungen von Familienformen / Hg. H. Rosenbaum. Frankfurt, 1978.*
- Segalen M. Die Familie. Geschichte, Soziologie, Anthropologie. Frankfurt am Main — New York, 1989.*
- Sozialgeschichte der Familie in der Neuzeit Europas / Hg. W. Conze. Stuttgart, 1976.*
- The German Family. Essays on the Social History of the Family in 19th and 20th Century Germany / Ed. by R.J. Evans, W.R. Lee. London, 1981.*
- Tilly L.A., Scott J.W. Women, Work, and Family. New York, 1978.*

3. О крестьянской семье

- Bourdieu P. Marriage Strategies as Strategies of Social Reproduction // Family and Society. Selections from the Annales / Ed. by R. Forster, O. Ranum. Baltimore, 1976. P. 117 ff.*
- Familienstruktur und Arbeitorganisation in ländlichen Gesellschaft / Hg. J. Ehmer, M. Mitterauer. Wien, 1986.*
- Kashuba W., Lipp C. Dörfliches Überleben. Zur Geschichte materieller u. sozialer Reproduktion ländlicher Gesellschaften im 19. und 20. Jh. Tübingen, 1982.*
- Mitterauer M. Ledige Mütter. Zur Geschichte unehelicher Geburten in Europa. München, 1983.*
- Mitterauer M. Vorindustrielle Familienformen. Zur Funktionsentlastung des "ganzen Hauses" im 17. u. 18. Jh // Fürst, Bürger, Mensch. Untersuchungen zu politischen u. soziokulturellen Wandlungsprozessen im vorrevolutionären Europa / Hg. F. Engel-Janosi u.a. Wien, 1975. S. 123 ff.*
- Ortmayr N. Ländliches Gesinde in Oberösterreich 1918–1938 // Familienstruktur / Hg. J. Ehmer, M. Mitterauer. S. 325 ff.*
- Segalen M. Love and Power in the Peasant Family. Rural France in the 19th Century. Chicago, 1983.*
- The German Peasantry. Conflict and Community in Rural Society from the 18th to the 20th Centuries / Ed. by R.J. Evans, W.R. Lee. London — Sidney, 1986.*

Wiegelmann G. Bäuerliche Arbeitsteilung in Mittel- u. Nordeuropa — Konstanz oder Wandel? // *Ethnologia Scandinavica*. 1975. S. 5 ff.

4. О протоиндустриальной семье

- Braun R.* Industrialisierung und Volksleben. Veränderungen der Lebensformen unter Einwirkung der verlagsindustriellen Heimarbeit in einem ländlichen Industrialgebiet (Züricher Oberland) vor 1800. Göttingen, 1979.
- Kriedte P.* u.a. Industrialisierung vor der Industrialisierung. Gewerbliche Warenproduktion auf dem Land in der Formationsperiode des Kapitalismus. Göttingen, 1977.
- Medick H.* Familienwirtschaft als Kategorie einer historisch-politischen Ökonomie. Die hausindustrielle Familienwirtschaft in der Übergangsphase zum Kapitalismus // *Familienforschung* / Hg. M. Mitterauer, R. Sieder. S. 271 ff.
- Schneider R.* Der Arbeiterhaushalt im 18. u. 19. Jahrhundert. Dargestellt am Beispiel des Heim- und Fabrikarbeiters. Berlin 1967.
- Tanner A.* Arbeit, Haushalt u. Familie in Appenzell-Außerrhoden. Veränderungen in einem ländlichen Industriegebiet im 18. u. 19. Jahrhundert // *Familienstruktur* / Hg. J. Ehmer, M. Mitterauer. S. 449 ff.

5. О семье ремесленников

- Fischer W.* Das deutsche Handwerk in den Industrialisierung // *Fischer W.* Wirtschaft und Gesellschaft im Zeitalter der Industrialisierung. Cöttingen, 1972.
- Mitterauer M.* Zur familienbetrieblichen Struktur im zünftischen Handwerk // *Wirtschafts- u. sozialhistorische Beiträge* / Hg. H. Knittler. Festschrift für A. Hoffman. Wien, 1979. S. 190 ff.; Grundtypen alteuropäischer Sozialformen / Hg. H. Knittler. Stuttgart, 1979. S. 89 ff.
- Möller H.* Die kleinbürgerliche Familie im 18. Jh. Berlin. 1969.

6. О буржуазной семье

- Gerhard U.* Verhältnisse und Veränderungen. Frauenarbeit, Familie und Rechte der Frauen im 19. Jahrhundert. Frankfurt, 1978.
- Hausen K.* Die Polarisierung der "Geschlechtscharaktere" — Eine Spiegelung der Dissoziation von Erwerbs- und Familienleben // *Sozialgeschichte* / Hg. W. Conze. S. 363 ff.
- Hobsbawm E.* Die Welt des Bourgeois // *Hobsbawm E.* Die Blütezeit des Kapitals. Eine Kulturgeschichte der Jahre 1848–1875. München, 1977. S. 284 ff.
- Kocka J.* Familie, Unternehmer und Kapitalismus. An Beispielen aus der frühen deutschen Industrialisierung // *Familie* / Hg. H. Reif. S. 163 ff.
- Nell A.* Die Entwicklung der generativen Strukturen bürgerlicher und bäuerlicher Familien von 1750 bis zur Gegenwart. Diss. Bochum, 1973.
- Schlumbohm J.* Straße und Familie. Kollektive und individualisierende Formen der Sozialisation im kleinen und gehobenen Bürgertum Deutschlands um 1800 // *Zeitschrift für Pädagogik*. 1979, № 25. S. 697 ff.

7. О семье промышленных наёмных рабочих

- Anderson M.* Family Structure in 19th-Century Lancashire. Cambridge, 1971.
- Castell A.* Forschungsergebnisse zum gruppenspezifischen Wandel generativer Strukturen // Sozialgeschichte / Hg. W. Conze. S. 161 ff.
- Castell A.* Unterschichten im "demographischen Übergang". Historische Bedingungen des Wandels der ehelichen Fruchtbarkeit und der Säuglingssterblichkeit // Vom Elend der Handarbeit. Probleme historischer Unterschichtenforschung / Hg. H. Mommsen, W. Schulze. Stuttgart, 1981. S. 373 ff.
- Ehmer J.* Familienstruktur und Arbeitsorganisation im frühindustriellen Wien. Wien, 1980.
- Jurczyk K.* Frauenarbeit und Frauenrolle. Zum Zusammenhand von Familienpolitik u. Erwerbsarbeit in Deutschland 1918–1975. München, 1976.
- Niethammer L., Brüggemeier F.* Wie wohnten die Arbeiter im Kaiserreich? // Archiv für Sozialgeschichte. 1976. № 16. S. 61 ff.
- Scott J.W., Tilly L.A.* Familienökonomie und Industrialisierung in Europa // Archiv für Sozialgeschichte. 1976. № 16. S. 61 ff.
- Schmelter N.* Sociological History. The Industrial Revolution and the British Working-Class Family // Journal of Social History. 1967. № 1. P. 17 ff.
- Sieder R.* "Vata, derf i aufstehen?" Kindheitserfahrungen in Wiener Arbeiterfamilien um 1900 // Glücklich ist, wer vergißt..? Das andere Wien um 1900 / Hg. H.-C. Ehalt u.a. Wien, 1986. S. 39 ff.
- Tenfelde K.* Arbeiterhaushalt und Arbeiterbewegung 1850–1914 // Sozialwissenschaftliche Informationen für Unterricht und Studium. 1977. № 6. S. 160 ff.

8. Семьи наёмных рабочих после Первой мировой войны

- Baumert G., Hünninger E.* Deutsche Familien nach dem Kriege. Darmstadt, 1954.
- Berger K.* Zwischen Eintopf und Fließband. Frauenarbeit und Frauenbild im Faschismus. Österreich 1938–1945. Wien, 1984.
- Ehmer J.* Frauenarbeit und Arbeiterfamilie in Wien. Vom Vormärz bis 1934 // Geschichte und Gesellschaft. 1981. № 7. S. 438 ff.
- Einfeldt A.-K.* Auskommen — Durchkommen — Weiterkommen. Weibliche Arbeitserfahrungen in der Bergarbeiterkolonie // "Die Jahre weiß man nicht, wo man die heute hinsetzen soll". Faschismuserfahrungen im Ruhrgebiet / Hg. L. Niethammer. Bonn, 1983. S. 267 ff.
- Evans R.J.* Politics and the Family: Social Democracy and the Working-Class Family in Theory and Practice Before 1914 // German Family / Ed. by R.J. Evans, W.L. Lee. S. 256 ff.
- Meyer S., Schulze E.* Von Liebe sprach damals keiner. Familienalltag in der Nachkriegszeit. München, 1985.
- Pirhofer G., Sieder R.* Zur Konstitution der Arbeiterfamilie im Roten Wien. Familienpolitik, Kulturreform, Akktag u. Ästhetik // Familienforschung / Hg. M. Mitterauer, R. Sieder. S. 326 ff.
- Schelsky H.* Wandlungen der Deutschen Familie in der Gegenwart. Stuttgart, 1967.
- Schütze Y., Geulen D.* Die "Nachkriegskinder" und die "Konsumkinder". Kindheitsverläufe zweier Generationen // Oreuss-Lausitz U. u.a. Kriegskinder, Konsumkinder, Kriesenkinder. Zur Sozialisationsgeschichte seit dem Zweiten Weltkrieg. Weinheim, 1983. S. 29 ff.

9. О развитии семьи с шестидесятых годов

- Becker-Schmidt R.* u.a. Familienarbeit im Proletarischen Lebenszusammenhang: Was es heißt, Hausfrau zu sein // Gesellschaft. Beiträge zur Marxschen Theorie 14. Frankfurt, 1981. S. 75–96.
- Bericht über die Lage der Familien i.d. Bundesrepublik Deutschland. Erster Familienbericht. Bonn, 1968.
- Bericht über die Situation der Familie in Österreich / Hg. Bundeskanzleramt. Wien, 1975.
- Bericht über die Situation der Familie in Österreich (Familienbericht 1979) / Hg. Bundeskanzleramt. Wien, 1979.
- Bericht über die Situation der Frau in Österreich (Frauenbericht 1985) / Heft 1: Weibliche Lebensformen. Wien, 1985.
- Bundesminister f. Jugend, Familie und Gesundheit. Zweiter Familienbericht. Bonn/Bad Godesberg, 1975.
- Claessens D., Menne F.W.* Zur Dynamik der bürgerliche Familie und ihrer möglichen Alternativen // Soziologie der Familie / Hg. G. Lüschen, E. Lupri; Sonderheft 14 der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1970. S. 169–198.
- Council of Europe. Recent Demographies Developments in the Member States of the Council of Europe. Straßburg, 1986.
- Cyprian G.* Sozialisation in Wohngemeinschaften. Eine empirische Untersuchung ihrer strukturelle Bedingungen. Stuttgart, 1978.
- Die Lage der Familien in der Bundesrepublik Deutschland, Dritter Familienbericht. Bonn/Bad Godesberg, 1979.
- Familie und Arbeitswelt. Gutachten des wissenschaftlichen Beirats für Familienfragen beim bundesminister f. Jugend, Familie u. Gesundheit / Schriftenreihe des BM f. Jugend, Familie u. Gesundheit. Bd. 143. Stuttgart, o.J.
- Familien: Lebensformen für Kinder / Hg. H. Bertram u.a. Weinheim, 1993.
- Generationsbeziehungen in "postmodernen" Gesellschaften. Analysen zum Verhältnis von Individuum, Familie, Staat und Gesellschaft / Hg. K. Lüscher, F. Schutheis. 2. Aufl., Konstanz, 1995.
- Jugend '81. Studie im Auftrag des Jugendwerkes der Deutschen Shell. Hamburg, 1981.
- Kaufmann F.-X.* Zukunft der Familie. Stabilität, Stabilitätskrisen und Wandel familiärer Lebensformen sowie ihre gesellschaftlichen und politischen Bedingungen. München, 1988.
- König R.* Soziologie der Familie // ders. Hg. Handbuch der Empirischen Sozialforschung. Bd. 7. Stuttgart, 1976.
- König R.* Die Familie der Gegenwart. Ein interkulturel Vergleich. München, 1974.
- Milhoffer P.* Familie und Klasse. Ein Beitrag zu den politischen Konsequenzen familiärer Sozialisation. Frankfurt, 1973.
- Neihardt F.* Die Familie in Deutschland. Opladen, 1975.
- Tyrell H.* Familie und gesellschaftliche Differenzierung // Familie — wochin? Leistungen, Leistungsdefizite und Leistungswandlungen der Familien in hochindustrialisierten Gesellschaften / Hg. H. Pross. Reinbek, 1979. S. 13–17.

*10. Журналы, в которых часто публикуются статьи
по истории семьи*

Annales E.S.C.

Annales de Démographie Historique

Geschichte u. Gesellschaft

Journal of Family History

The Journal of Interdisciplinary History

Journal of Social History

Community and Change

Oral History. The Journal of the History Society

Ethnologia Europaea.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕМЬЯ: “МАЛЕНЬКОЕ ЗЕРКАЛО БОЛЬШОГО ОБЩЕСТВА” ...	3
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
I. КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ	10
1. О расслоении сельских обществ	12
2. Об экономике крестьянского домашнего хозяйства	15
3. Разделение труда, рынок и супружеская власть	27
4. Дети и подростки	36
5. Батраки	46
6. Сексуальность, выбор партнёра и брак	58
7. Подёнщик (инвонер и хэуслер)	61
8. Старики на выделе	63
II. СЕМЬИ СЕЛЬСКИХ РАБОЧИХ-НАДОМНИКОВ	72
1. Об экономике домашней промышленности	72
2. О материальном положении надомных рабочих	77
3. Выбор партнёра, вступление в брак и супружеская жизнь	82
4. Взаимоотношения полов и сельская молодёжная культура	86
5. Роли полов и разделение труда	89
6. Отношения потребления	91
7. Дети надомных рабочих	94
8. Жилищные условия	98
III. СЕМЬИ РЕМЕСЛЕННИКОВ	103
1. Об экономике цехового ремесла	103
2. Выбор партнёра, брак и супружеская власть	111
3. Дети	115
4. Взаимоотношения полов в среде ремесленников	120
5. Тенденции развития в XIX столетии	121
IV. БУРЖУАЗНАЯ СЕМЬЯ	124
1. Об экономике буржуазной семьи конца XVIII столетия	125
2. Буржуазный идеал любви и брака	128
3. Дети	133
4. Буржуазное жилище	137
5. Тенденции развития в XIX столетии	138
V. СЕМЬИ ПРОМЫШЛЕННЫХ НАЁМНЫХ РАБОЧИХ	143
1. О возникновении промышленного наёмного труда	143
2. Влияние промышленной революции на семейную жизнь: связи и разрывы	145
3. Семьи фабричных рабочих	178

VI. СЕМЬИ НАЁМНЫХ РАБОЧИХ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	208
1. Военные и послевоенные годы	208
2. Социальное государство, социал-демократия и семья в 20-е годы	211
3. Мировой экономический кризис и безработица	223
4. Семья при национал-социализме	227
5. После войны: от руин к экономическому чуду	236
VII. “ЗОЛОТОЙ ВЕК” И КРИЗИС СЕМЬИ С 1960 ГОДА ДО НАШИХ ДНЕЙ	243
1. Женский труд и ролевые стереотипы	243
2. Семья и социальное неравенство	249
3. Тенденция к “супружеской семье”	253
4. Сокращение рождаемости	257
5. Увеличение числа разводов	261
6. Альтернативы браку и семье	270
7. Есть ли у семьи будущее?	280
ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, УТРАТА ТРАДИЦИЙ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ	285
Ибранная библиография	295

Райнхард Зидер

**СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЕМЬИ
в Западной и Центральной Европе
(конец XVIII — XX вв.)**

Зав. редакцией *Т.А. Савчук*
Редактор *О.К. Смирнова*
Художник обложки *В.А. Фёдоров*
Компьютерная вёрстка *Ф.П. Дорохов*

Лицензия ЛР № 064380 от 4.01.96 г.
Сдано в набор 30.01.97. Подписано в печать 31.03.97.
Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,00.
Тираж 20 000 экз. Заказ 2867.

"Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС".
117571, Москва, просп. Вернадского, 88,
Московский педагогический государственный университет,
тел./факс: 932-56-19, тел.: 437-99-98.

Отпечатано в ГУИПП «Курск»
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.